ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА КАРЛА V.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА КАРЛА V,

СЪ

ОПИСАНІЕМЪ УСТРОЕНІЯ ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ЕВРОПѢ,

ОТЪ РАЗРУШЕНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДО НАЧАЛА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬГЕЛЬМА РОБЕРТСОНА,

Доктора Богословія, Ректора Эдинбуржскаго Университета, Историографа Шотландіи.

Переводъ съ Англійскаго

ИВАНА БАРЫШОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. П. Бургъ, 9го Іюля 1835 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФУ

СЕРГІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

СТРОГАНОВУ,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ,

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ,

СЕНАТОРУ,

МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

ПОПЕЧИТЕЛЮ

И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

съ глубочайшею признательностію и уваженіемъ посвящаетъ трудъ свой

Переводчикъ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Осмѣливаюсь представить Вашему Величеству Исторію, которая не была бы недостойна вниманія Монарха, какъ судіи и покровителя заслугъ, оказываемыхъ Словесности, если бы дарованія сочинителя соотвѣтствовали важности предмета.

Преимущество Исторіи состоитъ въ наученіи Государей и народовъ. Мнѣ не слѣдуетъ заключать, какія размышленія возбудитъ въ умѣ Вашего Величества государствованіе Карла V^го. Но подданные Ваши, читая о бѣдствіяхъ, которымъ честолюбіе этого Монарха, искавшаго славы завоевателя, подвергло

его владѣнія, будутъ чувствовать настоящее свое благополучіе, будутъ признательны къ своему Государю, который въ цвѣтѣ юности и на поприщѣ побѣдъ такъ обладалъ собою и сохранилъ такую зрѣлость сужденія, что самъ положилъ предѣлъ торжествамъ своимъ и предпочелъ блага мира блеску военной славы.

Потомство не только превознесетъ мудрость этого предпочтенія, но исчислитъ и всѣ добродѣтели, содѣлывающія царствованіе Ваше знаменитымъ по священному соблюденію всѣхъ обязанностей, лежащихъ на Государѣ Британскаго народа.

Мы имѣемъ счастіе чувствовать вліяніе этихъ добродѣтелей и жить подъ властію Монарха, предпочитающаго заботы о благѣ общественномъ принятію достойной хвалы за свои щедроты. Имѣю честь быть

ВАШЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

ВИЛЬГЕЛЬМЪ РОБЕРТСОНЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одного періода въ Исторіи своего отечества нельзя назвать совершенно незанимательнымъ. Дѣла, клонящіяся къ объясненію перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, законодательствѣ и нравахъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Даже постороннія и маловажныя происшествія возбуждаютъ любопытство, которое свойственно уму человѣческому и которое удовлетворять намъ пріятно.

Но относительно Исторіи чужихъ Государствъ любознательность должна имѣть другіе предѣлы. Всемѣстные успѣхи просвѣщенія въ послѣднія два столѣтія, книгопечатаніе и другія извѣстныя причины размножили въ Европѣ Исторіи и огромныя собранія историческихъ матеріаловъ въ такомъ количествѣ, что, по краткости человѣческой жизни, не возможно не только изучить, но даже перечитать ихъ. Поэтому какъ для людей, управляющихъ государственными дѣлами, такъ и для тѣхъ, которые размышляютъ объ ихъ причинахъ и вліяніи, необходимо довольствоваться общимъ познаніемъ отдаленныхъ происшествій и ограничиться подробнымъ изученіемъ Исторіи съ того времени, когда Европейскія Государства вошли въ тѣсныя связи между собою, когда дѣйствія каждаго изъ нихъ стали для всѣхъ ощутительны

и получили вліяніе на ихъ политику и предпріятія.

Слѣдовало опредѣлить то время, до котораго Государства, по слабости взаимныхъ сношеній, существовали отдѣльно, послѣ же котораго жизнь каждаго значительнаго народа въ Европѣ стала уже для всѣхъ занимательною и поучительною. Съ этою цѣлію я рѣшился написать Исторію Императора Карла V. Въ его правленіе Европейскія Государства образовались въ одну великую политическую систему, гдѣ каждое изъ нихъ заняло опредѣленное мѣсто, которое съ того времени и удерживаетъ, испытавъ не столько перемѣнъ, сколько ихъ надлежало бы ожидать послѣ потрясеній, произведенныхъ множествомъ внутреннихъ переворотовъ и внѣшнихъ войнъ. Сила важныхъ событій, тогда совершившихся, еще и теперь не истощилась. Политическія правила, тогда установленныя, еще продолжаютъ дѣйствовать. Понятія о равновѣсіи въ могуществѣ, принятыя въ то время, и до сихъ поръ имѣютъ вліяніе на политику народовъ.

Вотъ почему вѣкъ Карла V можно почитать временемъ, въ которое начало преобразоваться политическое состояніе Европы. Описывая этотъ вѣкъ, я старался начертать введеніе въ слѣдующую за нимъ Исторію Европы. Такъ какъ многіе біографы описываютъ личныя качества и дѣянія Карла V; такъ какъ историки различныхъ народовъ упоминаютъ о происшествіяхъ его времени, имѣвшихъ мѣстныя и

непродолжительныя послѣдствія; то я принялъ намѣреніе повѣствовать лишь о тѣхъ важныхъ событіяхъ въ его правленіе, вліяніе которыхъ было всеобщее и теперь еще продолжается.

Зная, что для моихъ читателей Исторія о Карлѣ V была бы мало поучительна безъ свѣденій о состояніи Европы до XVI столѣтія, я написалъ предварительный Томъ, гдѣ старался показать и изложить главныя причины и событія, которыя произвели всѣ улучшенія въ политическомъ состояніи Европы отъ разрушенія Римской Имперіи до начала XVI столѣтія. Я изобразилъ не только внутреннее управленіе, законы и нравы гражданскихъ обществъ въ Европѣ, но и постепенное пріобрѣтеніе власти надъ народною силою, необходимою при внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и описалъ политическое устройство главныхъ Европейскихъ Государствъ около того времени, когда Карлъ V началъ царствовать.

Въ этой части моего сочиненія я входилъ въ нѣкоторыя разсужденія, болѣе принадлежащія къ области законовѣдца или антикварія, нежели историка. Я помѣстилъ ихъ въ концѣ перваго тома подъ именемъ доказательствъ и объясненій. Многіе изъ моихъ читателей, вѣроятно, мало обратятъ вниманія на эти изслѣдованія. Иные, можетъ быть, найдутъ въ нихъ самую любопытную и занимательную часть моего сочиненія. Я съ точностію указывалъ источники, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія, и такъ подробно означалъ ссылки на

писателей, которыми пользовался, что это можетъ показаться тщеславіемъ, еслибъ только возможно было хвалиться чтеніемъ книгъ, изъ которыхъ многія заставляла меня раскрывать единственно обязанность тщательно изслѣдовать все, издаваемое въ свѣтъ. Какъ изысканія мои заводили меня часто на стези темныя и рѣдко посѣщаемыя; то постоянное обращеніе къ писателямъ, которыхъ я держался, было не только необходимо для удостовѣренія въ основныхъ причинахъ моихъ сужденій, но и полезно для руководства послѣдующихъ по одному со мною пути, доставляя имъ возможность производить свои изслѣдованія легче и успѣшнѣе.

Каждый догадливый читатель замѣтитъ въ моемъ сочиненіи одинъ пропускъ, причину котораго нужно объяснить. Я ничего не сказалъ о завоеваніи Мексики и Перу, объ учрежденіи Испанскихъ колоній на твердой землѣ и островахъ Америки. Сперва я намѣревался довольно подробно говорить объ этихъ происшествіяхъ; но, разсудивъ внимательнѣе, убѣдился, что открытіе Новаго Свѣта, образъ жизни древнихъ его обитателей, характеръ ихъ, нравы и просвѣщеніе, виды, съ которыми Европейцы заводили тамъ поселенія, и вліяніе этихъ поселеній на политику и торговлю въ Европѣ — предметы такіе блистательные и важные, что поверхностный обзоръ ихъ былъ бы неудовлетворителенъ, а пространное изложеніе, какого они заслуживаютъ, составило бы отступленіе, несораз-

мѣрное съ главнымъ предметомъ моего сочиненія, и потому я оставилъ это для особой Исторіи, которую предполагаю написать, если публика одобритъ сочиненіе, теперь ей предлагаемое.

Хотя, пропуская эту важную, но отдѣльную часть въ государствованіи Карла V, я и ограничилъ свое повѣствованіе предѣлами, болѣе тѣсными; однако увѣренъ, что, по изложенію цѣли и свойства моихъ трудовъ, которое я почелъ необходимымъ представить читателямъ, планъ мой все еще покажется имъ весьма обширнымъ и предпріятіе — очень смѣлымъ. Часто я самъ это чувствовалъ, но убѣжденіе въ пользѣ такой Исторіи поддерживало мое мужество. Теперь публика можетъ судить, съ какимъ успѣхомъ я трудился. Ожидаю съ безпокойствомъ ея приговора, которому покорюсь въ почтительномъ молчаніи.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

УСТРОЕНІЕ

ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ЕВРОПѢ,

ОТЪ

РАЗРУШЕНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

ДО

НАЧАЛА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Правленіе, законы и нравы.

Два великіе переворота совершились въ политическомъ состояніи и нравахъ Европейскихъ народовъ. Одинъ произвело распространеніе Римскаго владычества, другой—паденіе Римской Имперіи. Когда страсть къ завоеваніямъ увлекла Римскія войска за Альпы; то во всѣхъ странахъ, подвергавшихся нападеніямъ ихъ, они встрѣчали народы, которые называли варварами, народы храбрые и независимые, упорно защищавшіе древнее свое достояніе. Искусствомъ военнымъ, а не мужествомъ Римляне брали верхъ надъ ними. Одна битва не рѣшала, какъ въ изнѣженной Азіи, судьбы государства. Побѣжденные съ новымъ жаромъ поднимали оружіе, и отчаянная храбрость ихъ, одушевленная любовію къ свободѣ, замѣняла недо-

статокъ опытности и согласія. Во время этой продолжительной и свирѣпой борьбы за преобладаніе и независимость Европейскія страны были постепенно опустошены; большая часть жителей легла на полѣ брани; многіе уведены были въ рабство; остальные же, по слабости неспособные къ дальнѣйшему сопротивленію, покорились Римлянамъ.

Римляне, такимъ образомъ опустошивъ Европу, занялись ея образованіемъ. Правленіе, введенное ими въ завоеванныхъ областяхъ, было хотя и строго, но благоразумно и обезпечивало общественное спокойствіе. Какъ бы въ утѣшеніе за потерю свободы, они сообщили собственныя науки, искусства, языкъ и обычаи новымъ подданнымъ. Европа стала отдыхать и укрѣпляться послѣ претерпѣнныхъ бѣдствій; оживилось земледѣліе, возрасла населенность, разрушенные города были возстановлены и построены новые; тѣнь благоденствія отчасти закрыла ужасные слѣды, оставленные войною.

Впрочемъ такое состояніе никакъ не могло назваться счастливымъ и благопріятствовать успѣхамъ ума человѣческаго. Побѣдители отняли у побѣжденныхъ оружіе и держали ихъ въ страхѣ наемнымъ войскомъ; предали ихъ, какъ добычу, грабительству алчныхъ правителей; разорили непомѣрными налогами и пріучили раболѣпствовать передъ собою тѣмъ скорѣе, что самые предпріимчивые изъ покоренныхъ, оставляя своихъ одноземцевъ, переселялись въ Римъ искать счастія. Въ этомъ угнетеніи едва ли можно было сохранить душевную твердость и благородство. Воинственный и независимый духъ исчезъ во всѣхъ народахъ, носившихъ иго Римское; они не только отвыкли дѣйствовать по внушенію собствен-

наго разума, но даже потеряли къ тому способность. Такимъ образомъ владычество Римлянъ унизило родъ человѣческій (1).

Гражданское общество не могло долго существовать въ этомъ положеніи. Римское правленіе и въ совершеннѣйшемъ видѣ своемъ имѣло недостатки, грозившіе ему погибелью. Время дало созрѣть начальнымъ сѣмянамъ разрушенія и произвести много новыхъ безпорядковъ. Государственное зданіе нестройное, шаткое, долженствовало пасть само собою, безъ всякихъ внѣшнихъ ударовъ. Стремительное вторженіе Готовъ, Вандаловъ, Гуновъ и другихъ варваровъ приблизило это событіе и ускорило паденіе Имперіи. Казалось, что новыя племена являлись изъ невѣдомыхъ странъ для отмщенія Римлянамъ за бѣдствія, нанесенныя ими роду человѣческому. Свирѣпые пришельцы частію обитали въ Германіи, частію были разсѣяны на обширномъ пространствѣ сѣверной Европы и сѣверозападной Азіи, которое нынѣ занимаютъ Датчане, Шведы, Поляки, подданные Россійской Имперіи и Татары. Образъ ихъ жизни и дѣла до вторженія въ Имперію очень мало извѣстны. Всѣ наши свѣдѣнія объ этихъ народахъ заимствованы отъ Римлянъ; но какъ Римляне не могли далеко проникнуть въ земли, тогда еще дикія и негостепріимныя, то и отчеты о первобытномъ ихъ состояніи весьма несовершенны. Сами же варвары, непросвѣщенные, не сохранявшіе преданій, не имѣвшіе ни досуга, ни любопытства заниматься давноминувшими событіями, можетъ быть сбивчиво помнили только недавнія происше-

---

(1) Замѣчаніе I.

ствія, кромѣ которыхъ все предавалось забвенію, или было темно и баснословно (1).

Несмѣтная многочисленность народовъ, вторгавшихся въ Имперію отъ начала четвертаго вѣка до послѣдняго конца владычества Римскаго, подала поводъ къ заключенію, будто бы земли, откуда они выходили, переполнены жителями; составились даже различныя теоріи для объясненія чрезвычайной ихъ населенности, по которой онѣ получили имя *заготовительницъ народовъ*. Но разсудивъ, что онѣ занимали великое пространство, что большая часть его была покрыта лѣсами и болотами, что славнѣйшіе изъ варваровъ жили единственно охотою, или скотоводствомъ — промыслами, требующими весьма много земли для содержанія немногихъ людей — и что всѣмъ имъ неизвѣстна была промышленность, безъ которой населенность не можетъ значительно возрасти; мы ясно увидимъ, что тѣ страны не могли быть такъ многолюдны въ древности, какъ въ наше время, хотя онѣ и теперь населены менѣе другихъ частей Европы и Азіи.

Но, препятствуя размноженію варваровъ, эти обстоятельства вселяли и поддерживали въ нихъ воинственный духъ, которымъ они отличались. Привыкши по суровости климата и бѣдности почвы къ трудамъ, укрѣпляющимъ тѣло и душу; будучи всегда готовы къ набѣгамъ по образу жизни своей, и презирая всякое занятіе, кромѣ войны, варвары предпринимали и совершали военныя предпріятія съ такою пылкостію и быстротою, о которыхъ люди образованнѣйшихъ временъ едва-ли могутъ составить понятіе (2).

---

(1) Замѣчаніе II.

(2) Замѣчаніе III.

Первые набѣги ихъ на Имперію происходили не столько отъ нужды переселяться, сколько отъ страсти къ грабежу. Вооружась по зову любимаго, смѣлаго предводителя, они выбѣгали изъ лѣсовъ, бросались на пограничныя области съ непреодолимою яростію, убивали всѣхъ, кто смѣлъ имъ противиться, похищали у жителей драгоцѣннѣйшее имущество, влекли въ цѣпяхъ по слѣдамъ своимъ тысячи плѣнныхъ, истребляли все предъ собою огнемъ и мечемъ и возвращались, торжествуя, въ свои лѣса и пустыни. Такой успѣхъ вмѣстѣ съ разсказами о неизвѣстныхъ между ими выгодахъ и удовольствіяхъ, которыми наслаждались въ странахъ обработанныхъ, въ климатѣ менѣе суровомъ, нежели ихъ отечественный, производилъ новыхъ выходцевъ, и границы подвергались новымъ опустошеніямъ.

Когда нечего было грабить въ сосѣднихъ областяхъ, разоренныхъ частыми набѣгами, то варвары пускались далѣе отъ жилищъ своихъ; но видя неудобство и опасность возвратнаго пути, начали селиться въ своихъ завоеваніяхъ. Прекратились внезапные и кратковременные набѣги ихъ за добычею, которые тревожили Имперію; стало угрожать бѣдствіе болѣе ужасное. Многочисленныя толпы вооруженныхъ людей съ женами, дѣтьми, невольниками и стадами начали являться въ Римскихъ владѣніяхъ для выбора себѣ новыхъ поселеній. Народы, у которыхъ не было городовъ и которые рѣдко имѣли жилище постоянное, чувствовали такъ мало привязанности къ своей родинѣ, что скитались безъ отвращенія изъ одного мѣста въ другое. За ними слѣдовали новые выходцы, оставлявшіе свои земли для племенъ обитавшихъ далѣе. Въ свою очередь эти племена проникали въ страны болѣе плодородныя, стреми-

лись, подобно потоку, которой непрестанно растетъ и все уноситъ въ своемъ теченіи. Менѣе, нежели въ двѣсти лѣтъ отъ перваго нашествія, варвары, различные именемъ и языкомъ, опустошили и заняли Ѳракію, Паннонію, Галлію, Испанію, Африку, а напослѣдокъ Италію и самый Римъ. Необъятное зданіе Римской Имперіи, вѣками воздвигнутое, разрушено было въ это краткое время до основанія.

Стеченіе многихъ обстоятельствъ приготовило этотъ великій переворотъ и способствовало успѣхамъ народовъ, нападавшихъ на Имперію. Римляне достигли всемірнаго обладанія искусствомъ политики и строгимъ военнымъ устройствомъ. Императоры не радѣли о первой, и постепенно ослабили послѣднее. Войска Имперіи въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ едва походили на тѣ непобѣдимые легіоны, которые вездѣ сопровождала побѣда. Вмѣсто вольныхъ людей, охотно принимавшихъ оружіе изъ любви къ славѣ и отечеству, въ службу набирались жители провинцій и варвары. Они были такъ слабы и горды, что не хотѣли нести бремени военной должности. Они жаловались даже на несносную тяжесть оборонительнаго оружія и оставили его. Пѣхота, главная сила древняго Рима, впала въ презрѣніе; изнѣженные воины послѣднихъ временъ, незнавшіе службы, только на коняхъ отваживались вступать въ сраженіе. И однако эти жалкія войска были единственными стражами Имперіи. Подозрительность Императоровъ лишила народъ оружія, и подданные въ угнетеніи, безъ всякихъ способовъ къ собственной защитѣ, не имѣли ни духа, ни желанія противиться нападавшимъ на нихъ варварамъ, которыхъ и мало страшились, потому что они едва ли могли сдѣлать положеніе ихъ

несчастнѣе. Съ упадкомъ воинскаго духа уменьшились и доходы Имперіи. Пристрастіе къ восточной роскоши до того усилилось при Дворѣ Императорскомъ, что груды золота стали переходить въ Индію безъ возврата. Богатыя дани варварскимъ народамъ вывели еще бо́льшее количество денегъ изъ обращенія. Пограничныя области, опустошенныя частыми набѣгами, стали не въ силахъ платить обычной подати, и всемірное богатство, которое долго сосредоточивалось въ столицѣ Имперіи, перестало притекать въ нее съ прежнимъ обиліемъ, получило новое направленіе. Предѣлы Имперіи все еще простирались столь же далеко, какъ прежде; а духъ, потребный для ея защиты, упалъ и средства ея были истощены. Подобно огромному, изнемогшему, почти мертвому тѣлу, она стала неспособна къ малѣйшему усилію для своего спасенія, и легко была преодолѣваема. Императоры, имѣвшіе неограниченную власть надъ этимъ нестройнымъ колоссомъ; но, незнакомые съ войною и не вѣдавшіе дѣлъ государственныхъ, предавались упоенію восточной роскоши въ стѣнахъ дворцовъ своихъ. Покорные волѣ женщинъ и евнуховъ, или министровъ, разслабленныхъ нѣгою, они трепетали при видѣ опасности, и въ обстоятельствахъ, которыя требовали величайшей бодрости въ совѣтѣ и на дѣлѣ, обнаруживали всю немощность малодушной робости и слабоумія.

Состоянію Римлянъ во всѣхъ отношеніяхъ было противоположно состояніе варварскихъ народовъ. У нихъ воинственный духъ находился въ полной силѣ, начальники отличались отвагой и предпріимчивостью; искусства, изнѣжившія Римлянъ, были неизвѣстны; войско, по свойству ратныхъ учрежденій, набиралось легко, и его содер-

жаніе стоило не дорого. Робкіе наемники, охранявшіе границы, въ ужасѣ отъ свирѣпости варварскихъ полчищъ или бѣжали предъ ними, или истреблялись при первой встрѣчѣ. Малодушное средство, къ которому прибѣгли Императоры, наемъ варваровъ для отраженія новыхъ пришельцевъ, вмѣсто замедленія, ускорило только паденіе Имперіи. Избранные защитники въ непродолжительномъ времени обратили оружіе противъ своихъ повелителей, и тѣмъ съ бо́льшею выгодою, что служба въ войскѣ Римлянъ доставила имъ случай перенять ихъ военное искусство, съ которымъ они при своемъ природномъ звѣрствѣ стали совершенно непобѣдимы.

Но хотя эта причина и многія другія сообщили завоеваніямъ варваровъ быстроту необыкновенную, однако ужасныя опустошенія и неимовѣрная гибель людей сопровождали ихъ побѣды. Образованные народы, поднимающіе оружіе по здравомъ размышленіи, по расчетамъ благоразумія, съ намѣреніемъ отвратить угрожающую опасность, или предупредить какое-нибудь отдаленное несчастіе, производятъ непріятельскія дѣйствія съ такимъ умѣреннымъ ожесточеніемъ, что война теряетъ между ими половину своихъ ужасовъ. Варвары чужды этихъ утонченностей. Они неистово начинаютъ войну и продолжаютъ ее съ остервѣненіемъ. Единственная цѣль ихъ: дать врагамъ почувствовать всю тяжесть своего мщенія и насытить лютость свою, дѣлая имъ зло всевозможное. Съ такимъ духомъ воюютъ между собою дикія племена въ Америкѣ. Съ такимъ духомъ болѣе могущественные и равно свирѣпые варвары сѣверной Европы и Азіи нападали на Римскую Имперію.

Потоки пролитой крови и опустошенія указывали путь ихъ. Они не различали святыни отъ вещей обыкновенныхъ, не щадили ни сана, ни пола, ни возраста. Что̀ избѣгало погибели въ первое нашествіе, истреблялось въ другія. Самыя плодородныя и населенныя области превращены были въ степи, покрытыя развалинами весей и городовъ, доставлявшихъ пріютъ малому числу несчастныхъ жителей, которыхъ сберегъ случай, или помиловалъ вражій мечь, пресыщенный кровію. Завоеватели, селившіеся въ разоренныхъ земляхъ, изгонялись новыми завоевателями еще болѣе алчными и свирѣпыми; потому что они жили въ странахъ болѣе удаленныхъ отъ образованнаго міра. Новыя бѣдствія постигали человѣчество, и тогда только прекратились, когда сѣверъ отъ постепеннаго изверженія различныхъ народовъ почти обезлюдѣлъ, не могъ уже производить истребителей. Голодъ и моръ, всегда идущіе въ слѣдъ за войною, когда она такъ ужасно свирѣпствуетъ, распространились по Европѣ и дополнили мѣру страданій ея. Если бы требовалось назначить время изъ всемірной Исторіи, въ продолженіе котораго родъ человѣческій находился въ самомъ бѣдственномъ и отчаянномъ положеніи; то можно бы, не колеблясь, указать на періодъ, простирающійся отъ Ѳеодосія Великаго до утвержденія Ломбардовъ въ Италіи (1). Современные писатели, очевидцы страшныхъ дѣлъ той поры, не находятъ словъ для описанія всѣхъ ея ужасовъ. *Бичь Божій, истребитель народовъ* — вотъ грозныя проименованія, которыми они отличаютъ

(1) Ѳеодосій умеръ въ 395 году по Р. Х. Албоинъ началъ царствовать въ Ломбардіи спустя 571 г. отъ Р. Х.; слѣд. этотъ періодъ заключаетъ въ себѣ 176 лѣтъ.

извѣстнѣйшаго между вождями варваровъ, и сравниваютъ вредъ, нанесенный ими, съ послѣдствіями отъ землетрясеній, пожаровъ и наводненій, самыхъ гибельныхъ бѣдствій, представляемыхъ воображеніемъ человѣка.

Но ничто не дастъ внимательному наблюдателю такого совершеннаго понятія о разрушительныхъ успѣхахъ варварскаго оружія, какъ перемѣны, которыя поразятъ его при обозрѣніи цѣлаго переворота въ состояніи Европы, когда она стала нѣсколько успокоиваться въ концѣ шестаго столѣтія. Южныя и плодороднѣйшія области Британіи принадлежали тогда Саксонцамъ, Галлія — Франкамъ, Паннонія — Гунамъ, Испанія — Готамъ, Италія и смежныя области — Готамъ же и Лонгобардамъ. Почти не осталось слѣдовъ могущества и просвѣщенія Римлянъ. Повсюду были новые образы правленія, новые законы, обычаи, одежды, языки, имена людей и земель. Опытъ показалъ, что произвести значительную и внезапную перемѣну хотя въ одномъ изъ этихъ предметовъ въ какой-нибудь странѣ, не истребивъ бо́льшей части ея жителей, есть дѣло, превышающее силы величайшихъ завоевателей (1). И потому цѣлый переворотъ въ Европѣ отъ поселенія варварскихъ народовъ можетъ гораздо очевиднѣе доказать, нежели современныя бытописанія, съ какою ненасытною кровожадностію они воевали и какъ ужасно опустошителенъ былъ путь ихъ отъ одного края этой четверти земнаго шара до другаго (2).

Въ хаосѣ, произведенномъ всеобщимъ волненіемъ народовъ, должно искать началъ порядка и

(1) Замѣчаніе IV.

(2) Замѣчаніе V.

стараться открыть первую основу правленія и законовъ, нынѣ существующихъ въ Европѣ. Съ этою цѣлію историки различныхъ государствъ ея старались начертать учрежденія и обычаи, свойственные ихъ соотечественникамъ, хотя не съ такою отчетливостію, какъ требовала важность предмета. Мнѣ не слѣдуетъ подробно описывать постепенное усовершенствованіе правленія и нравовъ каждаго народа, дѣла котораго составляютъ предметъ моей исторіи. Но для представленія вѣрной картины состоянія Европы въ началѣ XVI столѣтія необходимо обратиться къ прошедшему, и разсмотрѣть положеніе сѣверныхъ народовъ при первомъ ихъ поселеніи въ новыхъ странахъ. Необходимо исчислить тѣ великіе шаги, которыми перешли они отъ варварства къ образованности, и означить тѣ общія начала и событія, которыя своимъ однообразнымъ и притомъ обширнымъ вліяніемъ довели ихъ къ началу царствованія Карла V до извѣстной степени утонченности въ политикѣ и нравахъ.

Когда народы, деспотически управляемые, покоряютъ чужія земли, то онѣ служатъ единственно къ распространенію господства и власти ихъ государя. Но войска, составленныя изъ людей свободныхъ, завоевываютъ для себя, а не для своихъ предводителей. Къ роду такихъ войскъ принадлежали разрушители Римской Имперіи, поселившіеся въ различныхъ областяхъ ея. Не только племена сѣверной Европы, которая всегда почиталась отчизною свободы; но даже Гуны и Аланы, обитавшіе въ странѣ рабства (1), наслаждались волею, едва совмѣстною съ условіями обще-

---

(1) De l'Esprit des Loix. liv. XVII, ch. 3.

житія и съ подчиненностію, необходимою для его поддержанія. Варвары слѣдовали за вождемъ своимъ не изъ принужденія, а по доброй волѣ; сами вызывались участвовать въ предложенномъ предпріятіи (1). Они почитали земли, пріобрѣтенныя оружіемъ, общею собственностію, при раздѣлѣ которой каждый изъ нихъ имѣлъ право на особенную часть, потому что содѣйствовалъ завоеванію (2). Какимъ же образомъ, или на какихъ правилахъ дѣлили они между собою покоренныя земли — мы не можемъ теперь сказать съ достовѣрностію. Нѣтъ народа въ Европѣ, преданія котораго доходили бы до этого отдаленнаго времени; нѣтъ лѣтописей, которыя объясняли бы это дѣло, потому что онѣ писаны людьми, не знавшими истинной цѣли и настоящихъ предметовъ Исторіи.

Однако новый раздѣлъ собственности вмѣстѣ съ правилами и обычаями, отъ него происшедшими, постепенно ввелъ образъ правленія, дотолѣ неизвѣстный. Это необыкновенное учрежденіе теперь отличается именемъ *Феодальной Системы*; и хотя варварскіе народы селились на новыхъ земляхъ въ различныя времена, приходили изъ странъ различныхъ, говорили не одинаковымъ языкомъ и имѣли каждый особеннаго предводителя; но феодальное правленіе и законы приняты были, съ малою перемѣною, во всѣхъ королевствахъ Европы. Такое разительное однообразіе побудило нѣкоторыхъ писателей (3) заклю-

---

(1) Замѣчаніе VI.
(2) Замѣчаніе VII.
(3) Procop. de Bello Vandal. ap. Script. Byz. edit. Ven. vol. 1, p. 345.

чить, будто бы варварскіе народы, не взирая на многіе явные признаки, отличавшіе ихъ другъ отъ друга, составляли первоначально одинъ народъ. Но это съ большею вѣроятностію можно приписать сходству нравовъ и образа жизни варваровъ тамъ, гдѣ они прежде обитали и сходству ихъ положенія, когда они селились въ новыхъ странахъ.

Какъ завоевателямъ Европы надлежало охранять покоренныя земли не только отъ прежнихъ жителей, которыхъ они пощадили, но и отъ грозныхъ нападеній новыхъ пришельцевъ; то личная безопасность была у нихъ главнымъ предметомъ заботъ и, кажется, единственною цѣлію начальныхъ учрежденій. Вмѣсто тѣхъ слабыхъ взаимныхъ отношеній, которыя, почти не ограничивая независимости ихъ, были однако достаточны для ихъ спокойствія, пока они оставались въ первобытныхъ своихъ жилищахъ, варвары увидѣли необходимость соединиться тѣснѣйшими узами и отказаться отъ нѣкоторыхъ частныхъ правъ для достиженія общественной безопасности. Каждый свободный человѣкъ, получая при раздѣлѣ земли участокъ, обязывался отражать враговъ общества. Военная служба безъ всякихъ другихъ повинностей была условіемъ, на которомъ участки раздавались во владѣніе, и потому воинственные народы почитали её легкою и благородною. Король, то есть главный вождь ихъ, подъ начальствомъ котораго они совершали завоеванія, оставаясь главою поселенія, получалъ на свою долю самый большой удѣлъ. Пріобрѣтя такимъ образомъ средства къ воздаянію за прежнія заслуги и къ привлеченію новыхъ сподвижниковъ, онъ раздѣлялъ свои земли, обязывая награждаемыхъ вооружаться для его защиты и слѣдо-

вать за его знаменемъ съ числомъ людей, соразмѣрнымъ пожалованному участку. Первостепенные воеводы подражали примѣру своего Государя и въ раздѣлѣ собственныхъ земель своимъ подчиненнымъ наблюдали тѣ же условія. Такимъ образомъ феодальное королевство походило болѣе на военное учрежденіе, нежели на гражданское общество. Побѣдоносныя войска размѣщались въ покоренной странѣ по распоряженію своихъ предводителей и повиновались военному начальству. Имена воина и свободнаго человѣка были однозначительны (1). Каждый владѣлецъ участка, при первой повѣсткѣ отъ своего непосредственнаго начальника немедленно собирался въ походъ противъ общаго непріятеля.

Но феодальная система, по видимому весьма надежно ограждавшая отъ внѣшней опасности, была чрезвычайно недостаточна въ мѣрахъ для внутренняго порядка и спокойствія. Начала неустройства и междоусобій замѣтны въ совершеннѣйшемъ ея видѣ. Они вскорѣ развились и, быстро распространившись, произвели слѣдствія самыя пагубныя. Узы политическаго соединенія были очень слабы, источники безначалія неисчислимы. Единовластіе и аристократизмъ, не имѣя посредствующей силы для своего уравновѣшенія, непрестанно то преодолѣвали другъ друга, то уравнивались между собою. Могущественные коронные вассалы скоро вынудили себѣ право пожизненнаго владѣнія жалованными землями, награда которыми, прежде совершенно даровая, производилась только на произвольное время. Недовольные этимъ, они успѣли обратить ихъ въ наслѣд-

(1) Du Cange Glossar. voc. *Miles*.

ственныя и наконецъ въ неотчуждаемыя (1). Съ тѣмъ же смѣлымъ, но болѣе предосудительнымъ честолюбіемъ они присвоили себѣ почетныя званія и важныя государственныя должности. Эти личные знаки отличія — дань общаго удивленія великимъ заслугамъ, или общей довѣренности необыкновеннымъ способностямъ — достались нѣкоторымъ лицамъ и переходили, подобно ленамъ, отъ отца къ сыну по праву наслѣдства. Когда коронные вассалы обезпечили для себя такимъ образомъ обладаніе своими землями и достоинствами; то свойство феодальныхъ учрежденій, которыя хотя имѣли основою подчиненность, но благопріятствовали независимости, повело ихъ къ новымъ гораздо опаснѣйшимъ притязаніямъ на права самодержавія. Они получили власть верховнаго гражданскаго и уголовнаго суда въ земляхъ своихъ, власть чеканить монету и вести войну противъ личныхъ своихъ непріятелей отъ своего собственнаго имени и своими силами. Понятія о феодальной подчиненности совершенно почти искоренились, не рѣдко самые признаки ея были едва замѣтны. Вельможи, пріобрѣтя великія преимущества, стыдились почитать себя подданными. Они явно стремились къ независимости: узы, соединявшія главныхъ членовъ общества феодальнаго съ короною, были расторгнуты. Королевство, значительное силою и пространствомъ, дробилось на столько отдѣльныхъ владѣній, сколько заключало въ себѣ могущественныхъ бароновъ. Между ими существовало множество причинъ къ зависти и раздорамъ, которыя давали поводъ къ множеству войнъ. Каждое государство въ Европѣ, не знавшее покоя въ про-

---

(1) Замѣчаніе VIII.

долженіе этихъ безконечныхъ кровопролитій, наполнилось замками, или укрѣпленными мѣстами для безопасности жителей не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ внутреннихъ междоусобій. Воцарилось безначаліе, и большею частію уничтожило тѣ выгоды, которыхъ люди ожидали отъ общежитія. Простой народъ, самое многочисленное и полезное сословіе въ обществѣ, или находился въ настоящемъ рабствѣ, или терпѣлъ такое жестокое обращеніе, какъ бы уже дѣйствительно былъ униженъ до этого жалкаго состоянія (1). Короли, лишенные почти всѣхъ правъ своихъ, не имѣвшіе законодательной и исполнительной власти, не могли покровительствовать невинному, ни карать преступника. Дворяне, поставлявшіе себя выше всѣхъ ограниченій, мучили другъ друга непрерывными войнами, угнетали своихъ подданныхъ, старались унижать и оскорблять своего Государя. Въ довершеніе всего, время постепенно утвердило и освятило эту гибельную систему, основанную насиліемъ.

Таково было внутреннее состояніе Европы отъ VII до XI столѣтія. Въ продолженіе этого періода всѣ внѣшнія дѣйствія различныхъ Государствъ ея отличались слабостію. Раздробленныя, терзаемыя междоусобіями, они и возможности не имѣли дѣйствовать могущественно; въ каждомъ не доставало чувствованія общей пользы для возбужденія всѣхъ внутреннихъ силъ и общаго главы для управленія ими. Почти всѣ войны въ Европѣ отъ VII до XI столѣтія были ничтожны, нерѣшительны, безъ всякихъ значительныхъ послѣдствій; походили болѣе на кратковременные набѣги разбойниковъ, нежели на по-

(1) Замѣчаніе IX.

стоянныя дѣйствія благоустроенныхъ войскъ. Каждый Баронъ, начальствуя своими вассалами, пускался на какое-нибудь пустое предпріятіе изъ честолюбія, или мщенія. Самыя же государства, лишенныя внутренняго согласія, или оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, или, начавъ войну, обнаруживали только свою немощность. Правда, выспренній геній Карла Великаго соединилъ всѣ эти распадшіеся, несвязные члены, и опять, образовавъ изъ нихъ одно цѣлое, сообщилъ правленію ту высокую дѣятельность, отличающую его государствованіе, по которой оно служитъ предметомъ вниманія и удивленія временъ просвѣщеннѣйшихъ; однако состояніе единства, несвойственное феодальному правленію, было непродолжительно. Тотчасъ по смерти Карла Великаго отлетѣлъ духъ жизни, хранитель цѣлости обширной системы, имъ учрежденной, и она разрушилась. Всѣ бѣдствія, проистекающія отъ безначалія и раздоровъ, возвратясь въ новой силѣ, постигли различныя Королевства, на которыя раздробилась его Имперія. Отселѣ до XI вѣка незанимательныя происшествія и непрерывныя войны, причины и послѣдствія которыхъ равно маловажны, наполняютъ и безобразятъ лѣтописи всѣхъ Европейскихъ народовъ.

Къ пагубнымъ слѣдствіямъ феодальнаго своеволія можно присоединить и вредное вліяніе его на успѣхи ума человѣческаго. Безъ покровительства благоустроеннаго правленія и безъ личной безопасности, которая естественнымъ образомъ отъ него проистекаетъ, люди не думаютъ о просвѣщеніи, не заботятся объ усовершенствованіи своего вкуса и нравовъ. Не до того было и варварскимъ народамъ въ смутное, бѣдствен-

ное время, мною описанное, и менѣе нежели въ сто лѣтъ отъ ихъ поселенія въ странахъ, ими завоеванныхъ, исчезли почти всѣ плоды просвѣщенія и образованности, возращенные Римлянами въ Европѣ. Не только искусства, которыя служатъ для роскоши и ею поддерживаются, но много полезныхъ ремеслъ, доставляющихъ важныя удобства въ жизни, пришли въ забвеніе. Словесность, наука, вкусъ, были слова почти неупотребительныя; тогда, кажется, не знали настоящаго ихъ смысла, придавали имъ низкое значеніе. Особы самаго высокаго званія, занимавшія первѣйшія должности въ государствѣ, не умѣли читать и писать. Многіе изъ духовныхъ не понимали молитвъ, которыя они каждый день торжественно возсылали къ небу, иные даже съ трудомъ разбирали ихъ (1). Всѣ минувшія дѣла предавались забвенію, или вносились въ лѣтописи, наполненныя пустыми происшествіями и нелѣпыми сказками. Даже своды законовъ, изданные нѣкоторыми изъ народовъ, поселившихся въ Европѣ, вышли изъ употребленія, а мѣсто ихъ заступили обычаи неопредѣленные и причудливые. Умъ человѣческій, оставленный въ небреженіи, необразуемый и угнетенный, погрузился въ глубочайшее невѣжество. Европа въ цѣлыя четыре столѣтія не произвела ни одного писателя, достойнаго вниманія по изящности слога, или по здравости и новизнѣ мыслей. Нѣтъ ни одного изобрѣтенія въ пользу и украшеніе обществу, которымъ этотъ продолжительный періодъ могъбы похвалиться.

---

(1) Замѣчаніе X.

Самая Вѣра Христіанская въ темные эти вѣки превращена была въ грубое суевѣріе, не взирая на то, что въ Св. Писаніи ученіе ея изложено и постановленія означены съ такою точностію, которая долженствовала бы предохранить ихъ отъ кривыхъ толковъ и искаженія. Варварскіе народы при обращеніи своемъ въ Христіанство перемѣнили только предметъ, а не духъ своего вѣроисповѣданія. Они старались пріобрѣтать благоволеніе истиннаго Бога почти тѣми же средствами, какія употребляли для умилостивленія ложныхъ боговъ своихъ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ святости и добродѣтели, которыми только и можно благоугодить предъ Богомъ, они воображали, что исполняютъ все должное, соблюдая въ точности внѣшніе обряды (1). Вѣра, по ихъ разумѣнію, въ этомъ единственно и заключалась; обряды, посредствомъ которыхъ они твердо надѣялись снискать себѣ милость небесную, были сообразны съ грубыми понятіями тѣхъ временъ, когда они вымышлены и введены въ обыкновеніе, то есть: или по своей ничтожности совершенно недостойны Существа, въ славу котораго совершались, или своею нелѣпостію посрамительны для разума и достоинства человѣческаго (2). Карлъ Великій во Франціи и Альфредъ Великій въ Англіи старались хотя нѣсколько озарить своихъ подданныхъ лучами просвѣщенія; но невѣжество превозмогло тогда всѣ ихъ усилія. Мракъ его, отчасти разсѣянный, возвратился, и по прежнему затмилъ умы народовъ.

---

(1) Замѣчаніе XI.

(2) Замѣчаніе XII.

Хотя обитатели Европы въ продолженіе этого времени не знали искусствъ, украшающихъ вѣкъ образованный; однако не имѣли и добродѣтелей, обыкновенныхъ между дикими народами. Душевная сила, чувствованіе собственнаго достоинства, смѣлость въ началѣ и непоколебимая твердость въ исполненіи предпріятій, презрѣніе опасностей и смерти, — вотъ отличительныя свойства народовъ непросвѣщенныхъ, плоды равенства и независимости; но оба эти состоянія были уничтожены феодальною системою. Властолюбіе ослѣпило дворянъ, иго рабства отяготѣло надъ народомъ, благородство чувствованій искоренилось, ничто не могло болѣе обуздывать свирѣпости и насилія. Гражданскія общества бываютъ въ самомъ поврежденномъ состояніи тогда, какъ люди потеряютъ первобытную свою независимость и чистоту нравовъ, еще не достигнувъ такой образованности, чтобы наблюдать приличіе въ поступкахъ, обладать собою и укрощать свои страсти, причины ненавистныхъ преступленій. Вотъ почему и въ вѣки, нами обозрѣваемые, гнусныя дѣла, исполняющія душу человѣка изумленіемъ и ужасомъ, встрѣчаются чаще, нежели въ другихъ періодахъ Европейской Исторіи. Развернувъ Исторію Григорія Турскаго, или современныхъ ему писателей, мы увидимъ непрерывный рядъ примѣровъ жестокости, вѣроломства и мщенія, звѣрскихъ и ужасныхъ до невѣроятности.

Но, согласно съ замѣчаніемъ одного краснорѣчиваго и глубокомысленнаго бытописателя (1), есть крайніе предѣлы величія и униженія,

---

1) Hume's History of England, vol. II. p. 441.

за которые дѣла человѣческія никогда не переходятъ; достигнувъ одного, они естественнымъ образомъ обращаются къ другому. Когда недостатки правленія производятъ въ Государствѣ великіе безпорядки, тогда общею заботою становится пріисканіе вѣрныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ ихъ исправленію. Легкія неудобства долго остаются безъ вниманія, долго бываютъ терпимы; но если злоупотребленія возрастутъ до извѣстной степени, то государство должно или ожидать своего паденія, или стараться прекратить ихъ. Безпорядки въ феодальной системѣ вмѣстѣ съ происшедшимъ отъ нихъ развращеніемъ ума и нравовъ продолжались, все возрастая, цѣлые вѣки и, кажется, достигли послѣдняго своего предѣла въ исходѣ XI столѣтія. Отселѣ мы можемъ считать то время, съ котораго правленіе и нравы взяли противный оборотъ, и излагать послѣдовательно причины и событія, изъ которыхъ однѣ прямымъ и могущественнымъ, а другія отдаленнымъ и едва ощутительнымъ вліяніемъ способствовали искорененію неустройства и варварства, водворенію порядка, благочинія и образованности.

Исчисляя эти причины и событія, я не полагаю необходимымъ соблюдать хронологическую точность во времени; гораздо важнѣе представить взаимную связь ихъ и зависимость, и показать какимъ образомъ одна причина, или одно происшествіе дѣйствіемъ своимъ приготовляло другое и усиливало его вліяніе. До сихъ поръ мы наблюдали распространеніе мрака въ Европѣ отъ его появленія до того времени, когда онъ совершенно затмилъ ее; теперь наступаетъ занятіе болѣе пріятное: созерцать первые возвратные лучи свѣта и замѣчать различные случаи, отъ

которыхъ они постепенно яснѣли, и наконецъ заблистали полнымъ дневнымъ сіяніемъ.

I. Крестовые походы, или предпріятія для исторженія Святой Земли изъ рукъ Невѣрныхъ — вотъ, кажется, первое событіе, которое пробудило Европу отъ долговременнаго усыпленія и произвело перемѣну въ правленіи и нравахъ. Людямъ свойственно съ какимъ-то сладостнымъ чувствомъ и благоговѣніемъ видѣть мѣста, служившія жилищемъ для особъ знаменитыхъ, или позорищемъ великихъ событій. Отъ этого начала произошла набожность, съ которою Христіане отъ временъ Апостольскихъ привыкли посѣщать землю, избранную Всемогущимъ въ наслѣдіе возлюбленному народу своему, землю, гдѣ Сынъ Божій совершилъ искупленіе рода человѣческаго. Значительныя издержки, затрудненія и опасности, съ которыми соединено было это отдаленное странствованіе, придавали ему такую важность, что оно стало средствомъ очищенія почти отъ всякихъ преступленій. Мнѣніе, быстро распространившееся и общепринятое въ Европѣ предъ концемъ X и началомъ XI вѣка, удивительнымъ образомъ умножило число богомольцевъ и увеличило рвеніе, съ которымъ они предпринимали свое путешествіе. Думали, что прошла тысяча лѣтъ, упоминаемая Св. Іоанномъ (1) и что близка уже кончина міра. Всеобщее смятеніе объяло людей; многіе оставляли свои владѣнія и, покидая друзей и семейства, толпами стремились въ Святую Землю, воображая, будто Іисусъ Христосъ скоро явится въ ней Судіею

(1) Апок. гл. XX, 2—4.

міра (1). Калифы во все время владычества своего надъ Палестиною благопріятствовали пріѣзду богомольцевъ въ Іерусалимъ, потому что они обогащали владѣнія ихъ золотомъ и серебромъ, а сами вывозили только предметы, питавшіе ихъ благочестіе. Но когда въ половинѣ XI столѣтія Турки завоевали Сирію, то богомольцы начали подвергаться оскорбленіямъ всякаго рода отъ этихъ свирѣпыхъ варваровъ (2). Такая перемѣна, именно въ то время, какъ отъ неосновательнаго страха, о которомъ я упоминалъ, набожныя путешествія стали чаще, встревожила Европу и исполнила ее негодованіемъ. Кто ни возвращался изъ Палестины, разсказывалъ объ опасностяхъ, встрѣченныхъ имъ на пути въ святой градъ и описывалъ преувеличенно жестокость и притѣсненія Турковъ.

Когда умы были такимъ образомъ приготовлены, то довольно было восторженности одного монаха, чтобы поднять всѣ силы Христіанства противъ Невѣрныхъ, для изгнанія ихъ изъ Палестины. Петръ Пустынникъ (такъ назывался этотъ воинственный Апостолъ) съ крестомъ въ рукѣ переходилъ изъ земли въ землю, возбуждая государей и народы къ священной брани, и всюду, гдѣ ни появлялся, распространялъ свое одушевленіе. Піяченцской соборъ, на который стеклось болѣе 30,000 народу, возгласилъ пропо-

---

(1) Chronic. Will. Godelli ap. Bouquet Recueil des Historiens de France, tom X. p. 262. Vita Abbonis, ibid. p. 332. Chronic. S. Pantaleonis ap. Eccard. Corp. Script. Medii aevi, vol. I, p. 909. Annalista Saxo, ibid. 576.

(2) Joh. Dan. Schoepfl. de Sacris Gallorum in Orient. Expeditionibus, p. 4. Argent. 1726, in 4°.

вѣдь его прямымъ вдохновенiемъ неба. На соборѣ Клермонскомъ, еще многолюднѣйшемъ, едва предложенъ былъ походъ — всѣ единогласно воскликнули: такъ Богу угодно! Пламенное желанiе освободить Святую Землю отъ ига Невѣрныхъ овладѣло людьми всякаго состоянiя; не только храбрые дворяне того вѣка съ своими дружинами, которыхъ одна прелесть рыцарскаго предпрiятiя могла увлечь въ походъ, но люди простаго и мирнаго званiя — монахи всякихъ орденовъ, самыя женщины и дѣти — наперерывъ желали участвовать въ подвигѣ, который почитался священнымъ и богоугоднымъ. Если вѣрить общему свидѣтельству современныхъ писателей, то шесть миллiоновъ приняли крестъ, отличительный знакъ участниковъ священнаго похода (1). Цѣлая Европа, говоритъ Анна Комнина, двинулась съ мѣста и, кажется, хотѣла всею своею тяжестiю подавить Азiю (2). Пламя этого изступленаго рвенiя не могло вдругъ угаснуть, продолженiе изувѣрства было соразмѣрно съ его силою. Въ теченiе двухъ столѣтiй Европа имѣла, кажется, одно только намѣренiе — овладѣть Святою Землею, и во все это время нѣпрестанно отправлялись туда войска многочисленныя (3).

Первые порывы восторженной храбрости были непреодолимы. Крестоносцы отняли у Невѣрныхъ часть Малой Азiи, всю Сирiю и Палестину; знамя креста завѣяло на горѣ Сiонской; Константинополь, столица Христiанской Импе-

---

(1) Pulcherius Carnotensis ap. Bongarsii Gesta Dei per Francos, vol. I. 387, edit. Han. 1611.

(2) Alexias. lib X. ap. Biz. Script. vol. XI. p, 224.

(3) Замѣчанiе XIII.

ріи на Востокѣ, была взята воинами, поднявшими оружіе на Магометанъ, и одинъ Фландрскій Графъ съ потомками своими полвѣка владѣлъ престоломъ Императорскимъ. Но хотя первыя нападенія Крестоносцевъ нечаянностію своею и облегчили имъ завоеванія, однако удержать покоренное было весьма трудно. Владѣнія далекія отъ Европы, окруженныя воинственными народами, которыхъ одушевлялъ такой же фанатизмъ, какъ самихъ Крестоносцевъ, находились въ непрестанной опасности. Въ концѣ XIII столѣтія Христіане лишились всѣхъ своихъ Азіатскихъ земель, потерявъ на ихъ пріобрѣтеніе невѣроятное множество людей и денегъ. Единственное предпріятіе, въ которомъ Европейскіе народы участвовали общими силами и съ равною ревностію, остается страннымъ памятникомъ ихъ необразованности.

Но отъ Крестовыхъ походовъ, какъ они безразсудны ни были, произошли благодѣтельныя слѣдствія, непредвидѣнныя и неожиданныя. На пути въ Палестину Крестоносцы проходили черезъ земли, замѣчательныя для нихъ своею воздѣланностію и нравами жителей. Первыя сборныя мѣста были обыкновенно въ Италіи, гдѣ Венеція, Генуя, Пиза, уже довольно обогатились и успѣли въ образованности. Здѣсь воины садились на суда и, приставъ къ берегамъ Далмаціи, отправлялись сухимъ путемъ къ Константинополю. Хотя воинственный духъ давно исчезъ въ восточной Имперіи, и самый жестокой деспотизмъ искоренилъ въ Грекахъ почти всѣ общественныя добродѣтели; но Константинополь, никогда не подвергавшійся разрушительной свирѣпости варваровъ, былъ самый огромный и пре-

краснѣйшій городъ въ Европѣ, притомъ одинъ, въ которомъ еще уцѣлѣлъ образъ прежней утонченности въ нравахъ и искусствахъ. Онъ служилъ единственнымъ рынкомъ въ Европѣ для Ост-Индскихъ произведеній. Восточная Имперія имѣла значительную морскую силу. Въ предѣлахъ ея существовали мануфактуры самыхъ рѣдкихъ издѣлій. Жители богатѣйшихъ областей, отторгнутыхъ отъ нея Сарацинами и Турками, сохранили не только любовь къ пышности, но даже къ просвѣщенію весьма значительному въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было извѣстно въ прочей Европѣ, и продолжали обогащать прежнюю свою столицу. Въ самой Азіи Крестоносцы нашли остатки наукъ и искусствъ, которыя Калифы распространили въ своей Имперіи собственнымъ примѣромъ и поощреніями. Хотя историки Крестовыхъ походовъ не обращали вниманія на образъ жизни и нравы народовъ, подвергавшихся нападеніямъ Крестоносцевъ, хотя они большею частію не имѣли достаточныхъ знаній и искусства для историческаго повѣствованія; однако приводятъ такія блистательныя черты человѣколюбія и великодушія въ поступкахъ Саладина и другихъ Магометанскихъ вождей, которыя даютъ намъ весьма высокое понятіе объ ихъ образованности. Невозможно было, чтобы Крестоносцы, проходя черезъ многія земли, видя разныя учрежденія и обычаи, не пріобрѣли полезныхъ свѣдѣній. Кругъ понятій ихъ расширился, предразсудки ихъ ослабли, умъ ихъ получилъ новыя мысли, грубость ихъ нравовъ стала имъ во многихъ случаяхъ весьма ощутительна. Полученныя впечатлѣнія были довольно сильны, не могли изгладиться по возвращеніи Франковъ въ отечественныя земли. Между Восто-

комъ и Западомъ существовали тѣсныя сношенія въ продолженіе двухъ столѣтій; новыя войска непрестанно переплывали изъ Европы въ Азію, между тѣмъ какъ старыя возвращались домой, унося съ собою многіе обычаи, къ которымъ они привыкли отъ долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. Вотъ почему вскорѣ послѣ начала Священной брани мы видимъ болѣе великолѣпія при Европейскихъ Дворахъ, болѣе пышности при торжествахъ общественныхъ, болѣе утонченный вкусъ въ выборѣ удовольствій и увеселеній вмѣстѣ съ постепеннымъ распространеніемъ рыцарскаго духа по всей Европѣ. Такимъ образомъ слѣдствію необразованности мы обязаны первыми лучами свѣта, который началъ разгонять тьму невѣжества и варварства.

Но это благодѣтельное дѣйствіе Крестовыхъ походовъ оказывалось медленно; вліяніе ихъ на земельную собственность и слѣдовательно на могущество Государствъ Европейскихъ было непосредственнѣе и примѣтнѣе. Дворяне, которые приняли крестъ и обязались идти въ Святую Землю, скоро увидѣли необходимость въ большомъ количествѣ денегъ для издержекъ на путешествіе столь отдаленное и для приличнаго содержанія себя въ начальствѣ надъ вассалами. Но духъ феодальной системы препятствовалъ чрезвычайнымъ налогамъ, и подданные въ тѣ вѣки не были пріучены платить ихъ. Осталось одно средство къ полученію нужныхъ денегъ: продажа помѣстьевъ; а какъ всѣ были воспламенены рыцарскими мечтами о блистательныхъ завоеваніяхъ въ Азіи, и пылали такимъ рвеніемъ освободить Святую Землю, которое подавляло всѣ прочія страсти, то и продавали родовыя свои наслѣдства безъ сожалѣнія и

гораздо ниже той цѣны, чего они стоили, чтобы пуститься на удачу въ неизвѣстныя страны за пріобрѣтеніемъ новыхъ владѣній. Европейскіе Государи, изъ которыхъ ни одинъ не принималъ участія въ первомъ Крестовомъ походѣ, немедленно воспользовались случаемъ дешево пріобрѣсти значительныя земли (1). Кромѣ того, много сильныхъ Бароновъ, погибая въ священной брани, не оставляли наслѣдниковъ, и лены ихъ поступали въ казну; а чрезъ это приращеніе земельной собственности и могущества самодержавная власть усиливалась по мѣрѣ упадка аристократіи. Наконецъ отсутствіе многихъ могущественныхъ вассаловъ, любившихъ противиться и давать законы своимъ Государямъ, доставило послѣднимъ случай пріобрѣсти перевѣсъ въ правленіи, котораго они прежде не имѣли. Къ этимъ обстоятельствамъ можно присоединить еще одно: всѣ Крестоносцы были приняты подъ непосредственное покровительство Церкви, она изрекла самыя тяжкія свои проклятія противъ нарушителей ихъ безопасности. Это прекратило частные раздоры и междоусобія, изгонявшіе тишину и спокойствіе изъ феодальныхъ Королевствъ; въ нѣкоторыхъ стало водворяться отправленіе правосудія болѣе общее и постоянное, и сдѣланы были небольшіе успѣхи въ благоустройствѣ государственномъ (2. 3.)

Вліяніе Крестовыхъ походовъ на торговлю было также значительно. Первыя воинства Кре-

---

(1) Willelm. Malmsbur. Guibert. Abbas ap. Bongars, vol. I, 481.
(2) Du Cange Glossar. voc. *Cruce Signatus.* Guil. Abbas ap. Bongars. vol. I, 480, 482.
(3) Замѣчаніе XIV.

стоносцевъ, веденныя Петромъ Пустынникомъ и Годфридомъ Бульонскимъ черезъ Германію и Венгрію къ Константинополю, столько пострадали отъ свирѣпости ихъ обитателей и отъ дальняго перехода, что другія боялись идти тою же дорогою, и, въ избѣжаніе подобныхъ же опасностей, избрали путь по морю. Венеція, Генуя и Пиза доставляли имъ перевозныя суда. Количество денегъ, полученное жителями этихъ городовъ за переправленіе многочисленныхъ войскъ изъ Европы, было несмѣтно (1). Впрочемъ оно составляло только малую часть выгодъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ походовъ въ Палестину. Крестоносцы подряжали ихъ доставлять себѣ военные снаряды и съѣстные припасы; флоты Италіянцевъ держались береговъ, между тѣмъ какъ войско шло сухимъ путемъ, и снабжая его всѣмъ нужнымъ, поглощали всю прибыль этой богатой торговой отросли. Успѣхъ, увѣнчавшій оружіе Крестоносцевъ, доставилъ имъ выгоды болѣе прочныя. Существуютъ еще грамоты, по которымъ Венеціанамъ, Генуэзцамъ и жителямъ Пизы были дарованы самыя обширныя права въ Азіатскихъ поселеніяхъ, основанныхъ Христіанами. Они были освобождены отъ привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ за товары, въ иныхъ приморскихъ городахъ получили въ собственность цѣлыя предмѣстія, въ другихъ большія улицы съ домами; жители этихъ участковъ и купцы, которые торговали подъ покровительствомъ Италіянцевъ, не могли судиться иначе, какъ ихъ судьями и по ихъ законамъ (2). Когда Крестоносцы взяли Константинополь и возвели одного изъ среды своей на

(1) Muratori Antiquit. Ital. Medii aevi, vol. II, 905.
(2) Ib. vol. II, 906 etc.

престолъ Императорскій, то Италійскія Республики и въ этомъ случаѣ много выиграли. Венеціяне, которые возбудили къ этому предпріятію и принимали большое участіе въ его исполненіи, не замедлили присвоить себѣ главныя выгоды отъ успѣха. Они завладѣли частію древняго Пелопоннеса въ Греціи и нѣкоторыми изъ плодоноснѣйшихъ острововъ Архипелага. Многіе прибыльные отрасли торговли, дотолѣ сосредоточенныя въ Константинополѣ, перешли въ Венецію, Геную и Пизу. Такимъ образомъ въ слѣдствіе Священной брани открылись для нихъ источники богатства обильнаго, которое, при содѣйствіи новаго, особеннаго учрежденія, привело ихъ въ состояніе обезпечить свою свободу и независимость (1).

II. Это учрежденіе есть образованіе городовъ въ общины, или отдѣльныя цѣлыя съ правомъ особеннаго судопроизводства, и, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ причинъ споспѣшествовало началу и распространенію въ Европѣ благоустроеннаго правленія, внутренняго порядка и промышленности. Феодальная система переродилась въ систему угнетенія. Дворяне не полагали предѣловъ своимъ насиліямъ и привели большую часть народа въ рабство. Положеніе такъ называемыхъ свободныхъ людей часто бывало не лучше рабскаго. Не одни деревенскіе жители, которые обработывали земли своихъ господъ, подвергались жестокому притѣсненію; но города, покровительствуемые сильными Баронами, страдали отъ ихъ самоуправства. У горожанъ

---

(1) Villehardouin Hist. de Constat. sous l'empereur François, 105, etc.

отняты были естественныя права человѣчества. Они не могли располагать по волѣ своею собственностію (1); не имѣли права назначать дѣтямъ опекуновъ на время малолѣтства; не смѣли вступать въ бракъ (2), не купивши на то согласія своего Барона; начавъ тяжбу законнымъ порядкомъ, уже не могли прекратить ее миромъ, потому что Баронъ, въ судѣ котораго она начала производиться, лишился бы отъ этого судныхъ пошлинъ (3); должны были отправлять безъ всякой платы самыя низкія и тяжелыя работы. Духъ промышленности въ иныхъ городахъ былъ убитъ нелѣпыми постановленіями, въ другихъ безразсудными ограниченіями, и стѣснительныя правила военной аристократіи никогда бы не дали ему ободриться и возвыситься (4).

Но какъ скоро Италійскіе города начали заниматься торговлею и постигать выгоды, отъ нея проистекающія, то нетерпѣливо хотѣли свергнуть иго наглыхъ своихъ Бароновъ и учредить у себя такое правленіе, которое бы обезпечивало собственность и оживляло промыслы. Императоры, особливо Франконскаго и Швабскаго Дома, имѣли слабую власть надъ Италіею по дальнему разстоянію отъ нея своей столицы. Непрестан-

---

(1) Dacherii Spiceleg. tom. XI, 374, 375, edit. in 4°. Ordonnances des Rois de France, tom. III. 204, No. 2, 6.

(2) Ord. des Rois de France, T. 1. p. 22; T. III. 203. No. 1. Murat. Antiquit. Ital. vol. II, p. 20. Dacher. Spicel. vol. XI. 325, 341.

(3) Dacher. Spicel. vol. IX, 182.

(4) M. l'Abbé Mably Observat. sur l'Hist. de France Tom. II, p. 2, 96.

ная вражда то съ Папами, то съ мятежными вассалами отвлекала ихъ вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ Италіи и не давала покоя ихъ оружію. Эти обстоятельства побудили жителей нѣкоторыхъ Италійскихъ городовъ, въ началѣ XI столѣтія, требовать себѣ новыхъ преимуществъ, соединиться между собою тѣснѣе и составить отдѣльныя цѣлыя, управляемыя законами, принятыми по общему согласію (1). Такимъ образомъ многіе города пріобрѣли особенныя права смѣлымъ и удачнымъ присвоеніемъ; другіе покупали ихъ у Императоровъ, которые почитали себя въ выигрышѣ, получая большія деньги за то, въ чемъ уже не могли отказывать; инымъ же льготы пожалованы были даромъ по милости владѣтельныхъ Государей. Великое умноженіе богатства въ Италіи отъ Крестовыхъ походовъ произвело новый родъ дѣятельности въ умѣ народа, и возбудило такую всеобщую страсть къ свободѣ и независимости, что предъ окончаніемъ послѣдняго похода всѣ значительные Италіянскіе города уже купили, или вынудили себѣ у Императоровъ обширныя льготы (2).

Это новое учрежденіе изъ Италіи скоро перешло во Францію. Людовикъ Толстый первый согласился давать новыя преимущества городамъ въ своихъ удѣлахъ, чтобы создать силу, способную противодѣйствовать могущественнымъ вассаламъ, которые сопротивлялись и даже предписывали законы верховной власти. Преимущества эти назывались *льготными грамотами*. Посредствомъ ихъ, уничтоживъ всѣ признаки рабства,

---

(1) Murat. Antiquit. Ital. vol. IV. p. 5.

(2) Замѣчаніе XV.

Людовикъ даровалъ свободу жителямъ, образовалъ ихъ въ сословіе государственное и дозволилъ имъ управляться своимъ совѣтомъ и чиновниками, которые имѣли право отправлять правосудіе въ городахъ, налагать подати, набирать и учить городскія ополченія, обязанныя, по требованію Государя, идти въ походъ подъ предводительствомъ начальниковъ, избираемыхъ общиною. Сильные Бароны подражали примѣру Короля и жаловали подобныя же льготы своимъ подвластнымъ городамъ. Разстроивъ свое состояніе походами въ Святую Землю, они съ жадностію приняли средства обогащаться продажею льготныхъ грамотъ. Хотя учрежденіе общинъ было столько же противно правиламъ ихъ политики, сколько и опасно для ихъ могущества, однако они пренебрегали отдаленными послѣдствіями, чтобы только получить скорое пособіе. Менѣе нежели въ два вѣка рабство было уничтожено почти во всѣхъ городахъ Франціи, и они изъ подвластныхъ деревень безъ судебной власти и вообще безъ всякихъ преимуществъ стали вольными городами (1). Около этого времени и большіе города въ Германіи начали пріобрѣтать подобныя же льготы и положили основаніе настоящей свободѣ своей и независимости (2). Учрежденіе общинъ быстро распространилось по Европѣ и было принято въ Германіи, Испаніи, Англіи, Шотландіи и всѣхъ прочихъ феодальныхъ Королевствахъ (3).

Немедленно оказались счастливыя послѣдствія, потому что вліяніе этого учрежденія на

(1) Замѣчаніе XVI.
(2) Замѣчаніе XVII.
(3) Замѣчаніе XVIII.

правленіе и нравы было равно обширно и благотворно. Народъ бóльшею частію освободился отъ рабства и отъ всѣхъ произвольныхъ и тяжкихъ налоговъ, которымъ подвергало его это жалкое состояніе. Города, получая права общинъ, становились малыми республиками, начинали управляться уже постоянными и справедливыми законами; свобода была такая существенная и отличительная принадлежность ихъ общиннаго устава, что если рабъ убѣгалъ къ нимъ и его не требовали въ продолженіе года, то онъ немедленно объявлялся свободнымъ и былъ принимаемъ въ число гражданъ (1).

Какъ одна часть народа учрежденію общинъ была обязана свободою, такъ другая — безопасностію. Состояніе Европы въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ заставляло каждаго для самоохраненія искать покровительства какого-нибудь могущественнаго Барона, и въ смутное время замокъ его служилъ мѣстомъ, куда сходились для безопасности. Но стѣнами окруженные города, жители которыхъ постоянно учились военному дѣлу и были соединены общею пользою и торжественнѣйшими обязательствами взаимнаго защищенія, доставляли убѣжище несравненно болѣе удобное и надежное. Дворяне потеряли въ глазахъ народа важность свою, когда перестали быть единственными защитниками отъ насилія.

Съ уменьшеніемъ власти дворянства и народной къ нему довѣренности отъ преимуществъ дарованныхъ городамъ, увеличилось могущество Государей. Въ феодальныхъ Королевствахъ не дер-

---

(1) Statut. Humberti Bellojoci. Dacher. Spicel. vol. IX, 182, 185. Charta Comit. Forens. ibid. 193.

жали постояннаго войска; для войны Король долженъ былъ ожидать людей отъ своихъ вассаловъ, вѣчныхъ завистниковъ и не рѣдко противниковъ самодержавія; равнымъ образомъ и для жалованья за государственную службу онъ принужденъ былъ довольствоваться отъ нихъ же скудными доходами. Но когда члены общинныхъ городовъ получили позволеніе носить оружіе и выучились военному дѣлу, то это въ нѣкоторой степени вознаградило первый недостатокъ и доставило Государямъ начальство надъ войскомъ, не зависѣвшимъ отъ сильныхъ вассаловъ. Къ отвращенію другаго неудобства споспѣшествовала привязанность городовъ къ Государямъ: почитая ихъ первыми виновниками своей свободы и единственными защитниками отъ властолюбія вассаловъ, они часто доставляли имъ пособія, придававшія новую силу правленію (1).

Пріобрѣтеніе свободы произвело такую счастливую перемѣну въ членахъ общинныхъ городовъ, что они оставили невѣжество и бездѣйствіе, въ которыя были погружены низостію прежняго своего состоянія. Воскресъ духъ промышленности. Торговля обратила на себя вниманіе и процвѣла. Возрасло народонаселеніе. Утвердилась независимость, и въ городахъ, бывшихъ долгое время жилищемъ нищеты и бѣдствія, водворилось богатство, сопровождаемое щегольствомъ, роскошью, постепенною образованностію въ нравахъ и обычаяхъ. Много усовершенствовались правленіе и порядокъ внутренній: увеличеніе населенности въ городахъ и сношеній между людьми умножило законы, и всѣ почувствовали,

(1) Ordon. des Rois de France, Tom. I. 602, 785; T. II, 318, 422.

что общая безопасность зависѣла отъ точнаго ихъ соблюденія и немедленнаго, строгаго наказанія ихъ нарушителей. Такимъ образомъ законы, подчиненность и образованные нравы получали бытіе въ городахъ и отсюда уже распространялись по всему Государству.

III. Жители городовъ, получивъ личную свободу и общинное судопроизводство, вскорѣ пріобрѣли свободу гражданскую и участіе въ правленіи государственномъ. Основное правило феодальной системы состояло въ томъ, чтобы управлять свободнымъ человѣкомъ и налагать на него подати только съ собственнаго его согласія. Въ слѣдствіе этого, вассалы каждаго Барона сзывались въ его судилище, гдѣ по взаимному совѣщанію дѣлали такія постановленія, которыя почитали самыми полезными для небольшаго своего круга, и давали Барону денежныя пособія, соразмѣрныя своему состоянію, или его нуждамъ. Сами Бароны, согласно съ тѣмъ же правиломъ, были допускаемы въ главное народное собраніе и помогали Государю въ изданіи законовъ и наложеніи податей. Какъ верховный владѣтель, сообразно начальному начертанію феодальной системы, удерживалъ за собою право собственности на земли, которыя жаловалъ во временное владѣніе своимъ вассаламъ; то законъ, даже и послѣ обращенія ленъ въ наслѣдственныя, предполагалъ существованіе этого первобытнаго обычая, и Баронъ все еще почитался только намѣстникомъ своего участка. Верховный Совѣтъ каждаго Государства, назывался ли онъ Парламентомъ, Сеймомъ, Собраніемъ Кортесовъ, или Государственныхъ Чиновъ, состоялъ единственно изъ Бароновъ и духовныхъ особъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ Государя. Города въ Королевскихъ удѣлахъ и на

земляхъ вассальныхъ нуждались въ покровительствѣ Бароновъ. Жителямъ ихъ недоставало имени, бытія гражданскаго, чтобы присутствовать и подавать голосъ на законодательныхъ собраніяхъ. Но какъ скоро они образовали новое состояніе, то стали законными, независимыми членами общества и пріобрѣли всѣ существенныя права свободы, изъ которыхъ важнѣйшее состояло въ преимуществѣ подавать рѣшительный голосъ при составленіи законовъ и наложеніи податей. Городамъ естественно было требовать этого преимущества, потому что они привыкли къ общинному образу правленія, по которому безъ ихъ согласія не дѣлалось ни одного постановленія, не сбиралось ни одной пошлины. Богатство, сила и значительность, пріобрѣтенныя городами, придали большой вѣсъ ихъ требованію; а стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ облегчило имъ полученіе желаннаго права въ различныхъ Королевствахъ Европы. Англія есть одна изъ первыхъ земель, гдѣ представители городовъ были допущены въ Совѣтъ Государственный. Бароны, возставшіе противъ Генриха III, пригласили ихъ въ Парламентъ (1265), чтобы привлечь на свою сторону болѣе народа. Во Франціи Филиппъ Прекрасный, Монархъ прозорливый и предпріимчивый, почиталъ ихъ орудіемъ, которымъ съ равною выгодою можно было распространять права самодержавія, противодѣйствовать непомѣрному честолюбію дворянства и облегчать сборъ новыхъ податей. Съ этими видами онъ причислилъ представителей общинныхъ городовъ къ Чинамъ Государственнымъ (1). Въ Имперіи, богатство и льготы Им-

---

(1) Pasquier Recherches de la France, p. 81, edit. Par. 1633.

перскихъ городовъ поставили ихъ на ряду съ главными государственными членами Германіи. Зная силу свою и достоинство, они требовали для своихъ представителей особенной скамьи на Сеймѣ (1293), и были удовлетворены (1).

Но какими бы средствами представители городовъ сначала ни достигли участія въ законодательствѣ, это событіе имѣло великое вліяніе на образъ и духъ правленія. Оно умѣрило жестокость аристократической власти, давши народу, лишенному дотолѣ представителей, дѣятельныхъ и могущественныхъ защитниковъ правъ его и преимуществъ, и положило начало посредствующей силѣ между верховною властію и дворянствомъ, къ которой они попеременно прибѣгали. Едва представители общинныхъ городовъ пріобрѣли нѣкоторую степень довѣренности и вліяніе на законодательство, какъ уже измѣнился духъ законовъ: новыя начала послужили имъ основаніемъ, новые предметы — цѣлію. Порядокъ, благо общее и пресѣченіе злоупотребленій, вотъ слова и понятія, которыя тогда распространились и стали обыкновенны въ постановленіяхъ и законовѣдѣніи Европейскихъ народовъ. Новая законодательная власть употребила въ каждой Европейской странѣ всѣ свои усилія на пользу общую. По мѣрѣ значительности и вліянія, пріобрѣтаемыхъ ею, суровый духъ аристократіи смягчался и народныя права становились постепенно обширнѣе отъ ограниченія прежнихъ непомѣрныхъ правъ дворянства (2).

---

(1) Pfeffel Abrégé de l'Histoire et Droit d'Allemagne, p. 408, 451.

(2) Замѣчаніе XIX.

IV. Между тѣмъ какъ городскіе жители получали свободу по льготнымъ грамотамъ, деревенскимъ, которыхъ употребляли на землепашество, стали давать вольность посредствомъ отпускныхъ. Въ первыя лѣта феодальнаго правленія простой народъ находился въ порабощеніи. Онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, и съ нею вмѣстѣ переходилъ отъ одного вассала къ другому черезъ продажу, или по уступкѣ. Духъ феодальной политики не благопріятствовалъ вольности людей этого рода. Существовало постоянное правило, что ни одинъ вассалъ не могъ законно уменьшить цѣны своей лены къ вреду Барона, отъ котораго принялъ её. Въ слѣдствіе этого отпускныя непосредственнаго господина не имѣли силы, пока не утверждалъ ихъ старшій Баронъ, отъ котораго онъ зависѣлъ. Такимъ образомъ необходимо было восходить по всѣмъ степенямъ феодальной подчиненности до самаго Короля (1). Медленность и затруднительность этого обряда отнимали охоту къ отпущенію на волю. Дворовые часто получали свободу по человѣколюбію, или благотворительности своихъ господъ, которымъ они исключительно принадлежали; участь же прикрѣпленныхъ къ землѣ была почти неизмѣнна.

Но свобода и независимость, пріобрѣтенныя одною частію народа посредствомъ учрежденія общинныхъ городовъ, вдохнули въ другую самое пылкое желаніе получить тѣ же самыя преимущества, и господа, чувствительные къ выгодамъ отъ прежняго своего снисхожденія, съ меньшею неохотою жаловали народу новыя льготы.

---

(1) Etablissemens de St. Louis liv. II. ch. 34. Ordon. Tom. I, 283, note a.

Отпущеніе рабовъ на волю стало чаще, и Французскіе Монархи, побуждаемые необходимостію стѣснить власть дворянства, старались распространить его во всей Франціи. Людовикъ X и братъ его Филиппъ издали указы (1315 и 1318), въ которыхъ между прочимъ сказано: какъ всѣ люди по природѣ свободнорожденные, и наше Королевство называется Королевствомъ Франковъ, то мы хотимъ, чтобы оно дѣйствительно было такимъ, каково по имени, а потому повѣлеваемъ давать отпускныя во всемъ Королевствѣ на справедливыхъ условіяхъ (1)." Эти указы были немедленно приведены въ исполненіе по Королевскимъ удѣламъ. Примѣръ Государей и надежда большихъ выгодъ побудили многихъ дворянъ отпускать своихъ подчиненныхъ на волю, и рабство постепенно уничтожилось почти во всѣхъ областяхъ Франціи (2). Въ Италіи отпущеніе на волю введено было учрежденіемъ въ большихъ городахъ республиканскаго правленія, духъ и правила котораго совершенно отличались отъ сущности феодальной системы мыслями о равенствѣ, распространенными успѣшною торговлею. Что касается до Германіи, то въ однѣхъ областяхъ ея люди, прикрѣпленные къ землѣ, получили свободу, а въ другихъ была смягчена жестокость ихъ участи. Въ Англіи, гдѣ духъ свободы уже воцарялся, не только слово: личное рабство, но самое понятіе объ немъ совершенно истребились, даже безъ посредства законодательной власти.

Столь достопримѣчательная перемѣна въ состояніи большей части народа не могла остать-

---

(1) Ordon. t. I, p. 583,653.

(2) Замѣчаніе XX.

ся безъ важныхъ послѣдствій. Поселянинъ, властный въ своей работѣ, увѣренный въ неотъемлемой принадлежности ему плодовъ труда его, становился откупщикомъ тѣхъ полей, которыя прежде воздѣлывалъ принужденно; сами собою открывались ему новые виды и возникали новыя побужденія къ предпріимчивости. Надежда улучшить свой жребій и перейти въ званіе болѣе почетное ободряла его умъ и дѣятельность. Такимъ образомъ изъ многочисленнаго сословія, прежде не имѣвшаго бытія гражданскаго, вышли полезные члены общества, которые способствовали его успѣхамъ въ могуществѣ и богатствѣ.

V. Различныя средства, испытанныя для введенія судопроизводства постояннаго, однообразнаго и дѣятельнаго, много споспѣшествовали благоустройству гражданскихъ обществъ. Теперь не возможно опредѣлить съ точностію, какъ отправлялось правосудіе у варварскихъ народовъ, которые нападали на Римскую Имперію и овладѣли различными ея областями. Изъ образа ихъ правленія и понятій о существѣ общественной жизни можно заключить, что судебная власть была у нихъ очень стѣснена, а самоуправство мало ограничено. Исторія и памятники самой глубокой древности оправдываютъ это заключеніе и представляютъ правосудіе и судопроизводство въ Европейскихъ Государствахъ почти такими, какъ они бываютъ въ состояніи природы. Поддержаніе порядка и спокойствія въ обществѣ точнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ законовъ, кара за преступленія, нарушающія безопасность, отъ имени и властію цѣлаго общества, признаваніе наказаній торжественнымъ примѣромъ для отвращенія отъ неповиновенія законамъ—все это правительства мало разумѣли въ сущности и еще

менѣе уважали на дѣлѣ. Мечемъ правосудія, можно сказать, владѣли частные люди. Злоба была почти единственною причиною, по которой преслѣдовали за преступленія; удовлетвореніе же этой страсти служило цѣлію и основою наказаній. Одинъ только обиженный имѣлъ право преслѣдовать своего оскорбителя, наказать, или простить его. Безпорядки и безначаліе произошли отъ этого самоуправства, едва совмѣстнаго съ существованіемъ гражданскихъ обществъ. Суевѣріе вмѣстѣ съ невѣжествомъ относительно сущности правленія въ иныхъ случаяхъ стѣсняло судопроизводство, въ другихъ предоставляло ему совершенный произволъ. Исправленіе пагубныхъ недостатковъ правосудія и усовершенствованіе его были въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ главнымъ предметомъ государственныхъ занятій. Все сдѣланное съ этою цѣлію можно отнести къ тремъ главнымъ средствамъ; изложить ихъ и показать образъ ихъ дѣйствія весьма важно для исторіи Европейскихъ народовъ.

1. Первое значительное средство къ усовершенствованію правосудія было уничтоженіе права частныхъ людей воевать другъ съ другомъ отъ своего имени и по своей волѣ. Мстить за нанесенныя обиды и воздавать зломъ за зло столь же свойственно человѣку, какъ питать дружбу; и то и другое почитается неотъемлемымъ правомъ его, пока общество находится въ простѣйшемъ своемъ видѣ. Люди въ этомъ состояніи не думаютъ, что они могутъ вступаться только за личныя обиды; оскорбленія, наносимыя родственникамъ ихъ, или тѣмъ, честію которыхъ они дорожатъ, равнымъ образомъ побуждаютъ ихъ къ мщенію. Дикарь, не разумѣя началъ общественной жизни, глубоко проникается чувствомъ свя-

зей и обязанностей, происходящихъ отъ узъ кровныхъ. При видѣ оскорбленія, нанесеннаго семейству его, или племени, онъ воспламеняется местію и преслѣдуетъ виновнаго съ бѣшенствомъ. Для него малодушно предоставить наказаніе чужой рукѣ, и безчестно, чтобы другой рѣшилъ, какое онъ долженъ получить возмездіе, или какою удовлетвориться карою.

Правила и поступки необразованныхъ народовъ относительно преслѣдованія и наказанія оскорбителей, особенно у древнихъ Германцевъ и другихъ варваровъ, нападавшихъ на Римскую Имперію, совершенно сходны съ этими понятіями (1). Пока они сохраняли природную простоту нравовъ и еще раздѣлялись на малыя племена, или общества, до тѣхъ поръ слабо чувствовали недостатки въ уголовномъ судопроизводствѣ (если оно стоитъ этого названія). Когда же поселились въ обширныхъ областяхъ, ими завоеванныхъ, и составили большія Государства, когда новые предметы для честолюбія умножили число и силу раздоровъ между ими; тогда они были должны принять новыя правила для прекращенія обидъ и утвердить общими и положительными законами то, что прежде предоставляли на произволъ страстей. Но свирѣпые и высокомѣрные Бароны, привыкшіе сами отмщать своимъ оскорбителямъ, и не думали отказаться отъ права, которое почитали преимуществомъ своего сословія и знакомъ своей независимости. Законы Государей безъ могущества, поддерживаемые правительствомъ безсильнымъ, внушали мало уваженія. Отправленіе правосудія у народовъ грубыхъ и невѣжественныхъ по своей неопредѣленности не могло вну-

(1) Tacit. de Mor. German. cap. 21. Vell. Paterc. lib. II, c. 118.

шать безпрекословнаго повиновенія судебнымъ приговорамъ. Каждый оскорбленный Баронъ, вооружась и предводительствуя вассалами, самъ отправлялся требовать удовлетворенія. Противникъ встрѣчалъ его въ оборонительномъ положеніи. Ни одинъ изъ нихъ не прибѣгалъ къ защитѣ безсильныхъ законовъ. Ни одинъ не хотѣлъ подвергнуть дѣла, въ которомъ страсти его принимали жаркое участіе, медленному судебному рѣшенію. Оба повѣряли конецъ вражды мечамъ своимъ. Родственники и подчиненные оскорбителя и обиженнаго вовлекались въ междоусобіе. Они даже не имѣли свободы въ немъ неучаствовать. Кто уклонялся отъ содѣйствія своей сторонѣ, того постигало не только безславіе, но и законная пеня.

Всѣ королевства Европы были терзаемы въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ междоусобными войнами, которыя возникали по частнымъ неудовольствіямъ и производились со всею злобою, свойственною людямъ съ свирѣпыми нравами и неукротимыми страстями. Помѣстье каждаго Барона составляло родъ независимаго удѣла, и находилось въ непрестанной враждѣ со всѣми окружными владѣніями. Самоуправство такъ глубоко укоренилось, что образъ производства междоусобныхъ войнъ получилъ законную силу, и всѣ относившіяся до нихъ постановленія вошли въ составъ законовѣдѣнія (1), какъ будто бы они основывались на какомъ нибудь естественномъ правѣ, или на первоначальномъ устройствѣ гражданскихъ обществъ.

Ужасные безпорядки и бѣдствія, происшедшія отъ непрерывныхъ междоусобій, побудили къ от-

(1) Beaumanoir Coustumes de Beauvoisis, ch. 59 et les notes de Thaumassiere, p. 447.

нятію у дворянъ гибельнаго ихъ преимущества. Для каждаго Государя было важно прекратить частныя войны, почти совершенно уничтожавшія власть его. Карлъ Великій указомъ своимъ именно запретилъ ихъ, какъ изобрѣтеніе діавола для нарушенія общественнаго порядка и благосостоянія (1); но царствованіе одного Государя, хотя могущественнаго и дѣятельнаго не могло, по своей кратковременности, вывести обычай, глубоко укоренившійся. Слабые преемники Карла осмѣлились только ограничить междоусобія, вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ запрещеніе. Они объявили беззаконною ту войну, которую кто-нибудь начиналъ безъ торжественнаго извѣщенія объ ней родственниковъ и вассаловъ своего противника; установили, чтобы обиженный нападалъ на нихъ спустя сорокъ дней отъ нанесенія ему обиды; обязали всѣхъ прекращать раздоры частные, когда Королю надлежало воевать съ внѣшними врагами. Церковь содѣйствовала гражданскому правительству и употребила власть свою для истребленія обычая, противнаго духу Христіанства. На различныхъ соборахъ запретили междоусобія и предали самымъ тяжкимъ проклятіямъ тѣхъ, которые бы стали требовать этого варварскаго права, или пользоваться имъ. Призвали въ помощь самую Вѣру для укрощенія свирѣпости нравовъ. Говорили, что Всемогущій объявлялъ въ видѣніяхъ и откровеніями, сколь неугоденъ Ему духъ мщенія, обуявшій Его тварей. Людей умоляли именемъ Бога вложить въ ножны убійственные мечи и вспомнить священные узы, совокупляющіе ихъ, какъ Христіанъ

(1) Capitul. A. D. 801, edit. Baluz. vol. I, p. 371.

и членовъ одного и того же общества. Но хотя соединенie гражданской власти съ церковною и подкрѣплялось всѣмъ, что было наиболѣе способно встревожить и устрашить легковѣрные умы людей тѣхъ вѣковъ, однакожъ оно произвело только временное прекращенie междоусобiй и воздержанie отъ войны единственно по нѣкоторымъ днямъ, посвященнымъ торжественнѣйшимъ обрядамъ благочестiя. Дворяне не уступали опаснаго своего преимущества, не хотѣли повиноваться законамъ, имѣвшимъ цѣлiю его уничтоженie, или ограниченie, просили, спорили за право междоусобiя, какъ за самое высокое, самое почетное отличie своего сословiя. Даже въ XIV столѣтiи дворяне различныхъ областей Францiи предпочитали старинный способъ рѣшать ссоры мечемъ новому обыкновенiю подвергать ихъ судебному разбору. Совершенное истребленie частныхъ войнъ въ этомъ Королевствѣ и другихъ земляхъ, гдѣ онѣ существовали, не столько должно приписывать силѣ указовъ, сколько постепенному приращенiю самодержавной власти и распространенiю болѣе здравыхъ понятiй о правленiи, порядкѣ и общественной безопасности (1).

2. Запрещенie судебныхъ поединковъ было другимъ важнымъ средствомъ къ усовершенствованiю правосудiя, давъ ему возможность покровительствовать общественному порядку и безопасности. Какъ право вести междоусобныя войны позволяло частнымъ людямъ рѣшать свои ссоры, по примѣру народовъ, оружiемъ; то судебные поединки, установленные въ каждой Европейской странѣ, изгнали правду изъ судилищъ и подчинили рѣше-

(1) Замѣчанie XXI.

нія ихъ случаю и силѣ. Въ образованныхъ Государствахъ всѣ важныя дѣла производятся письменно. Представленный актъ, или документъ служитъ полнымъ доказательствомъ дѣлу и съ точностію означаетъ взаимныя обязанности истца и отвѣтчика. Но у грубыхъ народовъ, у которыхъ умѣнье читать и писать почиталось искуствомъ необыкновеннымъ, давало право на званіе клерка, или ученаго, письменно изображались только договоры Государей, права и грамоты, жалованныя ими подданнымъ, и частныя распоряженія особенной важности; большая же часть дѣлъ въ общежитіи производилась по словеснымъ условіямъ и обѣщаніямъ. Это при искахъ и тяжбахъ не только затрудняло въ разборѣ доказательствъ, но даже благопріятствовало хитрости и лжѣ надеждою остаться безъ наказанія. Не менѣе было неудобствъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, когда надлежало открывать виновныхъ въ преступленіи, или опровергать ложные доносы. Варварскіе народы не имѣли понятія о сущности и силѣ законныхъ доказательствъ. Для законодательства невѣжественныхъ вѣковъ было очень мудрено и отвлеченно исчислить ихъ съ точностію; опредѣлить въ какихъ случаяхъ необходимы положительныя и когда довольно случайныхъ, проистекающихъ изъ обстоятельствъ самаго дѣла; установить очныя ставки свидѣтелямъ при ихъ разнорѣчіи и назначить какую степень довѣренности каждый изъ нихъ заслуживаетъ. Вмѣсто этого ввели обрядъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго гораздо простѣе. Какъ скоро дѣло не было совершенно ясно, обвиняемый, или отвѣтчикъ, въ избѣжаніе розысковъ, именемъ законовъ приводился къ присягѣ, или предлагалъ очистить себя ею добровольно, — и немедленно оправдывался по соб-

ственному удостовѣренію въ своей невинности (1). Такой образъ суда, нерѣдко спасая преступленіе и обманъ отъ обличенія и наказанія, много усилилъ соблазнъ къ вѣроломству. Тогда узаконили приводить къ присягѣ съ великою торжественностію и всѣми обстоятельствами, которыя могли внушить благоговѣніе, или ужасъ (2). Однако это средство не соотвѣтствовало ожиданіямъ: торжественные обряды стали обыкновенны, и вліяніе ихъ на воображеніе постепенно уменьшилось; люди, которые отваживались попирать истину, были неспособны отъ нихъ смущаться. Замѣтивъ это, законодатели прибѣгнули къ новымъ средствамъ сдѣлать очищеніе присягою вѣрнѣе и удовлетворительнѣе. Они требовали, чтобы обвиняемый представлялъ извѣстное число свободныхъ людей, своихъ сосѣдей, или родственниковъ, которые подтверждали бы его присягу клятвою въ истинѣ всѣхъ его показаній. Такихъ людей называли *соприсяжными*, и число ихъ измѣнялось, смотря по важности дѣла, или по роду преступленія (3). Въ иныхъ случаяхъ для оправданія обвиненнаго было нужно болѣе трехъ сотъ свидѣтелей (4). Но и это средство оказалось недѣйствительнымъ. Нѣсколько вѣковъ честь побуждала каждаго не покидать владѣльца, отъ котораго онъ зависѣлъ, и защищать своихъ единокровныхъ. И такъ кто осмѣливался

---

(1) Leg. Burgund. tit. 8 etc. 45. Leg. Aleman. tit. 89. Leg. Baiwar. tit. 8, § 5, 2. etc.

(2) Du Cange Glossar. voc. *Juramentum*, vol. III, p, 1607, Edict. Benedict.

(3) Ib. vol. III. p. 1599.

(4) Spelman Glossar. voc. *Assath.* Gregor. Turon. Hist. lib. VIII c. 9.

нарушить законы, всегда находилъ преданныхъ людей, готовыхъ для него на все. Установленіе соприсяжныхъ доставило только мнимую, а не дѣйствительную безопасность отъ обмана и вѣроломства, и пока судебные приговоры исключительно утверждались на присягѣ отвѣтчиковъ, то очевидною своею несправедливостію нерѣдко возбуждали всеобщее негодованіе (1).

Чувствуя недостатки такого судопроизводства, но не умѣя исправить ихъ, наши предки обратились къ Небу, почитая этотъ путь самымъ вѣрнымъ для открытія истины и обмана, и начали предоставлять всѣ споры мнимому рѣшенію Незаблуждающейся Премудрости и Нелицепріятнаго Правосудія. Обвиняемый, въ доказательство своей невинности, погружалъ руку въ кипящую воду, или поднималъ голой рукою раскаленное желѣзо, или ступалъ на него босыми ногами, иногда подвергался другимъ мучительнымъ и опаснымъ испытаніямъ, иногда же вызывалъ своего обвинителя на поединокъ. Всѣ эти роды испытаній производились съ набожными обрядами: призывали служителей вѣры, молили Всемогущаго обнаружить преступника и спасти невиннаго. Кто оставался невредимъ, или побѣждалъ, того провозглашали оправданнымъ по *Суду Божію* (2).

Изъ всѣхъ странныхъ учрежденій, обязанныхъ бытіемъ своимъ слабости человѣческаго разума, то, которое подвергало дѣла о собственности, добромъ имени и жизни людей рѣшенію случая, или тѣлесной силы и ловкости, кажется наиболѣе несправед-

---

(1) Leg. Longobard. lib. II, tit. 55. § 34.

(2) Murat. Dissertatio de Judiciis Dei. Antiq. Ital. vol. III, p. 612.

ливымъ. Были однако обстоятельства, которыя заставили Европейцевъ почитать этотъ сомнительный образъ суда прямымъ воззваніемъ къ Небу и вѣрнымъ средствомъ къ откровенію воли Его. Людямъ, неспособнымъ постигать какъ Всемогущій управляетъ вселенною по однообразнымъ, неизмѣннымъ и всеобщимъ законамъ, свойственно вообразить, что во всякомъ дѣлѣ, которому страсти, или выгоды ихъ придаютъ важность въ ихъ собственныхъ глазахъ, Верховный Правитель міра долженъ видимо являть свое могущество, защищая невинность и карая порокъ. Много надобно просвѣщенія и ума, чтобы вывести народъ изъ этого заблужденія. Но мысли, которыя господствовали въ Европѣ въ продолженіе темныхъ вѣковъ, должны были не истребить его, а усилить. Тогда люди вѣрили, что вѣчные законы природы могутъ измѣняться по самымъ обыкновеннымъ случаямъ; болѣе искали въ ней особенныхъ и чрезвычайныхъ явленій Божія всемогущества, нежели разсматривали какъ она устроена и управляема въ цѣломъ; твердо надѣялись на посредство Высочайшаго Существа въ дѣлахъ, торжественно предоставляемыхъ Его рѣшенію.

Вмѣстѣ съ этимъ мнѣніемъ воинственный духъ Европейскихъ народовъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ споспѣшествовалъ распространенію судебныхъ поединковъ. Готовность подтвердить слова свои мечемъ была первымъ закономъ чести для каждаго благороднаго человѣка. Надмѣнные дворяне поставляли все свое отличіе и гордость въ возможности защищать собственныя права силою оружія и мстить своимъ оскорбителямъ. Испытаніе посредствомъ поединковъ согласовалось съ ихъ образомъ мыслей и господствующими

страстями. Каждый сталъ самъ охранителемъ своей чести и жизни, каждый въ правотѣ своего дѣла и добромъ имени началъ зависѣть отъ личной своей храбрости и искусства владѣть оружіемъ: причина весьма достаточная въ то время для признанія этого рода суда за самый счастливый и мудрый вымыслъ правительства. Вскорѣ всѣ роды испытанія огнемъ, водою и другими средствами вышли изъ употребленія, или остались для людей низшаго сословія; а судебные поединки были допущены во всей Европѣ и приняты въ каждомъ Государствѣ съ равнымъ удовольствіемъ. Не только сомнительныя и спорныя дѣла, но даже общіе и отвлеченные вопросы въ правовѣдѣніи рѣшались оружіемъ, и этотъ способъ для открытія истины почитался благороднѣе и удовлетворительнѣе всякихъ изслѣдованій и доводовъ. Не только начавшіе судиться, разгоряченные жаромъ и колкостію спора, могли требовать другъ отъ друга поддержанія обвиненія, или доказательства невинности мечемъ; но даже свидѣтели, не имѣвшіе никакой выгоды отъ исхода дѣла, были подвержены опасности вызова на поединокъ и обязаны подтверждать справедливость своихъ показаній оружіемъ, хотя призывались для объявленія истины законами, которые долженствовали бы обезпечивать ихъ своимъ покровительствомъ. Въ довершеніе нелѣпостей этого военнаго судопроизводства и санъ судьи не ограждался отъ насилія. Судья могъ быть не допущенъ до рѣшенія истцомъ, или отвѣтчикомъ, обвиненъ въ пристрастіи и лихоимствѣ самыми оскорбительными словами, вызванъ на защиту своего безкорыстія мечемъ, и не смѣлъ, безъ позора, не поднять брошенной ему перчатки и уклониться отъ поединка.

Такимъ образомъ испытаніе поединками, подобно другимъ злоупотребленіямъ, постепенно распространилось, и притомъ на всякое лице и на всѣ случаи. Духовные, женщины, малолѣтные, престарѣлые и немощные, которыхъ приличіе и справедливость не позволяли принуждать къ кровопролитной защитѣ ихъ дѣлъ, обязывались представлять рыцарей, изъ любви, или корысти готовыхъ за нихъ сражаться. Обряды этого варварскаго обычая были сообразны съ мнѣніемъ объ немъ, какъ о торжественномъ воззваніи къ Богу и окончательной расправѣ даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Все, что касалось до судебныхъ поединковъ, было установлено именными указами Государей и объяснено законовѣдцами съ мелочною и даже суевѣрною точностію. Познаніе этихъ законовъ и обрядовъ составляло все просвѣщеніе, которымъ воинственные дворяне тогда гордились и котораго они старались достигнуть (1).

Судебные поединки совершенно измѣнили естественный ходъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго. Сила похитила мѣсто у справедливости въ судилищахъ, и правосудіе было изгнано изъ своего жилища. Проницательность, просвѣщеніе, безкорыстіе, стали менѣе нужны судьѣ, нежели тѣлесная доблесть и искусство въ управленіи оружіемъ. Мужество, храбрость, крѣпость мышцъ и ловкость были гораздо важнѣе для успѣшнаго окончанія дѣла, нежели справедливость его и очевидность доказательствъ. Это естественнымъ образомъ побудило людей къ усоверше-

---

(1) См. любопытную рѣчь о законахъ судебныхъ поединковъ, говоренную Ѳомою Вудстокскимъ, Герцогомъ Глочестерскимъ, дядею Ричарда II. Spelman. Glossar. voc. *Campus*.

нію способностей, отъ которыхъ они могли получать всего болѣе пользы въ общежитіи. Пріобрѣтеніе тѣлесной силы и умѣнья хорошо владѣть оружіемъ, равно необходимое для защиты правъ передъ судомъ, и для пораженія враговъ отечества на полѣ брани, стало главнымъ предметомъ воспитанія и любимымъ занятіемъ въ жизни.

Гибельныя послѣдствія судебныхъ поединковъ по яркой своей очевидности были наконецъ замѣчены, не взирая на невѣжество тѣхъ вѣковъ. Сперва духовенство начало проповѣдывать, что испытаніе оружіемъ противно Христіанскому духу, правосудію и порядку (1). Но правила и страсти, благопріятныя этому обычаю, взяли уже полную власть надъ умами людей; увѣщанія и угрозы, которыя въ другихъ случаяхъ заставляли каждаго трепетать, были презираемы. Зло такъ глубоко укоренилось и застарѣло, что старанія духовенства не могли истребить его, и оно, продолжая усиливаться, наконецъ обратило на себя вниманіе гражданской власти. Но, чувствуя ограниченность правъ своихъ, Государи дѣйствовали осторожно, и первыя ихъ покушенія обуздать судебные поединки были очень слабы. Прежде всѣхъ стѣснилъ этотъ обычай, какъ видно изъ Европейской Исторіи, Англійскій Король, Генрихъ I (2). Людовикъ VII, Король Французскій, подражалъ его примѣру (3). Людовикъ Святой, въ законодательствѣ далеко превосходившій понятія своего вѣка, старался ввести

---

(1) Du Cange Glossar. voc. *Duellum.* vol. II, p. 1675.

(2) Brussel Usage des Fiefs, vol. II, p. 962.

(3) Ordon. tom. I, p. 16.

лучшее судопроизводство и замѣнить поединки очевидными доказательствами. Но постановленія его по этому предмету имѣли силу только въ его удѣлахъ. Могущественные коронные вассалы пользовались такою независимою властію и были такъ сильно привязаны къ древнему обычаю, что Людовикъ не отважился распространить своихъ повелѣній на цѣлое Королевство. Иные Бароны однакожъ добровольно приняли ихъ. Судилища возстали противъ поединковъ и старались поколебать общую къ нимъ довѣренность. Но дворяне, полагая высокую честь въ томъ, что ихъ жизнь и собственность зависѣла только отъ нихъ самихъ, упорно стояли за любимое преимущество своего сословія; и преемники Людовика Святаго, безсильные смирить могущественныхъ подданныхъ, страшась даже оскорбить ихъ, по необходимости должны были терпѣть и допускать гибельное зло, которое онъ старался уничтожить (1). Въ другихъ Европейскихъ земляхъ дворяне употребляли не менѣе ревностныя усилія для поддержанія судебныхъ поединковъ, а Государи имѣли такое же невольное снисхожденіе къ этому обычаю. Однако прекращеніе его было постояннымъ предметомъ заботъ каждаго умнаго и дѣятельнаго Монарха: многіе указы служатъ тому доказательствомъ. Но замѣчаніе, сдѣланное о правѣ междоусобныхъ войнъ, можно примѣнить и къ испытанію, о которомъ теперь говорится. Если какой обычай существуетъ долгое время и основывается на современныхъ ему нравахъ и предразсудкахъ, то, не взирая на всю свою нелѣпость, онъ никогда не уничтожится простымъ обнародованіемъ законовъ. Для

---

(1) Ordon. Tom. I, 328, 390, 435.

этого долженъ измѣниться образъ мыслей народа, должна возникнуть новая сила, которая была бы въ состояніи противодѣйствовать могуществу обычая. Такая перемѣна послѣдовала въ Европѣ, когда расширился въ ней кругъ просвѣщенія и улучшилось государственное устройство. По мѣрѣ распространенія правъ самодержавія утверждалась власть, для своихъ выгодъ искоренявшая всѣ обычаи, благопріятные независимости дворянства. Однако борьба между сопротивными силами продолжалась нѣсколько столѣтій; иногда новыя постановленія и мысли начинали, по видимому, укрѣпляться, иногда появлялись прежніе обычаи; и хотя судебные поединки болѣе и болѣе выходили изъ употребленія, но примѣры ихъ встрѣчаются во Французской и Англійской Исторіи даже въ XVI вѣкѣ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ уничтоженіемъ ихъ возстановлялось надлежащее правосудіе, дѣла производились по извѣстнымъ законамъ, и судьи занимались изученіемъ этого необходимаго для нихъ руководства; когда же совершенно исчезла главная причина свирѣпости нравовъ Европейскихъ народовъ, то они быстро пошли къ образованности, нынѣ ихъ отличающей (1).

3. Право подавать жалобы на Баронскія судилища Королевскимъ, также много способствовало введенію бо́льшаго порядка, однообразія и дѣятельности въ судопроизводствѣ. Между высокомѣрными притязаніями феодальныхъ дворянъ всѣхъ замѣчательнѣе то, по которому они присвоили себѣ верховное правосудіе въ своихъ владѣніяхъ. Подданные и въ другихъ странахъ возставали противъ Государей, желая распростра-

(1) Замѣчаніе XXII.

нить права свои; но никогда не требовали и не получали подобнаго преимущества. Была особенность въ духѣ Феодализма, побудившая Бароновъ къ дерзкому ихъ предпріятію. У грубыхъ народовъ, основателей новыхъ Королевствъ на развалинахъ Римской Имперіи, страсть къ мщенію была неукротима, не терпѣла ограниченій, и законы давали ей почти совершенную свободу. Обиженный имѣлъ право не только преслѣдовать, но даже наказывать своего оскорбителя. Ему предоставлялось на волю мстить какъ угодно, или удовлетвориться какимъ онъ хотѣлъ возмездіемъ. Но пока свирѣпые варвары сами оставались судьями въ дѣлахъ своихъ, ненависть ихъ была непримирима, не существовало предѣловъ продолженію вражды, ни мѣры мщенію. Великія бѣдствія отъ безначалія требовали пособія. Завелись посредники, которые просьбами, убѣжденіями старались склонять обиженныхъ къ принятію пени, или возмездія отъ оскорбителей и къ прекращенію дальнѣйшаго преслѣдованія. Но покорность лицамъ, не облеченнымъ законною властію была совершенно произвольна; необходимо надлежало учредить судей, могущихъ приводить въ исполненіе свои приговоры. Вождь, которому воинственный народъ привыкъ повиноваться, котораго онъ чтилъ за мужество и безкорыстіе, естественнымъ образомъ получалъ отъ него это важное преимущество. Каждый вождь былъ начальникомъ своего племени въ военное и судіею его въ мирное время. Каждый Баронъ предводительствовалъ своими вассалами на полѣ брани, и творилъ надъ ними судъ и правду у себя дома. Они, по гордости, не хотѣли признавать ничьей другой власти и подлежать иному вѣдомству. Но въ смутныя времена отправленіе новой долж-

ности было сопряжено не только съ препятствіями, но даже съ опасностію. Судьѣ надлежало имѣть довольно могущества для защиты однихъ отъ жестокаго права возмездія и для принужденія другихъ къ принятію назначеннаго удовлетворенія. По этому судьи, кромѣ пени обиженному за безчестье, сбирали еще пошлины въ награду личныхъ трудовъ своихъ. Подобно пенямъ, онѣ были опредѣлены съ точностію и взыскивались очень строго во всѣхъ феодальныхъ Государствахъ.

Такимъ образомъ по естественному вліянію обстоятельствъ, свойственныхъ нравамъ и гражданскому состоянію народовъ, управляемыхъ феодально, у каждаго изъ нихъ учредилось отдѣльное, помѣстное судопроизводство, къ поддержанію и распространенію котораго побуждали Бароновъ и гордость и выгоды. Феодальные дворяне не по одному внушенію чести были судіями своихъ вассаловъ: этотъ санъ служилъ главною отраслію богатства ихъ, и часто одними судебными доходами они поддерживали свое званіе. Между тѣмъ отъ учрежденія помѣстныхъ судовъ каждое Королевство въ Европѣ дробилось на столько независимыхъ владѣній, сколько въ немъ было сильныхъ Бароновъ. Вассалы ихъ въ мирное и военное время не признавали ничьей высшей власти. Они думали, что не обязаны никому другому повиноваться, и что не подлежатъ вѣдомству посторонняго начальства. Узы, которые соединяли эти малыя общества, стали крѣпки, тверды; единство же государственное нарушилось. Дворяне устремили изобрѣтательность ума своего на составленіе правилъ, способныхъ обезопасить и увѣковѣчить присвоенное ими право. Желая доставить своимъ судилищамъ полную

самостоятельность, они вынудили Королевское повелѣніе, запрещавшее коронным судьямъ въѣзжать къ нимъ въ земли и пользоваться въ нихъ судебною властію. Если же такой судья отваживался простирать ее на вассаловъ, изъятыхъ изъ короннаго вѣдомства, то Баронъ, непосредственный ихъ покровитель, могъ не только избавить ихъ отъ чужаго суда, но еще требовать законнаго удовлетворенія за нанесенную ему обиду. Власть коронныхъ судей не простиралась далѣе тѣсныхъ границъ Королевскихъ удѣловъ. Вмѣсто правильной постепенности присутственныхъ мѣстъ и принятія въ руководство однихъ общихъ законовъ, во всякомъ феодальномъ Королевствѣ существовало множество независимыхъ судилищъ, въ которыхъ дѣла рѣшались по мѣстнымъ обычаямъ и которыя частыми спорами между собою о правѣ судопроизводства замедляли ходъ правосудія. Въ его отправленіи не было никакой опредѣленности и однообразія, но господствовали произволъ, странности, противуположности.

Всѣ Европейскіе Государи видѣли бѣдствія отъ ограниченія судебной власти своей и переносили его нетерпѣливо. Но присвоенія дворянъ утвердились такъ прочно, и опасность отнять похищенныя ими права открытою силою была такъ очевидна, что по необходимости надлежало довольствоваться неспѣшными мѣрами расчетливаго благоразумія. Каждая изъ нихъ заслуживаетъ вниманіе, какъ средство къ усовершенію правосудія. Сперва Государи старались ограничить судебную власть Бароновъ, позволивъ имъ рѣшать только незначительныя дѣла, предоставляя важныя подъ именемъ *Коронныхъ*, или *Государственныхъ* разсмотрѣнію Королевскихъ судилищъ. Это обязало единственно Бароновъ не-

сильныхъ; могущественные не смотрѣли на новое распредѣленіе дѣлъ и не только требовали себѣ неограниченной судебной власти, но даже принудили своихъ Государей допустить и признать ее во всей силѣ грамотами. Однако сдѣланный опытъ имѣлъ хорошія слѣдствія и приготовилъ лучшія. Онъ показалъ людямъ, что есть судебная власть, кромѣ баронской; расположилъ ихъ къ равнодушію при требованіяхъ, которыми она искала первенства надъ помѣстнымъ судопроизводствомъ и научилъ въ случаѣ притѣсненій отъ Бароновъ прибѣгать къ покровительству Государей. Это облегчило введеніе жалобъ, по которымъ рѣшенія баронскихъ судилищъ переходили на разсмотрѣніе въ коронныя. Пока судебные поединки существовали въ полной силѣ, ни одно дѣло, ими конченное, не могло уже быть перевершено. Оно предоставлялось суду Самаго Бога, исходъ сраженія изъявлялъ волю Его, слѣдовательно неблагочестиво было сомнѣваться въ справедливости Божескаго рѣшенія. Но какъ скоро этотъ варварской обычай сталъ выходить изъ употребленія, то Государи поощряли баронскихъ вассаловъ подавать жалобы въ суды Королевскіе. Однако успѣхи нововведенія были не быстры, постепенны. Первоначальныя жалобы на Баронскія судилища подавались за *медленность*, или *отказъ* въ правосудіи, и были допущены дворянами безъ большаго сопротивленія, потому что это сообразовалось съ понятіями о феодальной подчиненности. Но когда пошли жалобы на *несправедливость* рѣшеній, то Бароны поняли, что при распространеніи новаго обыкновенія въ ихъ рукахъ останется одна тѣнь власти, а все существенное могущество сосредоточится въ Королевскихъ судилищахъ. Немедленно возстали они противъ притязанія

Государей и смѣло защищали древнія свои преимущества. Но Монархи Европейскіе слѣдовали предначертанію своему съ твердостію и благоразуміемъ. Принуждаемые останавливать свои дѣйствія и притворно уступать, когда вассалы составляли противъ нихъ грозные союзы, они воспринимали прежнія мѣры и мужественно приводили ихъ въ исполненіе, какъ скоро дворяне успокоивались, или ослабѣвали. Королевскіе суды, которые были первоначально походными и открывались въ неопредѣленное время, получили повѣленіе имѣть постоянное мѣстопребываніе и открываться въ извѣстное время года. Судьи избирались превосходившіе своими способностями баронскихъ. Должность ихъ была возвышена, засѣданія стали пышнѣе, торжественнѣе; судопроизводство правильнѣе, рѣшенія дѣйствительны. Такія мѣста и лица мало по малу пріобрѣли общественную довѣренность и уваженіе. Народъ, обходя пристрастныя судилища господъ своихъ, спѣшилъ представлять каждое дѣло на внимательное и справедливое разсмотрѣніе людей, которымъ Государь ихъ даровалъ право творить судъ и правду отъ своего имени. Такимъ образомъ Короли стали опять главами гражданскихъ обществъ и судіями своихъ подданныхъ. Въ иныхъ Королевствахъ Бароны сами оставили судебную власть свою, потому что она пришла въ презрѣніе; въ другихъ ограничили ее законами, не допускавшими до злоупотребленій, или совершенно уничтожили прямыми указами. Правосудіе, сосредоточенное въ рукахъ Государей, сдѣлалось въ каждой землѣ точнѣе, однообразнѣе и быстрѣе въ своемъ отправленіи (1).

---

(1) Замѣчаніе XXIII.

VI. Учрежденія и законы Каноническаго Права, которое пріобрѣло всеобщее уваженіе по вліянію своему на духовныя судилища, не мало способствовали улучшеніямъ судопроизводства, мною исчисленнымъ. Каноническое Право, какъ пособіе духовенству въ присвоеніи власти и правъ, несоотвѣтственныхъ его званію и несовмѣстныхъ съ порядкомъ общественнымъ, или какъ главное орудіе для утвержденія Папскаго владычества, которое колебало престолы и грозило свободѣ всѣхъ Государствъ Европейскихъ, должно быть названо однимъ изъ опаснѣйшихъ произведеній ума противъ благосостоянія гражданскихъ обществъ. Но, какъ собраніе законовъ о правахъ и собственности, оно и съ своими послѣдствіями въ этомъ отношеніи достойно суда благопріятнаго. Въ вѣки невѣжества и легковѣрія служители алтаря бываютъ предметомъ суевѣрнаго почтенія. Духовенство пользовалось значительною властію, когда варвары, нападавшіе на Имперію, приняли вѣру Христіанскую. Въ нихъ естественнымъ образомъ родились къ новымъ пастырямъ глубокая покорность и уваженіе, которыя они привыкли оказывать жрецамъ оставленнаго ими язычества. Они вѣроятно думали, что не благочестиво подвергать духовныхъ людей суду свѣтскому, почитая особу и санъ ихъ равно священными. Духовенство видѣло выгоды, которыя доставляла ему слабость ума человѣческаго. Оно завело судилища, гдѣ производились всѣ дѣла объ его личности и собственности; просило и почти совершенно было освобождено отъ власти гражданскаго начальства; подъ различными предлогами и посредствомъ безчисленныхъ хитростей сообщило это преимущество такому множеству людей и распространило свое

судопроизводство на столько разнообразныхъ случаевъ, что большая часть спорныхъ и тяжебныхъ дѣлъ перешла въ духовное вѣдомство.

Но, для отвращенія ропота и сопротивленія мірянъ, духовенству надлежало убѣдить ихъ, что съ похищаемою имъ властію усовершенствуется отправленіе правосудія: дѣло, въ тѣ времена не трудное. Скудная доля просвѣщенія, существовавшаго въ темные вѣки, вся была захвачена духовенствомъ. Только оно умѣло читать, мыслить и разсуждать. Только ему нѣсколько извѣстно было древнее законоискусство изъ преданій и книгъ, уцѣлѣвшихъ отъ сокрушительной руки варваровъ. По образцу превосходнаго Римскаго Права оно основало сводъ законовъ, согласныхъ съ главными началами справедливости. Дѣлопроизводство въ духовныхъ судилищахъ получило опредѣленность, рѣшенія ихъ стали точны, дѣйствительны отъ принятія въ руководство ясныхъ, положительныхъ законовъ и отъ достаточной силы приводить ихъ въ исполненіе. Самыя наказанія церковныя: отлученіе отъ церкви и другія, были несравненно страшнѣе тѣхъ, которыя свѣтскіе судьи могли назначать въ своихъ приговорахъ.

И такъ естественно, что духовное судопроизводство стало предметомъ удивленія и почтенія всеобщаго, что изъятія изъ гражданскаго вѣдомства искали какъ преимущества и получали его какъ награду. Естественно, что Каноническое Право казалось даже грубымъ народамъ безпристрастнѣе и справедливѣе законовъ, по которымъ производились дѣла въ свѣтскихъ судилищахъ. Эти законы позволяли Баронамъ рѣшать мечемъ всѣ воз-

никавшія между ими неудовольствія; оно подчиняло всякое дѣло судебному разбору. Одни, допуская поединки, ставили случай и силу судіями невинности и порока, истины и лжи; другое повелѣвало всегда руководствоваться уставами справедливости и показаніями свидѣтелей. Ошибка, неправосудіе Барона, во власти котораго находилась феодальная расправа, были сперва невознаградимы, потому что приговоры его не подлежали никакому пересмотру; Каноническое Право учредило постепенность въ судебныхъ мѣстахъ: одно и тоже дѣло могло переходить послѣдовательно въ каждое изъ нихъ по жалобамъ до окончательнаго рѣшенія верховной церковной власти. Такимъ образомъ три великія описанныя мною перемѣны въ феодальномъ судопроизводствѣ были одобрены людьми по вліянію духа и законовъ этого Права. Оно имѣло благотворныя слѣдствія для общества и въ другомъ отношеніи: изъ него заимствованы многія постановленія, которыя теперь ограждаютъ личную безопасность и обезпечиваютъ собственность людей, противныя духу и несовмѣстныя съ правилами прежняго свѣтскаго судопроизводства въ Европѣ. Замѣчая мудрость и справедливость рѣшеній въ духовныхъ судилищахъ, люди увидѣли необходимость оставить, или преобразовать военное судопроизводство Бароновъ (1).

VII. Открытіе и изученіе Римскаго Права содѣйствовало съ сказанными мною причинами распространенію болѣе вѣрныхъ и ясныхъ понятій о правосудіи и существѣ правленія. Между бѣдствіями, которымъ люди подверглись

---

(1) Замѣчаніе XXIV.

опъ жестокости варваровъ, однимъ изъ величайшихъ было низпроверженіе Римскаго Права и судопроизводства, благороднѣйшихъ памятниковъ мудрости великаго народа, сотвореннаго для владычества надъ вселенною. Законы и учрежденія его были совершенно противны образу мыслей и нравамъ свирѣпыхъ завоевателей: относились къ предметамъ, о которыхъ грубыя племена не имѣютъ понятія, сообразовались съ состояніемъ Государства, для нихъ неизвѣстнымъ. По этому, гдѣ варвары ни поселились, Римское Право скоро пришло въ забвеніе и нѣсколько столѣтій лежало подъ тяжестію постановленій, которыя Европейцы величали именемъ законовъ. Но въ половинѣ XII вѣка списокъ Юстиніановыхъ Пандектовъ случайно былъ найденъ въ Италіи. Тѣмъ временемъ состояніе гражданскихъ обществъ много улучшилось и понятія людей такъ умножились и усовершенствовались, что они были поражены удивленіемъ при видѣ законодательства, котораго предки ихъ не понимали. Хотя Европейцы, по своей еще невысокой образованности въ то время, не могли заимствовать у древнихъ любви къ истинной Философіи и умозрительнымъ наукамъ, хотя они еще не чувствовали красотъ и изящества ихъ образцовыхъ сочиненій; однако были довольно просвѣщены, чтобы постигнуть достоинство ихъ законодательства, гдѣ все важнѣйшее для человѣка, всѣ главные предметы его вниманія въ каждомъ вѣкѣ излагались глубокомысленно, опредѣленно и справедливо. Ученые съ ревностію занялись новою наукою, и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ открытія Пандектовъ, почти въ каждомъ Европейскомъ Государствѣ учреждены были Профессоры Гражданскаго Права для его публичнаго преподаванія.

Скоро обнаружились слѣдствія отъ изученія столь совершеннаго образца и отъ подражанія ему. Едва люди ознакомились съ положительными и общими законами, какъ уже почувствовали великость ихъ пользы, нетерпѣливо желали опредѣлить правила для руководства судей въ исполненіи ихъ обязанностей, и принялись съ такимъ усердіемъ за это предпріятіе, важное для гражданскихъ обществъ, что къ концу XII столѣтія привели Феодальное Право въ стройное цѣлое, дополнили и расположили опредѣленнымъ порядкомъ сводъ каноническихъ законовъ, издали собраніе обычаевъ различныхъ областей и Королевствъ съ отчетливостію, которой научились изъ Римскаго Законовѣдѣнія. Въ однихъ Европейскихъ Государствахъ Право Римское было принято въ дополненіе къ ихъ обычайному; въ другихъ оно нечувствительно смѣшивалось съ ихъ законами, на усовершенствованіе которыхъ имѣло тихое, но могущественное вліяніе (1).

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ улучшеній въ законодательствѣ и отправленіи правосудія была весьма важная перемѣна въ нравахъ. Люди начали обработывать свои дарованія и усовершенствоваться въ разныхъ занятіяхъ, чтобы приспособить себя къ отправленію должностей, которыя стали необходимы въ Государствахъ (2). У необразованныхъ народовъ одно только упражненіе въ ратномъ дѣлѣ почитается благороднымъ. У нихъ всѣ способности устремлены на пріобрѣтеніе

---

(1) Замѣчаніе XXV.

(2) Dr. Fergusson's Essay on the History of Civil Society, part IV, sect. 1.

воинскихъ доблестей. Мирныя должности малочисленны, просты, не требуютъ особеннаго, приготовительнаго воспитанія для своего отправленія. То же было въ Европѣ нѣсколько столѣтій. Каждый дворянинъ родился воиномъ, и презиралъ всѣ гражданскія занятія; его не учили ничему, кромѣ ратнаго искусства; самыя забавы его заключались въ молодечествѣ. Даже судьи, которыми могли быть только люди благороднаго происхожденія, ограничивались свѣдѣніями необразованныхъ воиновъ, почитали для себя необходимымъ одно лишь знаніе немногихъ обычаевъ, освященныхъ временемъ, и умѣнье сдѣлать нужныя распоряженія для поединка и рѣшить, происходилъ ли онъ согласно съ законами.

Но когда обряды и правила судопроизводства изложены были письменно и собраны въ одно цѣлое, то Законовѣдѣніе стало наукою, знаніе которой требовало прилежнаго ученія и продолжительнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ судилищахъ. Воинственные дворяне безъ всякаго образованія не имѣли ни досуга, ни охоты предпринять этотъ тяжелой трудъ, совершенно противоположный занятіямъ, которыя по мнѣнію ихъ были приличны ихъ званію. Постепенно они оставляли мѣста свои въ судилищахъ, гдѣ невѣжествомъ своимъ подвергались презрѣнію и гдѣ скучали присутствіемъ, потому что не могли понимать запутанныхъ тяжбъ и хитрыхъ преступленій. Не только рѣшеніе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но самое приготовленіе ихъ къ судопроизводству требовало познанія въ законахъ, пріобрѣтеннаго предварительнымъ ученіемъ. Сословіе людей, къ которымъ сограж-

дане ихъ ежедневно прибѣгали за совѣтами, которымъ они предоставляли на рѣшеніе важнѣйшія дѣла свои, естественнымъ образомъ пріобрѣло значительность и вліяніе въ обществѣ. Законовѣдцы удостоивались отличій, служившихъ прежде исключительною наградою воинской доблести. Имъ ввѣрялись первѣйшія должности государственныя и самая обширная власть. Такимъ образомъ между мірянами было введено еще одно благородное званіе, кромѣ военнаго. Гражданская служба обратила на себя вниманіе людей. Начали обработывать дарованія, для нея необходимыя. Открылся новый путь къ богатству и почестямъ. Мирныя занятія и добродѣтели заняли надлежащее мѣсто и стали получать достойныя награды (1).

VIII. Между тѣмъ какъ эти важныя улучшенія въ состояніи гражданскихъ обществъ и въ отправленіи правосудія постепенно распространялись по Европѣ, благородство и великодушіе чувствованій начали одушевлять дворянство. Они были внушаемы духомъ Рыцарства, которое хотя обыкновенно и почитается страннымъ учрежденіемъ, слѣдствіемъ необузданной воли, источникомъ сумасбродствъ; однако произошло естественнымъ образомъ отъ устройства гражданскихъ обществъ въ то время, и имѣло весьма сильное дѣйствіе на исправленіе нравовъ между Европейскими народами. Феодальному состоянію Государствъ свойственны были непрерывная война, разбои и безначаліе, въ продолженіе которыхъ слабый и безоружный непрестанно подвергались опасности. Власть Государей, по своей ограниченности, не могла водворить внутренняго спокойствія;

(1) Замѣчаніе XXVI.

слабое мѣстное начальство было не страшно его нарушителямъ. Почти только храбрость и великодушіе частныхъ людей спасали отъ права сильнаго. Многіе дворяне, увлекаясь тѣмъ же воинственнымъ духомъ, который побуждалъ другихъ между ими вооружаться для охраненія богомольцевъ, притѣсняемыхъ въ Палестинѣ, приняли на себя защиту оскорбленной невинности въ своихъ отчизнахъ. Эта обязанность была единственнымъ занятіемъ для дѣятельности храбрыхъ рыцарей, когда совершенное покореніе Святой Земли Невѣрными положило конецъ путешествіямъ за море. Подвиги высокаго геройства и истинной славы заключались въ томъ, чтобы смирять дерзость сильныхъ, помогать несчастнымъ, освобождать безпомощныхъ изъ плѣна, прекращать злоупотребленія, покровительствовать женскому полу, сиротамъ, духовенству и всякому, кто не могъ защищать самъ себя оружіемъ. Храбрость, человѣколюбіе, вѣжливость, справедливость, самая тонкая чувствительность въ дѣлахъ чести, были отличительными качествами рыцаря. Религія, которая присоединялась тогда ко всякому установленію, доводила ихъ до романическаго излишества. Приготовленіе въ рыцари было долговременно и трудно, а принятіе сопровождалось торжественными обрядами, благочестивыми и пышными. Каждый человѣкъ благороднаго происхожденія искалъ рыцарскаго званія; Монархи вмѣняли себѣ въ славу получить его отъ руки простаго дворянина; оно почиталось выше сана Королевскаго.

Странная смѣсь храбрости, любезности и благочестія — Рыцарство чудесно сообразовалось съ духомъ воинственныхъ дворянъ, и было бо-

тало послѣдствіями. Свирѣпость войны укротилась, когда человѣколюбіе стало такимъ же украшеніемъ для витязей, какъ мужество; распространились нравы болѣе образованные, когда вѣжливость сдѣлалась любезнѣйшимъ качествомъ въ витязяхъ; насилія уменьшились, когда начали вмѣнять въ заслугу смиреніе и наказаніе притѣснителей. Строгая любовь къ правдѣ и самое благоговѣйное соблюденіе данныхъ обѣщаній, стали отличительными чертами дворянина, потому что Рыцарство слыло училищемъ чести, въ которомъ развивались объ ней самыя утонченныя понятія. Удивленіе къ качествамъ рыцарей, высокія отличія и права, получаемыя ими повсюду въ Европѣ, иногда вдыхали въ нихъ какое то воинственное умоизступленіе, которымъ они увлекались въ странныя предпріятія. Но правила великодушія и чести всегда были глубоко напечатлѣны въ душѣ ихъ и утверждались всѣмъ, что можетъ возбуждать чувствительность, трогать сердце. Романическіе подвиги рыцарей, искавшихъ по свѣту приключеній, хорошо извѣстны и достойно осмѣяны. Но прочное вліяніе Рыцарства на гражданскія общества менѣе замѣчено. Человѣколюбіе, сопровождающее военныя дѣйствія, свѣтская любезность и утонченныя понятія о чести — три главныя отличія новѣйшихъ нравовъ отъ древнихъ — въ большей мѣрѣ могутъ быть приписаны этому учрежденію, пустому по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, но въ самомъ дѣлѣ весьма полезному для человѣчества своими слѣдствіями. Чувствованія, внушаемыя Рыцарствомъ, имѣли могущественное вліяніе на нравы и образъ жизни въ XII, XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Они такъ глубоко укоренились, что пережили силу и славу Рыцарства. Въ Исторіи государствованія Кар-

ла V читатели встрѣтятъ значительныя происшествія, похожія на рыцарскіе подвиги; встрѣтятъ знаменитыхъ особъ, сильно напитанныхъ романическимъ духомъ. Францискъ I стремился отличить себя всѣми качествами совершеннаго витязя, старался подражать геройству рыцарей на войнѣ, пышности и свѣтскости ихъ въ мирное время, и пріобрѣлъ себѣ этимъ такую славу, что ослѣпленный ею соперникъ его, Карлъ V, иногда увлекался его примѣромъ, выходя изъ границъ обыкновеннаго своего благоразумія и умѣренности (1).

IX. Успѣхи просвѣщенія имѣли значительное вліяніе на перемѣну нравовъ между Европейскими народами и введеніе той высокой образованности, которою они теперь отличаются. Хотя Римляне во время упадка своей Имперіи и потеряли чистый вкусъ, содѣлавшій творенія предковъ ихъ образцами совершенства, достойными подражанія въ каждомъ вѣкѣ, однако сохраняли еще любовь къ наукамъ и весьма ревностно занимались искусствами. Грубые варвары презирали ихъ дарованія. Они еще не достигли до того состоянія въ общежитіи, когда развиваются воображеніе и вкусъ. Они были чужды всѣхъ потребностей и желаній, которыя рождаютъ изобрѣтательность ума и, не постигая ни цѣны, ни пользы Римскихъ искусствъ, сокрушали памятники ихъ съ ревностію, равною стараніямъ своего потомства объ ихъ открытіи и сохраненіи. Перевороты, произведенные въ Имперіи поселеніемъ варваровъ, частыя и сильныя потрясенія въ каждомъ изъ Королевствъ, основан-

---

(1) Замѣчаніе XXVII.

ныхъ ими, и существенные недостатки ихъ образа правленія уничтожали безопасность и спокойствіе, препятствовали возрожденію наукъ и искусствъ и содержали Европу нѣсколько столѣтій въ невѣжественномъ состояніи. Но исчисленныя событія и учрежденія произвели великія перемѣны въ Государствахъ. Какъ скоро большая часть народа получила права гражданскія, какъ скоро всѣ члены Государства узнали выгоды, проистекающія отъ торговли, общественнаго порядка и личной безопасности, то умъ человѣческій открылъ въ себѣ силы, которыхъ дотолѣ не чувствовалъ и предался занятіямъ, къ которымъ прежде казался неспособнымъ. Передъ началомъ XII столѣтія замѣтны уже первые признаки пробужденія его отъ сна долговременнаго въ любопытствѣ и вниманіи къ новымъ передметамъ.

Однако первыя усилія человѣческаго ума въ средніе вѣки приняли весьма худое направленіе. У народовъ, какъ порознь у каждаго человѣка, силы воображенія достигаютъ извѣстной степени зрѣлости прежде, нежели умственныя способности успѣютъ довольно навыкнуть къ созерцательнымъ, отвлеченнымъ занятіямъ. Люди бываютъ поэтами, прежде нежели философами. Чувства ихъ сильны, воображеніе пламенно тогда, какъ разсудокъ еще въ младенчествѣ. Вѣкъ Омира и Гезіода задолго предшествовалъ вѣку Ѳалеса и Сократа. Но, ко вреду просвѣщенія, наши предки, удалясь отъ пути, назначеннаго природою, вдругъ погрузились въ бездну отвлеченныхъ, умозрительныхъ изслѣдованій. Они были обращены въ Христіанскую Вѣру вскорѣ послѣ своего поселенія въ завоеванныхъ земляхъ, но приняли ее не въ под-

ной чистотѣ. Гордость людей прибавила къ простому и назидательному ученію Христіанства тонкости суетнаго мудрствованія, пытавшагося проникнуть въ таинства и разрѣшить непостижимое для ума по ограниченнымъ его способностямъ. Эти дерзновенныя умозрѣнія вошли въ составъ Вѣры и были приняты за самую существенную часть ея. Слѣдовательно естественно, что они прежде всего привлекли на себя вниманіе людей, побужденныхъ любопытствомъ мыслить и разсуждать. Схоластическое Богословіе, наполненное безчисленнымъ множествомъ дерзновенныхъ изслѣдованій и хитрыхъ умствованій о предметахъ, превышающихъ человѣческое понятіе, было первымъ плодомъ любознательнаго духа Европейцевъ. Еще одно обстоятельство способствовало ложному направленію умовъ, когда люди начали обработывать свои заброшенныя дарованія. Большая часть ученыхъ, старавшихся оживить Словесность въ XII и XIII столѣтіяхъ, заимствовали просвѣщеніе у Грековъ въ Восточной Имперіи, или у Арабовъ въ Испаніи и Африкѣ. Оба эти народа, по страсти своей къ мудрствованію, искажали науки, которыми занимались. Первый обратилъ Богословіе въ науку тонкихъ умозрѣній и безконечныхъ прекословій, послѣдній сообщилъ Философіи духъ отвлеченной и суетной привязчивости. Ослѣпленные такими руководителями, первые искатели просвѣщенія были завлечены на безвыходное поприще запутанныхъ розысканій. Вмѣсто того, чтобы предоставить воображенію естественный полетъ его и творческую силу, заниматься искусствами, которыя служатъ украшеніемъ и усладою человѣческой жизни, они влачили цѣпи подражанія, заблуждались примѣромъ

другихъ, истощали весь разумъ въ безполезныхъ и тягостныхъ умозрѣніяхъ.

Но не взирая на ихъ безплодность и худое направленіе, они своею новостію возбуждали пытливость ума человѣческаго, своею смѣлостію очаровывали его. Прилежаніе, которое люди оказывали къ этимъ скучнымъ занятіямъ, было удивительно. Здравая Философія и въ просвѣщенные вѣки не имѣла такихъ ревностныхъ послѣдователей. Училища, по примѣру заведенныхъ Карломъ Великимъ, открылись при каждомъ соборѣ и почти во всѣхъ значительныхъ монастыряхъ. Основаны были Коллегіи и Университеты, которые составили отдѣльныя вѣдомства, управлялись собственными законами, имѣли особенную, обширную судебную власть надъ своими членами. Учредился правильной порядокъ ученія. Наставники и обучавшіеся начали получать важныя преимущества. Въ награду имъ изобрѣли разныя ученыя достоинства и почести. Превосходныя познанія не въ однихъ ученыхъ заведеніяхъ доставляли отличія и силу, они и въ обществѣ стали предметомъ почтенія и возводили на мѣста значительныя. Всѣ эти лестныя выгоды привлекали въ новые вертограды наукъ невѣроятное множество слушателей.

Впрочемъ одно обстоятельство препятствовало возрождающемуся просвѣщенію имѣть такое обширное вліяніе, какаго надлежало ожидать. Всѣ Европейскіе языки въ обозрѣваемое нами время были варварскіе, не только безъ красоты и силы, даже безъ ясности. Церковь избрала для богослуженія языкъ Латинскій. Привычка, власть которой не менѣе священна, присвоила его Словесности. На немъ преподавались всѣ науки, извѣстныя въ XII и XIII столѣтіяхъ и писались всѣ уче-

ныя книги. Разсуждать на новомъ языкѣ о какомъ нибудь важномъ предметѣ значило бы унизить достоинство послѣдняго. Это заключило просвѣщеніе въ весьма тѣсномъ кругу. Одни только ученые допускались въ храмъ наукъ, врата его были затворены для незнавшихъ Латинскаго языка, и они по необходимости оставались въ прежнемъ невѣжествѣ.

Но хотя, по этому препятствію, просвѣщеніе и не могло проникнуть во всѣ сословія, однако же успѣхи его можно отнести къ главнымъ причинамъ, которыя способствовали измѣненію Европейскихъ нравовъ. Пылкій духъ изслѣдованія, мною описанный, возбудилъ умственную дѣятельность. Люди начали дѣлать новое употребленіе изъ своихъ способностей для удовольствія и пользы. Они полюбили занятія, отъ которыхъ смягчались ихъ нравы и водворялись между ими добродѣтели, свойственныя народамъ просвѣщеннымъ (1).

X. Успѣхи торговли имѣли значительное вліяніе на образованность нравовъ Европейскихъ народовъ и на распространеніе у нихъ порядка, справедливыхъ законовъ и человѣколюбія. Нужды людей въ первобытномъ и самомъ простомъ состояніи гражданскаго общества такъ малы и желанія ихъ такъ ограниченны, что они бываютъ довольны естественными произведеніями своей почвы и грубаго своего труда. У нихъ нѣтъ ничего излишняго для мѣны и нѣтъ потребностей, которыя принуждали бы заводить внѣшнія сношенія. Каждое малое общество, существую-

(1) Замѣчаніе XXVIII.

щее и довольное домашними произведеніями, или не имѣетъ связей съ сосѣдями, или враждуетъ съ ними. Образъ жизни и нравы должны значительно улучшиться, многія мѣры для общественнаго порядка и личной безопасности должны быть приняты прежде, нежели свободное сообщеніе начнется между различными народами. По этому мы и видимъ, что первымъ слѣдствіемъ поселенія варваровъ въ Имперіи было разлученіе народовъ, соединенныхъ владычествомъ Римлянъ. Европа раздробилась на многія особыя Государства. Сношеній между ими почти совершенно не существовало нѣсколько столѣтій. Плаваніе по морямъ, покрытымъ разбойниками, было опасно, и чужестранцы не могли надѣяться на гостепріимство въ пристаняхъ народовъ необразованныхъ. Даже отдаленныя области одного и того же Королевства имѣли между собою рѣдкое и затруднительное сообщеніе. Отъ грабительства разбойниковъ и насилія дворянъ, не менѣе опасныхъ и жестокихъ, далекія путешествія стали гибельными предпріятіями. Какъ бы прикованные къ мѣсту своего жительства, Европейцы почти совершенно забыли про отдаленныя страны; не знали ни имени ихъ, ни положенія, ни климата, ни произведеній.

Разныя причины споспѣшествовали оживленію духа торговли и возобновленію связей между народами. Итальянцы, по сношеніямъ своимъ съ Константинополемъ и другими городами Греческой Имперіи, сохраняли нѣкоторую любовь къ драгоцѣннымъ произведеніямъ и товарамъ Востока. Они развозили ихъ въ страны, сопредѣльныя Италіи. Но торговля эта была весьма ограниченна и мало познакомила между собою различные народы. Крестовые походы, привлекая въ

Азію множество людей изъ всѣхъ краевъ Европы, открыли болѣе значительное сообщеніе между Востокомъ и Западомъ, продолжавшееся два вѣка, и хотя имѣли цѣлію завоеванія, а не торговлю, хотя кончились такъ же несчастливо, какъ началися успѣшно, однако слѣдствія ихъ вышли благотворны и прочны. Во время Крестовыхъ походовъ большіе города Италіи и другихъ странъ Европы пріобрѣли свободу. Вмѣстѣ съ нею жителямъ ихъ дарованы были преимущества, по которымъ они образовали новое почтенное и независимое сословіе въ каждомъ Государствѣ. Торговля, ихъ исключительное занятіе, открыла имъ путь къ богатству и отличіямъ. Вскорѣ по окончаніи Священной брани былъ изобрѣтенъ компасъ, отъ котораго мореплаваніе стало безопаснѣе и смѣлѣе, сообщеніе между отдаленными народами облегчилось и они сблизились между собою.

Итальянцы въ продолженіе этого времени вели постоянную торговлю съ Востокомъ въ Египетскихъ пристаняхъ и вывозили оттуда дорогіе товары Индіи. Они учредили у себя мануфактуры разнаго рода и работали на нихъ съ большимъ искусствомъ и дѣятельностію; сами изобрѣтали новыя издѣлія и пересаживали на свою почву нѣкоторыя восточныя растѣнія, доставляющія имъ и теперь предметы для выгодной, обширной торговли. Какъ Азіатскія, такъ и свои домашнія произведенія продавали они съ великою прибылью другимъ Европейскимъ народамъ, уже начинавшимъ любить роскошь, презираемую ихъ предками. Въ продолженіе XII и XIII столѣтій вся почти Европейская торговля находилась въ рукахъ Итальянцевъ, обыкновеннѣе извѣстныхъ тогда подъ именемъ Ломбардцевъ. Куп-

цы Ломбардскіе селились товариществами въ каждомъ Государствѣ, были приняты нѣкоторыми Дворами подъ ихъ непосредственное покровительство, пользовались обширными преимуществами и льготами, не подлежали вліянію древнихъ варварскихъ законовъ въ отношеніи къ чужеземцамъ, стали вощиками, мануфактуристами и банкирами цѣлой Европы.

Между тѣмъ какъ Итальянцы съ великимъ успѣхомъ купечествовали въ южной Европѣ, духъ торговли пробудился на Сѣверѣ около половины XIII столѣтія. Народы, обитавшіе вокругъ Балтійскаго моря, были тогда погружены въ невѣжество и занимались морскимъ разбоемъ. Это побудило Любекъ и Гамбургъ, вскорѣ послѣ начала мѣновыхъ сношеній съ ними, заключить между собою союзъ взаимной обороны. Они пріобрѣли отъ него такія выгоды, что въ короткое время приступили къ нему 80 знатнѣйшихъ городовъ, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ отъ дальнихъ восточныхъ предѣловъ Балтійскаго моря до Кельна на Рейнѣ, и образовали славный и грозный Ганзейскій союзъ, дружества котораго искали, а непріязни страшились могущественнѣйшіе Государи. Члены его составили первый, извѣстный въ средніе вѣки, систематическій планъ торговли, и купечествовали по общимъ законамъ, которые установляли въ своихъ полныхъ собраніяхъ. Главные торговые обороты происходили въ нарочно избранныхъ складочныхъ городахъ, славнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Брюге во Фландріи. Сюда Ломбардцы привозили Индійскіе и свои товары для мѣны ихъ на грубыя, но не менѣе полезныя произведенія Сѣвера, особливо на корабельные снаряды. Ганзейскіе же купцы отправляли грузы, получаемые отъ Ломбардцевъ, въ пристани

Балтійскаго моря, или по большимъ рѣкамъ во внутреннія части Германіи.

Постоянное сообщеніе, открывшееся между Сѣверомъ и Югомъ Европы, дало имъ почувствовать ихъ взаимныя нужды и произвело столько новыхъ и большихъ требованій на товары всякаго рода, что жители Нидерландовъ должны были распространить свои шерстяныя и льняныя фабрики, значительныя, кажется, еще при Карлѣ Великомъ. Въ Брюге, средоточіи сообщенія Ломбардскихъ и Ганзейскихъ купцевъ, Фламанцы производили весьма обширную и выгодную торголю. Она распространила между ими всеобщую любовь къ промышленности, и Фландрія съ смежными областями по богатству, народонаселенію и обработанности почвы долгое время была первою страною въ Европѣ.

Пораженный цвѣтущимъ состояніемъ Нидерландовъ и понимая истинную тому причину, Едуардъ III, Король Англійскій, старался возбудить духъ промышленности въ своихъ подданныхъ, которые, не замѣчая выгоднаго положенія земли своей и не зная посредствомъ чего суждено было ей обогатиться, совершенно нерадѣли о торговлѣ и даже не занимались тѣми издѣліями, для которыхъ доставляли иностранцамъ основныя произведенія. Но приглашеніемъ Фламанскихъ ремесленниковъ селиться въ Англіи и мудрыми законами для ободренія и устройства торговли, Едуардъ положилъ начало шерстянымъ фабрикамъ въ своемъ Королевствѣ, и первый обратилъ дѣятельный и предпріимчивый духъ Англичанъ на тѣ отросли промышленности, по которымъ они стали первѣйшимъ изъ торговыхъ народовъ.

Это распространеніе торговли и сношеній между народами въ Европѣ было весьма значитель-

но и произвело благотворныя послѣдствія. Торговля истребляетъ предразсудки, поддерживающіе удаленіе народовъ другъ отъ друга и взаимную неріязнь ихъ между собою. Она смягчаетъ и образуетъ нравы людей. Она соединяетъ ихъ однимъ изъ крѣпчайшихъ союзовъ — желаніемъ удовлетворять взаимныя нужды. Она располагаетъ ихъ къ миролюбію, создавая въ каждомъ Государствѣ сословіе гражданъ, обязанныхъ для собственной пользы быть блюстителями общественнаго спокойствія. Какъ скоро духъ торговли укрѣпляется и пріобрѣтаетъ вліяніе въ какомъ либо Государствѣ, мы немедленно замѣчаемъ перемѣну въ его политикѣ, связяхъ, войнахъ и договорахъ. Ясныя тому доказательства находятся въ Исторіи Италіянскихъ Республикъ, Ганзеатическаго союза и Нидерландскихъ городовъ въ продолженіе обозрѣваемаго нами времени. Чѣмъ болѣе распространялась торговля въ различныхъ странахъ Европы, тѣмъ болѣе совершенствовалось ихъ внутреннее состояніе, тѣмъ образованнѣе становились нравы ихъ жителей (1).

(1) Замѣчаніе XXIX.

УСТРОЕНІЕ

ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ЕВРОПѢ,

ОТЪ

РАЗРУШЕНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

ДО

НАЧАЛА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Власть надъ народною силою, необходимою при внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Таковы были событія и учрежденія, которыя могущественнымъ своимъ вліяніемъ постепенно споспѣшествовали введенію болѣе устроеннаго правленія и болѣе образованныхъ нравовъ въ различныхъ Государствахъ Европы. Если мы, узнавъ состояніе гражданскихъ обществъ и нравы, господствовавшіе въ нихъ въ началѣ XV столѣтія, обратимся назадъ взглянуть на Европу, когда варварскіе народы, разрушители Римской Имперіи, совершенно поселились въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, то успѣхи людей въ порядкѣ и образованности покажутся чрезвычайными.

Однако правленіе еще далеко не достигло до того состоянія, при которомъ единодушіе цар-

ствуетъ въ обширныхъ Монархіяхъ и важныя предпріятія совершаются ими съ непоколебимою твердостію и счастливымъ успѣхомъ. Малыя общества, даже въ самомъ грубомъ состояніи, могутъ дѣйствовать согласно и всѣми силами. Къ этому возбуждаютъ ихъ не отдаленные виды и глубокомысленные расчеты, занимающіе людей въ образованныхъ Государствахъ, но чувства внезапныя. Обиды отъ непріятеля воспламеняютъ злобу, успѣхи соперничествующаго племени рождаютъ зависть; эти страсти перелетаютъ отъ одного къ другому, и всѣ члены общества съ равнымъ жаромъ стремятся на поле брани, чтобы удовлетворить свое мщеніе, или прославиться. Но въ столь обширныхъ Государствахъ, какъ Европейскія въ началѣ XV столѣтія, когда жители ихъ имѣли мало сношеній между собою, когда каждое значительное предпріятіе требовало предварительнаго согласія и долговременныхъ приготовленій, ничто не могло бы возбудить и подвигнуть соединенной силы народа, кромѣ самовластія деспота, или мощнаго вліянія правленія благоустроеннаго. Такъ въ огромныхъ Имперіяхъ на Востокѣ всемогущее велѣніе Монарха достигаетъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ его владѣній и ставитъ подъ его знамена угодное ему число подданныхъ; такъ въ Европейскихъ Державахъ настоящаго времени Государь вліяніемъ законовъ и благоустроеннаго правительства располагаетъ всѣми силами земли своей и употребляетъ ихъ на предпріятія, требующія могущества и твердости въ дѣйствіяхъ.

Но въ началѣ XV вѣка состояніе Государствъ Европейскихъ было другаго рода. Хотя нѣкоторые Короли нѣсколько и распространили права свои на счетъ льготъ и преимуществъ дворян-

ства, однако власть ихъ оставалась еще весьма ограниченною. Законы и внутреннее устройство хотя много улучшились отъ различныхъ событій и учрежденій, мною исчисленныхъ, но все еще были слабы и недостаточны. Въ каждой странѣ многочисленное сословіе дворянъ, еще грозное, не взирая на различныя средства, употребляемыя къ его стѣсненію, наблюдало ревнивымъ окомъ за всѣми дѣйствіями Государей и разстроивало ихъ гордыя намѣренія.

Обыкновенные доходы каждаго Государя были такъ малы, что ихъ не достало бы на совершеніе важнаго предпріятія. Чрезвычайныя пособія зависѣли отъ доброй воли подданныхъ, которые часто давали ихъ съ неохотою и всегда безъ щедрости.

По этой незначительности государственныхъ доходовъ не было и рати, способной къ продолжительной и дѣйствительной службѣ. Вмѣсто воиновъ, правильно обученныхъ военному искусству и подчиненности, Государи по необходимости довольствовались такими людьми, какихъ вассалы выставляли имъ въ слѣдствіе феодальной зависимости. Но эти люди, собираясь только на короткое время, не могли на значительное разстояніе удаляться отъ жилищъ своихъ и, болѣе привязанные къ непосредственнымъ своимъ владѣльцамъ, нежели къ Государю, которому служили, они часто, вмѣсто содѣйствія, препятствовали его намѣреніямъ. Но даже и при бо́льшей подчиненности Государю, они не были бы способнымъ орудіемъ къ исполненію важныхъ и трудныхъ предпріятій. Сила войска, образованнаго для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, заключается въ пѣхотѣ. Мужеству и строгому уст-

ройству легіоновъ своихъ, состоявшихъ преимущественно изъ пѣхоты, Римляне во времена Республики были обязаны всѣми побѣдами; когда же потомки ихъ, забывая учрежденія, посредствомъ которыхъ стали повелителями цѣлаго міра, до того измѣнили военный свой порядокъ, что начали полагать главную надежду на многочисленную конницу, тогда, для торжества надъ ними, довольно было, какъ я уже замѣтилъ, слѣпой ярости варварскихъ народовъ, которые сражались по большей части пѣшіе. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ новозавоеванныхъ странахъ эти народы, не наученные пагубною ошибкою Римлянъ, оставили обычаи своихъ предковъ и обратили главную силу войска въ конницу. У Римлянъ причиною этой перемѣны была изнѣженность воиновъ, не могшихъ нести бремени службы, которое казалось легкимъ для предковъ ихъ, болѣе доблестныхъ. У народовъ, основателей новыхъ Державъ въ Европѣ, это преобразованіе въ ратномъ устройствѣ произошло, по видимому, отъ гордости дворянъ: почитая за стыдъ мѣшаться съ людьми низкаго званія, они хотѣли быть отличены отъ нихъ на войнѣ также, какъ въ мирное время. Еще въ большее уваженіе привело конницу учрежденіе Рыцарства и частыя ристалища, куда витязи, желая показать свою ловкость, силу и храбрость, являлись въ полномъ вооруженіи на коняхъ, убранныхъ съ чрезвычайною пышностію. Страсть къ конной службѣ возрасла до такой степени, что въ продолженіе XIII и XIV столѣтій Европейскія войска состояли почти исключительно изъ одной конницы. Служить въ пѣхотѣ, вѣроятно, казалось дворянству унизительнымъ. Конница по этому предпочтенію называлась *Битвою*, и отъ нея единственно зависѣла судьба сраженій. Пѣхо-

та, набранная изъ народной сволочи, худо вооруженная, обученная еще хуже, почти ничего не значила.

Эти обстоятельства, ограничивая и ослабляя дѣйствія каждаго Королевства, долгое время не позволяли Европейскимъ Государямъ обращать строгаго вниманія на предпріятія и дѣла своихъ сосѣдей и образовать правильной системы общественной безопасности. Эти обстоятельства препятствовали имъ заключать союзы и дѣйствовать согласно для раздѣленія и уравненія силъ, чтобы не допускать ни одного Государства къ возвышенію, опасному для всеобщей свободы и независимости. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій Европейскіе народы, кажется, почитали другъ друга за отдѣльныя общества людей, не соединяемыя между собою никакою общею пользою, чуждыя другъ другу въ дѣлахъ своихъ. Слабыя взаимныя связи лишали каждый народъ случаевъ замѣчать и проникать намѣренія сосѣдей. Не было посланниковъ, которые бы имѣли постоянное пребываніе при каждомъ Дворѣ, чтобы наблюдать за всѣми его движеніями и заблаговременно извѣщать объ нихъ своихъ Государей. Ни надежда будущихъ выгодъ, ни видъ отдаленнаго, или близкаго несчастія, не могли побудить Государствъ къ вооруженію. Только тѣ, которымъ угрожала неминуемая опасность, почитали за нужное вмѣшаться въ войну и брать предосторожности для самоохраненія.

Кто повѣствуетъ о какой-либо изъ важнѣйшихъ Европейскихъ Державъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, тотъ долженъ писать Исторію всей Европы. Различныя ея Государства въ это время образовались въ одно великое,

стройное цѣлое; дѣйствія каждаго изъ нихъ, по опредѣленному его положенію, стали ощутительны для всѣхъ прочихъ и получили сильное вліяніе на ихъ политику. Но до XV вѣка дѣла ихъ рѣдко находились въ связи взаимной, развѣ только когда смежность границъ давала поводъ къ частымъ и неизбѣжнымъ раздорамъ, или когда народная гордость воспламеняла и поддерживала духъ войны. Въ каждомъ Королевствѣ Европы случались важныя событія и перевороты; но другія Державы смотрѣли на нихъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ спокойныя зрительницы, огражденныя отъ ихъ вліянія.

Въ продолженіе кровопролитныхъ войнъ между Франціею и Англіею, не взирая на грозившую опасность подвластія обоихъ Королевствъ одному Государю, почти ни какихъ мѣръ прозорливой и мудрой политики не было принято въ отвращеніе событія, столь пагубнаго для Европы. Герцоги Бургундскій и Бретанскій, по положенію своихъ владѣній не могшіе остаться въ сторонѣ, приняли, правда, участіе въ этихъ войнахъ; но въ дѣйствіяхъ своихъ чаще слѣдовали влеченію страстей, нежели той обязанности, которую наложило бы на нихъ хладнокровное разсмотрѣніе опасности, угрожавшей какъ имъ самимъ, такъ и спокойствію цѣлой Европы. Прочіе Государи, по видимому, равнодушные къ перемѣннымъ успѣхамъ враждующихъ сторонъ, не мѣшали борьбѣ ихъ и предлагали только слабое, недѣйствительное посредничество.

Не взирая на безпрестанныя междоусобія различныхъ Королевствъ Испаніи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій и на обстоятельства, видимо клонившіяся къ соединенію этой раздроб-

ленной части твердой земли въ одну великую Монархію, Европейскіе Государи ни однимъ движеніемъ не показали, что они занимаются этимъ важнымъ событіемъ. Они допустили непримѣтно возрасти и утвердиться могуществу, которое въ скоромъ времени стало страшно для Государствъ сосѣднихъ.

Среди жестокихъ потрясеній Имперіи духомъ преобладанія Римскаго Двора и мятежною гордостію дворянъ Германскихъ, ни власть Папъ, подкрѣпляемая хитрыми мѣрами, ни просьбы Императоровъ не возбудили могущественныхъ Государей Европы принять участіе въ ихъ раздорахъ и воспользоваться многими благопріятными случаями дѣйствительнаго и выгоднаго посредничества.

Это удивительное бездѣйствіе при столь важныхъ событіяхъ не должно относить къ неспособности понимать государственныя ихъ слѣдствія. Даръ предусмотрительности и дѣятельности принадлежитъ людямъ каждаго вѣка. Монархи, царствовавшіе тогда въ Европѣ, видѣли свою частную пользу, не пренебрегали общественною безопасностію и не чуждались заботъ объ той и другой. Если они не слѣдовали благотворнымъ правиламъ, которыя учатъ новѣйшихъ политиковъ бодрствовать при видѣ отдаленныхъ опасностей, побуждаютъ ихъ противиться первымъ притязаніямъ грознаго могущества и содѣлываютъ каждое Государство въ нѣкоторой степени блюстителемъ правъ и независимости его сосѣдей; то это происходило единственно отъ несовершенствъ и безпорядковъ въ правленіи, не дававшихъ Государямъ возможности дѣйствовать сообразно мыслямъ, которыя положеніе дѣлъ и разсудокъ необходимо должны были внушать имъ.

Но въ теченіе XV вѣка многія происшествія усилили и распространили дѣйствія Государей, увеличивъ власть ихъ надъ народомъ. Въ слѣдствіе этого различныя Королевства, чаще и тѣснѣе соединяясь въ дѣлахъ своихъ, постепенно привыкли дѣйствовать въ союзѣ и согласіи и нечувствительно готовились къ образованію государственной системы для установленія и сохраненія равновѣсія въ могуществѣ, наиболѣе совмѣстнаго съ общественною безопасностію. Основныя начала этой системы, благотворностію и обширностію своею превосходившей всѣ древнія, были въ первой разъ постигнуты въ царствованіе Карла V, и тогда же приняты всѣми правила, которыми она съ тѣхъ поръ однообразно поддерживается. По великой важности ея, изслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ, способствовавшихъ ея основанію, не только служитъ необходимымъ вступленіемъ къ сочиненію, мною предпринятому, но даже составляетъ главный предметъ въ Исторіи Европейской.

Первое событіе, которое произвело довольно значительную перемѣну въ порядкѣ дѣлъ Европейскихъ, было присоединеніе къ Франціи обширныхъ областей, принадлежавшихъ на твердой землѣ Англичанамъ. Французскіе Короли, стѣсняемые завистливымъ и грознымъ соперникомъ во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, не смѣли предпринять ничего важнаго. Англичане были всегда близко, въ готовности имъ противиться. Они даже оспоривали у нихъ право на престолъ и, имѣя случай удобно проникать въ сердце Франціи, могли вооружать противъ ея Государей тѣ даже руки, которыя долженствовали бы защищать ихъ. Робкія мѣры и слабыя усилія свойственны были Вѣнценосцамъ въ такомъ положеніи. Франція, раздроб-

ленная и угнетенная, не имѣла возможности занять надлежащаго мѣста въ кругу Державъ Европейскихъ. Но, къ счастію ея и не безъ пользы для самой Британіи, смерть Англійскаго Короля, Генриха V, избавила Французовъ отъ бѣдствія быть подданными чуждаго Государя. Слабость правленія въ малолѣтство Генрихова наслѣдника, раздоры при Англійскомъ Дворѣ и послѣдовавшія за тѣмъ непостоянство и ошибки въ его политикѣ доставили Французамъ благопріятные случаи возвратить потерянныя области. Врожденная храбрость Французскаго дворянства, возвышенная мнимымъ заступленіемъ Неба за ихъ отечество, руководимая на полѣ брани опытными вождями, управляемая съ престола мудрымъ Государемъ, была употреблена такъ искусно и удачно въ продолженіе этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, что Англичане не только лишились новыхъ своихъ пріобрѣтеній, но даже прежнихъ владѣній, и удержали одинъ городъ Кале съ малымъ его округомъ.

Едва многія значительныя области опять присоединились къ Державѣ Королей Французскихъ, какъ они, ощутивъ это приращеніе силы, начали принимать болѣе смѣлыя мѣры для внутренняго благоустройства и внѣшнихъ дѣйствій. Сосѣди, встревоженные опасностію, стали наблюдать за ихъ намѣреніями и движеніями, важность которыхъ они совершенно постигали. Съ этого времени Франція, обладая выгодами, проистекающими отъ счастливаго положенія и округлости владѣній, отъ многочисленности и храбрости жителей, получила новое вліяніе на Европу и была первою Державою, возбудившею зависть и страхъ въ сопредѣльныхъ ей Государствахъ.

Увеличеніемъ своего могущества Франція была обязана однако не одному возвращенію отторгнутыхъ у нея областей. Его сопровождало обстоятельство, хотя менѣе важное и замѣчательное, но придавшее значительную твердость и рѣшительность ея дѣйствіямъ. Въ продолженіе упорныхъ кровопролитій между Франціею и Англіею живо ощутили всѣ недостатки феодальнаго ратнаго устройства. Долговременная война вяло производилась войсками, которыя имѣли право и привыкли быть на службѣ только нѣсколько недѣль. Составленныя преимущественно изъ тяжелой конницы, они были неспособны ни къ осадѣ, ни къ оборонѣ городовъ и крѣпостей. Французскіе Короли, желая повелѣвать постоянною силою, необходимою въ продолжительныхъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, стали нанимать воиновъ въ своемъ Государствѣ и въ чужихъ земляхъ. Но не имѣя по феодальному образу правленія достаточныхъ доходовъ на эти чрезвычайныя издержки, они послѣ окончанія каждой войны, или при первой надеждѣ къ примиренію, распускали наемниковъ, которые, не привыкнувъ къ строгостямъ ратнаго порядка, часто обращали оружіе противъ земли, почитавшей ихъ своими защитниками, и опустошали ее не хуже внѣшнихъ непріятелей.

Постоянное войско, содержимое въ строгой подчиненности, было важною потребностію; оно привело бы Государей въ состояніе совершать предпріятія, дотолѣ невозможныя. Но въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ смѣлости и могущества приступить къ его учрежденію : такъ противно было оно духу феодальнаго правленія и такъ несовмѣстно съ правами и притязаніями дворянства! Наконецъ Карлъ VII, пользуясь славою, пріобрѣтенною имъ посредствомъ

успѣшной войны съ Англичанами, и впечатлѣніемъ страха, наведеннаго этимъ грознымъ врагомъ на Французовъ, совершилъ подвигъ, опасный для его предшественниковъ. Подъ предлогомъ содержанія въ готовности достаточной силы для защиты Королевства отъ внезапнаго нападенія Англичанъ, онъ при роспускѣ рати своей, оставилъ (1443) на службѣ 9 тысячъ конницы и 16 тысячъ пѣхоты, назначилъ имъ изъ казны постоянное жалованье, расположилъ ихъ по своей волѣ въ разныхъ мѣстахъ Франціи и далъ имъ начальниковъ, которые учили ихъ военному искусству. Знатнѣйшіе дворяне искали этой службы, привыкали въ ней зависѣть отъ своего Государя, исполнять его повѣленія и почитать его судіею и воздаятелемъ своихъ заслугъ. Феодальныя ополченія, составленныя изъ вассаловъ, сзываемыхъ дворянами, ни въ какомъ отношеніи не могли сравниться съ войскомъ, правильно обученнымъ военному дѣлу, и потому теряли постепенно славу свою. О силѣ ратей перестали судить по числу ихъ конницы. Со времени изобрѣтенія пороха и употребленія пушекъ на сраженіяхъ конники лишились всѣхъ выгодъ, которыя давали имъ преимущество надъ пѣхотою. Полное вооруженіе уже не спасало ихъ отъ смерти. Шлемъ, щитъ и латы, притуплявшія стрѣлы и мечъ, уже не доставляли никакой безопасности отъ новыхъ орудій истребленія. Пѣхота снова начала уважаться, потому что ею преимущественно одерживались побѣды и совершались завоеванія. Дворяне съ своими дружинами хотя по прежнему обыкновенію и призывались на войну, но были почитаемы за безполезное бремя для постоянныхъ войскъ, которыя презирали ихъ, привыкнувъ къ неослабнымъ трудамъ правильной службы.

Такимъ образомъ Карлъ VII учрежденіемъ перваго постояннаго войска въ Европѣ произвелъ важный переворотъ въ ея дѣлахъ и внутреннемъ устройствѣ. Лишивъ дворянъ исключительнаго распоряженія военною силою, одной изъ главныхъ причинъ ихъ могущества и величія, онъ нанесъ жестокой ударъ феодальной аристократіи тамъ, гдѣ она казалась совершенно безопасною.

Франція, образованіемъ правильнаго войска въ то время, когда еще въ другихъ Государствахъ Европы не было ни одного полка на постоянномъ жалованьѣ, пріобрѣла при нападеніяхъ и оборонѣ такія выгоды надъ своими сосѣдами, что собственная безопасность заставила ихъ подражать ея примѣру. Наемныя войска были введены во всѣхъ значительныхъ Королевствахъ твердой земли. Они стали постепенно единственною надежною силою для войны. Долгое время ихъ умноженіе и содержаніе составляли главнѣйшій предметъ правленія; долгое время Государи и министры старались уничтожать всѣ другія внутреннія средства противъ внѣшней опасности.

Французскіе Короли, предупредивъ прочихъ Европейскихъ Государей введеніемъ у себя военной силы, посредствомъ которой могли успѣшнѣе производить и распространять внѣшнія свои дѣйствія, первые же нанесли рѣшительный ударъ феодальной аристократіи и смирили великихъ коронныхъ вассаловъ, непомѣрною своею властію долго стѣснявшихъ права самодержавія. Разныя обстоятельства постепенно способствовали упадку феодальной аристократіи во Франціи. Богатство и владѣнія дворянства много потерпѣли въ продолжительныя войны, которыя она вела съ Англіею. Необыкновенная ревность, оказанная этимъ сословіемъ въ защитѣ своего отечества, совершенно

истощила состояніе нѣкоторыхъ знатныхъ родовъ; а земли другихъ ужасно пострадали отъ опустошеній, произведенныхъ непріятелемъ, отъ грабительства наемныхъ войскъ и неистовой ярости поселянъ, поднимавшихъ бунты. Въ то же время нужды правительства, доводившія Королей до отчаяннаго средства внезапно и значительно измѣнять достоинство ходячихъ денегъ, много понизили ценные, земельные и другіе сборы, установленные древнимъ обычаемъ, и ленные доходы весьма уменьшились. Въ продолженіе войнъ съ Англичанами, когда великодушные дворяне искали опасностей и славы, многіе знатные роды пресѣклись, и лены ихъ достались казнѣ. Иныя лены, по прошествіи многихъ лѣтъ, перешли въ женское колѣно, были раздѣлены между наслѣдницами, уменьшены расточительными вкладами въ церковь, или раздроблены переходомъ въ дальнее боковое родство (1).

Карлъ VII, ободренный этими явными признаками упадка того сословія, которое онъ желалъ стѣснить, испытывалъ въ продолженіе перваго перемирія съ Англіею разныя средства къ утвержденію самодержавной власти на сокрушенныхъ правахъ аристократіи. Но много обязанный дворянству, отличившему себя блистательными заслугами въ дѣлѣ освобожденія отечества, онъ долженъ былъ поступать съ нимъ умѣренно и осторожно. Однако успѣшная война съ Англичанами такъ увеличила самодержавную власть и уменьшила дворянскую, что Карлъ скоро безъ всякаго сопротивленія произвелъ важныя перемѣ-

---

(1) Boulainvilliers Histoire de gouvernement de France, Lettre XII.

ны въ устройствѣ государственномъ. Онъ не только учредилъ грозное постоянное войско, но первый изъ Французскихъ Королей именнымъ указомъ, безъ содѣйствія Чиновъ Государственныхъ, наложилъ чрезвычайный налогъ на своихъ подданныхъ (1440), потомъ сдѣлалъ всегдашними нѣкоторыя случайныя подати, и посредствомъ этихъ мѣръ получилъ такое приращеніе во власти и такъ далеко простеръ свои права за прежніе предѣлы, что изъ самыхъ ограниченныхъ Государей, когда либо занимавшихъ Французскій престолъ, онъ сталъ въ послѣдніе годы своего правленія могущественнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ (1).

Сынъ Карла, Людовикъ XI, отважнѣе и успѣшнѣе дѣйствовалъ по мыслямъ своего отца для уничиженія дворянства. Сама природа образовала Людовика самовластнымъ, и въ какой бы вѣкъ ни случилось ему царствовать, его правленіе, вѣроятно, ознаменовалось бы мѣрами къ угнетенію народа и къ пріобрѣтенію неограниченнаго державства. Хитръ, нечувствителенъ, жестокъ, чуждъ прямодушія и свѣтскихъ приличій, онъ презиралъ всѣ обязанности, которыя честь и желаніе славы налагаютъ на властолюбцевъ. Искусный въ то же время различать истинную свою пользу, управляемый только ея вліяніемъ, и неистощимо изобрѣтательный въ средствахъ для ея достиженія, онъ неуклонно стремился къ ней, безъ страха встрѣчая на пути всѣ опасности.

Правила его управленія были глубокомысленны и пагубны для преимуществъ дворянства. Онъ

---

(1) Histoire de France par Velly et Villaret, tom. XV, 331 etc. 389; tom. XVI, 324. Variations de la Monarchie française, tom III, 162.

наполнялъ всѣ правительственныя мѣста новыми чиновниками и часто возводилъ на важныя степени въ Государствѣ людей самаго низкаго и презрѣннаго званія. Они были единственными его повѣренными; съ ними только онъ совѣщался; имъ только поручалъ исполненіе своихъ предпріятій; дворяне же, привыкшіе быть приближенными, любимцами и первыми сановниками Королей своихъ, подвергались такому умышленному и колкому небреженію, что если не хотѣли оставаться при Дворѣ, гдѣ не имѣли даже и тѣни прежней власти, то должны были удаляться въ свои замки, гдѣ жили безъ всякаго употребленія, совершенно забытые. Уменьшивъ значительность ихъ сословія отнятіемъ у него исключительнаго управленія государственными дѣлами, Людовикъ былъ недоволенъ. Онъ присоединилъ обиды къ пренебреженію и, нарушая главнѣйшія преимущества дворянъ, старался унизить ихъ и сравнить съ прочими подданными. Если знатнѣйшіе изъ прежнихъ вельможъ осмѣливались противиться его намѣреніямъ, или возбуждали въ немъ зависть, то подвергались жестокому гоненію; они были судимы людьми, не имѣвшими на то никакого права, предавались пыткамъ и поносной казни, не взирая на свое происхожденіе и достоинство. Народъ, привыкши видѣть знаменитѣйшихъ особъ, гибнущихъ отъ руки подлаго палача, ввергаемыхъ въ темницы, выставляемыхъ на показъ въ желѣзныхъ клѣткахъ, началъ оказывать дворянству менѣе почтенія, нежели прежде, и съ трепетомъ взиралъ на Королевскую власть, уничтожившую, казалось, всѣ прочія власти въ Государствѣ.

Въ то же время, опасаясь, чтобы угнетеніемъ не вооружить противъ себя дворянъ, кото-

рыхъ привелъ въ робость строгостію правленія, и чтобы собственная безопасность не научила ихъ наконецъ соединиться, Людовикъ искусно сѣялъ между ими сѣмена раздора и хитрымъ образомъ питалъ въ знатныхъ родахъ старинныя вражды, которыя поселилъ и все еще поддерживалъ въ нихъ духъ зависти и соревнованія, свойственный Феодализму. Для достиженія своей цѣли Людовикъ употреблялъ всѣ роды козней, всѣ таинства и тонкости коварной своей политики, и съ полнымъ успѣхомъ. За исключеніемъ одного кратковременнаго возстанія въ началѣ его царствованія, дворяне никогда не дѣйствовали противъ него бодро и единодушно, хотя обстоятельства требовали самыхъ дружныхъ усилій и совершеннѣйшаго согласія.

Отнимая у дворянъ преимущества ихъ, Людовикъ увеличивалъ власть и права самодержавія. Желая имѣть въ готовности войско, способное разсѣвать скопища недовольныхъ, онъ не только содержалъ набранное отцемъ своимъ, но еще нанялъ 6,000 Швейцарцевъ, которые составляли тогда самую опытную и грозную пѣхоту въ Европѣ (1). Изъ подозрительности, свойственной тиранамъ, онъ ввѣрился этой чужеземной стражѣ, какъ самому надежному орудію для угнетенія и вѣрнѣйшему оплоту своей власти (2).

Много денегъ надобно было Людовику не только для содержанія Швейцарцевъ, но и для совершенія различныхъ предпріятій, къ которымъ побуждалъ его неутомимый его геній. Удержавъ

(1) Mém. de Comines, tom. I, 367. Dan. Hist. de la Milice française tom. I, 182.

(2) Ibid. tom. I, 381.

и распространивъ присвоенное отцомъ своимъ право налагать подати безъ содѣйствія Чиновъ Государственныхъ, онъ получилъ средство въ нѣкоторой степени удовлетворять возрастающія нужды Королевства.

Невозможнаго для власти, Людовикъ достигалъ хитростію. Онъ первый изъ Европейскихъ Государей открылъ способъ какъ управлять тѣми важными собраніями, которымъ Феодализмъ далъ право дѣлать Государямъ пособія и налагать подати. Употребляя все свое могущество и всю тонкость ума при выборѣ представителей, подкупая и стращая ихъ угрозами, производя умышленно разныя перемѣны въ образѣ ихъ совѣщаній, онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на собранія Чиновъ, что изъ вѣрныхъ блюстителей народной собственности и преимуществъ, они стали низкими орудіями ненавистнѣйшихъ его предпріятій (1). Сокрушивъ такимъ образомъ всѣ преграды своему самовластію, онъ не только продолжалъ собирать подати, установленныя отцемъ своимъ, но умножилъ ихъ до количества, изумлявшаго современниковъ (2).

Впрочемъ Людовикъ увеличилъ не одну власть и богатство короны, онъ распространилъ ея владѣнія пріобрѣтеніями разнаго рода: купилъ Русильонъ, наслѣдовалъ Провансъ по завѣщанію Карла Анжуйскаго и захватилъ вооруженною рукою Бур-

---

(1) Mém. de Comines, tom. I, 136. Chron. Scandal. ibid. tom. III, p. 71.

(2) Ibid. tom. I, 334.

Налоговъ при Карлѣ VII собиралось до 1,800,000 франковъ, при Людовикѣ XI—4,700,000. Первый содержалъ на жалованьѣ 9,000 конницы и 16,000 пѣхоты; послѣдній—15,000 конницы и 25,000 пѣхоты. Mém. de Comines, I, 384.

гундію и Артуа, по смерти ихъ Герцога, Карла Смѣлаго. Такимъ образомъ въ продолженіе одного царствованія Франція стала цѣльнымъ Королевствомъ, и твердая политика Людовика XI ввела въ немъ образъ правленія самый неограниченный, смиривъ кичливый духъ феодальнаго дворянства.

Какъ ни гибельна была однако она для льготъ Французовъ, но могущество, пріобрѣтенное Людовикомъ, средства, въ которыхъ онъ сталъ властенъ, и неограниченная его свобода составлять и приводить въ исполненіе предначертанія всякаго рода, сообщили его государствованію необыкновенную дѣятельность. Онъ имѣлъ сношенія со всѣми Дворами Европы, наблюдалъ за движеніями своихъ сосѣдей, былъ главою, или участникомъ въ каждомъ значительномъ предпріятіи, отличался быстрою, рѣшительностію воли, бодростію въ дѣйствіяхъ и властію въ случаѣ нужды располагать всѣми силами своего Королевства. Со времени его правленія Французскіе Короли, уже не стѣсняемые дворянствомъ внутри своихъ владѣній, стали болѣе заниматься внѣшними дѣлами, далѣе простирать свои завоевательные виды и производить войну съ дѣятельностію и мужествомъ, долго неизвѣстными въ Европѣ.

Примѣръ Людовика былъ такъ обольстителенъ, что другіе Государи стали подражать ему. Генрихъ VII, занявъ престолъ Англійской, немедленно вознамѣрился распространить власть свою сокрушеніемъ правъ дворянства; однако обстоятельства менѣе благопріятствовали ему, нежели Карлу VII, и образъ его дѣйствія былъ не такой, какъ Людовика XI. Карлъ изгнаніемъ Англичанъ изъ многихъ областей Франціи заслужилъ любовь народа,

поощрявшую его къ смѣлымъ посягательствамъ на прежнее государственное учрежденіе. Неустрашимый геній Людовика низпровергалъ всѣ препятствія и преграды на пути своемъ. Генрихъ же имѣлъ въ рукахъ спорную державу, видѣлъ народъ готовымъ поднять противъ него оружіе, зналъ могущество дворянъ, которые въ продолжительныя междоусобія избирали Королей и низвергали ихъ съ престола, и потому чувствовалъ, что слабость и ограниченность верховной власти необходимо требовали благоразумія и умѣренности въ принимаемыхъ мѣрахъ. Онъ старался подрыть то страшное зданіе, на которое не смѣлъ напасть открытою силою. Предначертанія его, хотя осторожно и медленно исполняемыя, были мудры и наконецъ произвели важныя послѣдствія. Дозволяя Баронамъ раздроблять и продавать ихъ владѣнія, препятствуя дворянству держать въ службѣ многочисленныя толпы вассаловъ, покровительствуя возраставшей силѣ городовъ, поощряя населенность, земледѣліе и торговлю, во все продолжительное свое царствованіе обезпечивая для своихъ подданныхъ наслажденіе благами мира и пріучая народъ къ образу управленія, благопріятному для точнаго и дѣятельнаго исполненія законовъ, онъ непримѣтнымъ образомъ произвелъ такія перемѣны въ Англійскомъ государственномъ учрежденіи, что преемникъ его, по обширной власти своей, былъ уже однимъ изъ самыхъ неограниченныхъ Государей въ Европѣ и предпринималъ дѣла, которыя требовали великаго могущества.

Въ Испаніи Фердинандъ и Изабелла достигли еще невиданнаго здѣсь державнаго величія и власти бракомъ своимъ, соединившимъ въ одно цѣлое всѣ Испанскія Королевства, славою завое-

ванія Гранады, пресѣкшаго ненавистное владычество Мавровъ, начальствомъ надъ сильными войсками, которыя надлежало постоянно содержать для успѣха въ этомъ предпріятіи, мудрымъ и твердымъ правленіемъ и искусствомъ пользоваться всѣми случаями для уничиженія дворянства и распространенія собственныхъ правъ своихъ. Хотя разныя причины, которыя будутъ изложены въ другомъ мѣстѣ, продлили въ Испаніи цѣлость Феодализма, препятствуя Фердинанду и Изабеллѣ присвоить власть, равную пріобрѣтенной Королями Французскимъ и Англійскимъ, однако великими способностями Державная Чета вознаграждала недостатокъ царственныхъ правъ и такъ искуссно пользовалась своими выгодами, что производила обширныя внѣшнія дѣйствія съ необыкновенною силою и успѣхомъ.

Между тѣмъ какъ Европейскіе Государи распространяли власть верховную и приводили свои Королевства въ состояніе дѣйствовать согласно и могущественно, неожиданныя происшествія побудили ихъ испытать пріобрѣтенныя новыя силы и вовлекли въ предпріятія и сношенія, которыя нечувствительнымъ образомъ соединили дѣла всѣхъ значительныхъ Державъ Европейскихъ и дали поводъ къ постепенному образованію великой политической системы, ставшей предметомъ всеобщаго вниманія.

Первое событіе, достопримѣчательное по своему вліянію на эту перемѣну въ дѣлахъ Европы, было замужство дочери Карла Смѣлаго, единственной отрасли Бургундскаго Дома. За нѣсколько лѣтъ до смерти своего отца она почиталась настоящею наслѣдницею его владѣній, и Карлъ предлагалъ руку ея различнымъ Государямъ, что-

бы склонять ихъ этою честію къ благопріятствованію своимъ предпріятіямъ, въ составленіи которыхъ онъ былъ неистощимъ по ненасытному честолюбію.

Союзъ съ Маріею сталъ предметомъ всеобщаго вниманія; очевидны были всѣ выгоды отъ пріобрѣтенія ея владѣній, въ то время богатѣйшихъ по сю сторону Альповъ; и потому едва безвременная смерть Карлова (1477, Января 5) открыла Маріи путь къ престолу, взоры всѣхъ Европейскихъ Государей на нее обратились; для всѣхъ чрезвычайно важно было, съ кѣмъ она раздѣлитъ богатое свое наслѣдіе.

Людовикъ XI какъ по тому, что нѣкоторыя изъ ея областей сперва принадлежали Франціи, такъ и по смежности своихъ владѣній съ ея землями, имѣлъ весьма сильныя причины искать ея союза и не безъ основанія надѣялся, что Марія, будучи вассалкою Франціи и происходя отъ крови Королей Французскихъ, благосклонно приметъ всякое дѣльное съ его стороны предложеніе. Впрочемъ онъ могъ сдѣлать ей только два приличные: бракъ съ Дофиномъ, или съ Графомъ Ангулемскимъ. Посредствомъ супружества ея съ первымъ онъ присоединилъ бы всѣ ея владѣнія къ Франціи, которая стала бы могущественнѣйшею Державою въ Европѣ. Но исполненію этого намѣренія противились неодолимыя препятствія: великая несоразмѣрность въ лѣтахъ самой четы (Маріи было 20, а Дофину только 8 лѣтъ), клятвенное обѣщаніе Фламанцевъ не избирать себѣ Государя, могуществомъ опаснаго для ихъ льготъ и наконецъ боязнь ихъ подчинить себя жестокому правленію Людовика. Посредствомъ же другаго брака, который легко могъ совершиться, потому что

Марія обнаруживала къ нему склонность (1), Людовикъ не допустилъ бы владѣніямъ Бургундскаго Дома перейти во власть своихъ соперниковъ и въ награду за блистательное пристроеніе Графа Ангулемскаго, вѣроятно, получилъ бы отъ него многія выгодныя уступки для Франціи. Но Людовикъ, по закоренѣлой привычкѣ къ ковнямъ, не могъ довольствоваться тѣмъ, что прямо и просто; онъ страстно любилъ хитрости, даже почиталъ ихъ не средствами, а главною цѣлію въ дѣлахъ государственныхъ. Эта причина и съ нею вмѣстѣ нерасположеніе возвышать своихъ подданныхъ, ненависть къ Бургундскому Дому и желаніе притѣснить его, внушили не тѣ мѣры Людовику, которыя принялъ бы Государь съ меньшимъ умомъ и способностями, но другія, болѣе сообразныя съ его духомъ и правилами.

Онъ рѣшился вооруженною рукою отнять у Маріи области, зависѣвшія отъ Франціи, и сдѣлать завоеванія въ другихъ ея земляхъ, занимая ее между тѣмъ неотступнымъ убѣжденіемъ къ несбыточному браку съ Дофиномъ. Въ исполненіи этого предпріятія Людовикъ обнаружилъ чудесныя способности и дѣятельность; но вмѣстѣ съ ними вѣроломство, коварность и жестокосердіе, изумляющія даже въ его исторіи. Тотчасъ по смерти Карла онъ собралъ свои войска и двинулся къ Нидерландамъ. Деньгами склонилъ къ измѣнѣ правителей Бургундіи и Артуа и переманилъ ихъ на свою сторону. Открылъ себѣ входъ въ нѣкоторые изъ пограничныхъ городовъ, подкупивъ ихъ начальниковъ, а въ другіе по тай-

---

(1) Mém. de Comin. I, 358.

нымъ связямъ съ ихъ жителями. Вступилъ въ переговоры съ Маріею и, чтобы привести ее въ ненависть у народа, разглашалъ ему важнѣйшія ея тайны. Имѣлъ частную переписку съ двумя министрами, которымъ она преимущественно довѣряла, и потомъ сообщилъ полученныя отъ нихъ письма Чинамъ Фландріи. Раздраженные вѣроломствомъ измѣнниковъ, они немедленно предали ихъ суду, мучили самымъ жестокимъ образомъ и, не трогаясь слезами и просьбами своей Государыни, въ ея же присутствіи отрубили имъ головы (1).

Пока Людовикъ этими дѣлами, недостойными великаго Монарха, обезпечивалъ для себя обладаніе Бургундіею, Артуа и городами, на Соммѣ лежащими, Фландрскіе Чины вели переговоры съ Императоромъ Фридрихомъ III и заключили брачный договоръ между своею Государынею и сыномъ его, Максимиліаномъ (1477). Этотъ союзъ, лестный для Маріи по знаменитому происхожденію Эрцгерцога Австрійскаго и высокому достоинству, которое онъ имѣлъ въ виду, былъ пріятенъ и Фламанцамъ, не возбуждалъ въ нихъ ни подозрѣній, ни страха, потому что отдаленность наслѣдственныхъ земель Максимиліана и небольшіе его доходы препятствовали ему пріобрѣсти значительную власть въ Бургундіи.

Такимъ образомъ Людовикъ страннымъ своенравіемъ и излишними хитростями предалъ ее во власть Австрійскаго Дома. Это пріобрѣтеніе положило основаніе будущему величію Карла V; обладаніе наслѣдствомъ Маріи доставляло ему средства къ самымъ грознымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Такимъ об-

(1) Mém. de Comin. liv. V. chap. 15. p. 309. etc.

разомъ, прибавлю, тотъ же самый Государь, который прежде всѣхъ соединилъ внутреннюю силу Франціи и далъ ей устройство, страшное для прочей Европы, способствовалъ, совершенно вопреки своимъ видамъ, возвышенію Державы-соперницы, которая цѣлые два вѣка мѣшала всѣмъ предпріятіямъ, противилась оружію и останавливала успѣхи его преемниковъ.

Другимъ важнымъ происшествіемъ въ XV столѣтіи былъ походъ Карла VIII въ Италію (1494). Это произвело перевороты неменѣе достопамятные, было причиною гораздо скорѣе замѣченныхъ измѣненій въ военномъ искусствѣ и политикѣ, возбудило Европейскія Государства къ живѣйшей дѣятельности и еще тѣснѣе соединило дѣла и пользы ихъ между собою. Карлъ, Государь слабый, но великодушный, кроткимъ своимъ правленіемъ, кажется оживилъ духъ и геній Французовъ, подавленные тяжкимъ игомъ самовластія Людовика XI; воспламенилось рвеніе къ военной службѣ, свойственное Французамъ, и юный Государь ихъ нетерпѣливо желалъ ознаменовать свое царствованіе славнымъ предпріятіемъ. Еще онъ колебался, куда обратить оружіе, какъ моленія и происки одного Итальянскаго политика, гнуснаго злодѣйствами, знаменитаго способностями, рѣшили его выборъ. Людовикъ Сфорса, намѣреваясь низвергнуть съ престола племянника своего, Герцога Миланскаго и занять его мѣсто, опасался союза Итальянскихъ владѣтелей, изъ которыхъ большая часть была съ Герцогомъ въ родствѣ, или дружбѣ, и потому чувствовалъ необходимость въ помощи могущественнаго покровителя. Онъ прибѣгнулъ къ Королю Французскому и, не открывая ему собственныхъ своихъ намѣреній, старался привлечь его въ Италію съ многочисленнымъ войскомъ для за-

воеванія Неаполитанскаго престола, на который Карлъ, какъ наслѣдникъ Анжуйскаго Дома, имѣлъ притязанія, переданныя Карломъ Анжуйскимъ, Графомъ Мена и Прованса, Людовику XI. Этотъ прозорливый Государь, немедленно вступя во владѣніе землями, дѣйствительно принадлежавшими Графу, совершенно пренебрегъ мечтательнымъ правомъ на Королевство, которымъ другой уже повелѣвалъ спокойно, и никогда не хотѣлъ вмѣшаться въ толпу Итальянскихъ политиковъ. Сынъ его, болѣе смѣлый и менѣе разсудительный, плѣнился предпріятіемъ, внушеннымъ ему Сфорсою и, не взирая на представленія опытнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, приготовился къ рѣшительному исполненію своего намѣренія.

Карлъ не имѣлъ недостатка въ силахъ для этого труднаго подвига. Онъ получилъ отъ отца своего полную власть надъ цѣлымъ Королевствомъ, и самъ значительно увеличилъ обширность его благоразумнымъ бракомъ съ Бретанскою наслѣдницею, которымъ пріобрѣлъ послѣднюю изъ большихъ ленъ, еще не присоединенныхъ къ коронѣ. Онъ скоро собралъ нужное число войска и, нетерпѣливо желая вступить на новое поприще побѣдителемъ, жертвовалъ существеннымъ мечтательному: возвратилъ Фердинанду Руссильонъ и уступилъ Максимиліану часть Артуа для того только, чтобы эти Государи не вредили Франціи во время его дѣйствій на Италійскомъ полуостровѣ.

Но въ XV столѣтіи вооруженія Европейскихъ Государствъ были весьма отличны отъ позднѣйшихъ, описанныхъ далѣе въ этой Исторіи. Войско, съ которымъ Карлъ отважился на великое свое предпріятіе, не превышало двадцати тысячъ,

огнестрѣльный же обозъ, жизненные припасы и военные снаряды всякаго рода, для него назначенные, количествомъ своимъ нѣсколько походили на огромныя военныя приготовленія временъ новѣйшихъ (1).

Французы вступивъ въ Италію, не встрѣтили никакого сопротивленія. Италіянскіе владѣтели, долго не безпокоенные внѣшними врагами, составили касательно дѣлъ своихъ въ мирное и военное время особенную систему. Для соглашенія выгодъ и уравненія силъ различныхъ владѣній, на которыя раздѣлена была Италія, они вели непрерывные и безконечные переговоры между собою со всею тонкостію изворотливой и коварной политики. Если же прибѣгали къ оружію, то рѣшали свои раздоры въ примѣрныхъ сраженіяхъ безкровными побѣдами. Увидѣвъ грозившую имъ опасность, они обратились къ обыкновеннымъ своимъ средствамъ и истощили все свое искусство для ея отвращенія, но безъ успѣха. Единственная ратная сила ихъ — изнѣженныя наемныя войска, существовавшія только для вида — пришла въ ужасъ при наступленіи дѣйствительной войны и разсѣялась. Пылкая храбрость Французовъ казалась непобѣдимою. Флоренція, Пиза и Римъ отворили ворота Карлу. Одинъ Неаполитанской Король (если вѣрить историкамъ) умеръ отъ испуга при слухѣ объ его грозномъ нашествіи; другой отрекся отъ престола; третій убѣжалъ изъ своихъ владѣній, едва Французы показались на границахъ Неапольскихъ. Карлъ, пройдя чужую землю, какъ свою собственную, быстро и почти

---

(1) Mézeray Hist. tom. II, 777.

безъ всякаго сопротивленія, спокойно овладѣлъ Неаполитанскимъ престоломъ, навелъ страхъ на всѣхъ Италійскихъ владѣтелей и сталъ предписывать имъ законы.

Такъ кончился этотъ походъ, первое значительное испытаніе новыхъ силъ, пріобрѣтенныхъ Европейскими Государями. Послѣдствія его были столько же важны, сколько успѣхъ удивителенъ. Итальянцы, неспособные противостоять Французамъ, не препятствовали ихъ стремленію. Они ясно видѣли, что ни одна Держава сама по себѣ не въ состояніи была бороться съ Карломъ, который обладалъ обширнымъ Государствомъ и повелѣвалъ народомъ воинственнымъ; но что общія силы совершатъ невозможное для разрозненныхъ. Къ этому соединенному дѣйствію и прибѣгли они, какъ къ послѣднему средству избавиться отъ порабощенія. Не мѣшая Карлу безразсудно терять время въ Неаполѣ на праздники и торжества въ память минувшихъ успѣховъ и мечтать о будущихъ завоеваніяхъ на Востокѣ, который онъ собирался тогда покорить, почти всѣ Итальянскіе владѣтели составили противъ него могущественный союзъ, подкрѣпленный Императоромъ Максимиліаномъ и Фердинандомъ, Королемъ Арагонскимъ. Это пробудило Карла отъ безразсудной его безпечности. Онъ увидѣлъ что погибнетъ, если не возвратится во Францію. Тридцатитысячное войско союзниковъ преграждало ему путь. Французы, малочисленность которыхъ съ избыткомъ вознаграждалась неустрашимостью, пробились сквозь непріятелей и одержанною побѣдою открыли своему Государю безопасный путь назадъ въ его землю; однако онъ лишился всѣхъ своихъ завоеваній въ такое же короткое время, въ какое совершилъ

ихъ, и политическая система Италіи приняла прежній свой видъ.

Быстрое и рѣшительное вліяніе союза было, кажется, для Итальянскихъ владѣтелей и мужей государственныхъ столько же поучительно, сколько вторженіе Французовъ ужасно. Они начали распространять въ Европѣ политическія правила, по которымъ до того времени устроивались только дѣла небольшихъ владѣній въ Италіи. Они открыли способъ не допускать Государей возвышаться до могущества, несовмѣстнаго съ общественною свободою, и доказали, какъ важно знать великую тайну новѣйшей политики — соблюденіе надлежащаго равновѣсія въ силахъ между членами системы Государствъ Европейскихъ. Въ продолженіе всѣхъ войнъ, театромъ которыхъ была съ тѣхъ поръ Италія, и среди кровопролитій, которыя по неблагоразумію Людовика XII и честолюбію Фердинанда Арагонскаго почти непрерывно производились въ ней отъ конца XV столѣтія до начала государствованія Карла V, главный предметъ вниманія Дворовъ Итальянскихъ составляло поддержаніе надлежащаго равновѣсія въ могуществѣ противныхъ сторонъ. Самоохраненіе побудило и другіе Дворы слѣдовать этому правилу, и оно стало всеобщимъ. Съ этого времени мы можемъ описывать развитіе сношеній, тѣсно соединившихъ Европейскія Государства между собою и различать дѣйствія той прозорливой политики, которая въ мирное время хранитъ отъ близкихъ и отдаленныхъ опасностей, а въ военное — предваряетъ быстрыя и разрушительныя завоеванія.

Однако это не было единственнымъ послѣдствіемъ войнъ между Европейскими Государями

въ Италіи. Онѣ способствовали повсемѣстному распространенію перемѣны, начатой Французами въ устройствѣ рати своей, побудили всѣхъ Государей, которые являлись на новомъ поприщѣ дѣйствія, къ образованію военной силы по примѣру Французской. Когда войны начали производиться далеко отъ враждующихъ земель, то служба феодальныхъ вассаловъ стала безполезна; немедленно увидѣли необходимость правильныхъ войскъ, содержимыхъ на постоянномъ жалованьѣ. Во время Карлова похода въ Италію Французская конница состояла изъ жандармовъ, набранныхъ Карломъ VII и умноженныхъ Людовикомъ XI, а пѣхота частію изъ наемныхъ Швейцарцевъ, частію изъ Гасконцевъ, которые были вооружены и обучены по ихъ примѣру. Людовикъ XII прибавилъ къ этому войску славныя въ Итальянскія войны *Черныя Дружины* Нѣмцевъ. Ни одинъ изъ этихъ Государей не думалъ о феодальныхъ ополченіяхъ, не прибѣгалъ къ той военной силѣ, которою могъ располагать въ слѣдствіе древнихъ законовъ своего Королевства. Максимиліанъ и Фердинандъ, начавъ дѣйствовать въ Италіи, поручали исполненіе своихъ предначертаній единственно войскамъ наемнымъ.

За этимъ нововведеніемъ въ военномъ устройствѣ вскорѣ послѣдовало другое, къ которому подало поводъ обыкновеніе употреблять Швейцарцевъ въ Итальянскихъ войнахъ. Они отличались отъ прочихъ Европейцевъ оружіемъ и ратнымъ устройствомъ. Во время продолжительной и отчаянной борьбы за свою свободу съ Австрійскими Императорами, войска которыхъ преимущественно состояли изъ тяжелой конницы, Швейцарцы увидѣли, что, по своей бѣдности и по малочислію дворянъ въ ихъ отечествѣ, тогда еще безплод-

номъ и невоздѣланномъ, они были не въ состояніи выставить коннаго войска противъ непріятеля. Необходимость заставила ихъ положить всю надежду на пѣхоту. Чтобы сдѣлать ее способною противостоять стремительнымъ нападеніямъ конницы, они снабдили воиновъ латами и шлемами, какъ оружіемъ оборонительнымъ; для наступательныхъ дѣйствій дали имъ длинныя копья, алебарды, тяжелые мечи и составили изъ нихъ большіе отряды, расположенные густыми, тѣсными колоннами, которыя могли съ каждой стороны представить грозный фронтъ непріятелю (1). Это крѣпкое войско было неприступно для конницы, уничтожило всѣ покушенія Австрійцевъ покорить Швейцарію, разбило Бургундскихъ жандармовъ, почти не уступавшихъ Французскимъ въ числѣ и славѣ, и когда въ первый разъ начало дѣйствовать въ Италіи, то непреодолимою своею силою поражало всѣхъ непріятелей. Такія блистательныя доказательства рѣшительнаго дѣйствія пѣхоты возвратили ей прежнее уваженіе и постепенно возстановили давно упавшее мнѣніе объ отмѣнной ея важности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но когда Швейцарцы, упоенные пріобрѣтенною славою, стали высокомѣрны, мятежны и дерзки, то Государи, державшіе ихъ у себя въ службѣ, начали скучать зависимостію отъ своенравія чужеземныхъ наемниковъ и занялись усовершенствованіемъ народной своей пѣхоты.

Германскіе Властители, повелѣвая людьми, отъ природы одаренными необходимою для воиновъ силою и храбростію, скоро образовали свои войска такимъ образомъ, что они могли спорить съ Швейцарскими и въ устройствѣ и въ мужествѣ.

---

(1) Machiavel Dell'arte di guerra, lib. II, cap. II, p. 451.

Французскіе Государи также пріучали неукротимый духъ своего народа къ подчиненности и ратному порядку, хотя медленнѣе и съ большими затрудненіями. Они столько заботились привести народную пѣхоту въ уваженіе, что уже при Людовикѣ XII нѣкоторые знатные дворяне, оставя прежнія мысли, вступили въ пѣхотную службу (1).

Испанцы, которымъ естественное положеніе отечества ихъ препятствовало употреблять иноземныя войска, не только приняли на главномъ поприщѣ своихъ подвиговъ—въ южной Италіи — Швейцарское военное устройство, но даже улучшили его, присоединивъ къ своимъ полкамъ стрѣлковъ съ пищалями; такимъ образомъ составилась та славная пѣхота, которая въ продолженіе полутора вѣка была удивленіемъ и ужасомъ цѣлой Европы. Итальянскіе владѣтели постепенно уменьшали свою конницу и, въ подражаніе могущественнымъ сосѣдямъ, обратили пѣхоту въ главное войско. Съ этого времени Европейскіе народы начали воевать силами болѣе принаровленными ко всякому роду службы, болѣе способными дѣйствовать во всякой странѣ, производить и удерживать завоеванія.

Кромѣ повода къ этому усовершенствованію въ ратномъ искусствѣ, Италіянскія дѣла подали Европейцамъ первую мысль объ издержкахъ, сопровождающихъ войну трудную и продолжительную, и пріучили ихъ нести бремя налоговъ, необходимыхъ для ея поддержанія. Пока феодальное правленіе существовало въ полной силѣ, пока войска составлялись изъ вассаловъ, сзываемыхъ для

---

(1) Brantome, tom X. p. 18. Mém. de Fleuranges, 143.

нападенія на сосѣдственныя земли и находились короткое время на службѣ, до тѣхъ поръ всѣ издержки были весьма умѣренны. Но когда Италія стала театромъ, гдѣ Европейскія Государства состязались о первенствѣ, то приготовленія, нужныя для отдаленнаго похода, жалованье войскамъ, постоянно содержимымъ, ихъ продовольствіе въ чужой странѣ, осады и обороны городовъ, чрезвычайно увеличили военные расходы и, рождая требованія, неизвѣстныя во времена, менѣе дѣятельныя, умножили налоги въ каждомъ Королевствѣ. Впрочемъ по быстрымъ успѣхамъ честолюбія и обширности затѣваемыхъ предпріятій сперва невозможно было усилить доходовъ соразмѣрно съ издержками. Когда Карлъ VIII пошелъ на Неаполь, то прежде, нежели онъ достигъ Итальянскихъ границъ, казна его уже оскудѣла и равнымъ образомъ истощились домашніе источники, которыми онъ имѣлъ право располагать по обширной власти своей; не отваживаясь подвергнуть новому налогу своихъ подданныхъ, и безъ того угнетенныхъ тяжестію необычныхъ повинностей, онъ рѣшился на послѣднее оставшееся ему средство: занять у Генуэзцевъ необходимое количество денегъ для продолженія похода за непомѣрный ежегодный ростъ по 42 ливра на 100 (1). Другіе Государи, современники Карла, также предпринимали дѣла, несоразмѣрныя съ богатствомъ казны своей. Налоги стали увеличиваться, и при Карлѣ V каждое Государство уже получало такіе доходы, которые показались бы огромными въ концѣ XV вѣка.

Послѣднее событіе передъ царствованіемъ Карла V, замѣчательное по своему вліянію на со-

---

(1) Mém. de Comin. liv. VII, c. 5, p. 440.

стояніе Европы, есть Камбрейскій союзъ. Цѣлію всѣхъ его членовъ было униженіе Венеціанской Республики и раздѣлъ ея владѣній. Гражданское устройство Венеціи, утвержденное на прочномъ основаніи, нѣсколько вѣковъ не подвергалось никакимъ значительнымъ перемѣнамъ. Республика слѣдовала въ дѣлахъ государственныхъ правиламъ бдительной, мудрой политики и держалась ихъ съ такимъ единообразіемъ и твердостію, что пріобрѣла великое преимущество надъ другими Державами, виды и мѣры которыхъ измѣнялись такъ же часто, какъ ихъ образъ правленія и правители. Неослабно дѣйствуя умомъ и оружіемъ, Венеціане распространили предѣлы своей Республики и возвели ее на первую степень могущества въ Италіи, между тѣмъ какъ по обширной своей торговлѣ, мануфактурамъ полезнымъ и рѣдкимъ, Венеція была богатѣйшимъ городомъ въ Европѣ.

Могущество ея ужасало сосѣдей, а богатство возбуждало зависть сильнѣйшихъ Государей, которые не могли сравниться даже съ нѣкоторыми простыми ея гражданами въ великолѣпіи чертоговъ, пышности одеждъ и роскошествѣ жизни (1). Юлій II, самый честолюбивый изъ всѣхъ Первосвященниковъ и равный знаменитѣйшимъ изъ нихъ по способностямъ, замыслилъ вооружить противъ Венеціанъ Итальянскихъ владѣтелей и за-Альпійскихъ Государей. Увеличивая въ однихъ опасенія, въ другихъ воспламеняя корыстолюбіе, онъ склонилъ ихъ къ одному изъ числа самыхъ могущественныхъ Европейскихъ союзовъ, извѣстному подъ именемъ Камбрейскаго.

Императоръ, Король Французскій, Король Арагонскій и Папа были главами этого союза, къ ко-

---

(1) Heliani Oratio apud Goldastum in Polit. Imperial. p. 980.

торому приступили всѣ почти Италья́нскіе владѣтели, потому что и самые незначущіе между ими надѣялись получить какую нибудь долю изъ развалинъ Республики, по ихъ мнѣнію уже обреченной на погибель. Венеціане могли бы отвратить грозу, или ослабить ея жестокость; но они ждали ея приближенія съ гордой отвагою, которой нѣтъ ничего подобнаго въ ихъ Исторіи. Пылкая храбрость Французовъ уничтожила всѣ ихъ предосторожности для спасенія Республики, и въ пагубной сѣчѣ Гіарраддадской было совершенно истреблено войско, на которое они полагали всю надежду. Юлій захватилъ города, зависѣвшіе отъ нихъ въ Духовной Области. Фердинандъ присоединилъ къ своимъ Неаполитанскимъ владѣніямъ города, принадлежавшіе имъ на берегахъ Калабріи. Максимиліанъ съ сильнымъ войскомъ подступалъ къ Венеціи съ одной стороны, а Французы распространяли свои завоеванія съ другой. Венеціане, окруженные такимъ множествомъ непріятелей, не имѣя ни одного союзника, пали съ вершины высокомѣрія въ бездну отчаянія; оставили всѣ владѣнія свои на твердой землѣ и заперлись въ столицѣ, какъ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ и единственномъ мѣстѣ, которое надѣялись удержать за собою.

Однако эти быстрые успѣхи были пагубны для союза. Въ членахъ его, дружныхъ, пока они ловили добычу, пробудились прежнія враждебныя чувства, какъ скоро наступило время дѣлить ее. Лучь надежды озарилъ Венеціянъ, когда они замѣтили эти признаки раздора и недовѣрчивости; воскресъ духъ, свойственный ихъ правленію; они начали дѣйствовать такъ мудро и рѣшительно, что нѣсколько исправили ошибки прежняго своего неблагоразумія и робости; возвратили часть по-

терянныхъ владѣній; склонили къ миру Папу и Фердинанда заблаговременными уступками, и наконецъ разрушили союзъ, который поставилъ Республику ихъ на край погибели.

Юлій, гордясь свершеннымъ дѣяніемъ и въ воображеніи не видя для себя ничего труднаго, рѣшился изгнать всѣхъ чужеземцевъ изъ Италіи. Сперва онъ возсталъ на Французовъ, которые по многимъ отношеніямъ были для ея жителей ненавистнѣе прочихъ иностранцевъ, въ ней утвердившихся. Дѣйствуя искусно и неутомимо, онъ убѣдилъ всѣхъ почти участниковъ союза Камбрейскаго обратить оружіе противъ прежняго ихъ сподвижника, Короля Французскаго, и склонилъ Генриха VIII, только что вступившаго на престолъ Англійскій, способствовать видамъ своимъ посредствомъ нападенія на Францію. Людовикъ XII мужественно противоборствовалъ всѣмъ усиліямъ этого страшнаго и неожиданнаго союза. Непріятельскія дѣйствія производились съ перемѣннымъ успѣхомъ въ Италіи, на границахъ Испаніи и въ Пикардіи. Истощенный наконецъ продолжительною, многотрудною войною, и одолѣваемый превосходнымъ числомъ союзниковъ, силы которыхъ были мудро управляемы и дѣйствовали твердо, рѣшительно, Людовикъ по необходимости заключилъ мирные договоры съ своими непріятелями, и война прекратилась потерею для Французовъ всего, что они пірбрѣли въ Италіи, кромѣ Миланскаго замка и немногихъ маловажныхъ городовъ въ Миланскомъ Герцожствѣ.

Различные переговоры, которые производились въ эту дѣятельную пору, и многіе союзы, заключенные между Государствами, бывшими до нея въ слабыхъ связяхъ другъ съ другомъ, значительно умножили взаимныя сношенія Европей-

скихъ народовъ; а важность цѣлей, къ которымъ эти послѣдніе стремились, ихъ отдаленные походы, продолжительныя и упорныя войны, побуждали ихъ къ мощному, постоянному употребленію силъ своихъ, неизвѣстному въ предшедшіе вѣки.

Дѣятельности временъ, описанныхъ въ слѣдующей Исторіи, разнообразія и важности событій, ихъ отличающихъ, не должно относить единственно къ честолюбію, способностямъ и соперничеству Карла V и Франциска I. Значительная степень совершенства, до которой Европейскія Державы достигли во внутреннемъ устройствѣ своемъ и большая власть, пріобрѣтенная Государями, естественно должны были расширить кругъ ихъ дѣйствія, умножить ихъ требованія и притязанія, и сообщить новую силу ихъ предпріятіямъ. Такимъ образомъ XVI вѣкъ наступилъ съ вѣрными предзнаменованіями своего обилія въ важныхъ и занимательныхъ происшествіяхъ.

УСТРОЕНІЕ

ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ЕВРОПѢ,

ОТЪ

РАЗРУШЕНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

ДО

НАЧАЛА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Государственное учрежденіе главныхъ Государствъ Европейскихъ въ началѣ XVI столѣтія.

Исчисливъ такимъ образомъ главныя причины и событія, вліяніе которыхъ простиралось на всѣ Европейскія земли и способствовало или усовершенствованію внутренняго ихъ благоустройства, или расширенію круга ихъ дѣятельности, мнѣ остается только показать особенное государственное учрежденіе и образъ управленія гражданскаго каждой страны, имѣвшей значительное участіе въ дѣлахъ того времени, чтобы приготовить читателей съ полными свѣдѣніями приступить къ Исторіи Карла V. Между тѣмъ какъ описанныя мною обстоятельства рождали сходство между Европейскими народами и вели ихъ отъ варварства къ просвѣ-

щенію по одному пути и почти равными шагами, другія были причиною различія ихъ государственныхъ учрежденій и дали начало тѣмъ особеннымъ видамъ правленія, отъ которыхъ произошло разнообразіе въ характерѣ и духѣ народовъ.

Познаніе этихъ послѣднихъ обстоятельствъ такъ же необходимо, какъ первыхъ. Представленныя причины и событія, имѣвшія всеобщее вліяніе, объяснятъ читателямъ удивительное сходство между Европейскими народами во внутреннемъ ихъ устройствѣ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Но безъ точнаго понятія объ особенномъ образѣ и духѣ гражданскаго ихъ управленія дѣла ихъ бо́льшею частію покажутся загадочными, таинственными. Историки отдѣльныхъ Государствъ, предполагая, что ихъ соотечественникамъ совершенно извѣстны всѣ учрежденія и обычаи страны своей, часто пренебрегали въ этомъ отношеніи такими подробностями, которыя дали бы средства иноземцамъ къ полному разумѣнію ихъ повѣствованія. Но Исторія, объемлющая дѣянія многихъ народовъ, была бы весьма несовершенна безъ предварительнаго обзора ихъ государственныхъ учрежденій и политическаго состоянія. Только обладая этими свѣдѣніями, читатель можетъ вывести правила, чтобы разборчиво судить и правильно заключать о дѣлахъ народовъ.

Однако мелкія подробности объ особенныхъ постановленіяхъ въ каждой странѣ завлекли бы въ безконечныя разсужденія. Означить главныя черты, отличающія правленіе каждаго Государства, вотъ все, что позволяетъ свойство настоящаго моего сочиненія и что необходимо для объясненія событій, о которыхъ въ немъ повѣствуется.

Въ началѣ XVI столѣтія Италія въ политическомъ состояніи отличалась отъ всѣхъ другихъ

странъ Европейскихъ. Вмѣсто обширныхъ Монархій, занимавшихъ остальную часть твердой земли, въ этой прекрасной странѣ находилось множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣло свое собственное правленіе. Единственное Королевство въ Италіи было Неаполитанское. Папская Область составляла Государство особеннаго рода, которому нѣтъ ничего подобнаго ни въ древности, ни въ новѣйшія времена. Венеція и Флоренція существовали въ видѣ Республикъ. Миланъ управлялся особами, которыя носили званіе Герцоговъ.

Папа занималъ первое мѣсто между Итальянскими Правителями по своему сану и не послѣднее по обширности своихъ владѣній. Въ первобытной Церкви Епископы имѣли равныя права. Они, можетъ статься, получали нѣкоторое старшинство другъ передъ другомъ отъ своихъ каѳедръ; но дѣйствительное преимущество доставляли имъ только превосходныя дарованія, или отличная святость. Римъ, долгое время средоточіе Имперіи и столица міра, давалъ своимъ Епископамъ право на первенство, и въ самомъ дѣлѣ ихъ стали уважать болѣе другихъ пастырей Церкви; но въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ они ничего болѣе не выиграли, не взирая на свои требованія; а наконецъ посредствомъ смѣлыхъ, искусныхъ мѣръ честолюбія такъ возвысились, что утвердили надъ умами и чувствованіями людей духовное владычество, которому безусловно покорилась вся Европа. Право творить судъ надъ всѣми, требованное Папами, какъ главами Церкви, и притязанія ихъ, какъ преемниковъ Св. Петра, на безгрѣшность своихъ рѣшеній, столько же мечтательны, сколько противны духу вѣры Христіанской. Однако на этихъ основаніяхъ суевѣріе и

малодушіе людей допустили ихъ утвердить власть изумительную. Во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ приговоры Папъ были принимаемы за непреложные глаголы истины. Этого мало: Папы низводили Государей съ престоловъ, располагали коронами, разрѣшали клятву вѣрноподданства, возбраняли въ цѣлыхъ странахъ богослуженіе. Въ Европѣ не было Державы, которая бы осталась въ покоѣ отъ ихъ честолюбія; не было престола, котораго бы они не поколебали, ни Государя, котораго бы не приводили въ трепетъ своею властію.

Для неограниченнаго господства и первенства надъ Вѣнценосцами Папамъ недоставало только свѣтскаго могущества, способнаго подкрѣплять духовную власть ихъ. Къ счастію людей, Папы имѣли весьма ограниченное мірское достояніе въ то время, какъ пользовались обширнѣйшими духовными правами. Они были Первосвященники могущественные, страшные въ отдаленности, но Государи мелкіе, даже безъ значительной внутренней силы. Правда, они издавна старались пріобрѣсти болѣе владѣній тѣми же средствами, какія употребляли для распространенія своей власти: покушались захватить сопредѣльные Риму города подъ предлогомъ, будто-бы получили нѣкоторые изъ нихъ въ даръ отъ Константина, а другіе отъ Карла и отца его Пипина; но этотъ вымышленный предлогъ принесъ имъ мало пользы. Напротивъ того пожертвованія, которыми они были обязаны малодушію Нормандскихъ пришельцевъ, завоевавшихъ Неаполитанское Королевство, и суевѣрію Графини Матильды, значительно увеличили достояніе Святаго Престола.

Власть Папъ не возрасла однако соразмѣрно съ прибавленіемъ земли ихъ. Въ ней, какъ и въ

другихъ Итальянскихъ владѣніяхъ, велико было неповиновеніе подданныхъ. Въ бурные средніе вѣки могущественные дворяне и начальники народныхъ партій въ Италіи, захвативъ многіе города, усиливъ ихъ укрѣпленія и призвавъ къ себѣ въ службу наемныхъ воиновъ, стали почти совершенно независимы. Земли, пріобрѣтенныя Церковію, были наполнены такими мелкими владѣльцами и только считались собственностію Папъ.

Подобно тому, какъ эти похитители большей части городовъ, принадлежавшихъ Церкви, уничтожили въ нихъ власть Папскую, Римскіе Бароны часто оспоривали ее въ самомъ Римѣ. Въ XII столѣтіи начали проповѣдывать, что духовныя особы по своему служенію, исключительно духовному, не должны имѣть никакой собственности, ни требовать свѣтской власти, а, подражая похвальному примѣру своихъ предшественниковъ въ первобытной Церкви, жить однѣми только десятинами и добровольными приношеніями народа (1). Люди, видѣвшіе какимъ соблазнительнымъ образомъ жадное и честолюбивое духовенство гонялось за богатствомъ и властію, охотно внимали этому ученію. Римскіе Бароны, которымъ жестокость церковнаго управленія была особенно ощутительна, приняли разглашаемыя мысли съ такимъ жаромъ, что немедленно рѣшились свергнуть свое иго. Они старались возвратить нѣкоторый образъ прежней свободы своей возстановленіемъ Римскаго Сената, облекли его верховною властію, а исполнительную поручали иногда одному старшему Сенатору, иногда двумъ, иногда же чиновнику, названному *Патриціемъ*. Папы употребляли всѣ усилія, чтобы

(1) Otto Frisigensis de Gestis. Frider. Imper. lib. II, cap. 10.

прекратить пагубныя притязанія Бароновъ на права свои. Одинъ, видя безполезность всѣхъ трудовъ, которые онъ принималъ съ этою цѣлію, умеръ отъ глубокой горести. Другой, напавъ на Сенаторовъ съ толпою вооруженныхъ людей, получилъ смертельную рану въ сраженіи (1). Довольно долго Папская власть, передъ которою трепетали величайшіе Государи Европы, была такъ ограничена, что Первосвященники въ самомъ Римѣ не смѣли пользоваться ею безъ дозволенія и содѣйствія Сената.

Она стѣснялась не только присвоеніями Римскаго дворянства, но и мятежнымъ духомъ народа. Въ XIV столѣтіи Папы 70 лѣтъ имѣли свое мѣстопребываніе въ Авиньонѣ. Жители Рима, привыкнувъ считать себя потомками народа, который завоевалъ цѣлый міръ и предписывалъ ему законы, по великой своей надмѣнности, не хотѣли терпѣливо покоряться Папскимъ намѣстникамъ. Во многихъ случаяхъ они противились исполненію указовъ своихъ Государей и при малѣйшемъ признакѣ нововведенія, или притѣсненія готовы были вооруженною рукою защищать свои льготы. Около половины XIV столѣтія возмущенные Николаемъ Ріензо, человѣкомъ низкаго происхожденія и мятежнаго духа, но сильнымъ въ народѣ по краснорѣчію, честолюбивымъ и смѣлымъ, они выгнали всѣхъ дворянъ изъ города, учредили демократическій образъ правленія, избрали Ріензо въ народные Трибуны и дали ему власть обширную. Хотя безразсудные поступки Трибуна скоро низпровергли этотъ новый порядокъ, хотя правленіе

---

(1) Otto Frisig. Chron. lib. VII, cap. 27, 31. Id. de Gest. Erid lib. I, c. 27. Muratori Annali d'Italia, vol. IX, 398, 404.

въ Римѣ приняло свой прежній видъ; но каждая новая дерзость ослабляла власть Папскую, и буйность народа вмѣстѣ съ духомъ независимости дворянъ чрезвычайно ее ограничили (1). Григорій VII и другіе честолюбивые Первосвященники стали грозны для Императоровъ не силою своего оружія, или обширностію власти, но страхомъ духовныхъ прещеній и вліяніемъ хитрости, воздвигавшей соперниковъ и непріятелей каждому Государю, притѣсненіе, или погибель котораго они замышляли.

Папы дѣлали много покушеній не только для смиренія похитителей городовъ въ Церковной Области, но и для обузданія строптиваго духа въ Римскомъ народѣ. Долго всѣ ихъ старанія были безуспѣшны. Наконецъ Александръ VI, постыдными хитростями истребивъ большую часть дворянъ, доставилъ Папамъ полную власть въ собственной землѣ ихъ. Смѣлый честолюбецъ Юлій II присоединилъ немаловажныя завоеванія къ наслѣдію Св. Петра. Такимъ образомъ Папы стали постепенно могущественными свѣтскими Государями. Область ихъ при Карлѣ V была пространнѣе, чѣмъ нынѣ, лучше обработана и многолюднѣе; а богатые денежные сборы съ каждой страны въ Европѣ составляли огромные доходы, которыми Папы далеко превосходили своихъ сосѣдей, и потому скорѣе и дѣятельнѣе приводили въ исполненіе свои предпріятія.

Духъ Папскаго правленія былъ однако приличнѣе къ поддержанію духовнаго владычества, не-

---

(1) Histoire Florentine de Giov. Villani, lib. XII, c. 89, 104, ap. Murat. script. rerum Ital. vol. XIII. Vita de Cola di Rienzo, ap. Murat. Antiq. Ital. vol. III, p. 399, etc. Hist. de Nic. Rienzy, par M. de Boispreaux; p. 91, etc.

жели свѣтскаго. Въ отношеніи къ первому всѣ правила Папъ были постоянны и неизмѣнны. Каждый новый Первосвященникъ слѣдовалъ по стопамъ своего предмѣстника. Воспитаніе и привычка такъ дѣйствовали на духовенство, что частный характеръ его членовъ терялся въ общемъ характерѣ ихъ званія, и личныя страсти приносились въ жертву выгодамъ и чести цѣлаго сословія. Люди, державшіе бразды правленія, могли перемѣняться, но духъ, руководившій ими, оставался всегда одинъ и тотъ же. Другіе Дворы колебались въ мѣрахъ, стремились къ разнообразнымъ цѣлямъ; Римскій всегда имѣлъ въ виду одну мѣту, и этому неизмѣнному постоянству былъ обязанъ успѣхами въ самыхъ смѣлыхъ замыслахъ властолюбія.

Но въ государственномъ управленіи Папъ не было такого же однообразія. Ихъ личный характеръ, страсти и выгоды измѣняли политическія цѣли и мѣры. Какъ немногіе Прелаты достигали первой степени церковнаго достоинства, не достигши напередъ глубокой старости, то перемѣна Государей въ Папскихъ владѣніяхъ случалась чаще, нежели въ другихъ земляхъ, и политика Римскаго Двора была по этому непостояннѣе политики Дворовъ иностранныхъ. Каждый Папа спѣшилъ какъ можно выгоднѣе для себя употребить краткое время своего правленія, для того только пользовался властію, чтобы возвысить свое семейство и успѣть въ частныхъ дѣлахъ своихъ; первою же заботою его преемника бывало нерѣдко уничтоженіе всѣхъ его трудовъ и учрежденій. Папы въ дѣлахъ государственныхъ руководились началами той же таинственной политики, посредствомъ которой распространяли и поддерживали духовное свое владычество, и во всѣхъ предпріятіяхъ охотнѣе

употребляли хитрость, нежели силу оружія. Искуство и тонкость въ переговорахъ стали наукою прежде всего при Дворѣ Папскомъ, и въ продолженіе XVI вѣка Римъ почитался училищемъ, въ которомъ можно было превосходнѣйшимъ образомъ ее постигнуть.

Приличіями духовнаго сана удерживаемые отъ личнаго начальства надъ войскомъ и отъ непосредственнаго завѣдыванія имъ въ своей Области, Папы боялись вооружать собственныхъ подданныхъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, наступательныхъ и оборонительныхъ, совершенно довѣряли войску наемному.

Какъ власть и владѣнія Папъ не переходили къ ихъ потомству, то они менѣе другихъ Государей заботились о благѣ общественномъ и просвѣщеніи. Правленіе ихъ было кратковременно; они имѣли въ виду только настоящія выгоды; старались пріобрѣтать и копить, а не улучшать; изъ тщеславія развѣ оставляли какой нибудь суетный памятникъ своего первосвященства, или же, по необходимости, учреждали полезныя заведенія, чтобы польстить буйной черни въ Римѣ и успокоить ее. Но мѣры для общаго блага подданныхъ, и притомъ съ заботою о будущемъ, рѣдко бывали предметами державнаго искуства Первосвященниковъ. Наслѣдіе Св. Петра управлялось хуже другихъ частей Европы, и хотя иной великодушный Папа на время прекращалъ вредныя слѣдствія недостатковъ, свойственныхъ духовному правленію, или противодѣйствовалъ имъ, однако же они оставались неистребимы и вѣкъ отъ вѣка все болѣе усиливались, а Государство клонилось къ упадку по мѣрѣ ихъ возрастанія.

Кромѣ того еще одно обстоятельство въ отношеніи къ Папскому правленію по своей стран-

ности заслуживаетъ вниманія. Духовная и свѣтская власти, будучи соединены въ одномъ лицѣ и подкрѣпляя одна другую, такъ слились вмѣстѣ, что трудно было отдѣлить ихъ даже мысленно. Государи, вынуждаемые препятствовать мѣрамъ, которыя Первосвященники Римскіе принимали, какъ свѣтскіе владѣтели, не могли забыть уваженія, подобающаго имъ, какъ главамъ Церкви и преемникамъ власти Іисуса Христа. Весьма неохотно нарушали они доброе съ ними согласіе, имѣли какое-то отвращеніе дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно, принимали съ радостію первыя предложенія о мирѣ и готовы были заключать его почти на всякихъ условіяхъ. Надежда на это подстрекала честолюбивыхъ Папъ, занимавшихъ Римскій престолъ въ началѣ XVI столѣтія, къ самымъ отважнымъ предпріятіямъ. Они были увѣрены, что если бы свѣтской ихъ власти не достало для успѣшнаго исполненія ихъ замысловъ, то почтеніе, которое воздавали духовному ихъ сану, помогло бы имъ выдти изъ замѣшательства удобно и съ честію (1). Но когда Папы стали ча-

(1) Война, предпринятая Людовикомъ XII противъ Юлія II довольно пояснитъ это замѣчаніе. Людовикъ торжественно совѣщался съ Французскимъ духовенствомъ, прилично ли вооружаться противъ Папы, который безъ причины воспламенилъ войну въ Европѣ и котораго ни святость договоровъ, ни благодарность за полученныя милости, ни приличіе сана, не могли воздержать отъ самыхъ насильственныхъ поступковъ, внушаемыхъ честолюбцамъ страстію къ господству. Хотя духовенство и допустило эту войну, однако же Анна Бретанская, супруга Людовика, почитая ее беззаконіемъ, мучилась совѣстію, и самъ Король изъ подобнаго же образа мыслей воевалъ слабо и при каждой побѣдѣ возобновлялъ мирныя предложенія. Mézeray Hist. de France, fol. edit. 1685, tom. 1, 852. Я приведу, еще другое, болѣе разитель-

ще вмѣшиваться въ распри Государей и являться главными дѣйствователями, или участниками въ каждой войнѣ Европейской, то благоговѣніе къ священному ихъ достоинству начало уменьшаться и разительныя примѣры далѣе въ этой Исторіи покажутъ, что оно почти совершенно исчезло.

Изъ всѣхъ Италъянскихъ владѣній, послѣ Папскихъ, Венеція была въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ прочею Европою. Всѣмъ извѣстно происхожденіе этой Республики во время нашествія Гуновъ въ V вѣкѣ, особенное положеніе ея столицы на островахъ Адріатическаго залива и еще болѣе отличный образъ гражданскаго ея устройства. Если мы будемъ разсматривать Венеціанское правленіе, какъ принаровленное для однихъ только дворянъ, то его должно почитать совершеннѣйшимъ образцомъ мудрости государственной: такъ оно превосходно во всѣхъ частяхъ своихъ, такъ удивительно распредѣлены въ немъ судебная, законодательная и исполнительная власти! Но оно же самое въ отношеніи къ многочисленному народу покажется намъ строгою и пристрастною аристократіею, которая, вручая всю власть нѣсколькимъ членамъ общества, унижаетъ и тѣснитъ всѣхъ прочихъ.

Духъ этого правленія былъ естественнымъ образомъ робокъ и подозрителенъ. Венеціанскіе

ное доказательство о благоговѣніи къ Папскому сану. Гвичардини, можетъ быть самый просвѣщенный изъ новѣйшихъ Историковъ и самый смѣлый въ описаніи пороковъ и властолюбія Папъ, называетъ смерть Мильяна, Испанскаго Офицера, убитаго при осадѣ Неаполя, наказаніемъ самаго Неба за то, что онъ противился освобожденію Климента VII. Guic. Hist. d'Italia, Genev. 1645, vol. II, lib. 18, p. 467.

дворяне не довѣряли народу и боялись дозволить ему употребленіе оружія. Поощряя простыхъ гражданъ къ изобрѣтательности и торговлѣ, они никогда не принимали ихъ въ число войскъ, которыя Республика содержала на жалованьѣ. Ратная сила ея состояла единственно изъ чужеземныхъ наемниковъ. Начальство надъ ними никогда не поручалось благороднымъ Венеціанамъ, чтобы они не пріобрѣли вліянія, опаснаго для свободы общественной и не привыкли къ властительству, отъ котораго не захотѣли бы перейти опять въ состояніе простыхъ гражданъ. Счастливый воинъ избирался обыкновенно въ предводители республиканскихъ войскъ, и достиженіе этой чести было главною цѣлію Итальянскихъ *Condottieri*, которые въ XV и XVI столѣтіяхъ торговали войною, набирая по подряду ратниковъ различнымъ Государствамъ. Но та же самая подозрительность, которая побуждала Сенатъ употреблять этихъ пришлецовъ, удерживала его отъ полной къ нимъ довѣренности. Два дворянина по его назначенію сопровождали войско въ походѣ подъ именемъ *Proveditori*, и, подобно военнымъ депутатамъ Голландской Республики въ послѣдніе годы ея существованія смотрѣли за всѣми движеніями полководца и ограничивали его во всѣхъ дѣйствіяхъ.

Республика, при такихъ гражданскихъ и ратныхъ постановленіяхъ, не могла быть воинственною. Пока народъ въ ней оставался безоружнымъ, а дворяне устранялись отъ начальства надъ войскомъ, до тѣхъ поръ она весьма невыгодно производила военныя свои предпріятія. Это, кажется, должно бы было обратить главное вниманіе Венеціанской политики на внѣшнюю безопасность и внутреннее спокойствіе. Но Республики, подобно Монархіямъ, соблазняются ду-

хомъ властолюбія. Венеціане до того забыли недостатки своего правленія, что устремились къ обширнымъ завоеваніямъ; и только сраженные гибельнымъ ударомъ въ войну, начатую по союзу Камбрейскому, они убѣдились, какъ неблагоразумны и опасны всѣ сильныя напряженія, противныя духу и свойству ихъ учрежденія государственнаго.

Однако о важности Венеціанской Республики должно судить не по военной ея силѣ, а по славѣ ея на моряхъ и въ торговлѣ. Въ послѣдней заключалось истинное могущество Венеціанъ. Она была не подозрительна аристократіи, отъ нея не ожидали ничего опаснаго для свободы. Сенатъ поощрялъ дворянъ къ торговлѣ и морской службѣ. Они становились купцами и адмиралами; промышленностію увеличивали богатство, а смѣлостію морскихъ предпріятій — владѣнія своего отечества.

Торговля была для Венеціанъ неисчерпаемымъ источникомъ изобилія. Всѣ Европейскіе народы зависѣли отъ нихъ не только въ отношеніи къ произведеніямъ Востока, но и къ различнымъ товарамъ, которые приготовлялись только въ одной Венеціи, или получали въ ней послѣднюю отдѣлку съ искусствомъ, въ другихъ странахъ неизвѣстнымъ. Отъ обширной торговли Республика имѣла огромныя выгоды; онѣ вознаграждали недостатки въ государственномъ ея учрежденіи и давали ей средства къ содержанію войска, которое не только превосходило силы ея сосѣдей, но даже нѣсколько времени противустояло могущественнымъ Государямъ за-Альпійскимъ. Доходы Венеціи въ продолженіе борьбы ея съ Камбрейскими союзниками и въ настоящее время покажутся значительными. Кромѣ того она занимала денегъ сколько ей было угодно за небольшой ростъ пя-

ти на сто, между тѣмъ какъ Французскій Король платилъ Генуэзцамъ за свой долгъ имъ ростъ непомѣрный, а Императоръ, готовый занять, но лишенный кредита, слылъ подъ именемъ *Максимиліана Безденежнаго* (1).

Государственное учрежденіе Флоренціи составляло совершенную противуположность съ Венеціанскимъ. Въ немъ заключалось столько же демократическаго своеволія, сколько въ послѣднемъ аристократической строгости. Однако Флоренція была купеческою, а не военною Республикой. Жители ея любили торговлю, и законы ихъ благопріятствовали этой промышленности. Великое богатство, пріобрѣтенное посредствомъ ея Медичисами, пышный образъ жизни, щедрость и добродѣтели Космы I, доставили ему неограниченное вліяніе надъ его соотечественниками. Хотя наружность правленія народнаго осталась во Флоренціи, хотя чиновники, носившіе прежнія названія, занимали различныя государственныя должности и выбирались по старинному обыкновенію; однако въ сущности онъ былъ главою Республики и въ качествѣ простаго гражданина обладалъ верховною властію, которую передалъ даже своимъ потомкамъ. Въ продолженіе почти цѣлаго XV столѣтія государственное учрежденіе Флоренціи было весьма странно. Республиканское правленіе существовало въ ней только по наружности, народъ былъ страстно привержeнъ къ нему и въ иныхъ случаяхъ горячо вступался за права свои, а между тѣмъ допускалъ одному Дому управлять своими дѣлами такъ же неограниченно,

---

(1) Hist. de la Ligue faite à Cambray par M. l'abbé du Bos, liv. V Sandi Storia Civil Veneziana, lib. VIII, c. 16, p. 891 etc.

какъ если бы онъ торжественно получилъ власть державную. Отъ подозрительности Медичисовъ и господствованія духа торговли между Флорентинцами, военная сила ихъ Республики находилась въ такомъ же состояніи, какъ въ другихъ Итальянскихъ владѣніяхъ, то есть: состояла почти изъ однихъ наемниковъ, приводимыхъ въ случаѣ нужды Кондотьерами, которые были на жалованьѣ.

Въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, къ которому принадлежалъ и островъ Сицилія, феодальное правленіе утвердилось съ тѣми же недостатками, какъ въ другихъ Государствахъ Европы. Эти недостатки значительно увеличились отъ многократныхъ и сильныхъ переворотовъ въ Королевствѣ. Престолонаслѣдіе здѣсь такъ часто пресѣкалось и было измѣняемо, и такъ много чужеземныхъ Государей участвовало въ немъ, что Неаполитанское дворянство почти совсѣмъ потеряло не только приверженность къ Дому Королей своихъ, но и почтеніе къ ихъ особѣ, которое въ другихъ феодальныхъ земляхъ нѣсколько удерживало Бароновъ отъ притязаній на права самодержавія. Въ то же время различные искатели престола, принужденные потворствовать дворянамъ, которые были на ихъ сторонѣ, безъ помощи которыхъ они не могли достигнуть своей цѣли, увеличивали ихъ преимущества щедрыми уступками и спускали имъ самыя дерзкія присвоенія. Вступленіе того, или другаго совмѣстника на спорный престолъ не уничтожало опасности, соединенной съ распространеніемъ самодержавной власти и ограниченіемъ дворянской.

По всѣмъ этимъ причинамъ Неаполитанское Королевство было самое безпокойное въ Европѣ, а Государи его имѣли права самыя ограниченныя.

Хотя Фердинандъ I, вступившій на престолъ въ 1468 году, покушался ослабить могущество аристократіи; хотя сынъ его Альфонсъ, желая вдругъ сокрушить ее истребленіемъ знатнѣйшихъ Неаполитанскихъ Бароновъ, рѣшился (1487) на одинъ изъ самыхъ безчестныхъ и жестокихъ поступковъ, извѣстныхъ въ Исторіи; однако же мѣры обоихъ Государей болѣе раздражили сословіе дворянъ, нежели смирили его (1). Негодованіе, возбужденное несправедливостію, было такъ сильно и могущество недовольныхъ все еще такъ грозно, что этому въ большей мѣрѣ должно приписать легкое и быстрое завоеваніе Неаполитанскаго Королевства Карломъ VIII (2).

Происшествіе, давшее поводъ къ жестокимъ спорамъ за наслѣдство Неаполитано-Сицилійскаго Королевства и къ множеству бѣдствій, его постигшихъ, случилось въ XIII столѣтіи. По смерти Императора Фридриха II (1254) побочный сынъ его, Манфредъ, искавшій Неаполитанскаго престола, умертвилъ (если вѣрить современнымъ Историкамъ) брата своего, Императора Конрада, и этимъ преступленіемъ достигъ желанной цѣли (3). Папы, изъ непримиримой ненависти къ Швабскому Дому, не только отреклись признать Манфреда Королемъ, но даже старались найти ему соперника. Карлъ, Графъ Анжуйскій, братъ Французскаго Короля, Людовика Святаго, рѣшился исторгнуть скипетръ изъ рукъ похитителя, и получилъ отъ Папы вводную грамоту (инвеституру) на Королевство Неаполитано - Сицилійское, какъ на лену,

(1) Giannone, liv. XXVIII, chap. 2, vol. II, p. 410.
(2) Giannone, Ibid. p. 414.
(3) Struv. Corp. Hist. Germ. I, 481. Giannone, liv. XVIII, ch. 5.

подзависимую Св. Престолу. Усилія Графа Анжуйскаго увѣнчались успѣхомъ. Манфредъ палъ въ сраженіи, а онъ овладѣлъ празднымъ престоломъ. Но вскорѣ послѣ того Карлъ помрачилъ пріобрѣтенную славу несправедливостію и безчеловѣчіемъ, повелѣвъ казнить Конрадина, послѣдняго Государя изъ Швабскаго Дома и законнаго наслѣдника престола Неаполитанскаго. Юный Конрадинъ утверждалъ свое право до послѣдняго издыханія съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи. На эшафотѣ онъ объявилъ своимъ преемникомъ супруга единственной дочери Манфредовой, Петра, въ то время еще Принца, но вскорѣ потомъ ставшаго Королемъ Арагонскимъ, и, бросивъ народу свой мечъ, просилъ вручить его Петру, какъ знакъ, которымъ уступалъ ему права свои (1). Желая отмстить поруганіе, нанесенное Королевскому достоинству казнію Конрадина, и побуждаемый честолюбіемъ, Петръ вооружился для поддержанія завѣщаннаго ему права. Съ этого времени цѣлые почти два вѣка домы Арагонскій и Анжуйскій спорили за Неаполитанское наслѣдство. Среди переворотовъ и злодѣйствъ, изъ которыхъ однимъ по быстротѣ, а другимъ по звѣрству нѣтъ подобныхъ въ Исторіи прочихъ народовъ, Государи то изъ Арагонскаго, то изъ Анжуйскаго Дома попеременно занимали престолъ. Напослѣдокъ (1434) Арагонскіе Короли столь твердою рукою овладѣли этимъ спорнымъ наслѣдствомъ, что покойно передали его незаконной отросли своего Дома (2).

Родъ Анжуйскихъ Королей однако же не пресѣкся, равнымъ образомъ не оставили они и сво-

---

(1) Giannone, liv. XIX, ch. 4, § 2.
(2) Giannone, liv. XXVI, ch. 2.

его права на престолъ Неапольскій. Графъ Мена и Прованса, происходившій отъ нихъ, уступилъ всѣ свои права и притязанія Людовику XI и его наслѣдникамъ. Карлъ VIII, какъ я уже упоминалъ, перешелъ Альпы съ сильнымъ войскомъ, чтобы заставить уважать свои требованія (1494). Его быстрые успѣхи въ Италіи и кратковременное наслажденіе плодами ихъ очень извѣстны. Низведенный имъ съ престола Фридрихъ, происходившій по незаконной линіи отъ Арагонскаго Дома, скоро сталъ опять Королемъ Неаполитанскимъ. Людовикъ XII и Фердинандъ Арагонскій вооружились противъ него, почитая его похитителемъ, хотя по различнымъ причинамъ, и согласились раздѣлить между собою его владѣнія. Фридрихъ, будучи не въ силахъ противиться и порознь каждому изъ союзныхъ Государей, отрекся отъ престола (1501). Людовикъ и Фердинандъ, помогавшіе другъ другу въ завоеваніи, не согласились въ раздѣлѣ, и изъ союзниковъ стали врагами. Но Гонзальвъ Кордуанскій частію воинскими доблестями, по которымъ имѣлъ полное право на имя *Великаго Полководца*, приписанное ему Испанскими Историками, частію же тѣмъ безстыднымъ нарушеніемъ самыхъ торжественныхъ обязательствъ, которое оставляетъ неизгладимое пятно на его памяти, отнялъ у Французовъ всѣ ихъ владѣнія въ Неаполитанскомъ Королевствѣ и доставилъ мирное господство надъ нимъ своему Государю. Фердинандъ же вмѣстѣ съ прочими землями, ему принадлежавшими, передалъ его внуку своему, Карлу V. Такимъ образомъ права послѣдняго на это Королевство, если не совершенно неоспоримыя, по крайней мѣрѣ имѣли, кажется, точно та-

кое же основаніе, какъ права Королей Французскихъ (1).

Въ государственномъ учрежденіи Миланскаго Герцожства нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Но право наслѣдства на эту плодородную область, бывшее причиною и предлогомъ почти всѣхъ войнъ въ Италіи при Карлѣ V, необходимо требуетъ разбора притязаній различныхъ совмѣстниковъ.

Во время продолжительныхъ и кровопролитныхъ междоусобій, воспламененныхъ въ Италіи взаимною ненавистію Гибелиновъ и Гвельфовъ, Домъ Висконти очень возвысился въ Миланѣ. Какъ всѣ Висконти держали сторону Императоровъ, то въ награду получили (1354) отъ одного изъ нихъ потомственное достоинство Императорскихъ Намѣстниковъ въ Италіи (2). Другой почтилъ ихъ саномъ Герцоговъ Миланскихъ (1395) и вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ имъ въ наслѣдственную лену городъ Миланъ съ его округомъ (3). Іоаннъ, Король Французскій, принуждаемый бѣдствіями государственными къ различнымъ средствамъ для полученія денегъ, согласился между прочимъ выдать одну изъ дочерей своихъ за Іоанна Галеацо Висконти, перваго Миланскаго Герцога, сдѣлавшаго ему значительное пособіе. Герцогъ въ числѣ другихъ дѣтей имѣлъ отъ своей супруги дочь Валентину, которая сочеталась бракомъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Людови-

---

(1) Droits des Rois de France au royaume de Sicile. Mém. de Comin. édit. de Fresnoy, tom. IV, part. II, p. 5.

(2) Petrarch. Epist. ap. Struv. corp. I, 625.

(3) Leibnit. Cod. Jur. Gent. Diplom. vol. I, 257.

комъ, Герцогомъ Орлеанскимъ, единственнымъ братомъ Карла VI. Въ свадебномъ ихъ договорѣ, утвержденномъ Папою, было условіе, что, по пресѣченіи мужескаго колѣна въ Домѣ Висконти, Миланское Герцожство должно принадлежать наслѣдникамъ Валентины и Герцога Орлеанскаго. Въ 1447 году умеръ Филиппъ Марія, послѣдній Герцогъ изъ Дома Висконти. Различные совмѣстники требовали наслѣдства. Карлъ, Герцогъ Орлеанскій, представлялъ свое право, основанное на брачномъ договорѣ матери своей, Валентины Висконти. Альфонсъ, Король Неаполитанскій, хотѣлъ получить Миланское Герцожство по завѣщанію Филиппа Маріи. Императоръ утверждалъ, что какъ мужеское колѣно въ Домѣ Висконти пресѣклось, то лену ихъ надлежало возвратить верховному владѣтелю и присоединить къ Имперіи. Народъ, воспламененный любовію къ свободѣ, которая въ тотъ вѣкъ господствовала между Италіянцами, объявилъ, что не признаетъ ничьей власти надъ собою, и учредилъ у себя республиканскій образъ правленія.

Но въ продолженіе споровъ между совмѣстниками, Миланское Герцожство досталось тому, отъ кого ни одинъ изъ нихъ не ожидалъ ни малѣйшей опасности. Францискъ Сфорса, побочный сынъ Якова Сфорса, который храбростію и дарованіями возвысился изъ простыхъ поселянъ до степени знаменитѣйшаго и сильнѣйшаго изъ Италіянскихъ Кондотьеровъ, принявъ по смерти отца своего начальство надъ его воинами, сочетался бракомъ съ побочной дочерью Филиппа Маріи; на этой тѣни права основалъ свои притязанія на Миланское Герцожство и поддерживалъ ихъ такъ искусно и мужественно, что наконецъ пріобрѣлъ Герцожскую корону. Кроткимъ и мудрымъ правленіемъ

онъ изгладилъ изъ памяти подданныхъ недостаточность правъ своихъ и спокойно передалъ Миланскій престолъ своему сыну, котораго сынъ и преемникъ былъ умерщвленъ братомъ Францискa, Людовикомъ Мавромъ. Убійца завладѣлъ Герцожствомъ и получилъ на него вводную грамоту отъ Императора Максимиліана въ 1494 году (1).

Людовикъ XI, находя удовольствіе въ угнетеніи Принцевъ крови Королевской и удивляясь государственному уму Франциска Сфорса, не позволялъ Герцогу Орлеанскому никакихъ мѣръ къ поддержанію правъ его на Миланское Герцожство. При Карлѣ VIII, въ продолженіе большей части его царствованія, требованія Орлеанскаго Дома оставались безъ уваженія, потому что Людовикъ Мавръ былъ съ Королемъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Но когда на Французскій престолъ возшелъ Людовикъ XII, Герцогъ Орлеанскій, то онъ немедленно вступился за наслѣдственныя права свои съ такою пылкостію, какой ожидать было естественно. Людовикъ Сфорса, не имѣя силъ ему противиться, въ нѣсколько дней потерялъ всѣ свои владѣнія. Король, облеченный въ Герцожскую одежду, торжественно вступилъ въ Миланъ; а Людовикъ, вскорѣ послѣ того выданный наемными своими Швейцарцами, отправленъ былъ плѣнникомъ во Францію и заключенъ въ Лошскій замокъ, гдѣ провелъ остатокъ дней своихъ, не заслуживъ ни отъ кого сожалѣнія. Но въ слѣдствіе одного изъ странныхъ переворотовъ, часто встрѣчающихся въ Миланской Исторіи, сынъ его, Максимиліанъ Сфорса, былъ возведенъ на престолъ Герцожскій, который

---

(2) Ripalm. Hist. Mediol. liv. VI, 654, ap. Struv. Corp. I, 930. Dumont, Corps Diplom. tom III, p. 333, ibid.

онъ и занималъ во все царствованіе Людовика XII. Преемникъ этого Короля, Францискъ I, гордый и рѣшительный, не могъ просто отказаться отъ того, что почиталъ своею собственностію. Вступивъ на престолъ (1512), онъ немедленно приготовился къ нападенію на Миланское Герцожство, и его наслѣдственное право на это владѣніе, какъ видно изъ приведенныхъ подробностей, было не только естественнѣе, но даже справедливѣе правъ всѣхъ прочихъ совмѣстниковъ.

Нѣтъ нужды обстоятельно описывать образъ правленія въ Генуѣ, Пармѣ, Моденѣ и другихъ мелкихъ Итальянскихъ владѣніяхъ. Хотя я часто буду упоминать объ нихъ въ послѣдствіи, но, по незначительности своихъ силъ, они мало зависѣли отъ себя самихъ въ своей участи; а частые перевороты, которымъ они подвергались, происходили болѣе отъ дѣйствія Государей, ихъ защитниковъ, или непріятелей, нежели отъ какой-нибудь особенности во внутреннемъ ихъ устройствѣ.

Изъ большихъ Королевствъ по сю сторону Альповъ Испанія принадлежитъ къ самымъ значительнымъ. Она была наслѣдственнымъ достояніемъ Карла V и главнымъ источникомъ его богатства и могущества. По этому основательное познаніе государственнаго ея учрежденія необходимо, чтобы совершенно понять происшествія тѣхъ временъ, когда онъ царствовалъ.

Вандалы и Готы, сокрушившіе Римское владычество въ Испаніи, учредили въ ней образъ правленія и ввели обычаи и законы точно такіе же, какъ въ прочей Европѣ другіе побѣдоносные варвары. Нѣкоторое время гражданственность между новыми обитателями Испаніи имѣла тѣ же

успѣхи и, кажется, то же самое направленіе, какъ у другихъ Европейскихъ народовъ; но вторженіе Сарациновъ, или Мавровъ (712), неожиданно остановило ее на пути къ совершенствованію. Готы не могли противустоять усиліямъ ихъ восторженной храбрости, и земля Испанская была покорена поклонниками Магомета съ неудержимою быстротою, отличающею всѣ ихъ завоеванія. Поселясь въ новой странѣ, побѣдители ввели здѣсь вѣру своего пророка, Арабскій языкъ, восточные нравы и ту любовь къ искусствамъ, роскоши и великолѣпію, которую Калифы поощряли въ своихъ подданныхъ.

Многіе Готскіе дворяне, гнушаясь игомъ Мавровъ, нашли себѣ убѣжище въ неприступныхъ горахъ Астуріи и тамъ утѣшались свободнымъ отправленіемъ Христіанскаго Богослуженія и соблюденіемъ древнихъ законовъ своихъ. Усиленные большимъ числомъ храбрыхъ и воинственныхъ соотечественниковъ, они начали малыми отрядами нападать на близкія селенія Мавровъ и, производя временные набѣги, довольствовались грабежемъ и мщеніемъ, не помышляя о завоеваніяхъ. Постепенно сила ихъ возрастала, виды становились обширнѣе; они учредили у себя законное правленіе, устремились распространять предѣлы своихъ владѣній, и между тѣмъ какъ продолжали дѣлать набѣги съ нехладѣющимъ жаромъ, который возбуждался ревностію къ вѣрѣ, жаждою мщенія и надеждою освободить отъ рабства отечество, между тѣмъ какъ дѣйствовали съ мужествомъ, которое было свойственно людямъ, исключительно преданнымъ войнѣ и чуждымъ всѣхъ занятій, ослабляющихъ душу, Мавры мало по малу теряли выгоды, доставившія имъ первые успѣхи. Они совершенно вышли изъ зависимости у

Калифовъ (1), нерадѣли о поддержаніи тѣсныхъ связей съ соотечественниками своими въ Африкѣ и раздробили Испанію на многія мелкія Королевства; а роскошь, дочь искусствъ, которыми они занимались, ослабила строгость ихъ ратныхъ учрежденій и укротила пылкость ихъ воинственнаго духа. Однако Мавры долго еще были грозны своею храбростію и могуществомъ. Говоря пышнымъ языкомъ Испанскихъ Историковъ, протекло восемь вѣковъ въ брани почти непрерывной и три тысячи семь сотъ битвъ совершилось прежде, нежели послѣднее изъ Королевствъ Мавровскихъ въ Испаніи было покорено Христіанскимъ оружіемъ (1492).

Какъ Христіане воевали съ Магометанами въ различныя времена и подъ начальствомъ разныхъ предводителей, то каждый изъ послѣднихъ обращалъ землю, отнятую у общаго непріятеля, въ независимое владѣніе. Испанія была раздѣлена на такое же число отдѣльныхъ Королевствъ, сколько содержала въ себѣ областей; въ каждомъ значительномъ городѣ особой Король утверждалъ престолъ свой и присвоивалъ себѣ всѣ знаки самодержавія. Но въ теченіе времени посредствомъ браковъ, законнаго наслѣдства и завоеваній всѣ эти мелкія владѣнія отошли къ могущественнымъ Королевствамъ Кастильскому и Арагонскому; а наконецъ счастливое супружество Фердинанда и Изабеллы (изъ которыхъ первый былъ наслѣдственнымъ Государемъ Арагоніи, а вторая заняла Кастильскій престолъ по любви къ ней подданныхъ) соединило всѣ короны Испаніи и утвердило въ ней единовластіе (1481).

---

(1) Jos. Sim. Assemanni Histor. Ital. Scriptores, vol. III, p. 135.

Съ этого времени ея государственное учрежденіе начало принимать правильный, однообразный видъ; съ этого времени можно съ точностію изображать духъ ея правленія и повѣствовать объ усовершенствованіи въ ней законовъ и нравовъ. Не взирая на необыкновенный переворотъ, случившійся въ Испаніи и на особенность судьбы ея, то есть—долговременное пребываніе подъ игомъ Мавровъ— обычаи, введенные Вандалами и Готами, такъ глубоко укоренились и проникли составъ правленія, что въ каждой области, которую Христіане отнимали у Мавровъ, мы находимъ состояніе частныхъ людей и устройство гражданское почти въ такомъ же видѣ, какъ у другихъ народовъ Европы. Земли были раздѣлены на томъ же основаніи, правосудіе отправлялось тѣмъ же образомъ, тѣхъ же правъ требовало дворянство и ту же власть имѣли Чины (Кортесы), или Общее Государственное Собраніе. Нѣкоторыя обстоятельства благопріятствовали сохраненію цѣлости феодальныхъ учрежденій въ Испаніи, не взирая на владычество Мавровъ. Испанцы, умѣвшіе сохранить свою независимость, держались старинныхъ обычаевъ не только изъ привязанности къ нимъ, но и по ненависти къ завоевателямъ своего отечества, которые имѣли совершенно отличный образъ мыслей о собственности и правленіи. Сами побѣдители уничтожили не всѣ древніе обычаи у покореннаго народа; но позволили ему удержать его вѣру, законы о частной собственности, судебные обряды и способъ податнаго сбора. Поклонники Магомета—единственные изступленники, которые соединяли духъ терпимости съ ревностію обращать въ свою вѣру, и которые, обнажая мечь для распространенія по землѣ ученія своего пророка,

допускали въ то же время непринимавшихъ Корана слѣдовать собственной ихъ совѣсти и отправлять собственные ихъ богослужебные обряды. Этой особенности въ духѣ Магометанства и желанію Мавровъ пріучить Христіанъ къ своему владычеству обязаны были древніе нравы и законы въ Испаніи своимъ сохраненіемъ отъ разрушительной силы порабощенія. Изъ всѣхъ изложенныхъ подробностей ясно, что Христіанамъ легко было возстановлять прежніе нравы и правленіе въ областяхъ Испанскихъ, которыя они постепенно отнимали у Мавровъ. Значительная часть народа еще такъ любила и почитала древніе отечественные законы и обычаи, что хотѣла возстановленія ихъ въ полной силѣ, обнаруживала не только готовность, даже рвеніе слѣдовать и повиноваться имъ.

Но хотя феодальный образъ правленія со всѣми учрежденіями, ему свойственными, и уцѣлѣлъ такимъ образомъ въ Кастиліи, Арагоніи и подзависимыхъ имъ Королевствахъ, однако нѣкоторыми особенностями отличалъ ихъ отъ другихъ Государствъ Европейскихъ. Права самодержавія были самыя незначительныя въ Испаніи. Дворянство въ ней достигло почти полной независимости. Города пользовались большими льготами и имѣли сильное вліяніе въ Кортесѣ, или Верховномъ Народномъ Собраніи. Это разстроенное состояніе общества произвело внутренніе безпорядки, перешедшіе за обыкновенные предѣлы феодальнаго своеволія и безначалія. Когда миновалась гроза Маврскаго оружія, которая обуздывала Испанцевъ, то частые бунты и ужасныя оскорбленія Величества Государей начали обнаруживать мятежный духъ этого народа, отъ свойства правленія получившій бытіе и силу.

Въ 1462 году, Каталонцы подняли оружіе противъ своего Короля, Іоанна II, торжественно сложили съ себя клятву въ вѣрноподданствѣ, ему данную, объявили его и съ потомствомъ недостойнымъ престола (1) и старались учредить у себя республиканскій образъ правленія (2). Около этого же времени Кастильскіе дворяне составили союзъ противъ своего Государя, Генриха IV, и послѣ дерзновеннаго, заочнаго суда надъ нимъ, провозгласили Королемъ Кастиліи и Леона, брата его, Альфонса.

Въ Арагоніи образъ правленія былъ монархической съ республиканскимъ духомъ и правилами. Короли, долгое время избирательные, имѣли одну тѣнь власти, дѣйствительно же пользовался ею Кортесъ, или Государственный Парламентъ. Это верховное собраніе состояло изъ четырехъ *гербовъ*, или членовъ: изъ дворянства первой степени, изъ сословія всадниковъ, или дворянства второстепеннаго, изъ представителей большихъ и малыхъ городовъ, право которыхъ на засѣданіе въ Кортесѣ, если вѣрить Арагонскимъ Историкамъ, было современно учрежденію государственному, и изъ духовнаго сословія, то есть изъ высшаго духовенства и представителей низшаго (3). Никакой законъ не могъ состояться въ этомъ собраніи безъ согласія каждаго члена, имѣвшаго право подавать голосъ (4). Безъ позволенія Кортеса нельзя

---

(1) Zurita Annales de Arag. tom. IV, 113, 115, etc.

(2) Ferreras Hist. d'Espagne, tom. VII, p. 92. P. Orléans Révol. d'Espagne, tom. III, p. 155. L. Marinaeus Siculus de Reb. Hispan. apud. Schotti Script. Hispan. fol. 429.

(3) Forma de celebrar Cortes en Aragon, per Geron. Martel.

(4) Martel, ibid. p. 2.

было налагать податей, объявлять войны, заключать мира, чеканить новыхъ денегъ и переплавлять старыхъ (1). Онъ пересматривалъ дѣла, рѣшенныя въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ, наблюдалъ за всѣми отраслями управленія государственнаго и прекращалъ всѣ злоупотребленія. Просители не относились къ нему съ униженностію, не молили о покровительствѣ, но требовали правосудія (2). Кортесъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ собирался ежегодно, а потомъ черезъ два года по закону, изданному передъ началомъ XIV вѣка. Король не имѣлъ права продолжать и распускать собранія членовъ этого верховнаго судилища безъ собственнаго ихъ согласія, время же засѣданій ограничивалось сорокью днями (3).

Недовольные этимъ ограниченіемъ верховной власти и не полагаясь въ сохраненіи правъ своихъ на бдительность и могущество собранія, подобнаго Сеймамъ, Государственныхъ Чинамъ и Парламентамъ, которымъ столько довѣряли прочіе феодальные народы, Арагонцы прибѣгнули къ учрежденію особеннаго рода: избрали *Justiza*, или Верховнаго Судію. Этотъ сановникъ, по должности имѣвшій нѣкоторое сходство съ Эфорами древней Спарты, былъ заступникомъ народа и надзорникомъ Королей. Особа его почиталась священною, а власть почти не имѣла предѣловъ. Ему принадлежало истолкованіе законовъ. Не только низшіе судьи, но самые Короли обязаны были совѣщаться съ нимъ въ каждомъ сомнительномъ

---

(1) Hier. Blanca Comment. 763.
(2) Hier. Blanca Comment. Rer. Aragon. ap. Schot. Script. Hispan. vol. III, p. 750.
(3) Martel. Forma de Celebrar. p. 2.

дѣлѣ и принимать его мнѣнія съ почтительностію безпрекословною (1). Ему подавались жалобы на судей Баронскихъ и Королевскихъ; даже самъ по себѣ онъ могъ вступаться въ дѣла, запрещать обыкновенному судьѣ ихъ изслѣдованіе, непосредственнымъ образомъ разбирать ихъ и заключать виновныхъ въ государственную темницу, куда никто не имѣлъ доступа безъ его позволенія. Власть его въ государственномъ управленіи была такъ же дѣйствительна и сильна, какъ въ судопроизводствѣ. Верховный Судія наблюдалъ за поступками Государя. Онъ имѣлъ право просматривать всѣ его указы и воззванія и объявлять, согласны они съ законами, или нѣтъ, и должно ли ихъ приводить въ исполненіе. Онъ личною своею властію могъ отрѣшать Королевскихъ министровъ отъ должности за худое управленіе и требовать у нихъ отчета. Самъ же былъ подвѣдомственъ только одному Кортесу въ исполненіи обязанностей своей службы, самой высокой для подданнаго (2).

Изъ этого простаго исчисленія преимуществъ Арагонскаго Кортеса и правъ Верховнаго Судіи очевидно, какая малая доля власти оставалась въ рукахъ Государей. Даже присяга Арагонцевъ въ вѣрноподданствѣ не сопровождалась изъявленіями покорности и почтенія, которыхъ этотъ обрядъ естественнымъ образомъ требуетъ (3). Арагонцы были чрезвычайно привязаны къ своему учрежденію государственному и почитали его съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ (4). Въ

---

(1) Бланка сохранилъ два отвѣта Верховнаго Судіи Іакову II, который царствовалъ въ концѣ XIII столѣтія. Blanca, 748.

(2) Замѣчаніе XXX. Hier. Blanca Comment. p. 747—755.

(3) Hier. Blanca Comment. p. 720.

(4) Замѣчаніе XXXI.

предисловіи къ одному изъ ихъ законовъ сказано, что безплодность Арагоніи давно уже принудила бы ея жителей оставить свое отечество и поселиться въ странѣ болѣе благодатной, если бы ихъ не удерживали преимущества, которыми они отличаются отъ другихъ народовъ (1).

Въ Кастиліи образъ правленія не имѣлъ рѣзкихъ особенностей. Исполнительная власть находилась въ рукахъ Короля, но съ большимъ ограниченіемъ; законодательная принадлежала Кортесу, который состоялъ изъ дворянства, высшаго духовенства и представителей гражданъ. Кортесное Собраніе въ Кастиліи было весьма древне и, кажется, современно ея государственному учрежденію. Чины трехъ различныхъ сословій, имѣвшіе право подавать голосъ, сбирались для засѣданія въ одно мѣсто и рѣшали дѣла по большинству голосовъ. Кортесъ налагалъ подати, издавалъ законы, выводилъ злоупотребленія, и склонялъ Короля на общеполезныя свои мѣры, до тѣхъ поръ не дѣлая ему денежныхъ пособій, пока не оканчивались всѣ дѣла, касавшіяся до государственнаго блага. Градскіе представители, кажется, весьма рано получили мѣсто въ Кастильскомъ Кортесѣ и скоро пріобрѣли вліяніе и довѣренность, очень необыкновенныя въ тѣ времена, когда дворяне славою и могуществомъ затмѣвали всѣ прочія сословія. Число градскихъ представителей было такъ значительно въ отношеніи къ цѣлому Собранію, что они пользовались великимъ уваженіемъ въ Кортесѣ (2). Слѣдующее происшествіе дастъ понятіе о степени ихъ важ-

(1) Hier. Blanca Comment. p. 751.
(2) Замѣчаніе XXXII.

ности въ Государствѣ. По смерти Іоанна I (1390), для управленія Кастиліею въ малолѣтство его сына, учрежденъ былъ Верховный Совѣтъ изъ равнаго числа дворянъ и избранныхъ городами представителей, которые пользовались тѣмъ же чиномъ и тѣми же правами, какъ первостепенные Прелаты и вельможи (1). Но хотя граждане въ Кастиліи возвысились надъ среднимъ сословіемъ другихъ земель Европейскихъ и достигли такого вліянія государственнаго, что даже гордость и зависть феодальной аристократіи не могли устранить ихъ отъ участія въ правленіи, однако дворяне, не взирая на эти преимущества простыхъ подданныхъ, продолжали съ чрезвычайною дерзостію присвоивать себѣ права, противныя самодержавной власти. Не было дворянства въ Европѣ, равнаго Кастильскому въ независимости духа, гордости поведенія и смѣлости притязаній. Исторія Кастиліи представляетъ самые разительные примѣры мужества, съ которымъ оно останавливало каждое покушеніе Королей ограничить власть его, унизить достоинство, или ослабить силу. По высокому мнѣнію о своемъ званіи, первостепенные дворяне требовали преимущества не скидать шляпы въ присутствіи Государей своихъ, и приближались къ нимъ болѣе какъ равные, нежели какъ подданные.

Въ другихъ Королевствахъ Испаніи, смотря по тому, къ Арагоніи, или Кастиліи они принадлежали, государственныя учрежденія были почти одинаковы съ Арагонскимъ, или Кастильскимъ, достостоинство и независимость дво-

(1) Marian. Histor. lib. XVIII, c. 15.

рянъ — велики, льготы и сила городовъ — значительны.

Внимательное наблюденіе особеннаго положенія Испаніи и различныхъ происшествій, которыя случались въ ней со времени нашествія Мавровъ до соединенія Королевствъ ея при Фердинандѣ и Изабеллѣ, откроетъ причины всѣхъ означенныхъ мною особенностей въ ея государственномъ устройствѣ.

Испанскія области отнимались у Магометанъ постепенно и съ трудомъ; дворяне, воевавшіе противъ Мавровъ подъ начальствомъ знаменитыхъ полководцевъ, сражались не для нихъ только, но и для себя самихъ, и требовали удѣловъ изъ земель, пріобрѣтенію которыхъ способствовали своею храбростію, и такимъ образомъ богатѣли и усиливались по мѣрѣ распространенія Королевскихъ владѣній.

Въ безпрерывныя войны съ Маврами Испанскіе Государи имѣли такую нужду въ своемъ дворянствѣ, что для снисканія его благорасположенія принуждены были часто награждать его новыми почестями и преимуществами; а утвердивъ свое владычество въ завоеванной области, дѣлили большую часть ея между Баронами, предоставляя имъ права и власть, почти равныя своимъ собственнымъ.

Королевства, основанныя тогда въ разныхъ частяхъ Испаніи, были весьма незначительны. Короли не могли по этому внушать къ себѣ должнаго уваженія, ни имѣть большой власти и силы, и пользовались самымъ малымъ превосходствомъ передъ дворянами; а дворяне, стоявшіе почти на ряду съ ними, не могли чувствовать къ ихъ особѣ того почтенія, которое Государи могуществен-

ныхъ Державъ Европейскихъ возбуждали въ своихъ подданныхъ (1).

Вотъ обстоятельства, которыя способствовали распространенію дворянской власти и ограниченію верховной; но были еще другія, которыя доставили важность и силу большимъ городамъ въ Испаніи.

Открытыя мѣста въ продолженіе войнъ съ Маврами подвергались ихъ непрестаннымъ набѣгамъ. Прочный миръ, залогъ долговременной безопасности, былъ невозможенъ. Самоохраненіе побуждало людей всякаго званія селиться въ мѣстахъ укрѣпленныхъ. Замки Бароновъ, въ другихъ странахъ доставлявшіе спокойное убѣжище отъ разбойниковъ и отъ временныхъ ужасовъ внутреннихъ смутъ, не могли сопротивляться опытному и упорному непріятелю. Города, гдѣ тысячи жителей соединялись для взаимнаго защищенія, служили единственными мѣстами, куда народъ могъ удаляться съ нѣкоторою увѣренностію въ безопасности. Это и было причиною скораго возвышенія городовъ Испанскихъ, отнимаемыхъ у Мавровъ Христіанами. Всѣ, бѣжавшіе порабощенія, спѣшили въ нихъ, какъ въ надежные пріюты, и большая часть храбрыхъ, идя ратовать съ Магометанами, устроивала въ нихъ свои семейства.

Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были по нѣскольку лѣтъ столицами малыхъ Королевствъ и пользовались всѣми выгодами, ускоряющими умноженіе жителей въ мѣстопребываніяхъ Правительства.

Такимъ образомъ объясняется, почему число городовъ Испанскихъ въ началѣ XV столѣтія было значительно. Населенностію они далеко

---

(1) Замѣчаніе XXXIII.

превосходили всѣ Европейскіе, кромѣ Итальянскихъ и Нидерландскихъ; производили, кажется, обширную торговлю; славились мануфактурами, которыя завели въ нихъ еще Мавры во время своего владычества, а Христіане, поддерживали, черезъ смѣшеніе съ своими поработителями, научась ихъ искусствамъ. Духъ промышленности благопріятствовалъ многолюдству городовъ, подобно тому, какъ прежде страхъ опасности наполнялъ ихъ жителями.

Ни въ одной землѣ Европейской не было между горожанами такихъ знатныхъ особъ, какъ среди обитателей городовъ Испанскихъ. Причина, которая наиболѣе способствовала ихъ населенію, одинаково дѣйствовала на людей всякаго состоянія; всѣ безъ разбору толпами стекались въ нихъ, желая спастись отъ ига Мавровъ, или успѣшнѣе сопротивляться непріятелю. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что люди, которыхъ города избирали своими представителями въ Кортесъ и которые занимали почетныя и важныя должности въ городскомъ правленіи, бывали часто высокаго званія.

По невозможности вести непрерывную войну съ Маврами ратною силою однихъ Бароновъ, стало необходимо содержать извѣстное количество войска, особенно легкой конницы, на постоянномъ жалованьѣ. Къ числу преимуществъ дворянства принадлежало изъятіе земель его отъ налоговъ. Вся тягость содержанія войскъ для общественной безопасности падала на города; и Государи, имѣя часто нужду въ ихъ помощи, получали ее посредствомъ льготъ, которыми увеличивали ихъ богатство и силу.

Если вліяніе всѣхъ этихъ особенныхъ обстоятельствъ присоединить къ общимъ и обыкновен-

нымъ причинамъ возвышенія городовъ въ Европѣ, то совершенно объяснятся и обширныя преимущества, пріобрѣтенныя ими въ Испаніи, и высокая степень значительности, до которой они въ ней достигли (1).

Эти непомѣрныя преимущества дворянъ и необычайная сила городовъ Испанскихъ со всѣхъ сторонъ поставляли преграды самодержавной власти и стѣсняли ее какъ нельзя болѣе. Чувствуя свое ограниченіе и нетерпѣливо перенося его, нѣкоторые Государи при различныхъ обстоятельствахъ старались распространять собственныя права свои и ограничивать преимущества подданныхъ, однако неудачно, по великой несоразмѣрности могущества и дарованій своихъ съ этимъ предпріятіемъ. Но когда Фердинандъ и Изабелла стали главами соединенныхъ Королевствъ Испаніи и освободились отъ опасности междоусобныхъ войнъ, то могли возобновить и совершить его съ успѣхомъ. Фердинандъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для этого подвига: великую дальновидность въ соображеніи своихъ мѣръ, постоянство, дѣятельность и необыкновенное искусство въ ихъ исполненіи.

Главнѣйшую цѣль политики Фердинанда составляло ограниченіе непомѣрной власти и дерзкихъ притязаній дворянства, которыя были всего чувствительнѣе и нестерпимѣе для Испанскихъ Государей. Подъ различными предлогами, иногда силою, а чаще на основаніи судебныхъ приговоровъ онъ отбиралъ у Бароновъ земли, жалованныя имъ по неблагоразумной щедрости прежними Королями, особенно же слабымъ и расточитель-

(1) Замѣчаніе XXXIV.

нымъ предмѣстникомъ его, Генрихомъ IV. Онъ не предоставлялъ исключительнаго управленія дѣлами людямъ благороднаго происхожденія, которые привыкли занимать всѣ важныя должности въ мирное и военное время, какъ будто бы имѣли особенное право быть единственными сановниками въ Государствѣ; но часто производилъ дѣла великой важности безъ ихъ посредства и довѣрялъ многія правительственныя мѣста новымъ своимъ приверженцамъ (1). Онъ ввелъ строгую чинность при Дворѣ своемъ, неизвѣстную въ Испаніи, пока она была раздѣлена на мелкія владѣнія, научилъ дворянъ приближаться къ Государямъ съ бо́льшими приличіями, и доставилъ Королевской особѣ должное, глубокое уваженіе.

Принятіе главнаго начальства надъ тремя военными орденами: Калатравскимъ, Алкантарскимъ и Св. Іакова, служило новымъ средствомъ, которымъ Фердинандъ значительно увеличилъ доходы и власть Королей Испанскихъ. Эти ордены были учреждены въ подражаніе орденамъ Храма и Іоанна Іерусалимскаго для непрерывной войны съ Магометанами и охраненія богомольцевъ, посѣщавшихъ Компостеллу и другія мѣста, знаменитыя своею святостію въ Испаніи. Набожность и суевѣріе побуждали людей всякаго званія надѣлять благочестивыхъ воиновъ щедрыми подаяніями, отъ чего они въ короткое время пріобрѣли значительныя владѣнія и богатство. Три Командорства стали достоинствами, выше которыхъ не было для Испанскаго дворянина по соединенному съ ними могуществу и выгодамъ. Важный санъ Командора находился въ распоряженіи орденскихъ рыцарей и возвышалъ

---

(1) Zurita Annales de Aragon. Tom. VI, p. 22.

особу, имъ облеченную, почти на равную степень съ Государемъ (1). Фердинандъ старался доставить главное управленіе военными братствами верховной власти, отнявъ его у дворянъ, чтобы ихъ сословіе, и само по себѣ еще весьма опасное, не пріобрѣло новой силы и вліянія въ Государствѣ. Для достиженія своей цѣли принялъ онъ благоразумныя мѣры и мужественно привелъ ихъ въ исполненіе (1476 и 1493). Хитростію, обѣщаніями, угрозами склонилъ онъ рыцарей избрать его и Изабеллу въ ихъ главные начальники (2). Иннокентій VIII и Александръ VI освятили это избраніе Папскою властію (3), а преемники ихъ навсегда утвердили три Командорства въ Испаніи за ея Королями.

Уменьшивъ такимъ образомъ права и вліяніе дворянства и придавъ новый блескъ и могущество единодержавію, Фердинандъ привелъ въ исполненіе еще одну важную мѣру. Бароны пользовались въ своихъ владѣніяхъ верховною судебною властію, гордились ею, почитали ее главнымъ своимъ отличіемъ. Открытое нападеніе на преимущество, которое они такъ высоко цѣнили и для защиты котораго немедленно обнажили бы мечъ, было предпріятіемъ очень смѣлымъ для осторожнаго Фердинанда. Онъ воспользовался состояніемъ Испаніи и духомъ своего народа, чтобы подрыть неприступное для силы открытой. Непрестанныя опустошенія, производимыя Маврами, неискусство въ ратномъ дѣлѣ войскъ, которыя противъ нихъ сражались, частыя междоусобія Государей съ дворянствомъ

(1) Замѣч. XXXV.
(2) Marian. Hist. lib. XXV. cap. 5.
(3) Zurita Annales, tom. V, p. 22. Aelii Anton. Nebrissensis rerum a Ferdinand et Elizabe gestarum Decades II, apud Schott. script. Hispan. I. 860.

и неистовая свирѣпость Бароновъ въ войнѣ другъ съ другомъ, наполнили Испанію всѣми ужасами безпорядка. Грабежи, насилія, убійства стали обыкновенны, не только прекратили торговлю, но даже прервали сообщеніе между различными мѣстами Королевства. Безопасность и покровительство, ожидаемыя людьми отъ соединенія въ гражданскія общества, почти совершенно исчезли. Внутреннее благоустройство, пока феодальныя постановленія имѣли еще силу, такъ мало обращало на себя вниманія и правосудіе соблюдалось такъ слабо, что напрасно было бы надѣяться помощи отъ законовъ и судей. Наконецъ безначаліе превзошло мѣру терпѣнія, и городскіе жители, наиболѣе страдавшіе отъ этого бѣдствія, прибѣгнули къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Около половины XIII столѣтія (1260) города Арагонскаго Королевства и, по примѣру ихъ, Кастильскіе вступили въ союзъ, извѣстный подъ именемъ *Святаго Братства*. Изъ условныхъ вкладовъ они составили общую казну, набрали значительное войско для охраненія путешественниковъ и преслѣдованія злодѣевъ, и учредили своихъ судей въ разныхъ частяхъ Королевства. Когда воинамъ Братства удавалось поймать виновнаго въ убійствѣ, разбоѣ, или другомъ преступленіи, нарушавшемъ общественное спокойствіе, то они приводили его къ этимъ судьямъ, которые, не обращая вниманія на права мѣстныхъ владѣльцевъ, сами судили и приговаривали къ наказаніямъ преступниковъ. Такимъ образомъ было возстановлено скорое, безпристрастное отправленіе правосудія и положено начало водворенію внутренняго порядка и спокойствія. Одни только дворяне роптали на новое, благотворное учрежденіе. Они жаловались, что имъ нарушалось одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ ихъ сословія,

сильно возставали противъ Святаго Братства, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказывались помогать Королямъ, желая побудить ихъ къ его уничтоженію. Однако Фердинандъ, видя что Святое Братство не только имѣетъ благотворныя слѣдствія на порядокъ и тишину въ Испаніи, но даже ограничиваетъ помѣстную судебную власть дворянъ и современемъ можетъ совершенно уничтожить ее, поддерживалъ его при всякомъ случаѣ, подкрѣплялъ всѣмъ могуществомъ самодержавія и, кромѣ общихъ средствъ съ Европейскими Государями, воспользовался и этимъ учрежденіемъ, свойственнымъ одной только Испаніи, чтобы ограничить и вывести независимое судопроизводство дворянъ, столько же противное верховной власти Государей, сколько и порядку общественному (1).

Но хотя посредствомъ этихъ мѣръ, Фердинандъ значительно распространилъ права Королевскія и пріобрѣлъ такое вліяніе и могущество, которыми далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ, однако воля его встрѣчала еще многія, крѣпкія преграды. Духъ свободы бодрствовалъ въ народѣ Испанскомъ, духъ независимости не упадалъ между дворянами; и хотя любовъ къ славѣ, свойственная Испанцамъ, побуждала ихъ ревностно поддерживать Фердинанда во внѣшнихъ его дѣйствіяхъ и доставлять ему средства къ начатію и совершенію великихъ предпріятій, не взирая на то, онъ не имѣлъ въ управленіи надъ подданными такой обширной власти, какъ другіе могущественные Государи Европы. Далѣе, изъ многихъ мѣстъ мы увидимъ еще большую ограниченность правъ самодержавія въ продолже-

(1) Замѣчаніе XXXVI.

ніе значительной части царствованія Фердинандова преемника, Карла V.

Древнее правленіе и законы во Франціи весьма сходны съ бывшими въ прочихъ земляхъ феодальныхъ, и потому не требуютъ такихъ же подробностей, въ которыя надлежало входить, чтобы дать понятіе о свойствѣ и вліяніи особенныхъ учрежденій въ Испаніи. Описывая, какимъ образомъ Французскіе Короли достигли неограниченнаго господства надъ народомъ, я уже означилъ мѣры, посредствомъ которыхъ они стали полновластны въ своемъ Королевствѣ. Теперь остается только упомянуть объ особенностяхъ въ государственномъ учрежденіи Франціи; онѣ отличаютъ его отъ всѣхъ прочихъ и клонятся къ объясненію происшествій въ Исторіи Карла V.

При Короляхъ перваго Царственнаго Дома во Франціи права самодержавія были весьма незначительны. Общее Народное Собраніе, которое бывало ежегодно въ опредѣленное время, простирало власть свою на всѣ части государственнаго управленія. Оно избирало Королей, издавало законы, производило рѣшительный судъ въ отношеніи ко всякому лицу и дѣлу и доставляло Государямъ денежныя пособія. При Короляхъ втораго Царственнаго Дома, не взирая на силу и блескъ, приданныя самодержавію завоеваніями Карла Великаго, Общія Народныя Собранія все еще обладали обширною властію. Они имѣли право назначать порядокъ престолонаслѣдія; безъ ихъ согласія не принималось никакой важной мѣры государственной, не выходило ни одного закона, не налагалось ни одной подати.

Но когда Гугъ Капетъ, родоначальникъ третьяго Королевскаго Дома во Франціи, овладѣлъ престоломъ, то въ ея состояніи произошли пере-

мѣны, имѣвшія значительное вліяніе на права Общаго Народнаго Собранія. Верховная власть при слабыхъ потомкахъ Карла Великаго пришла въ упадокъ. Каждый владѣтель значительнаго помѣстья обращалъ его въ Баронство, почти независимое отъ Государя. Герцоги, или областные правители, Графы, или начальники городовъ и малыхъ округовъ и первые сановники государственные сдѣлали временныя свои должности наслѣдственными въ своихъ семействахъ. Каждый изъ нихъ началъ пользоваться правами, которыя почитались сперва принадлежностію однихъ Королей: отправлялъ правосудіе въ своихъ ленахъ, чеканилъ деньги и производилъ войну съ кѣмъ хотѣлъ. Каждый округъ былъ управляемъ по мѣстнымъ обычаямъ, повиновался только своему владѣтелю и имѣлъ въ виду только частную свою пользу. Обряды почтенія остались почти единственными знаками подчиненности Бароновъ Королямъ Французскимъ, но и то произвольными (1).

Въ Королевствѣ, раздробленномъ на множество независимыхъ Баронствъ, почти не было общихъ началъ единства. Народное Собраніе на совѣщаніяхъ своихъ едва могло почитать народъ за одно цѣлое и дѣлать общія постановленія для всей Франціи. Законы Короля имѣли силу только въ удѣлахъ, непосредственно ему принадлежавшихъ; потому что здѣсь только подданные признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ; но всякое его намѣреніе распространить свои указы повсемѣстно во Франціи, тревожило Бароновъ, какъ притязаніе на ихъ преимущества. Сами Бароны, присутствуя въ Народномъ Собраніи, старались отвращать изданіе общихъ законовъ, чтобы

(1) Замѣчаніе XXXVII.

не соединить въ одномъ Королѣ исполнительной власти и не увеличить правъ самодержавія, которымъ они всегда завидовали. Такимъ образомъ при потомкахъ Гуга Капета Чины Государственные (такъ стало называться тогда Верховное Народное Собраніе) лишились законодательной своей власти, или, по крайней мѣрѣ, совершенно перестали ею пользоваться. Съ этого времени они ограничились наложеніемъ новыхъ податей, рѣшеніемъ споровъ о престолонаслѣдіи, выборомъ Регентовъ, если умершій Король самъ не назначилъ ихъ завѣщаніемъ, и составленіемъ докладовъ о притѣсненіяхъ, отъ которыхъ народъ просилъ защиты.

Какъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Европейскіе Государи рѣдко имѣли надобность въ чрезвычайныхъ пособіяхъ отъ своихъ подданныхъ, и не многія происшествія требовали посредства Чиновъ Государственныхъ, то ихъ собранія во Франціи бывали не часто. Они сзывались только въ случаѣ нуждъ, или опасеній Королей; но не составляли, подобно Сейму въ Германіи, Кортесу въ Испаніи, или Парламенту въ Англіи, существенной, необходимой части государственнаго учрежденія.

Когда они перестали законодательствовать, то Короли начали издавать указы съ великою осторожностію, принявши всѣ мѣры благоразумія, чтобы не встревожить подданныхъ дѣйствіемъ новой власти. Они не вдругъ стали рѣшительно обнародовать волю свою; но сперва совѣтовали подданнымъ, указывали имъ, что было лучше для ихъ блага и убѣждали ихъ слѣдовать своимъ указаніямъ. А потомъ, по мѣрѣ распространенія самодержавныхъ правъ и сосредоточенія верховнаго правосудія въ Королевскихъ судили-

щахъ, начали свободнѣе употреблять языкъ и власть законодателей. Передъ началомъ XV столѣтія они пользовались уже полною законодательною властію (1).

Послѣ этого важнаго пріобрѣтенія скоро и легко можно было приступить къ требованію податей. Народъ, привыкнувъ видѣть, что Государи сами по себѣ издавали постановленія касательно его собственности, ни мало не тревожился, когда Королевскимъ указомъ повелѣвалось собрать опредѣленное количество денегъ для нуждъ правительства, или на издержки по внѣшнимъ дѣламъ государственнымъ. При Карлѣ VII и Людовикѣ XI, которые изъ Европейскихъ Монарховъ первые воспользовались правомъ наложенія податей, постепенное приращеніе верховной власти непримѣтно уже такъ приготовило умы народа къ этому нововведенію, что оно не произвело никакого безпокойства во Франціи и едва ли возбудило ропотъ и жалобы.

Когда Французскіе Короли такимъ образомъ распространили власть самодержавную; когда въ ней сосредоточилось право издавать законы, налагать подати, содержать наемное войско на постоянномъ жалованьѣ, объявлять войну и заключать миръ: то образъ правленія, который при первомъ Царственномъ Домѣ приближался къ демократіи, а при второмъ обратился въ аристократію, при третьемъ сталъ чисто монархическимъ. Съ этого времени тщательно, кажется, избѣгали всего, что клонилось къ сохраненію наружнаго вида и оживленію памяти прежняго смѣшаннаго правленія. Въ продолжительное и дѣятельное свое царствованіе Францискъ I, разно-

(1) Замѣчаніе XXXVIII.

образіемъ и обширностію предпріятій побуждаемый налагать на свой народъ многія тяжкія подати, ни разу не собиралъ Чиновъ Государственныхъ и ни разу не предоставилъ Французамъ того права, которое, по начальнымъ основаніямъ феодальнаго правленія, было существенною принадлежностію каждаго свободнаго человѣка.

Оставались однако двѣ преграды, не допускавшія Королей Французскихъ до полновластія. Одною должно почитать преимущества и права дворянства. Хотя оно не имѣло уже той силы, которою пользовалось въ прежнія времена, однако удержало личныя права свои, сохранило сознаніе своего превосходства надъ прочими сословіями гражданъ, свободу отъ повинностей, которымъ они подлежали, презрѣніе къ ихъ занятіямъ, право на внѣшніе знаки отличія, на извѣстную степень уваженія въ мирное время и на разныя почести въ военное. Многія изъ этихъ преимуществъ основывались не на словахъ государственныхъ постановленій, происходили не изъ положительныхъ законовъ; но были утверждены священными правилами чести, и охраняемыя неусыпно, защищаемыя безтрепетно, служили для самихъ Вѣнценосцевъ предметомъ уваженія. Гдѣ есть такія преимущества, тамъ верховная власть ограничена. Самовластитель можетъ истребить сословіе людей, ими пользующихся; но пока оно существуетъ и сохраняетъ въ цѣлости понятія о личномъ своемъ достоинствѣ, до тѣхъ поръ державныя права имѣютъ предѣлы (1).

Многочисленности и высокому мнѣнію о своемъ званіи дворянства во Франціи можно припи-

---

(1) De l'Esprit des Loix liv. II, c. 4. Dr. Fergusson's Essay on the Hist. of Civil Society, part I. sect. 10.

сать особенный образъ дѣйствія въ ней верховной власти, отличающій ея правленіе. Между Королемъ и его подданными находится посредствующее сословіе подданныхъ же, преимущества которыхъ онъ долженъ уважать при каждомъ обнародованіи воли своей, остерегаясь не только въ самомъ дѣлѣ нарушать ихъ, но даже избѣгая всякаго подозрѣнія, что предполагаетъ это возможнымъ. Такимъ образомъ во Франціи учредилось правленіе, неизвѣстное въ древности. Оно монархическое; но власть Государей, не ограниченная законами, имѣетъ предѣлы, полагаемые ей мнѣніемъ дворянъ о своемъ достоинствѣ.

Судебная власть Парламентовъ Франціи, особенно Парижскаго, служила другою преградою, стѣснявшею права самодержавія. Парижскій Парламентъ былъ первоначально Королевскимъ судилищемъ, которому Государи предоставляли отправленіе верховнаго правосудія въ собственныхъ своихъ удѣлахъ и рѣшеніе дѣлъ, поступавшихъ по жалобамъ изъ Баронскихъ судилищъ. Когда же въ слѣдствіе происшествій и постановленій, изложенныхъ мною, собранія Парижскаго Парламента начали происходить въ извѣстное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ; когда обряды судопроизводства и законы, которыми онъ руководствовался, получили положительность; когда всѣ важныя дѣла стали рѣшаться въ немъ окончательно, и народъ привыкъ почитать его святилищемъ правосудія: то онъ снискалъ великое уваженіе въ Королевствѣ, члены его возвысились, указы пріобрѣли почтительное повиновеніе. Французскіе Короли, начавъ законодательствовать и желая примирить умы народа съ этимъ новымъ правомъ, представляли свои указы въ Парижскій Парламентъ на одобреніе, прежде не-

жели они обнародывались въ Королевствѣ. Въ междувременье собраній Чиновъ Государственныхъ, или въ тѣ царствованія, когда они не были сзываемы, Французскіе Короли совѣщались обыкновенно съ Парижскимъ Парламентомъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и часто слѣдовали его мнѣнію касательно заключенія мира, объявленія войны и другихъ мѣръ, относившихся до общаго блага. Такимъ образомъ во Франціи основано было верховное судилище. Оно стало главнымъ хранителемъ законовъ и ввело начала правосудія и обряды дѣлопроизводства, къ которымъ сами Короли имѣли уваженіе. Члены Парламента, хотя не имѣютъ законодательной власти и не могутъ быть почитаемы за представителей народа, однако всегда старались соблюдать права его, и во всѣ періоды Французской Исторіи заслуживаютъ похвалу добродѣтельныхъ, но слабыхъ его защитниковъ (1).

Приступаю теперь къ обзору политическаго состоянія Германской Имперіи, отъ которой Карлъ V получилъ первостепенное свое достоинство. Излагая государственное учрежденіе этой огромной, многосложной Державы въ началѣ XVI столѣтія, я не стану входить въ подробности, которыя завлекли бы моихъ читателей въ лабиринтъ, образуемый разнообразіемъ ея судилищъ, множествомъ ея членовъ, ихъ смѣшанными правами и безконечными разсужденіями Германскихъ законовѣдцевъ въ отношеніи къ этимъ предметамъ.

Имперія Карла Великаго была зданіемъ, по скорому основанію своему, непрочнымъ. Еще при первомъ преемникѣ Карла оно начало колебаться и вскорѣ распалось на части. Корона Германская навсегда отдѣлилась отъ Французской, и потом-

(1) Замѣчаніе XXXIX.

ки Карла Великаго основали двѣ великія Монархіи, относительное положеніе которыхъ подавало поводъ къ непрестанному совмѣстничеству и непріязни между ими. Но Государи изъ Дома Карлова, занимавшіе Имперскій престолъ, не были такъ слабы, какъ Французскіе Короли изъ того же Дома. Въ рукахъ у первыхъ верховная власть имѣла еще нѣкоторую силу, и Германское дворянство, не смотря на обширныя свои преимущества и владѣнія, позднѣе достигло независимости. Главныя государственныя должности находились еще въ Императорскомъ распоряженіи, а лены долгое время оставались въ своемъ первоначальномъ состояніи, не переходя въ наслѣдственныя.

Наконецъ родъ Германскихъ Государей, происходившихъ отъ Карла Великаго, пресѣкся; а слабые потомки его, царствовавшіе во Франціи, пришли въ такое униженіе, что Германцы, не обращаясь къ нимъ, въ общемъ народномъ собраніи избрали Императоромъ Конрада, Графа Франконскаго (911). Послѣ него Генрихъ Саксонскій и потомки его, три Оттона, занимали преемственно Императорскій престолъ, возводимые на него волею своихъ соотечественниковъ. Обширныя владѣнія Саксонскихъ Императоровъ, великія ихъ способности и духъ предпріимчивый не только придали новый блескъ Императорскому достоинству, но распространили власть и права, съ нимъ соединенныя. Оттонъ Великій ходилъ (952) съ многочисленнымъ войскомъ на Италію и, по примѣру Карла Великаго, предписывалъ ей законы. Тамъ, всѣ признавали господство его. Онъ по своей волѣ избиралъ Папъ и низводилъ ихъ съ престола. Онъ присоединилъ Итальянское Королевство къ Германской Имперіи. Возгорженный своими успѣхами, сталъ именоваться Кесаремъ Авгу-

ствомъ (1) и, будучи Государемъ Германскимъ, воображалъ себя преемникомъ Императоровъ древняго Рима и требовалъ права на власть и преимущества, которыми нѣкогда они пользовались.

Но между тѣмъ какъ Императоры посредствомъ этихъ новыхъ титлъ и владѣній постепенно пріобрѣтали большую славу и могущество, Германское дворянство въ то же время распространяло свои права и судопроизводство. Положеніе дѣлъ благопріятствовало его предпріятіямъ. Сила, сообщенная Карломъ Великимъ правленію, скоро истощилась. Слабость нѣкоторыхъ преемниковъ его могла бы поощрить вассаловъ и менѣе смѣлыхъ, нежели дворяне того времени, къ требованію новыхъ правъ и присвоенію новой власти. Междоусобныя войны другихъ Императоровъ заставляли ихъ быть снисходительными къ подданнымъ, отъ помощи которыхъ они зависѣли, и не только потворствовать ихъ притязаніямъ, но даже поощрять къ нимъ. Лены становились мало по малу родовыми. Онѣ переходили уже не къ однимъ прямымъ, но и къ боковымъ наслѣдникамъ, къ потомкамъ не только мужскаго, но и женскаго пола. Каждый Баронъ началъ отправлять верховное правосудіе въ своихъ помѣстьяхъ, а Герцоги и Графы Германскіе быстрыми шагами приближались къ независимости (2). Саксонскіе Императоры видѣли ихъ успѣхи и страшились послѣдствій. Но не имѣя надежды смирить вассаловъ, уже могущественныхъ, не устремивъ на это предпріятіе всѣхъ своихъ силъ и вниманія, притомъ чувствуя необыкновенную страсть къ

1) Annalista Saxo, etc. ap. Struv. Corp. vol. I, p. 246.
1) Pfeffel, Abrégé, p. 120, 152. Lib. Feudor. tit. I.

походамъ въ Италію, которыхъ не льзя было предпринимать безъ содѣйствія дворянства, Императоры избѣгали случаевъ встревожить его прямымъ нападеніемъ на права, имъ похищенныя. Они старались однако подрыть его могущество, и неблагоразумно жаловали землями и осыпали почестями духовенство, надѣясь, что оно станетъ противодѣйствовать дворянамъ, когда будетъ нужно (1).

Скоро оказались несчастныя слѣдствія этой гибельной государственной ошибки. При Императорахъ Франконскаго и Швабскаго Дома (1054), занимавшихъ престолъ по добровольному избранію Германцевъ, явился новый порядокъ вещей, и Германія представила зрѣлище, которое даже въ то время изумило весь миръ Христіанскій, а теперь кажется едва вѣроятнымъ. Папы, дотолѣ зависѣвшіе отъ Императоровъ, обязанные ихъ благодѣяніямъ и покровительству своимъ могуществомъ и возвышеніемъ, стали требовать верховнаго судопроизводства, и подъ предлогомъ власти, дарованной имъ отъ Неба, судили, отлучали отъ Церкви и низводили съ престола прежнихъ своихъ повелителей. Это не должно относить просто къ порыву честолюбія въ какомъ нибудь Первосвященникѣ, упоенномъ высокою мечтою о пространствѣ духовной и неограниченности Папской власти. Григорій VII былъ равно хитръ и смѣлъ. Высокомѣріе и рѣшительность его сопровождались глубокомысліемъ и дальновидностію. Онъ замѣтилъ, что Князья и дворяне Германскіе, имѣя значительныя владѣнія и обширную судебную власть, были не только опасны для Императоровъ, но даже расположены благопріятствовать

(1) Pfeffel, Abrégé, p. 154.

всякому покушенію ограничить ихъ могущество. Онъ предусмотрѣлъ въ духовенствѣ Германіи, стоявшемъ почти на ряду съ ея Князьями, готовность помогать человѣку, который явится покровителемъ его преимуществъ и независимости. Григорій завелъ переговоры съ каждымъ изъ этихъ сословій и снискалъ между ими преданныхъ себѣ приверженцевъ, прежде нежели дерзнулъ вступить въ борьбу съ главою Имперіи.

Онъ возсталъ противъ Генриха IV подъ простымъ и благовиднымъ предлогомъ. Онъ жаловался, что Императоры раздавали духовныя мѣста, руководствуясь корыстію и лицепріятемъ; утверждалъ, что это право принадлежало ему, какъ главѣ Церкви; просилъ Генриха ограничиться свѣтскою властію и воздержаться на будущее время отъ притязаній на духовную. Проклятія Церкви возгремѣли противъ Генриха, когда онъ отказался оставить права, которыми однообразно пользовались всѣ его предшественники. Сильнѣйшіе изъ Германскихъ Князей и духовенства, подвигнутые Папою, подняли оружіе противъ своего Государя. Покорствуя вліянію Григорія, мать, жена и дѣти Императора попрали узы крови и обязанностей и присоединились къ врагамъ его (1). Средства, которыми Римской Дворъ воспламенялъ сердца и управлялъ мятежнымъ духомъ Германцевъ и жителей Италіи, имѣли такой успѣхъ, что Императоръ, извѣстный по своимъ добродѣтелямъ и способностямъ, наконецъ (1077) принужденъ былъ явиться въ видѣ кающагося передъ воротами Папскаго замка и, не взирая на зимній холодъ,

---

(1) Annal. German. ap. Struv. I, p. 325.

простоялъ тамъ босой три дни, умоляя о прощеніи, которое получить едва удостоился (1).

Эта покорность унизила Императорское достоинство, и притомъ не на короткое время. Вражда Григорія съ Генрихомъ произвела двѣ сильныя партіи: Гвельфскую и Гибелинскую, изъ которыхъ первая, поддерживая притязанія Папъ, а вторая, защищая права Императоровъ, не давали покоя Германіи и Италіи въ продолженіе трехъ столѣтій. Во все это время Папы, вольные города Италіи, дворянство и духовенство Германское, слѣдовали однообразнымъ правиламъ для униженія Императоровъ и ограниченія ихъ власти. Не взирая на кратковременное возвращеніе силы своей при немногихъ достойныхъ Императорахъ, она дѣйствительно все болѣе и болѣе склонялась къ упадку и стала ничтожна. Въ безначаліе продолжительнаго междуцарствія, наступившаго по смерти Вильгельма Голландскаго (1256), Рудольфъ Габсбургскій, родоначальникъ Австрійскаго Дома, положившій первое основаніе позднѣйшему его величію, былъ наконецъ избранъ Императоромъ (1273) не для того, чтобы возстановить и распространить власть Императорскую; но потому что незначительность его земель и вліянія не возбуждала зависти въ Германскихъ Князьяхъ, хотѣвшихъ сохранить образъ правленія, силу и твердость котораго они сокрушили. Нѣкоторые изъ преемниковъ Рудольфа по той же причинѣ возводились на престолъ Императорскій и лишены были почти всѣхъ уцѣлѣвшихъ правъ самодержавія.

Въ продолженіе этихъ смутъ и безпорядковъ государственное учрежденіе Германіи совер-

---

(1) Замѣчаніе XL.

шенно измѣнилось. Хотя и остались прежнія имена судебныхъ мѣстъ и чиновниковъ вмѣстѣ съ внѣшними принадлежностями первоначальнаго устройства въ Имперіи, однако отъ новыхъ преимуществъ, судебной власти и многоразличныхъ небывалыхъ правъ уже не могло болѣе существовать того же образа правленія. Князья, знатные дворяне, высшее духовенство, и вольные города воспользовались междуцарствіемъ, о которомъ я упоминалъ, чтобы упрочить и распространить свои присвоенія. Они похитили право неограниченнаго самовластія въ предѣлахъ земель своихъ, не признавали никого высшаго надъ собою въ отношеніи къ ихъ внутреннему управленію и благоустройству, издавали законы, налагали подати, чеканили деньги, объявляли войну, заключали миръ, словомъ дѣйствовали съ полною независимостію. Понятія о порядкѣ и политическомъ соединеніи, скрѣпившія различныя области Германіи въ одно цѣлое, были совершенно забыты; и Государство вѣроятно бы разрушилось, если бы между его членами не уцѣлѣло наружныхъ признаковъ феодальной подчиненности.

Но этотъ узелъ соединенія былъ очень слабъ; въ государственомъ учрежденіи Германіи не осталось ни одного начала, достаточнаго для поддержанія общественнаго порядка и обезпеченія личной безопасности. Отъ Рудольфа Габсбургскаго до Максимиліана, предмѣстника Карла V, Имперія претерпѣла всѣ бѣдствія, постигающія Государства, когда правительство теряетъ въ нихъ свою силу. Причины несогласія между множествомъ членовъ Имперіи были безчисленны и неизбѣжны. Онѣ давали поводъ къ непрерывнымъ междоусобіямъ, которыя производились со всею жестокостію мщенія, не обуздываемаго верховною властію. Грабежи,

насилія и преступленія всякаго рода распространились въ Германіи. Торговля прекратилась, успѣхи промышленности были остановлены, и каждая часть Имперіи уподоблялась странѣ, разграбленной и опустошенной непріятелемъ (1). Разнообразіе средствъ, употребленныхъ для возстановленія порядка и спокойствія, доказываетъ, что ужасы безначалія превзошли мѣру терпѣнія Германцевъ. Для рѣшенія споровъ между различными властями начали избирать посредниковъ. Города составляли союзы, чтобы препятствовать разбоямъ и насилію дворянства. Дворяне также соединялись между собою для поддержанія мира и согласія въ своемъ сословіи. Германія раздѣлилась на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ были учреждены областной и мѣстные приказы въ замѣну общаго для всѣхъ судилища (2).

Но всѣ эти средства были безплодны, и служили только свидѣтельствомъ, съ какою силою свирѣпствовало безначаліе и какъ недѣйствительными оказывались всѣ мѣры къ его прекращенію. Наконецъ Максимиліанъ возстановилъ общественный порядокъ въ Имперіи, учредивъ Имперскую Камеру (1495). Она состояла изъ судей, которыхъ избирали частію Императоръ, частію Князья, и облечена была властію окончательно рѣшать всѣ споры между Имперскими членами. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1512) Максимиліанъ возвратилъ Императорской власти нѣкоторую силу преобразованіемъ Авлическаго Совѣта, который завѣдывалъ всѣми дѣлами феодальными и подлежавшими непосредственному сужденію Императоровъ.

---

(1) См. выше стр. 44 и замѣчаніе XXI. Datt. de Pace publica Imper. p. 25, No 53; p. 28, No 26; p. 35, No 11.

(2) Datt. passim. Struv. Corp. Hist. I, 510 etc.

Но не взирая на благотворныя слѣдствія этихъ улучшеній, правленіе Германской Имперіи въ началѣ царствованія Карла V не походило вполнѣ ни на одно, извѣстное въ древнія и новыя времена. Германія была сложною Державою, образованною соединеніемъ нѣсколькихъ членовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ верховную и независимую власть въ своихъ владѣніяхъ. Императоръ былъ главою этихъ членовъ. Отъ его имени выходили всѣ указы и постановленія касательно дѣлъ общественныхъ; въ его рукахъ находилась власть исполнительная. Но вліяніе и сила Князей и Чиновъ Имперскихъ болѣе, нежели перевѣшивали мнимое самодержавіе Императора. Безъ утвержденія Имперскаго Сейма, въ которомъ каждый Князь и членъ Имперской имѣлъ право присутствовать, разсуждать и подавать голосъ, не льзя было издать ни одного закона для цѣлой Имперіи, ни принять мѣръ для общаго блага. Постановленія Сейма были законами Германіи, которые Императоръ обязывался утверждать и обнародывать.

Съ этой стороны государственное учрежденіе Имперіи представляется союзомъ, подобнымъ Ахейскому въ древней Греціи, или конфедераціи Соединенныхъ Областей и Швейцарскихъ Кантоновъ въ новыя времена. Но съ другой стороны оно обнаруживаетъ разительныя особенности. Германская Имперія образовалась не изъ соединенія членовъ совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ. Всѣ Князья и Чины, ее составлявшіе, были первоначально подвластны Императорамъ и признавали ихъ своими Государями, владѣли первоначально своими землями, какъ Имперскими ленами, и, въ слѣдствіе этого, обязаны

были исправлять на Императоровъ всѣ службы феодальныхъ вассаловъ. Хотя эта зависимость совершенно прекратилась, и вліяніе феодальныхъ отношеній очень ослабло, однако же остались еще древніе обряды и учрежденія, введенныя Императорами, когда они пользовались обширною властію. Такимъ образомъ родилась противуположность между духомъ правленія Германской Имперіи и образомъ, какъ она управлялась. По первому Императоръ былъ только глава союза, обязанный доброй волѣ его членовъ своимъ достоинствомъ; по второму онъ казался дѣйствительно облеченнымъ верховною властію. Это обстоятельство привило начала вражды и раздора къ политическому бытію Германіи. Они распространились между всѣми ея членами и произвели несовершенство ихъ внутренняго соединенія, слабость и нестройность ихъ внѣшнихъ дѣйствій. Слѣдствія этого недостатка въ существѣ государственнаго учрежденія Имперіи такъ важны, что, оставя ихъ безъ вниманія, невозможно понять многихъ происшествій при Карлѣ V и получить точнаго понятія о духѣ Грманскаго правленія.

Императоры Германскіе въ началѣ XVI столѣтія имѣли самыя пышныя титла, а внѣшніе знаки достоинства представляли власть ихъ первою въ Европѣ. Знатнѣйшіе Князья Имперіи сопровождали ихъ и служили имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ придворные чиновники. Императоры пользовались преимуществами, которыхъ другіе Государи никогда не требовали, и сохраняли притязанія на всѣ обширныя права предшественниковъ своихъ въ минувшіе вѣки. Но въ то же время, вмѣсто обладанія цѣлою страною, которая принадлежала прежнимъ Императорамъ и простиралась отъ Базеля до Кельна по обоимъ

берегамъ Рейнскимъ (1), они вовсе не имѣли земельной собственности; ни одинъ городъ, ни одинъ замокъ, ни одна пядень земли, не принадлежали имъ, какъ главамъ Имперіи. Отъ этой потери удѣловъ и доходы Императоровъ стали ничтожны, а чрезвычайныя пособія, которыхъ они изрѣдка требовали, давались имъ скупо и неохотно. Князья и Чины Имперскіе, хотя повидимому признавали власть Императорскую, однако были подданными только по имени; каждый изъ нихъ пользовался полною независимостію въ предѣлахъ своихъ владѣній.

Несообразность въ составѣ правленія имѣла слѣдствія неизбѣжныя. Императоры, ослѣпленные блескомъ титлъ своихъ и внѣшними знаками обширной власти, воображали себя настоящими повелителями Германіи и стремились пріобрѣсти употребленіе тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя государственное учрежденіе, казалось, предоставляло имъ и которыми дѣйствительно пользовались предшественники ихъ: Карлъ Великій и Оттоны. Князья же и Чины, знавшіе свойство и обширность этихъ притязаній, неусыпно наблюдали за всѣми движеніями Двора Императорскаго и не упускали случаевъ болѣе и болѣе стѣснять власть его. Императоры въ подкрѣпленіе своихъ требованій ссылались на древніе обряды и учрежденія; Чины же, не признавая ихъ силы, основывали свои права на обычаяхъ своего времени и новѣйшихъ преимуществахъ, которыя Императоры почитали за насильственныя присвоенія.

Зависть къ Императорской власти и противуположность между ею и правами Чиновъ Го-

(1) Pfeffel, Abrégé, etc. p. 241.

сударственныхъ значительно увеличились съ тѣхъ поръ, какъ Императоры начали избираться не цѣлымъ сословіемъ дворянъ Германскихъ, а небольшимъ числомъ знатнѣйшимъ Князей. Долгое время всѣ Имперскіе члены собирались обыкновенно для избранія главы надъ собою. Но среди междоусобій и безначалія, которыя нѣсколько вѣковъ свирѣпствовали въ Имперіи, семь Князей, получившихъ наслѣдственное право на первыя должности въ Государствѣ и владѣтелей самыхъ обширныхъ округовъ, пріобрѣли исключительное преимущество избирать въ Императоры, утвержденное Золотою Буллою, которою узаконенъ и самый образъ этого избранія, а Князьямъ даровано почетное имя *Электоровъ*. Дворянство и вольные города, такимъ образомъ лишенные прежняго своего права, стали менѣе соединены съ Государемъ, возвышенію котораго не содѣйствовали своимъ согласіемъ, и начали болѣе опасаться власти Императорской; Электоры же, своимъ могуществомъ и отличительными преимуществами сдѣлались грозны для Императоровъ, съ которыми почти сравнены были въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ власти. Такимъ образомъ учрежденіе Электорскаго Совѣта въ Имперіи и сила, имъ пріобрѣтенная, только укрѣпили начала вражды и раздора, крывшіяся въ Германскомъ правленіи.

Еще болѣе способствовалъ этому различный и даже противуположный образъ гражданскаго устройства нѣкоторыхъ земель Имперскихъ. Великаго труда стоило бы совершенное соединеніе независимыхъ Государствъ, даже если бы они имѣли одинаковый духъ и образъ правленія. Но изъ Германской Имперіи, изъ этой конфедераціи Князей, духовенства и вольныхъ городовъ, составить одно цѣлое было невозможно. Вольные города об-

разовали малыя Республики, и въ нихъ господствовали правила и духъ, свойственные такимъ владѣніямъ. Князья и дворяне съ правами самодержавія имѣли родъ монархической власти въ предѣлахъ земель своихъ, внутреннее управленіе которыхъ близко подходило къ учрежденному въ большихъ феодальныхъ Королевствахъ. Выгоды, понятія и виды Чиновъ Государственныхъ такого различнаго свойства не могутъ быть одинаковы; по этому и общія ихъ совѣщанія не могли производиться въ одномъ духѣ. Любовь къ свободѣ и торговлѣ господствовала въ представителяхъ городовъ, а властолюбіе и воинская слава составляли двѣ главныя страсти Князей и дворянства.

Согласіе было такъ же несродно свѣтскимъ и духовнымъ членамъ Имперіи, какъ вольнымъ городамъ и дворянству. Обширныя жалованныя земли и нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ Имперскихъ должностей, принадлежа первѣйшимъ Епископствамъ и Аббатствамъ въ Германіи, доставались главамъ ихъ, которыми обыкновенно бывали младшіе сыновья второстепенныхъ дворянъ, посвящавшіе себя духовному званію. Князья и знатные дворяне весьма досадовали, что люди, низшіе ихъ происхожденіемъ, занимали равную съ ними степень и даже превосходили ихъ достоинствомъ. По воспитанію, духу званія своего и отношеніямъ къ Римскому Двору, Епископы и Аббаты Германскіе имѣли особенный характеръ и выгоды, отличались ими отъ прочихъ Имперскихъ членовъ, съ которыми должны были дѣйствовать совокупно. Такимъ образомъ открылся новый источникъ зависти и раздора, заслуживающій вниманіе при изслѣдованіи свойствъ Германскаго правленія.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ несогласія можно прибавить еще одну, происходившую отъ неравенства силы и богатства Чиновъ Имперскихъ. Электоры и нѣкоторые знатные дворяне не только пользовались правами самодержавія, но, повелѣвая обширными, многолюдными и богатыми землями, принадлежали къ числу могущественныхъ владѣтелей. Многіе изъ другихъ членовъ Имперіи, хотя подобно имъ, независимые, имѣли такіе малые удѣлы, что существенная ихъ сила была вовсе несоразмѣрна съ высокою властію. Изъ Чиновъ, столь различныхъ между собою, не могло образоваться стройной, мощной конфедераціи. Слабые были завистливы, робки, неспособны ни придать вѣса справедливымъ правамъ своимъ, ни защитить ихъ. Могущественные стремились къ притѣсненію. Электоры и Императоры попеременно дѣлали притязанія на власть несильныхъ членовъ Имперіи, которые иногда мужественно вступались за нее, но чаще изъ страха, или корысти, малодушно ее уступали, или сами же безразсудно благопріятствовали предпріятіямъ, вреднымъ для ихъ независимости (1).

Всѣ эти причины недостатковъ въ государственномъ учрежденіи Германской Имперіи, даютъ ясное понятіе, почему въ Сеймахъ и дѣйствіяхъ ея не было согласія и единодушія. Духъ медленности, недовѣрія и нерѣшительности, отличающій всѣ ея совѣщанія, покажется естественнымъ въ цѣломъ, котораго члены были связаны между собою посредствомъ слабыхъ узъ и имѣли могущественныя причины къ раздорамъ. Но Герман-

---

(1) Замѣчаніе XLI.

ская Имперія, не взирая на то, заключала въ себѣ такія обширныя земли и была обитаема такимъ воинственнымъ народомъ, что дѣйствовала съ могуществомъ, почти непреоборимымъ, когда способности Императора, или ревность къ общему благу возбуждали ее обнаружить свою силу. Карлъ V, какъ мы далѣе увидимъ, въ духѣ зависти и вражды, свойственномъ Германскому правленію, встрѣчая не только сопротивленіе, но даже совершенную преграду любимѣйшимъ своимъ намѣреніямъ, тогда лишь успѣлъ совершить нѣкоторые изъ великихъ дѣяній, ознаменовывающихъ его государствованіе, когда пріобрѣлъ вліяніе надъ Имперскими Князьями и побудилъ ихъ къ содѣйствію своимъ видамъ.

Связь Турецкой Исторіи, современной Карлу V, съ Исторіею могущественныхъ народовъ въ Европѣ, частое и рѣшительное вліяніе Оттоманской Порты на войны и переговоры Христіанскихъ Государей, налагаютъ на меня обязанность сообщить моимъ читателямъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о правленіи обширной Турецкой Имперіи. Они необходимы, подобно понятіямъ о государственныхъ учрежденіяхъ, мною описанныхъ.

Южныя, плодоносныя страны Азіи были въ разныя времена покоряемы тѣмъ воинственнымъ и храбрымъ народомъ, который обитаетъ въ обширной землѣ, извѣстной древнимъ подъ именемъ Скиѳіи, а новѣйшимъ подъ именемъ Татаріи. Часть этого народа, называемая Турками, или Туркоманами, простерла свои завоеванія подъ начальствомъ различныхъ предводителей и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій отъ береговъ Каспійскаго моря до пролива Дарданельскаго. Около половины

XV века эти грозные воители взяли приступомъ Константинополь, столицу Имперіи, и утвердили въ ней местопребываніе своего правительства. Греція, Молдавія, Валахія и прочія области древнихъ Царствъ Θракійскаго и Македонсаго съ частію Венгріи были покорены ими.

Но хотя Султаны основали свое местопребываніе въ Европе и пріобрели господство надъ пространными владеніями въ этой части земнаго шара, однако правленіе въ Турціи, по своему духу, осталось чисто Азіатскимъ, и можетъ быть названо деспотическимъ въ противуположность монархическому и республиканскому, которыя мы до сихъ поръ разсматривали. Верховная власть принадлежитъ Государю Оттоманскаго происхожденія; изъ другаго рода никто не признается достойнымъ престола. Съ этой высоты Султаны низводятъ взоры свои на подданныхъ, которые все равны предъ лицемъ ихъ. Одно только опредъленіе въ государственную службу доставляетъ отличія, но и они более принадлежатъ самой должности, нежели тому, кто занимаетъ ее. Первейшій сановникъ въ Имперіи не сообщаетъ никакого преимущества своему семейству. Каждый, приготовляясь къ возвышенію на значительное место продолжительнымъ, рабскимъ повиновеніемъ, (1) возвращается вместе съ семействомъ своимъ въ рядъ прочихъ подданныхъ, опять приходитъ въ неизвестность, какъ скоро подвергнется лишенію власти. Отличительное и ненавистное свойство восточнаго деспотизма въ томъ и состоитъ, что онъ подавляетъ все состоянія людей для превознесенія властелина; ничего не оставляетъ первымъ

(1) Etat de l'Empire Turc par Ricaut, p. 25.

и всѣмъ надѣляетъ послѣдняго; имѣетъ цѣлію не поселять въ умѣ подданныхъ мысли ни объ какомъ отношеніи людей, кромѣ существующаго между господиномъ и рабомъ, изъ которыхъ одинъ сотворенъ повелѣвать и наказывать, а другой трепетать и повиноваться (2).

Но какъ есть обстоятельства, которыя часто останавливаютъ, прекращаютъ благотворное дѣйствіе наилучше устроеннаго правленія, точно также другія способствуютъ уменьшенію вредныхъ слѣдствій самаго недостаточнаго. Правда, не можетъ быть никакихъ положительныхъ ограниченій для воли Государя при деспотическомъ образѣ правленія, но могутъ быть случайныя. Не взирая на свое самовластіе, Турецкіе Султаны чувствуютъ себя ограниченными и Вѣрою, краеугольнымъ камнемъ ихъ могущества (3), и войскомъ, его необходимой опорою. Гдѣ посредствуетъ Вѣра, тамъ воля властелина должна покорствовать. Всѣ набожные обряды, предписанные Кораномъ, всѣ нравственныя обязанности, имъ заповѣданныя, всѣ правила державнаго искусства, утвержденныя его печатію, какъ законы высшей власти, — священны для Султановъ. Но главное ограниченіе встрѣчаетъ ихъ воля въ военной силѣ. Турки не истребляли покоряемыхъ народовъ, и потому для поддержанія своего господства надъ ними, необходимо должны были образовать многочисленное и грозное войско. Амуратъ, третій Султанъ Турецкій, желая имѣть преданныхъ себѣ тѣлохранителей, повелѣлъ своимъ полководцамъ доставлять себѣ ежегодно, какъ собственность,

---

(2) Замѣчаніе XLII.

(3) Ricaut, p. 8.

пятую часть юношей, плѣненныхъ на войнѣ. Будучи наставлены въ Магометанской Вѣрѣ, пріучены къ повиновенію строгою подчиненностію, и пріобрѣтя искусство въ военномъ дѣлѣ, они составили ополченіе, извѣстное подъ именемъ *Янычаръ*, или новобранцевъ. Всѣ понятія, которыя только способно внушить изувѣрство, всѣ знаки отличія, которые только можетъ даровать благоволеніе Государя, взяты были въ пособіе, чтобы одушевить ихъ военной отвагой и самонадѣянностію (1). Янычары стали въ скоромъ времени главною силою и красою Оттоманскихъ воинствъ, числомъ и славою превзошли всѣ полки, имѣвшіе обязанность охранять особу Султана (2).

Такимъ образомъ это грозное войско, назначенное для распространенія Султанской власти, пріобрѣло въ то же время средства ей противиться. Янычары Константинопольскіе, подобно Преторіанцамъ древняго Рима, скоро увидѣли всѣ выгоды отъ своего пребыванія въ столицѣ, соединенія подъ однимъ знаменемъ и власти надъ особою Государя. Султаны равнымъ образомъ ощутили ихъ могущество. *Капикули*, или воинство Порты, было единственною силою въ Имперіи, которой Султанъ и Визирь его имѣли причину опасаться. Поддержаніе вѣрности, приверженности Янычаръ стало первою заботою, главнымъ предметомъ политики Двора Оттоманскаго. При Государѣ, по дарованіямъ своимъ и твердости духа способномъ державствовать, они послушныя орудія воли его, они слѣпо исполняютъ всѣ его повелѣнія, дѣлаютъ его всемогущимъ. Но при слабыхъ,

---

(1) Histoire de l'empire ottoman par le prince Cantemir, p. 87.
(2) Замѣчаніе XLIII.

или несчастныхъ Султанахъ они становятся мятежны и высокомѣрны, мѣняютъ ихъ по своему произволу, приводятъ въ трепетъ тѣхъ самыхъ, мановеніе которыхъ въ другихъ обстоятельствахъ располагаетъ жизнью и смертью.

Отъ Магомета II, взявшаго Константинополь, до Солимана, который началъ царствовать спустя нѣсколько мѣсяцевъ по возшествіи Карла V на престолъ Императорскій, рядъ знаменитыхъ Государей управлялъ Турецкою Имперіею. Великимъ умомъ своимъ они держали въ покорности подданныхъ всякаго состоянія, и вполнѣ повелѣвали всѣми силами обширной своей Имперіи. Солиманъ, особенно, извѣстный Христіанамъ болѣе какъ завоеватель, но прославленный въ Турецкихъ лѣтописяхъ великимъ законоположникомъ, учредитель порядка въ Оттоманской Имперіи, во все время продолжительнаго своего государствованія управлялъ и полновластно и мудро. Онъ раздѣлилъ владѣнія свои на нѣсколько округовъ, назначилъ какое каждому изъ нихъ выставлять число воиновъ, отвелъ земли въ каждой области для ихъ содержанія, узаконилъ съ подробностію все, что относилось до ихъ ратнаго порядка, оружія и службы, начерталъ для государственныхъ доходовъ положительное управленіе, и хотя они, подобно доходамъ другихъ деспотическихъ Державъ на Востокѣ, весьма незначительны, однако же онъ вознаградилъ ихъ недостатокъ благоразумною и строгою бережливостію.

Впрочемъ не только подъ властію такихъ Султановъ, какъ Солиманъ, равно способный поддерживать внутренній порядокъ и распоряжать военными дѣйствіями, Турецкая Имперія съ успѣхомъ вступала въ борьбу съ Христіанскими Державами. Рядъ достойныхъ Государей, о которомъ

я упоминалъ, сообщилъ великую силу и твердость Оттоманскому правленію. Въ XVI столѣтіи оно достигло, кажется, высочайшей степени возможнаго для него совершенства; а главныя Монархіи Христіанскаго міра были тогда еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ гражданскія общества могутъ дѣйствовать всѣми силами. Этого мало: Турецкія войска въ XVI вѣкѣ имѣли на своей сторонѣ всѣ выгоды, проистекающія отъ превосходства въ военномъ устройствѣ. При вступленіи Солимана на престолъ, оно ни мало не измѣнилось у Янычаръ въ своей строгости, хотя отъ времени ихъ учрежденія прошло уже около полутораста лѣтъ. Войска, набираемыя въ различныхъ областяхъ Имперіи, почти не выпускали изъ рукъ оружія, потому что Султаны вели непрерывныя брани. Рати Христіанскихъ Державъ весьма несчастливо сражались съ такимъ опытнымъ и привычнымъ къ службѣ непріятелемъ. Самые просвѣщенные и безпристрастнѣйшіе писатели XVI столѣтія съ горестію признаютъ превосходство Турковъ въ военномъ искусствѣ (1). Это доказываетъ и успѣхъ, всегда вѣнчавшій военныя предпріятія послѣднихъ. Христіане стали грозны для нихъ своимъ оружіемъ съ того только времени, какъ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ улучшили свое военное устройство; а отъ разныхъ причинъ и событій, изложеніе которыхъ до меня не касается, древнія ратныя постановленія частію измѣнились, частію потеряли свою силу въ Оттоманской Имперіи.

---

(1) Замѣчаніе XLIV.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

И

ОБЪЯСНЕНІЯ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

и

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Замѣчаніе I. Отдѣленіе I. Стран. 3.

Смятеніе Британцевъ, когда Пикты и Каледоняне напали на нихъ по удаленіи Римскихъ легіоновъ съ острова, можетъ дать нѣкоторое понятіе до какой степени унизился духъ человѣческій въ долговременномъ рабствѣ у Римлянъ. Въ просительной грамотѣ къ Аэцію, которую они называютъ *стенаніями Британіи*, „Мы не знаемъ, говорятъ они, куда обратиться. Варвары гонятъ насъ къ морю, а море гонитъ назадъ къ Варварамъ; между этими крайностями намъ остается только выборъ смерти или въ волнахъ, или отъ меча.“ Histor. Gildae ap. Gale, Hist. Britan. Script. p. 6. — Иной съ трудомъ повѣритъ, что это потомки того храбраго народа, который отразилъ Цесаря и такъ долго защищалъ свободу свою отъ Римлянъ.

Замѣчаніе II. отдѣленіе I. Стран. 4.

Варварскіе народы были не только невѣжественны, но даже ненавидѣли просвѣщеніе. Во всѣхъ областяхъ Имперіи они нашли жителей изнѣженныхъ, не любившихъ войны. Такая слабость была предметомъ презрѣ-

нія для народа гордаго и воинственнаго. „Когда мы хотимъ оскорбить непріятеля, говоритъ Ліутпрандъ, самымъ позорнымъ именемъ, то называемъ его Римляниномъ: hoc solo, id est Romani nomine, quicquid ignobilitatis, quicquid timiditatis, quicquid avaritiae, quicquid luxuriae, quicquid mendacii, immo quicquid vitiorum, est comprehendentes." (въ этомъ одномъ названіи заключается всевозможная подлость, трусость, алчность, коварство, словомъ—всѣ пороки.) Liuprandi legatio apud Murat. Scriptor. Italic. vol. 2. pars. 1. p. 481. Это развращеніе нравовъ невѣжественные варвары приписывали охотѣ къ ученію. Даже поселясь въ завоеванныхъ странахъ, они не позволяли дѣтямъ своимъ учиться. „Просвѣщеніе, говорили они, клонится къ тому, чтобы развратить, разслабить, унизить человѣка; кто привыкнетъ трепетать предъ лозою учителя, тотъ никогда уже не будетъ безстрашно глядѣть на мечь." Procop. de bello Gothor. lib. 1. p. 4. ap. Script. Byz. Протекло очень много лѣтъ прежде, нежели у этихъ грубыхъ и нерасположенныхъ къ ученію народовъ явились Историки, способные описывать ихъ дѣла, нравы и учрежденія. Тѣмъ временемъ были забыты всѣ преданія объ ихъ древнемъ образѣ жизни и не уцѣлѣло объ немъ ни одного памятника для руководства первыхъ писателей. Тотъ жалко ошибется, кто отъ Іорнанда, Павла Варнефрида, Григорія Турскаго, самыхъ раннихъ и достовѣрныхъ Историковъ Готовъ, Ломбардовъ и Франковъ, ожидаетъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о нравахъ и законахъ этихъ народовъ, пока они жили еще въ тѣхъ странахъ, гдѣ первоначально поселились. Дошедшимъ до насъ, хотя и несовершеннымъ изображеніемъ древняго ихъ состоянія, мы обязаны не собственнымъ ихъ писателямъ, а Историкамъ Греческимъ и Римскимъ.

Замѣчаніе III. Отдѣленіе I. Стран. 4.

Обстоятельство, помѣщенное Прискомъ въ Исторіи его о посольствѣ къ Аттилѣ, Царю Гунновъ, представ-

ляетъ ризительную черту той пламенной страсти къ войнѣ, которая владычествовала между варварскими народами. Когда кончилась аудіенція, данная Римскимъ посламъ этимъ свирѣпымъ завоевателемъ, то два Скиѳа приблизились къ нему и воспѣли пѣснь въ славу его побѣдъ и воинскихъ доблестей. Всѣ Гунны съ глубокимъ вниманіемъ слушали Бардовъ. Иные, казалось, были очарованы стихами; другіе, вспоминая собственные свои подвиги въ битвахъ, трепетали отъ радости; а удрученные бременемъ лѣтъ обливались слезами, оплакивая истощеніе силъ своихъ и бездѣйствіе, въ которомъ должны были оставаться. Excerpta ex Historia Prisci Rethoris ap. Bizant. Histor. Script. edit. Venet. v. I p. 45.

Замѣчаніе IV. Отдѣленіе I. Стран. 10.

Замѣчательное подтвержденіе этому встрѣчается въ Исторіи Англіи. Саксонцы при ея завоеваніи руководствовались тѣмъ же всегубительнымъ духомъ, который отличаетъ и прочіе варварскіе народы. Они истребили часть древнихъ обитателей Британіи, многихъ загнали въ неприступныя горы Валлійскія, остальныхъ поработили. Слѣдствіемъ было введеніе въ Британіи Саксонскаго правленія, законовъ, нравовъ и языка, которые такъ въ ней укоренились, что погибла и память учрежденій, существовавшихъ до Саксонскаго завоеванія. Совсѣмъ противное случилось въ послѣдовавшемъ переворотѣ. Одна рѣшительная побѣда возвела Вильгельма Норманскаго на престолъ Англіи. Саксонцы, хотя угнетенные, не были однако истреблены. Вильгельмъ напрягалъ всѣ усилія своей власти и политики, чтобы образовать во всемъ новыхъ своихъ подданныхъ по Нормански, но безуспѣшно. Саксонцы, хотя и побѣжденные, были гораздо многочисленнѣе своихъ побѣдителей; и когда стали смѣшиваться съ ними, то постепенно сообщили имъ свои законы и нравы. Норманскія же постановленія, какъ несообразныя съ духомъ народа, были

ненавидимы; многія изъ нихъ вышли изъ употребленія, и въ Англійскомъ государственномъ устройствѣ и языкѣ до сихъ поръ многія существенныя части очевидно Саксонскаго, а не Норманскаго происхожденія.

Замѣчаніе V. Отдѣленіе I. Стран. 10.

Историкъ Прокопій избѣгаетъ, по нравственной причинѣ, частныхъ подробностей о свирѣпости Готовъ. „Я не хочу, говоритъ онъ, передать грядущимъ вѣкамъ память и примѣръ безчеловѣчія.“ Proc. de bello Goth. lib. III. cap. 10. ap. Byz. Script vol. I, 126. Но какъ не произошло бы перемѣны, названной мною слѣдствіемъ поселенія варварскихъ народовъ въ странахъ, дотолѣ подвластныхъ Римлянамъ, безъ истребленія большей части ихъ жителей, то дѣло столь важное по своему вліянію заслуживаетъ особеннаго поясненія. Это оправдаетъ меня въ томъ, что я немного открою плачевную картину, надъ которою человѣколюбіе Прокопія простерло завѣсу. Однако я не буду томить читателя длинными подробностями, приведу лишь нѣсколько примѣровъ опустошеній. Вандалы первые изъ варваровъ напали на Испанію. Она была самая богатая и населенная область Римская; жители ея отличались мужествомъ и защищали независимость свою отъ Римлянъ упорнѣе и долѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ. Но подъ игомъ Римскаго рабства они до того разслабли, что Вандалы, вошедшіе въ Королевство въ 409 году по Р. Х., въ 411 уже раздѣлили его между собою по жребію. Идацій, очевидецъ, описываетъ бѣдствія той поры слѣдующимъ образомъ: варвары все истребляли, какъ жестокіе непріятели. Моръ былъ не мѣнѣе гибеленъ. Ужасный голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что живые по необходимости питались трупами своихъ согражданъ. Всѣ эти грозные бичи рода человѣческаго вдругъ опустошали несчастную Испанію.“ Idatii Chron. ap. Biblioth. Patrum, vol. VII, p. 1233, edit. Lugd. 1677. Когда Готы напали на Вандаловъ въ новомъ ихъ

отечествѣ, то началась кровопролитная война; оба народа разоряли Испанію, уцѣлѣвшіе города были обращены въ груды пепла, а жители подвергались величайшимъ страданіямъ отъ неукротимой лютости варваровъ. См. тамъ же стр. 1235, 1236, с. f. Сказанія Исидора и другихъ современныхъ писателей согласны съ словами Идація. Ibid. Chron. ap. Grat. Hist. Goth. 732. Въ 428 году по Р. Х. Вандалы переправились изъ Испаніи въ Африку, которая послѣ Египта была плодороднѣйшею изъ областей Римскихъ. Она снабжала Имперію хлѣбомъ, и названа у одного древняго писателя душею Республики. Хотя войско Вандаловъ не превышало 30,000, не смотря на то, они совершенно завладѣли этой страною менѣе нежели въ два года. Современный писатель оставилъ ужасное описаніе ихъ безчеловѣчія. „Въ это время, говоритъ онъ, Африка отлично воздѣланная, богатая дарами природы и труда, была красою цѣлой земли. Вандалы пронесли разрушительное свое оружіе отъ одного ея края до другаго, обезлюдили ее, опустошили, истребляя все огнемъ и мечемъ; не пощадили даже виноградниковъ и плодовитыхъ деревьевъ, чтобы укрывшіеся въ пещерахъ и горахъ неприступныхъ не имѣли никакого пропитанія. Звѣрская лютость ихъ не могла насытиться, не было мѣста, отъ нея безопаснаго. Они мучили своихъ плѣнниковъ жесточайшими пытками для выпужденія признанія въ скрытыхъ сокровищахъ. Чѣмъ болѣе находили ихъ, тѣмъ болѣе желали имѣть и тѣмъ становились неумолимѣе. Ни слабость возраста и пола, ни благородство происхожденія, ни святость сана духовнаго, ничто не могло смягчить свирѣпости извергов; даже чѣмъ знаменитѣе были плѣнники, тѣмъ безчеловѣчнѣе они ругались надъ ними. Вандалы не оставляли камня на камнѣ въ зданіяхъ, обойденныхъ пожарами, во многихъ городахъ не помиловали ни одного жителя. Приближаясь къ укрѣпленному мѣсту, котораго нестройное войско ихъ не могло взять приступомъ, они собирали кучи плѣнныхъ, убивали ихъ и не зарывали въ землю, чтобы гніеніе тру-

повъ, распространяя заразу, принудило осажденныхъ сдаться. Victor. Vitensis de persecutione Africana ap. Bibl. Patrum. vol. III, p. 666. Св. Августинъ, Африканецъ и современный писатель, подобнымъ же образомъ описываетъ свирѣпость Вандаловъ. Opera, v. X. p. 372. edit. 1616. Спустя около ста лѣтъ отъ ихъ поселенія въ Африкѣ, Велисарій воевалъ съ ними и отнялъ ее у нихъ. Прокопій, современный писатель, описалъ опустошенія, произведенныя этою войною. „Африка, по его словамъ, потеряла такъ много жителей, что путешествуя въ ней, можно было нѣсколько дней сряду не встрѣтить ни одного человѣка; говоря безъ всякаго преувеличенія, она лишилась милліоновъ пяти народа.“ Proc. Hist. Arcana, cap. 18. ap. Byz. Script. vol. 1. 315. — Я долѣе остановился на бѣдствіяхъ этой области, потому что они описаны не только современниками, но даже очевидцами. Настоящее состояніе Африки подтверждаетъ ихъ свидѣтельство. Теперь не осталось и слѣдовъ существованія многихъ самыхъ цвѣтущихъ и населенныхъ городовъ ея. Кормительница Римской Имперіи по своему плодородію, теперь большею частію не воздѣлана. Область, которую Викторъ варварской своей Латынью называетъ speciositas totius terrae florentis, служитъ теперь убѣжищемъ для разбойниковъ.

Между тѣмъ какъ Вандалы опустошали одну часть Имперіи, Гунны свирѣпствовали въ остальной. Они были самые лютые, опаснѣйшіе изъ племенъ варварскихъ. Аммiанъ Марцеллинъ, современный писатель, принадлежащій къ лучшимъ изъ послѣднихъ Римскихъ Историковъ, изображаетъ правленіе и нравы ихъ, которые весьма походятъ на Скиѳскіе, описанные древними, и на Татарскіе, извѣстные въ наше время.

Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего характера и обычаевъ Гунны подобны дикимъ въ Сѣверной Америкѣ. Страсть ихъ къ войнѣ и дѣятельности была чрезвычайна. „Какъ образованные народы, говоритъ Аммiанъ, до-

рожатъ спокойствіемъ и тишиною, такъ они любятъ войну и опасности. Смерть въ битвахъ почитается у нихъ блаженствомъ, смерть же отъ старости и болѣзни—безчестіемъ. Они весьма надмѣнно тщеславятся множествомъ убитыхъ непріятелей, и, какъ самое блестящее украшеніе, прикрѣпляютъ къ збруѣ лошадей своихъ содранные съ головы волосы пораженныхъ ими непріятелей." Ammian. Marc. lib. XXXI, p. 477. edit. Gronov. Lugd. 1693. Они стали нападать на Имперію въ четвертомъ столѣтіи, и Римляне, которымъ въ это время уже была извѣстна свирѣпость варваровъ, изумились при видѣ опустошеній, производимыхъ Гуннами. Эти варвары прежде всего разорили Ѳракію, Паннонію и Иллирію. Не намѣреваясь селиться въ Европѣ, часто ужасали ее своими нападеніями, и Прокопій полагаетъ, что въ каждое изъ нихъ гибло и уводилось въ плѣнъ по крайней мѣрѣ 200,000 человѣкъ. Procop. Histor. Arcana ap. Byz. Script. v. 1. 316. Ѳракія, самая воздѣланная область въ той части Имперіи, была обращена въ пустыню, и когда Прискъ сопровождалъ пословъ, отправленныхъ къ Аттилѣ, то въ иныхъ городахъ никого не жило, кромѣ бродягъ между развалинами церквей, поля же были усѣяны костями убитыхъ. Priscus ap. Byz. Script. vol. 1, 34. Аттила сдѣлался Царемъ Гунновъ въ 434 году отъ Р. Х. Это одинъ изъ величайшихъ завоевателей, упоминаемыхъ въ Исторіи. Онъ простеръ свое владычество надъ всею обширною страною, извѣстною подъ общимъ именемъ Скиѳіи и Германіи въ древнемъ раздѣленіи свѣта. Воюя съ варварскими народами, онъ держалъ Римскую Имперію въ непрестанномъ страхѣ и вынуждалъ значительныя дани отъ ея робкихъ и слабыхъ Государей. Въ 451 году Аттила вступилъ въ Галлію съ войскомъ, составленнымъ изъ всѣхъ различныхъ народовъ, имъ покоренныхъ. Оно превосходило многочисленностію всѣ рати, съ которыми варвары до того времени вторгались въ Имперію. Опустошенія, произведенныя Аттилою, были ужасны; не

только села, но и города, самые цвѣтущіе, подверглись разрушенію. Пространство его завоеваній и бѣдствія, сопровождавшія ихъ, описаны Салвіаномъ (de Gubernat. Dei, edit. Baluz. Par. 1669, p. 139 etc.) и Идаціемъ, ubi supra p. 1235. Аэцій положилъ предѣлъ успѣхамъ варварскаго оружія въ Галліи знаменитою битвою при Шалонѣ, въ которой, если вѣрить Историкамъ того вѣка, погибло 300,000 человѣкъ. Idat. ibid. Jornandes de rebus Geticis ap. Grot. Hist. Gothor. p. 671; Amst. 1665. Но въ слѣдующій годъ Аттила рѣшился ворваться въ сердце Имперіи и опустошилъ Италію съ лютостію, воспламененною чувствомъ досады на послѣднюю свою неудачу. Что̀ Италія претерпѣла отъ Гунновъ, то превосходитъ всѣ бѣдствія, нанесенныя ей послѣдними нападеніями варваровъ. Конрингій собралъ нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ Историковъ, которыя доказываютъ, что Вандалы и Гунны не менѣе ужасно свирѣпствовали въ странахъ, прилежащихъ къ Рейну. Exercitatio de urbibus Germaniae. Opera, vol. 1. p. 488.

Состояніе Италіи черезъ нѣсколько вѣковъ отъ поселенія въ ней варваровъ есть самое вѣрное доказательство ихъ звѣрской страсти къ опустошеніямъ. Когда какая нибудь страна мало обитаема, то деревья и кустарники выростаютъ на невоздѣланныхъ поляхъ и, постепенно распространяясь, образуютъ обширные лѣса; отъ разлитія рѣкъ и отъ стоячей воды, другія мѣста обращаются въ озера и болота. Древняя Италія, отечество просвѣщенныхъ и роскошныхъ Римлянъ, была превосходно обработана. Но неистовство варваровъ до такой степени изгладило всѣ слѣды ихъ трудолюбія и образованности, что еще въ осьмомъ столѣтіи Италія была, кажется, покрыта большими лѣсами и болотами. Мураторн входитъ въ длинныя подробности объ ихъ положеніи и пространствѣ и доказываетъ самымъ достовѣрнымъ и яснымъ образомъ, что тогда большія полосы земли заросли боромъ и лежали подъ водою во всѣхъ частяхъ

Италіи, которыя отъ природы неспособны къ воздѣланію, но и въ тѣхъ, которыя были чрезвычайно плодородны въ древности и теперь прекрасно обработаны. Muratori Antiquitates Italicae medii aevi, Dissert. XXI, v. II, p. 49. 153 etc. Убѣдительное тому доказательство можно найти въ описаніи города Модены авторомъ X столѣтія. Murat. Script. rerum Italic. vol. II, pars II, p. 691.

Опустошеніе прочихъ странъ Европы, кажется, было таково же. Во многихъ изъ самыхъ раннихъ грамотъ, до насъ дошедшихъ, земли, жалованныя монастырямъ и частнымъ людямъ, раздѣляются на обработанныя и обитаемыя и на пустоши, *eremi*. Изъ многихъ примѣровъ видно, что кто пустоши обращалъ въ обработанныя земли, тотъ получалъ ихъ во владѣніе, какъ награду за свои труды. Это доказываетъ грамота Карла Великаго, изданная Экгартомъ въ сочиненіи de Rebus Franciae Orientalis, vol. II, p. 864, и многія грамоты преемниковъ Карла, помѣщенныя Дю Канжемъ подъ словомъ: *eremus*.

Муратори говоритъ еще, что въ VIII и IX столѣтіяхъ Италія была наполнена множествомъ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей. Это другой знакъ недостатка жителей. Murat. Antiq., vol. II, p. 163. Такимъ образомъ Италія, краса древняго міра по своему плодородію и обработанности, была доведена до состоянія земли, недавно населенной.

Я полагаю, что не только нѣкоторыя описанія опустошеній, мною приведенныя, преувеличены, но что варварскіе народы поступали различнымъ образомъ при основаніи новыхъ своихъ поселеній. Нѣкоторые, кажется, истребляли старожиловъ, а другіе болѣе расположены были составить съ ними одинъ народъ. Не мое дѣло изслѣдывать причины, которыя произвели это различіе въ поступкахъ завоевателей, но приведенныя мѣста достаточно доказываютъ, что истребленіе людей сѣверными народами, во время ихъ набѣговъ и поселеній, было гораздо значительнѣе, нежели какъ обыкновенно воображаютъ всѣ почти писатели.

Замѣчаніе VI. Отдѣленіе I. Стран. 12.

Въ Замѣчаніи II я сказалъ, что нѣкоторыми свѣдѣніями о древнемъ состояніи варварскихъ народовъ, мы обязаны только Грекамъ и Римлянамъ. Къ счастію, извѣстіе объ учрежденіяхъ и обычаяхъ одного народа, съ которымъ всѣ прочіе, кажется, много сходны, передано намъ двумя писателями, знаменитыми своимъ умомъ наблюдательнымъ, красотою и силою слога. Читатель догадается, что я говорю о Цесарѣ и Тацитѣ. Первый даетъ краткое понятіе о древнихъ Германцахъ въ нѣсколькихъ главахъ шестой книги своихъ Комментарій, послѣдній написалъ цѣлое сочиненіе о Германцахъ. Это самые драгоцѣнные и поучительные памятники древности для теперешнихъ обитателей Европы. Они свидѣтельствуютъ намъ:

1) Что общественное состояніе у древнихъ Германцевъ было самое грубое и простое. Они жили только звѣриною ловлею, или скотоводствомъ. Caes. lib. VI, c. 21. Нерадѣли о земледѣліи и питались преимущественно молокомъ, сыромъ и мясомъ. Ibid. c. 28. Тацитъ въ этомъ согласенъ съ Цезаремъ. De Morib. Germ. c. 14, 15, 23. Готы равнымъ образомъ не занимались земледѣліемъ. Prisc. Reth. ap. Byz Script. v. 1. p. 31. Тоже должно сказать о Гунахъ и Аланахъ, которые почитали для себя унизительнымъ обработываніе полей. Amm. Marcel. lib. XXXI p. 475, 477. Пока люди остаются въ дикомъ состояніи, то и при соединеніи своемъ въ общества, почти вполнѣ удерживаютъ природную независимость. 2) Согласно съ этимъ мы узнаемъ, что правительственная власть была чрезвычайно ограничена у Германцевъ. Въ мирное время они не имѣли общаго судьи; старшины каждаго округа производили расправу и примиряли ссорившихся. Caes. ibid c. 23. Короли не пользовались неограниченною властію, они болѣе могли совѣтовать, нежели повелѣвать. Дѣла незначительныя рѣшали стар-

шины, а важныя — цѣлое общество. Tacit. c. 7, 11. Гунны подобнымъ же образомъ разсуждали на сходбищахъ о всякомъ дѣлѣ, касавшемся до цѣлаго народа, и не были подчинены строгостямъ верховной власти. Amm. Marc. lib. XXXI p. 474. 3). У древнихъ Германцевъ каждому предоставлялась свобода принимать участіе въ предложенномъ военномъ предпріятіи. Одинъ изъ старшинъ предлагалъ набѣгъ; тѣ, которымъ причина его и самый предводитель нравились, вставали и объявляли готовность за нимъ слѣдовать; а кто не держалъ своего слова, почитался трусомъ, измѣнникомъ и подлецомъ. Caes. ibid. c. 23. Тацитъ говоритъ объ этомъ обыкновеніи, но темно. Tacit. c. 11. 4). При такой общей независимости и волѣ въ поступкахъ, каждый изъ Германцевъ, желавшій быть предводителемъ, болѣе всего старался пріобрѣсти себѣ вѣрную дружину, преданныхъ сподвижниковъ. Цесарь называетъ ихъ Ambacti и Clientes, а Тацитъ — Comites. Главное отличіе и сила предводителей состояли въ многочисленной дружинѣ отборныхъ юношей. Она была имъ въ мирное время гордостію и красотою, а на войнѣ — защитою. Предводители пріобрѣтали и поддерживали благосклонность этихъ приверженцевъ, даря имъ оружіе и коней, или сытнымъ, хотя и грубымъ хлѣбосольствомъ. Tacit. c. 14, 15. 5). Слѣдствіемъ личной свободы и независимости, которыя Германцы удержали даже и по соединеніи своемъ въ общества, было еще тѣсное ограниченіе уголовнаго судопроизводства; они не только требовали самоуправства, но даже пользовались имъ въ случаѣ нужды. Судьи у нихъ не имѣли права ни заключать, ни тѣлесно наказывать свободнаго человѣка. Tacit. c. 72. Каждый былъ обязанъ отмщать за обиды, нанесенныя роднымъ и друзьямъ его. Ненависть была родовая, однако не непримиримая. Даже убійство прощалось за извѣстное количество рогатаго скота. Tacit. c. 21. Одна часть пени шла Королю, или обществу, другая — оскорбленному, или его роднѣ. Ibid. c. 12.

Я потому почелъ нужнымъ помѣстить здѣсь эти подробности объ учрежденіяхъ и нравахъ Германцевъ, что онѣ подтверждаютъ мои слова о состояніи варварскихъ народовъ и служатъ къ объясненію всѣхъ будущихъ моихъ замѣчаній о различныхъ перемѣнахъ въ ихъ правленіи и обычаяхъ. Законы и обычаи, введенные варварскими народами—лучшія толкованія сочиненіямъ Цезаря и Тацита, а ихъ замѣчанія—лучшій ключъ къ совершенному уразумѣнію этихъ законовъ и обычаевъ.

Одно обстоятельство въ отношеніи къ свидѣтельству Цесаря и Тацита о Германцахъ достойно особеннаго вниманія. Цесарь писалъ краткое свое наблюденіе объ ихъ нравахъ болѣе, нежели за сто лѣтъ передъ сочиненіемъ Тацита de Moribus Germanorum. Цѣлый вѣкъ составляетъ значительное время для успѣховъ народной образованности, особливо, если въ продолженіе его грубый и невѣжественный народъ имѣетъ частыя сообщенія съ сосѣдями, болѣе просвѣщенными. Въ этомъ положеніи находились Германцы. Сношенія ихъ съ Римлянами начались съ Цезарева перехода за Рейнъ и чрезвычайно умножились, начиная отъ этого времени до Тацита. Кромѣ того было значительное различіе въ образѣ жизни племенъ Германскихъ. Свеоны до такой степени успѣли въ общежитіи, что даже развратились. Tacit. cap. 44. Финны же были такъ дики, что удивительно, какъ еще они могли существовать. Ibid. cap. 46. Кто вознамѣрится описывать нравы Германцевъ, тотъ долженъ обратить особенное вниманіе на оба эти обстоятельства.

Передъ заключеніемъ замѣчу кстати, что хотя постепенное измѣненіе законовъ вмѣстѣ съ успѣхами въ образованности и сдѣлало совершенный переворотъ въ нравахъ различныхъ народовъ, завоевавшихъ Римскую Имперію, однако есть еще родъ людей почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ они были при первоначальномъ своемъ поселеніи въ областяхъ ея: я говорю о различныхъ

дикихъ народахъ Сѣверной Америки. И такъ изслѣдованіе, не отъ этого ли однообразія въ общественномъ устройствѣ произошло сходство ихъ нравовъ, не будетъ безполезнымъ отступленіемъ, или неумѣстнымъ порывомъ любопытства. Если сходство выдетъ разительно, то оно докажетъ сильнѣе свидѣтельства Цесаря и Тацита, что я далъ вѣрное понятіе о древнихъ Германцахъ.

1) Американцы живутъ преимущественно звѣриною и рыбною ловлею. Иныя племена вовсе не знаютъ земледѣлія, а если у нѣкоторыхъ и обработывается небольшой уголъ земли возлѣ хижинъ, то это, какъ и вообще всѣ труды, — дѣло женщинъ. P. Charlevoix, Journal Historique d'un voyage de l'Amerique, 4º Par. 1744, p. 334. Какъ въ этомъ состояніи люди имѣютъ немного общихъ нуждъ и мало зависятъ другъ отъ друга, то продолжаютъ пользоваться почти безъ всякаго ограниченія природною свободою, и узы, соединяющія ихъ, очень слабы. Первая мысль въ головѣ Американца, что каждый человѣкъ родится свободнымъ и независимымъ, и что никакая власть на землѣ не имѣетъ права уменьшить и ограничить природную его вольность. У Американцевъ нѣтъ почти и признака подчиненности ни въ гражданскомъ, ни въ домашнемъ быту. Каждый дѣлаетъ, что хочетъ. Отецъ, мать и дѣти живутъ, какъ люди, которыхъ случай свелъ вмѣстѣ, и которыхъ не соединяютъ никакія общія узы. Сообразно этому понятію дѣти у нихъ и воспитываются. Ихъ никогда не наказываютъ даже въ ребячествѣ. Когда же они подростутъ, родители предоставляютъ имъ полную волю, и они не даютъ уже никому отчета въ своихъ поступкахъ. Ibid. p. 272, 273. — 2) Власть гражданскаго начальства у нихъ чрезвычайно ограничена. У большой части племенъ достоинство Сахема, или правителя, избирательное. Въ помощь ему назначается совѣтъ старцевъ, безъ котораго онъ не рѣшаетъ ни одного дѣла. Сахемы не имѣютъ и не требуютъ большой власти. Они болѣе предлагаютъ, со-

вѣтуютъ, нежели повелѣваютъ. Послушаніе народа въ полной мѣрѣ произвольное. Id. p, 266, 268. 3) Каждый участвуетъ въ военныхъ предпріятіяхъ не по принужденію, а по охотѣ. Когда война рѣшительно объявлена, глава народа встаетъ и предлагаетъ себя въ предводители. Охотники выходятъ другъ за другомъ и поютъ военную пѣснь. Но если кто изъ нихъ послѣ даннаго обѣта откажется слѣдовать за предводителемъ, жизнь того подвергается опасности и того почитаютъ самымъ подлымъ человѣкомъ. Id. p. 217, 218. — 4) Предводитель обращается съ своею дружиною осторожно и почтительно и обязанъ дѣлать ей значительные подарки. Id. pag. 218. — 5) У Американцевъ судьи почти не производятъ уголовныхъ дѣлъ. Id. 272. Обиженный можетъ наказать виновнаго, какъ угодно. Id. p. 274. Злоба и мстительность Американцевъ ужасны, неумолимы, не ослабляются временемъ. Это главное наслѣдство, которое родители оставляютъ дѣтямъ; оно переходитъ изъ рода въ родъ, пока не придетъ случай удовлетворенія. Id. p. 309. Иногда обиженная сторона мирится. За убійство дѣлается вознагражденіе родственникамъ убитаго, состоящее обыкновенно въ военноплѣнномъ, который заступаетъ его мѣсто въ ихъ семействѣ и принимаетъ его имя. Id. p. 274. Сходство есть и во многихъ другихъ чертахъ. Для моей же цѣли довольно показать его въ главныхъ, которыя отличаютъ оба народа. Бокартъ и другіе Филологи послѣдняго столѣтія, старающіеся начертать переселенія различныхъ народовъ и готовые при малѣйшемъ признакѣ сходства ихъ между собою называть ихъ сродственными и заключать объ единствѣ ихъ происхожденія, какъ бы далеко ни обитали они другъ отъ друга, едва ли бы упустили здѣсь случай сказать съ увѣрительностію, что Германцы и Американцы одинъ и тотъ же народъ. Но Философъ удовольствуется замѣчаніемъ, что характеръ народовъ зависитъ отъ ихъ образа жизни и гражданскихъ учрежденій, и что люди при однихъ и тѣхъ же обстоя-

тельствахъ, въ какомъ бы ни было вѣкѣ и въ какой бы ни было странѣ, будутъ одинаковы по своему духу и нравамъ.

Я сдѣлалъ сравненіе между Германцами и жителями Америки, какое было нужно *для* объясненія моего предмета. Я не утверждаю, что бы общественное состояніе тѣхъ и другихъ совершенно походило одно на другое. Многіе изъ Германскихъ племенъ были образованнѣе Американцевъ. Нѣкоторые занимались земледѣліемъ, почти всѣ имѣли стада рогатаго скота и получали отъ нихъ главное свое содержаніе. Большая же часть Американскихъ народовъ существуетъ звѣриною ловлею, и вообще бытъ ихъ грубѣе и простѣе, нежели у древнихъ Германцевъ. Однако образомъ своей жизни они конечно болѣе сходны между собою, нежели какіе нибудь другіе два рода людей; а это и произвело удивительное однообразіе въ ихъ нравахъ.

Замѣчаніе VII. Отдѣленіе I. Стран. 12.

Добыча, пріобрѣтаемая войскомъ, ему и принадлежала. Самъ Король получалъ только то, что доставалось ему по жребію. Замѣчательный тому примѣръ встрѣчается въ Исторіи Франковъ. Войско Клодовика, основателя Французскаго Государства, разграбивъ церковь, похитило между прочею священною утварью сосудъ величины и красоты необыкновенной. Епископъ послалъ къ Клодовику просить возвращенія сосуда, чтобы опять употреблять его при божественной службѣ. Клодовикъ пригласилъ посланныхъ слѣдовать за собою въ Суассонъ, гдѣ войско располагалось дѣлить добычу, и обѣщался исполнить желаніе Епископа, если получитъ сосудъ по жребію. Когда прибыли въ Суассонъ и вся добыча была сложена въ кучу посреди войска, то Клодовикъ просилъ, чтобы до раздѣла оно уступило ему сосудъ сверхъ того, что придется на его долю. Всѣ, казалось, были согласны удовлетворить Короля и исполнить его просьбу, какъ

вдругъ одинъ свирѣпый и дерзкій воинъ взмахнулъ топоромъ и ударивъ по сосуду изо всей силы, закричалъ: „ты здѣсь получишь только то, на что жребій дастъ тебѣ право.“ Gregor. Turon. Histor. Francorum. Lib. II, c. 27, p. 70. Par. 1610.

Замѣчаніе VIII. Отдѣленіе I. Стран. 15.

Исторія основанія и распространенія Феодальной Системы есть предметъ, занимательный для всѣхъ Европейскихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ судопроизводство и законы еще большею частію феодальные. Въ другихъ, многіе обряды и обыкновенія, освященные временемъ и утвержденные законами, произошли отъ Феодальнаго Права, и понять ихъ не возможно, не зная началъ, ему свойственныхъ. Нѣкоторые писатели, знаменитые умомъ своимъ и ученостію, объясняли его, но многое въ немъ оставили безъ толкованія. Я постараюсь изложить съ точностію распространеніе и перемѣну понятій о земельной собственности у варварскихъ народовъ и показать причины этихъ перемѣнъ и слѣдствія. Земельная собственность кажется подвергалась четыремъ постепеннымъ перемѣнамъ у народовъ, поселившихся въ различныхъ областяхъ Римской Имперіи.

I. Пока варварскіе народы оставались въ первобытныхъ своихъ жилищахъ, они не имѣли постоянной земельной собственности и опредѣленныхъ границъ своимъ владѣніямъ. Переставъ пасти стада въ одномъ округѣ, они переходили съ женами и дѣтьми въ другой, и подобнымъ же образомъ оставляли и этотъ черезъ короткое время. Въ слѣдствіе безпорядочнаго состоянія собственности, всѣ общественныя повинности были совершенно добровольныя. Каждый имѣлъ право содѣйствовать военному предпріятію, какъ хотѣлъ. Если онъ слѣдовалъ за предводителемъ въ походъ, то по привязанности, а не по долгу. Яснѣйшее тому доказательство приведено въ

Замѣчаніи VI. Пока собственность находилась въ этомъ состояніи, мы не можемъ открыть никакихъ слѣдовъ феодальной подзависимости и военной службы, которыя введены Феодальною Системою.

II. Поселяясь въ завоеванныхъ странахъ, побѣдоносное войско дѣлило землю. Каждый воинъ почиталъ доставшійся ему участокъ наградою своей храбрости, достояніемъ, которое онъ пріобрѣлъ собственнымъ мечемъ. Онъ получалъ свою долю, какъ свободный человѣкъ, въ полную собственность; владѣлъ и располагалъ ею по своему произволу; могъ оставить ее въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, и не отчалять. Такимъ образомъ земельная собственность стала постоянна. Она была въ то же время *аллодіальною*, т. е. исключительно принадлежала своему хозяину и не зависѣла отъ Государя, или главнаго владѣтеля, которому онъ былъ обязанъ присягать въ вѣрности и служить. Но какъ опасность отъ оставшихся прежнихъ жителей, а еще болѣе отъ нападенія другихъ варваровъ, грозила новымъ владѣльцамъ, то они, для защиты общества, по необходимости покорились повинностямъ болѣе строгимъ, нежели въ первобытныхъ своихъ жилищахъ. По этому при самомъ основаніи новыхъ поселеній каждый свободный человѣкъ обязывался защищать свое общество съ оружіемъ въ рукахъ, а за отказъ и нерадѣніе платилъ значительную пеню. Я не полагаю, чтобы эта повинность была торжественная, утверждалась на законномъ основаніи. Она, подобно другимъ узамъ, соединяющимъ общество, была освящена нѣмымъ согласіемъ; взаимная безопасность и спокойствіе побудили всѣхъ признать ея силу и необходимость ея соблюденія. Эта новая обязанность владѣльцевъ земли относится къ весьма раннему періоду въ Исторіи Франковъ. Шильперикъ, начавшій царствовать въ 562 г., наложилъ пеню, *bannos jussit exigi*, на нѣкоторыхъ, отказавшихся итти съ нимъ въ походъ. Gregor. Turon. lib. V. c. 26. p. 211. Шильдбертъ, получивъ Королевское достоинство въ 576 г. отъ Р. Х., по-

ступилъ такимъ же образомъ съ другими, виновными въ такомъ же преступленіи. Id. lib. VII. c. 42. p. 342. Карлъ Великій повелѣлъ, чтобы каждый свободный человѣкъ, имѣвшій пять *манси*, т. е. 60 акръ, исключительной земельной собственности, лично шелъ въ походъ противъ непріятеля. Capitul. A. D. 807. Людовикъ Кроткій, въ 815 году отъ Р. Х. далъ Испанцамъ, бѣжавшимъ отъ Сарациновъ, земли для поселенія, съ условіемъ, чтобы они служили въ войскѣ, *подобно прочимъ свободнымъ людямъ*. Capitul. vol. 1. p. 500. Подъ именемъ исключительной земельной собственности, упоминаемой въ указѣ Карла Великаго, мы должны разумѣть, согласно съ языкомъ того времени, аллодіальную землю; потому что *alodis* и *proprietas*, *alodum* и *proprium*, — совершенные синонимы. Du Cange voce *Alodis*. Яснѣйшее доказательство различія между аллодіальнымъ и жалованнымъ владѣніемъ, содержится въ двухъ грамотахъ, изданныхъ Муратори, изъ которыхъ видно, что можно было владѣть одною частію земли, какъ исключительною собственностію, а другою, какъ пользонасладительною, потому что по смерти владѣльца она возвращалась главному хозяину. Antiq. Ital. medii aevi vol. 1. p. 559. 565. То же различіе показано въ указѣ Карла Великаго 812 г. Edit. Baluz. vol. 1. p. 491. Графъ Эверардъ, имѣвшій супругою дочь Людовика Кроткаго, въ любопытномъ завѣщаніи (837), распредѣляя обширныя помѣстья свои между дѣтьми, различаетъ, чѣмъ онъ владѣлъ исключительно (*proprietate*), и что принадлежало ему по жалованнымъ грамотамъ (*beneficio*); и, кажется, что его имѣніе было большею частію аллодіальное. Aub. Miraei Opera Diplomatica. Lovan. 1723. vol. p. 19.

Подобнымъ же образомъ *свободный человѣкъ* обыкновенно противуполагается *вассалу*. Первый означаетъ аллодіальнаго владѣльца, послѣдній подзависимаго. *Свободные* люди были обязаны служить государству, и этотъ долгъ почитался такъ священнымъ, что они не могли

вступать въ монашество безъ дозволенія Государя. Причина замѣчательна. „Мы узнали, сказано въ указѣ, что многіе дѣлають это не столько изъ благочестія, сколько въ избѣжаніе военной службы.“ Capitul. lib. I. § 114. Если кого звали въ походъ, а онъ не шелъ, съ того по закону Франковъ взыскивали полную пеню (*herebannum*), т. е. 60 кронъ. Capit. Car. Magn. ap. Leg. Longob. lib. I. tit. 14. § 13. p. 539. Выраженіе, *по закону Франковъ*, кажется, показываетъ, что обязанность служить и пеня съ ослушника современны законамъ Франковъ при первомъ ихъ поселеніи вь Галліи. — Пеня взыскивалась такъ строго, что если кто былъ не въ состояніи заплатить ее, того держали въ рабствѣ до тѣхъ поръ, пока онъ ее заработывалъ. Ibid. Императоръ Лотарій не только повелѣлъ брать въ казну все имѣніе свободныхъ людей, которые, по пространству аллодіальной земли своей, бывъ обязаны лично идти въ походъ, не повиновались повѣсткѣ, но даже наказывать ихъ ссылкою. Murat. Script. Ital. vol. I. pars II. p. 105.

III. Когда владѣніе земельною собственностію стало такимъ образомъ постоянно и сопряжено съ военною службою, то послѣдовала другая перемѣна тихо и постепенно. Тацитъ повѣствуетъ, что предводители Германцевъ старались пріобрѣсти преданныхъ имъ приверженцевъ, *comites*, которые сражались подъ ихъ знаменемъ и сопутствовали имъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Этотъ обычай продолжался у нихъ въ новыхъ поселеніяхъ, а преданные тѣлохранители назывались *fideles*, *antrustiones*, *homines in truste Dominica*, *leudes*. Тацитъ говоритъ, что званіе сподвижника (*comes*) было почетное. De Morib. Germ. c. 13. Знакомъ чина и состоянія людей въ средніе вѣки, должна служить для насъ пеня; а за убійство ближняго человѣка (*in truste Dominica*) она была втрое болѣе, нежели за убійство свободнаго. Leg. Salicor. Tit. 44. § I и 2. Пока Германцы оставались въ своемъ отечествѣ, то снискивали расположеніе сподвижниковъ, даря имъ ору-

жіе и коней и хлѣбосольствомъ. См. Замѣч. VI. Не имѣя постоянной земельной собственности, предводители не могли ничѣмъ инымъ привлекать дружину, и она не желала другой награды. Но поселясь въ завоеванныхъ странахъ и постигнувъ цѣну собственности, Короли и воеводы, вмѣсто прежнихъ маловажныхъ подарковъ, жаловали сподвижниковъ наградою болѣе существенною — землями. Эти награды назывались *дарами* (*beneficia*), потому что были добровольныя, и *почестями* (*honores*), потому что служили знакомъ отличія. Нельзя опредѣлить съ точностію, чего требовали первоначально въ замѣнъ этихъ даровъ; не сохранилось извѣстій столь древнихъ. А когда аллодіальныя владѣнія стали обращаться въ феодальныя, то не вдругъ подвергались феодальнымъ повинностямъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ важныхъ перемѣнахъ, переходъ былъ постепенный. Главная цѣль феодальнаго вассала состояла въ полученіи покровительства; первые аллодіальные владѣльцы, соглашаясь быть вассалами могущественныхъ вождей, удерживали часть прежней независимости, совмѣстную съ новымъ своимъ отношеніемъ. Присяга ихъ своему начальнику называлась *homagium planum* и, кромѣ вѣрности, ни къ чему болѣе ихъ не обязывала, т. е. ни къ военной службѣ, ни къ присутствію въ судилищахъ своего начальника. Нѣкоторые, хотя и слабые слѣды *homagii plani* еще могутъ быть открыты. Brussel, tom. 1. p. 97. De Викъ и Везетъ называютъ именемъ *homagia* многія изъ древнихъ грамотъ, изданныхъ при Исторіи Лангедока. Онѣ, кажется, составляютъ непосредственный переходъ отъ *homagium planum*, о которой упоминаетъ Брусель, къ обязанности полной феодальной службы. Одна сторона обѣщаетъ покровительство и жалуетъ замки и земли, другая обязуется защищать особу своего покровителя и помогать ему въ охраненіи его собственности, какъ скоро будетъ нужно. Но эти обязательства не сопровождаются никакимъ изъ феодальныхъ обрядовъ, и въ нихъ ни слова

не упомянуто о феодальныхъ повинностяхъ. Это болѣе взаимные договоры между равными, нежели обязательства вассаловъ на счетъ службы своему Барону. Preuves de l'Hist. de Lang. Tom. II. 173 et passim. Какъ же скоро эта служба вошла въ обыкновенiе, то постепенно введены были другiя феодальныя повинности. Монтескье принимаетъ *beneficia* за лены, которыя первоначально обязывали своихъ владѣльцевъ военною службою. L'Espr. des Loix l. XXX. c. 3 et 16. Аббатъ Мабли утверждаетъ, что получавшiй ихъ сперва подвергался той только службѣ, которою былъ обязанъ всякой свободный человѣкъ. Observations sur l'Histoire de France, I. 356. Но сравненiе доказательствъ, умствованiй и заключенiй этихъ писателей, ясно покажетъ, что нельзя назначить никакой благовидной причины къ жалованiю ленъ, если принятiе ихъ не было соединено съ какою-нибудь новою должностiю. Всякой свободный человѣкъ уже въ слѣдствiе аллодiальной собственности былъ обязанъ общественною службою подъ страхомъ жестокой пени. За чѣмъ бы Королю лишаться части своихъ владѣнiй, если бы онъ не надѣялся, что ихъ раздробленiе доставитъ ему право на такiя услуги, которыхъ онъ прежде не могъ требовать? Слѣдственно, позволительно думать, что какъ исключительная земельная собственность подвергала общественной службѣ, такъ жалованная обязывала въ частности служить и быть вѣрнымъ тому, отъ кого она получалась. Жалованныя земли давались первоначально только на произвольное время. Нѣтъ ни одного обстоятельства въ отношенiи къ обычаямъ среднихъ вѣковъ, которое было бы вѣрнѣе этого, и безчисленныя тому доказательства можно прибавить къ приведеннымъ въ L'Esprit des Loix, l. XXX. c. 26, и Дю Канжемъ voc. *beneficium* и *feodum*.

IV. Но такое владѣнiе жалованными землями было непродолжительно. Награда ими на произвольное время не могла удовлетворить владѣльцевъ и привязать ихъ къ своему покровителю. Бароны стали отдавать васса-

ламъ свои земли на цѣлую жизнь. Feud. lib. Tit. 1. Дю Канжъ въ доказательство приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ грамотъ и лѣтописей. Gloss. voc. *Beneficium*. Послѣ этого легко было получать и вынуждать грамоты на потомственное владѣніе жалованными землями сперва по прямой линіи, потомъ по боковой, а наконецъ и по женской. Leg. Longob. lib. III. tit. 8. Du Cange voc. *Beneficium*.

Не легко назначить опредѣленное время, когда послѣдовала каждая изъ этихъ перемѣнъ. Аб. Мабли заключаетъ довольно правдоподобно, что Карлъ Мартелъ первый сталъ давать въ пожизненное владѣніе жалованныя земли. Observat. tom. 1 p. 103, 160. Изъ ссылокъ же Мабли очевидно, что Людовикъ Кроткій былъ изъ первыхъ, которые обратили эти земли въ наслѣдственныя. Id. 429. Однако Мабильонъ приводитъ указъ Людовика Кроткаго, показывающій, что онъ еще продолжалъ жаловать ими только пожизненно. De Re Diplomatica, lib. VI, p. 353. Въ 889 году Эдъ (Eudes), Король Французскій, пожаловалъ нѣсколько земель вассалу своему Рикаботу на правѣ дарственной и пользонасладительной собственности (jure beneficiario et fructuario) въ пожизненное владѣніе, которое предоставлялъ и сыну его, еслибъ Рикабодъ умеръ, оставивъ сына. Mabillon, ut supra, p. 556. Это былъ непосредственный шагъ отъ пожизненныхъ ленъ къ родовымъ. Въ первоначальномъ состояніи жалованныхъ земель, когда онѣ давались на произвольное время, дающій не только оставался *хозяиномъ* и пользовался правомъ главнаго владѣльца, но даже удерживалъ за собою и право собственности на землю, предоставляя вассалу одно *пользонаслажденіе* (*ususfructus*). Но при послѣдней перемѣнѣ, т. е. когда онѣ стали наслѣдственными, хотя законовѣдцы и продолжали опредѣлять *beneficium*, согласно съ первоначальнымъ его значеніемъ, но право собственности было уже дѣйствительною принадлежностію не главныхъ владѣльцевъ, а вассаловъ. Какъ скоро и тѣ и другіе постигли

обоюдныя выгоды феодальнаго владѣнія землями, то оно такъ имъ понравилось, что началась отдача и пріемъ въ ленную собственность не только земель, но и случайныхъ доходовъ, къ которымъ относились пошлины таможенныя, проѣзжія, и проч., плата за продажу должностей, даже самыхъ пенсій. На этомъ же основаніи обязывались и военною службою. Morrice, Mém. pour servir de preuves à l'Histoire de Bretagne. Tom. II, p. 78, 690. Brussel, tom. I, p. 41. Какъ странными ни кажутся отдача и пріемъ случайныхъ доходовъ въ ленное владѣніе, однако есть примѣры феодальныхъ повинностей еще страннѣе. Прибыль отъ обѣденъ составляла собственно доходъ церковный, принадлежавшій бѣлому духовенству, или монахамъ; но могущественные Бароны иногда присвояли его себѣ, какъ ленную церковную собственность и дѣлили, подобно прочимъ доходамъ между своими вассалами. Bouquet, Recueil des Hist. vol. X, 238, 480. Тотъ же самый духъ присвоенія, по которому лены обращены были въ родовыя, побудилъ дворянъ вынудить у Государей наслѣдственное производство въ должности. Многіе изъ важныхъ сановъ государственныхъ стали потомственными въ большой части Европейскихъ Государствъ, и Короли такъ хорошо знали притязательный духъ дворянства и такъ бдительно остерегались его, что въ иныхъ случаяхъ обязывали получавшихъ важныя должности произносить клятву — не требовать ихъ по праву наслѣдства. Вельможи клялись за зебя и за своихъ наслѣдниковъ. Замѣчательный этому примѣръ приведенъ въ Mém. de l'Acad. des Inscript. tom. XXX, p. 595. Другой встрѣчается въ Thesaur. Anecdot. изданныхъ Мартенемъ и Дюраномъ, vol. 1, p. 873. Этотъ переворотъ въ собственности произвелъ соотвѣтственную перемѣну въ государственномъ правленіи. Сильные коронные вассалы, пріобрѣтя обширныя владѣнія, присвоили соразмѣрное могущество, стѣснили власть Государей и попрали права народа. По этой связи, перемѣны въ собственности феодальной и заслуживаютъ вниманіе Исто-

рика. Зная въ какомъ состоянiи собственность была въ извѣстное время, мы можемъ опредѣлить съ точностiю, какую степень власти имѣли тогда Государи и дворянство.

Замѣчательно еще одно обстоятельство въ отношенiи къ перемѣнамъ, которымъ подвергалась собственность. Я сказалъ, что когда различные варварскiе народы раздѣлили свои завоеванiя въ пятомъ и шестомъ столѣтiяхъ, то прiобрѣтенная ими собственность была аллодiальная; но въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы собственность стала почти совершенно феодальною въ началѣ X вѣка. Первый родъ собственности кажется былъ такъ много лучше послѣдняго, что эта перемѣна весьма удивительна, особенно если узнаемъ, что аллодiальная собственность часто обращалась въ феодальную по доброй волѣ своего хозяина. Причины тому изслѣдованы и изложены Монтескье съ обыкновенною его разборчивостiю и основательностiю, lib. XXXI, c. 8. Самую важную показалъ намъ Ламбертъ Арденскiй, старинный писатель, упоминаемый Дю Канжемъ, voc. *Alodis*. Во время безначалiя и безпорядковъ въ Европѣ по смерти Карла Великаго, когда почти не было никакой связи между членами гражданскихъ обществъ, и частные люди сами по себѣ, безъ покровительства законовъ, подвергались грабежу и утѣсненiю, для каждаго стало необходимо имѣть могущественнаго защитника; каждый оставлялъ аллодiальную свою независимость и покорялся феодальнымъ повинностямъ, чтобы найти спокойствiе подъ покровительствомъ какого-нибудь сильнаго Барона. Въ иныхъ частяхъ Европы перемѣна аллодiальной собственности на феодальную вошла въ такое обыкновенiе, что хозяину земли не оставалось даже свободы выбора. Онъ долженъ былъ непремѣнно признать надъ собою власть знатнаго владѣтеля и отъ него зависѣть. Бомануаръ повѣствуетъ, что Графы Клермонскiе брали въ свою собственность всѣ земли, которыя подлежали ихъ вѣдомству, но не несли

за то никакой повинности и не платили подати, или земельнаго оклада; они говорили при этомъ случаѣ, что по ихъ обычаю никто не въ правѣ имѣть аллодіальной собственности. Coust. ch. 24, p. 123. На этомъ же началѣ основано въ Французскомъ Правѣ положеніе: *Nulle terre sans seigneur*. Въ другихъ областяхъ Франціи аллодіальная собственность, кажется, долѣе существовала и цѣнилась гораздо выше. Въ Hist. génér. de Langued. par D. D. de Vic et Vaisette, находится множество грамотъ касательно пожалованья, покупки и промѣна аллодіальныхъ земель въ Лангедокѣ. Въ продолженіе IX, X и большей части XI столѣтія, земельная собственность была здѣсь, кажется, совершенно аллодіальная, и въ Лангедокскихъ бумагахъ почти не упоминается о феодальныхъ повинностяхъ. Состояніе земельной собственности, въ продолженіе этихъ столѣтій, кажется, было такое же въ Каталоніи и Руссильонѣ, какъ видно изъ подлинныхъ грамотъ, помѣщенныхъ въ указателѣ къ разсужденію Петра Марка de Marca sive limite Hispanico. Аллодіальныя земли существовали въ Нидерландахъ еще долѣе. Въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ онѣ были по видимому весьма обширны. Miraei opera Diplom. vol. I, 34, 74, 75, 83, 817, 296, 842, 847, 578. Нѣкоторые слѣды аллодіальной собственности встрѣчаются тамъ даже въ XIV вѣкѣ. Ibid. 218. Мысли людей о собственности измѣняются по различію ихъ понятій и своенравію страстей. Въ то время, какъ всѣ почти наперерывъ оставляли аллодіальную собственность и подвергали ее феодальной зависимости, нѣкоторые старались обратить свои лены въ аллодіальныя владѣнія. Примѣръ тому есть въ грамотѣ Людовика Кроткаго, изданной Экгардомъ. Commentarii de rebus Franciae Orientalis, vol. II. 885. Другой встрѣчается въ 1299 году (Reliquiae MSS. Omnis aevi, соч. Людвига, vol. I. p. 209); а одинъ даже въ 1337 году. Ibid. vol. VII. p. 40. То же было въ Нидерландахъ. Miraei Oper. I. 52.

Излагая различные перевороты въ земельной собственности, я преимущественно ограничился Франціею, потому что древности ея лучше сохранились и лучше объяснены, нежели уцѣлѣвшія въ другихъ Государствахъ.

Въ Италіи земельная собственность подвергалась такимъ же перемѣнамъ и въ такомъ же послѣдовательномъ порядкѣ. Есть однако причина заключать, что аллодіальныя владѣнія долѣе были уважаемы у Итальянцевъ, нежели у Французовъ. Многія грамоты, жалованныя Императорами въ IX столѣтіи, давали аллодіальное право на земли. Murat. Antiq. med. aevi, v. I, p. 575, etc. Но въ XI вѣкѣ иные отказывались отъ аллодіальныхъ своихъ владѣній и получали ихъ обратно, уже какъ лены. Ibid. 610, etc. Муратори замѣчаетъ, что слово *feudum*, замѣнившее *beneficium*, не встрѣчается въ подлинныхъ грамотахъ XI столѣтія. Ibid. 594. Грамота Роберта, Короля Французскаго, 1008 года, есть самая ранняя, въ которой попалось мнѣ слово *feudum*. Bouquet, Recueil des Historiens de Gaule et de la France, tom. X. p. 593. Хотя это слово и встрѣчается въ указѣ 790 года отъ Р. Х., помѣщенномъ у Брусселя, vol. 1, p. 77; но достовѣрность его подвержена сомнѣнію и, можетъ быть, частое въ немъ употребленіе слова *feudum* служитъ придаточною тому причиною. Сказанное мною о свойствѣ аллодіальнаго и феодальнаго владѣнія подтверждается еще и производствомъ *Alode*, или *Allodium* и *Feodum*. Первое составлено изъ Германской частицы *an* и слово *lot*, т. е. земля, получаемая по жребію. Wachteri Glossar. Germanicum, voc. *Allodium*; p. 35. Изъ свидѣтельствъ, на которыя ссылаются Вахтеръ и Дю Канжъ voc. *sors*, видно, что сѣверные народы такимъ образомъ дѣлили между собою завоеванныя земли. *Feodum* составлено изъ *od*, владѣніе, или помѣстье, и *feo*, награда, плата,—и означаетъ возмездіе, даруемое въ награду за службу. Wachterus, ibid. voc. *feodum*. p. 451.

Успѣхи Феодальной Системы въ Германіи были точно такіе же, какъ во Франціи. Но Германскіе Императоры,

особенно послѣ перехода Императорской короны отъ потомковъ Карла Великаго въ Домъ Саксонскій, далеко превосходили способностями современныхъ Государей Французскихъ; по этому Имперскіе вассалы и не могли такъ рано достигнуть независимости и такъ скоро получить преимущество на владѣніе жалованными землями по праву наслѣдства. Основываясь на феодальныхъ книгахъ (*Libri Feodorum*), Конрадъ II, или Салическій, былъ первый Императоръ, обратившій лены въ наслѣдственныя. Lib. 1, tit. 1. Конрадъ вступилъ на престолъ въ 1024 г.; Людовикъ Благочестивый, при которомъ были частыя награды потомственными ленами, наслѣдовалъ отцу своему въ 814 г. Это нововведеніе не только позднѣе распространилось между вассалами Германскихъ Императоровъ, но даже и послѣ Конрада законы благопріятствовали прежнему обыкновенію; и если въ грамотѣ вассала не было именно сказано, что лена предоставляется и его наслѣдникамъ, то разумѣлось, что она пожалована ему только въ пожизненное владѣніе. Lib. Feud. ibid. Есть грамота 1376 года, которою лена дана во владѣніе только по смерть. Charta ap. Boehmer. Princip. Jur. Feud. p. 351. Передача ленъ въ боковую и женскую линіи весьма медленно входила въ обыкновеніе между Германцами. Осталась грамота 1201 года на право наслѣдства женщинамъ, но въ знакъ безпримѣрной милости и въ награду необыкновенныхъ заслугъ. Boehmer. ibid. p. 365. Въ Германіи, такъ же какъ во Франціи и Италіи, значительная часть земель составляла аллодіальную собственность еще долго спустя по введеніи феодальной подзависимости. Изъ Codex Diplomaticus Monasterii Buch видно, что большая часть земель въ Маркизствѣ Миснійскомъ была аллодіальная даже въ XIII столѣтіи. No 31, 36, 37, 46, etc. ap. Scrip. Hist. German. cura Schoetgenii et Kreysigii. Altenb. 1755, vol. II, 183, etc. Аллодіальная собственность, кажется, была обыкновенна въ другомъ округѣ той же области, и въ то же

время. Reliquiae Diplomaticae Sanctimonial. Beutiz. NO 17, 36, 58. Ibid. 374, etc.

Замѣчаніе IX. Отдѣленіе I. Стран. 16.

Я буду имѣть случай въ другомъ замѣчаніи представить состояніе городскихъ жителей, а здѣсь ограничусь разсужденіемъ о деревенскихъ. Земледѣльцы въ разсматриваемые нами вѣки могутъ быть раздѣлены на три разряда. I. *Servi*, или рабы. Это, кажется, былъ самый многочисленный разрядъ; его составляли военноплѣнные и пріобрѣтенные въ собственность какимъ нибудь изъ способовъ, которые Дю Канжъ исчисляетъ voc. *servus*, v. 6, p. 447. Жалкое состояніе рабовъ обнаруживается многими обстоятельствами.

1) Господа ихъ имѣли надъ ними неограниченную власть. Они могли наказывать ихъ смертію безъ посредства судьи, и пользовались этимъ опаснымъ правомъ не только въ то время, когда нравы были грубы, но въ XII столѣтіи. Ioach. Potgiesserus de Statu Servorum. Lemgov. 1736; in 4. lib. II, cap. 1, § 4, 10, 13, 24. Даже когда власть господъ была ограничена, жизнь раба такъ мало цѣнилась, что за ея отнятіе удовлетворяла самая легкая пеня. Idem. lib. III, c. 6. Если господа имѣли власть надъ жизнію своихъ рабовъ, то, уже разумѣется, не было почти предѣловъ жестокости наказаній, которыми они могли ихъ мучить. Своды древнихъ законовъ предписываютъ различныя наказанія за преступленія рабовъ и свободныхъ людей. Послѣдніе платили только пеню, или вознагражденіе, первые же подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, жестокость которыхъ была во многихъ случаяхъ чрезвычайна. Рабы за самую малую провинность подвергались пыткѣ. Законы объ этомъ находятся у Потгіесера, lib. III, c. 7. — 2). Обширная власть господъ кромѣ жизни и личности рабовъ, простиралась на ихъ поступки и собственность. Первоначально имъ не позволялось жениться. Рабы

мужскаго и женскаго пола поощрялись къ сожитію; но оно не признавалось за бракъ, называлось *contubernium*, а не *nuptiae*, или *matrimonium*. Potgiess. lib. II, c. 2 § 1. Это обыкновеніе такъ твердо укоренилось, что нѣсколько столѣтій спустя послѣ принятія варварами Христіанской Вѣры, рабы и рабыни, жившіе какъ мужья съ женами, не соединялись другъ съ другомъ священнымъ обрядомъ, и не получали брачнаго благословенія отъ священниковъ. Ibid. § 10, 11. Когда же установился между рабами законный бракъ, то они не могли вступать въ супружество безъ согласія господъ; тѣ, которые осмѣливались жениться, не получивъ его, наказывались весьма строго, иногда подвергались смертной казни. Potgiess. ibid. § 12, etc. Gregor. Turon. Histor. lib. V. c. 3. Но какъ скоро нравы Европейскихъ народовъ смягчились и образъ мыслей сталъ просвѣщеннѣе, то рабы, женившіеся безъ согласія господъ, подвергались только денежной пенѣ. Potgiess. ibid. § 20. Du Cange Gloss. voc. *Forismaritagium*. — 3) Всѣ дѣти рабовъ раздѣляли участь своихъ родителей и становились собственностію господина. Du Cange Gloss. voc. *Servus*, vol. VI. 450. Murat. Antiq. Ital. vol. 1, 766. — 4) Господа вольны были продавать рабовъ кому угодно, и продавали ихъ, какъ движимое имѣніе, пока они еще не были прикрѣплены, или приписаны къ землѣ, *adscripti glebae*; послѣ же этого вмѣстѣ съ помѣстьемъ, къ которому они принадлежали. Потгіессеръ собралъ законы и грамоты, объясняющіе это извѣстное обстоятельство въ состояніи рабовъ Lib. II, c. 4. — 5). Рабы могли требовать отъ господина только пропитанія и одежды, и должны были уступать ему всѣ плоды своихъ трудовъ. Если господинъ, по снисхожденію, давалъ рабамъ какое нибудь имущество, *peculium*, или назначалъ опредѣленное количество денегъ на ихъ содержаніе, то они не имѣли права собственности на то, что сберегали изъ полученнаго. Все, ими накопленное, принадлежало господину. Potgiess. lib. II, c. 10. Murat. Antiq. Ital. vol. I, 768. Du Cange, voc *Servus* vol. VI. p. 451. Согласно

съ этимъ правиломъ, они не могли располагать по завѣщанію своими пожитками. Все, что оставалось послѣ ихъ смерти было наслѣдствомъ господина. Potgiess lib. II, c. 11. — 6). Рабы отличались отъ свободныхъ особенною одеждою и брили себѣ головы, потому что у всѣхъ варварскихъ народовъ длинные волосы были знакомъ достоинства и свободы. Это отличіе, ничтожное по своей сущности, ежеминутно напоминало несчастнымъ презрѣнность ихъ состоянія. Potgiess. lib. III, c. 4. Она была причиною, по которой законы почти всѣхъ Европейскихъ народовъ не допускали рабовъ въ свидѣтели противъ свободныхъ. Du Cange, voc. *servus* vol. VI p. 451. Potgiess. lib. III, c. 3.

II. *Villani*, поселяне. Они были также приписаны къ землѣ, или *villae*, отъ которой получили свое названіе, и отчуждались вмѣстѣ съ нею. Du Cange, voc. *villanus*. Отъ рабовъ они отличались тѣмъ, что платили опредѣленный оброкъ своему господину за землю, которую обработывали, и послѣ платежа имѣли право собственности на всѣ плоды трудовъ своихъ и промышленности. Это различіе находится у Петра Фонтена. Vie de St. Louis par Joinville, p. 119, édit. de Du Cange. Муратори упоминаетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, рѣшеныхъ сообразно этому различію. Antiq. p. 773.

III. Послѣдній разрядъ земледѣльцевъ состоялъ изъ свободныхъ. Писатели среднихъ вѣковъ называютъ ихъ различными именами: arimanni, conditionales, originarii, tributales, etc. Это были, кажется, люди, которые владѣли небольшимъ участкомъ аллодіальной земли, какъ собственностію, и кромѣ того воздѣлывали откупныя поля богатыхъ сосѣдей, за что платили имъ опредѣленное количество денегъ и обязывались исправлять на нихъ небольшія работы *in prato vel in messe*, *in aratura vel in vinea*, какъ на примѣръ: вспахать часть ихъ земли, помогать имъ въ жатвѣ, собираніи винограда, и проч. Яснѣй-

шее тому доказательство можно найти у Муратори, v. 1, p. 712, и у Дю Канжа подъ упомянутыми словами. Я не могъ узнать, по найму ли на нѣсколько лѣтъ эти arimanni, и проч. владѣли откупными землями безъ условія, или такъ, что имъ можно было отказать, когда вздумается. Послѣднее, судя по духу и правиламъ того времени, кажется вѣроятнѣе. Эти люди почитались однако свободными въ полномъ смыслѣ; они пользовались всѣми преимуществами своего состоянія, и даже вступали въ военную службу, — честь, которой рабы не удостоивались. Murat. Antiq. vol. I, p. 745; vol. II, p. 446. Описаніе состоянія различныхъ разрядовъ земледѣльцевъ дастъ читателю понять всю силу доказательства, которое я приведу въ подтвержденіе сказаннаго мною о бѣдственномъ состояніи народа. Не взирая на безмѣрное различіе между первыми двумя разрядами и послѣднимъ, духъ жестокости въ сильныхъ владѣтеляхъ и случаи, которые они имѣли къ угнетенію жителей своихъ помѣстьевъ, принуждали многихъ вольныхъ людей съ отчаянія отрекаться отъ свободы и поступать въ рабство, чтобы скорѣе получить покровительство и средства къ содержанію своихъ семействъ. Обряды добровольнаго рабства, или *obnoxiatio*, какъ оно тогда называлось, сохранены Маркульфомъ, lib. II. c. 28, и неизвѣстнымъ писателемъ, сочиненіе котораго издалъ Биньонъ, c. 16. Оба причиною рабства полагаютъ бѣдственное и жалкое положеніе отрекавшагося отъ свободы. Обыкновеннѣе свободные люди жертвовали своею вольностію Епископамъ, или Аббатамъ, для пріобрѣтенія безопасности, которою пользовались вассалы и рабы церквей и монастырей въ слѣдствіе суевѣрнаго мнѣнія, что угодники Божіи принимали ихъ подъ непосредственное свое покровительство. Du Cange, voc. *oblatus*, vol. IV, p. 1286. Число рабовъ во всѣхъ Государствахъ Европы было несмѣтно. Чернь во Франціи вся почти находилась въ рабствѣ при третьей Династіи. L'Espr. des Lois, liv. XXX. c. 11. Тоже было въ Англіи. Brady,

Pref. to Gen. Hist. Много любопытнаго въ отношеніи къ прежнему состоянію *поселянъ* (*villains*), или рабовъ въ Англіи находится въ Observations on the Statutes, 3 edit. p. 269, etc.

Замѣчаніе X. Отдѣленіе. I. Стран. 18.

Въ подтвержденіе этого можно привести безчисленныя доказательства. Сохранились многія грамоты особъ званія самаго высокаго, свидѣтельствующія ихъ неумѣнье подписать свое имя. Было обыкновеніе, что неумѣвшіе писать изображеніемъ креста подтверждали грамоты. Уцѣлѣли нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ Короли и другія знатныя особы *дѣлали signum crucis manu propria pro ignoratione literarum* (т. е. своею рукою знакъ креста за неумѣніемъ грамотъ). Du Cange, voc. *crux*, vol. III. p. 1191. Отсюда произошло выраженіе *to sign*, вмѣсто *to subscribe a paper*. Въ IX вѣкѣ Гербаудъ, Графъ Палатный, хотя былъ Верховнымъ Судіею въ Имперіи по своей должности, однако не умѣлъ подписывать своего имени. Nouveau Traité de Diplomatique par deux Benedictins, in 4, tom. II, p. 422. Даже въ XIV столѣтіи Дю Гесклень, Конетабль Франціи, первый человѣкъ въ Государствѣ и одинъ изъ величайшихъ мужей своего вѣка, не умѣлъ ни читать, ни писать. St. Palaye Mémoires sur l'Ancienne Chevalerie, tit. II, p. 82. Впрочемъ не одни свѣтскіе люди находились въ такомъ невѣжествѣ; большая часть духовенства не много превосходила ихъ просвѣщеніемъ. Многіе изъ высшаго духовенства не умѣли подписываться подъ постановленіями Соборовъ, на которыхъ они присутствовали, какъ члены. Nouv. Traité de Diplom. tom. II, p. 424. По Церковному Уставу кандидатовъ на духовныя мѣста между прочимъ надлежало спрашивать: умѣютъ ли они читать Евангеліе и Посланія Апостольскія, и толковать смыслъ ихъ, по крайней мѣрѣ буквально? Regino Prumiensis ap. Bruck Histor. Philos. v. III, p. 631. Альфредъ Великій жаловался, что отъ Гамбера до Темзы

не было священника, который понималъ бы Литургію на отечественномъ своемъ языкѣ, или могъ бы перевести что-нибудь съ Латинскаго, — и что отъ Темзы до моря духовенство еще невѣжественнѣе. Asserus de Rebus Gestis Alfredi, ap. Camdeni Anglica, p. 25. Объ невѣжествѣ духовенства забавно говоритъ одинъ писатель этихъ мрачныхъ вѣковъ: „Potius dediti gulae, quam glossae; potius colligunt libras, quam legunt libros; libentius intuentur Marthain, quam Marcum; malunt legere in Salmone, quam in Solomone.“ Alanus de Art. Predicat. ap. Lebeuf. Dissert. tom. II. p, 21. Къ главнымъ причинамъ такого всеобщаго невѣжества, происходившаго отъ состоянія правленія и нравовъ съ VII по XI столѣтіе, можно присоединить недостатокъ книгъ и трудность размножать ихъ въ то время. Римляне писали свои сочиненія или на пергаментѣ, или на бумагѣ изъ Египетскаго папира. Послѣдній, по дешевизнѣ, былъ употребительнѣе. Но когда Сарацины завоевали Египетъ въ VII вѣкѣ, то сообщеніе между имъ и Европейскими странами почти совершенно уничтожилось, и вывозъ папира прекратился. Европейцы по необходимости стали писать всѣ книги на пергаментѣ; а какъ цѣна его была высока, то книги сдѣлались весьма рѣдки и дороги. По слѣдующему обстоятельству можно судить о недостаткѣ письменнаго вещества. Остались нѣкоторыя рукописи VIII, IX и позднѣйшихъ вѣковъ, начертанныя на пергаментѣ, съ котораго прежнее писаніе было счищено. Вѣроятно, такимъ образомъ погибли нѣкоторыя творенія древнихъ. Можетъ быть, выскабливали книгу Ливія, или Тацита, чтобы очистить мѣсто для какой-нибудь легенды. Murat. Antiq. Ital. v. III. p. 833. Отецъ Монфоконъ утверждаетъ, что большая часть пергаментныхъ рукописей, имъ видѣнныхъ, исключая сочиненныхъ прежде XII столѣтія, писаны на пергаментѣ, съ котораго прежнее сочиненіе было счищено. Mém. de l'Acad. des Inscript. tom. IX. p. 325. Недостатокъ

письменнаго вещества, одна изъ причинъ погибели многихъ твореній древнихъ писателей, объясняетъ равнымъ образомъ малочисленность рукописей до XI столѣтія, съ котораго онѣ начали размножаться. Histoir. Litér. de France, tom. VI. p. 6. Многія обстоятельства доказываютъ рѣдкость книгъ въ продолженіе тѣхъ вѣковъ. У частныхъ людей рѣдко бывали какія нибудь книги. Даже знатнѣйшіе монастыри имѣли по одному только служебнику. Murat. Antiq. v. IX. p. 789. Люпусъ, Аббатъ Ферьерской, въ письмѣ своемъ къ Папѣ въ 855 г. проситъ ссудить его спискомъ Цицероновой книги *de Oratore* и Квинтиліановыхъ *Institutiones*: „хотя у насъ, говоритъ онъ, и есть отрывки этихъ книгъ, но полнаго списка нѣтъ во всей Франціи. Murat. Antiq. v. III. p. 835. Цѣна книгъ такъ возвысилась, что небогатые не имѣли возможности покупать ихъ. Графиня Анжуйская за списокъ поученій Геймона, Епископа Гальберштадскаго, заплатила двѣсти овецъ, и по пяти мѣръ пшеницы, ржи и проса. Histoire Litéraire de France par des Réligieux Benedictins, tom. VII. p. 3. Даже въ 1471 г. Людовикъ XI, взявъ изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ сочиненія Разиса, Арабскаго Физика, не только положилъ въ залогъ большое количество посуды, но долженъ былъ представить одного вельможу въ поруки, что возвратитъ ихъ. Gabr. Naudé Addit. à l'Histoire de Louys XI, par Comines, édit. de Fresnoy, tom. IV. p. 281. Этотъ искусный компиляторъ собралъ много любопытныхъ обстоятельствъ въ отношеніи къ непомѣрной цѣнѣ книгъ въ средніе вѣки, и я совѣтую прочесть его тѣмъ изъ моихъ читателей, которымъ эта часть Литературной Исторіи покажется занимательною. Если кто приносилъ книгу въ даръ церквѣ, или монастырю, гдѣ только и находились тогда библіотеки, то его пожертвованіе цѣнилось такъ дорого, что онъ возлагалъ его на алтарь *pro remedio animae suae*, въ отпущеніе своихъ грѣховъ. Murat. vol. III. p. 836. Histoir. Litér. de France, tom. VI,

p. 6. Nouv. Trait. de Diplom. par deux Benedictins, in 4, tom. I, p. 481. Въ XI столѣтіи изобрѣли искуство дѣлать бумагу, теперь вездѣ извѣстное; въ слѣдъ за тѣмъ не только увеличилось число рукописей, но и обученіе наукамъ удивительно облегчилось. Murat. ib. p. 871. Изобрѣтеніе тряпичной бумаги и изобрѣтеніе книгопечатанія — два важныя событія въ Литературной Исторіи. Замѣчательно, что первое предшествовало рожденію Словесности и Философіи въ концѣ XI столѣтія, а послѣднее распространило по Европѣ свѣтъ, возсіявшій во время Реформаціи.

Замѣчаніе XI. Отдѣленіе I. Стран. 19.

Это доказываютъ многія правила и обряды Вѣры, существовавшіе въ продолженіе невѣжественныхъ вѣковъ. Я приведу въ подтвержденіе слова Иліи, или Эгидія, Епископа Нойонскаго въ VII столѣтіи. „Тотъ истинный Христіанинъ, говоритъ онъ, кто часто ходитъ въ церковь; предлагаетъ дары, приносимыя Богу на алтарѣ; не вкушаетъ отъ плодовъ труда своего, не посвятивъ напередъ нѣкоторой части ихъ Богу; за нѣсколько дней до святыхъ праздниковъ живетъ цѣломудренно даже съ своею женою, чтобы съ чистою совѣстію стать предъ алтаремъ Господнимъ, и часто повторяетъ Вѣрую и Отче Нашъ. И такъ спасайте свои души отъ погибели, пока еще имѣете къ тому средства во власти вашей, приносите духовенству дары и десятины, ходите чаще въ церковь и смиренно испрашивайте покрова Святыхъ. Соблюдя все это, можете безтрепетно стать предъ престоломъ Вѣчнаго Судіи и сказать: воздай намъ, Господи, мы сами давали Тебѣ.“ Dacherii Spicelegium Veter. Script. v. II, p. 94. Ученый и умный переводчикъ Мосгеймовой Церковной Исторіи, изъ котораго я заимствовалъ это мѣсто, весьма справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ пространномъ полномъ описаніи истиннаго Христіанина ни слова

не упомянуто о любви къ Богу, о преданности Его волѣ, о соблюденіи Его заповѣдей, о правосудіи, милости и человѣколюбіи. Mosh. Eccles. Hist. v. I, p. 324.

Замѣчаніе XII. Отдѣленіе I. Стран. 19.

Для Римской Церкви весьма невыгодно ученіе о непогрѣшительности Папъ, по которому все, однажды установленное ими, неизмѣнно и вѣчно. Многіе церковные обряды очевиднымъ образомъ введены самымъ грубымъ суевѣріемъ. Многіе заимствованы съ малою перемѣною изъ священныхъ обрядовъ, которые существовали у древнихъ язычниковъ. Нѣкоторые были такъ смѣшны, что кажется невѣроятнымъ, какъ можно было принять и терпѣть ихъ, если бы каждый вѣкъ не представлялъ примѣровъ волшебнаго дѣйствія суевѣрія. Въ доказательство я укажу на *Праздникъ Осла*, который отправлялся въ иныхъ церквахъ Французскихъ. Du Cange, voc. *festum*, vol. II, p. 424.

Замѣчаніе XIII. Отдѣленіе I. Стран. 24.

Какъ въ Исторіи рода человѣческаго нѣтъ событія страннѣе Крестовыхъ походовъ, то любопытно каждое обстоятельство, которое клонится къ объясненію этого необыкновеннаго движенія людей. Я сказалъ, что разныя обстоятельства еще до Петра Пустынника постепенно приготовили умы къ дивному порыву, послѣдовавшему за его убѣжденіями. Особенныя подробности объ этой любопытной и темной части въ Исторіи, можетъ быть, покажутся важными инымъ читателямъ. Кончины міра ожидали въ исходѣ X столѣтія и въ началѣ XI, какъ видно изъ сочинителей, на которыхъ я ссылаюсь. Это произвело всеобщій ужасъ. Всѣ твердо вѣрили, что скоро будетъ свѣтопреставленіе, и эта вѣра даже смѣшалась съ гражданскими дѣлами. Многія грамоты въ послѣднюю

половину X вѣка начинаются словами: „appropinquante mundi termino, etc. т. е. какъ теперь настаетъ кончина міра и уже многія бѣдствія и искушенія возвѣщаютъ близость ея, и пр. Histor. de Langued. par D. D. de Vic et Vaisette, tom. II. Preuves, p. 86, 80, 90, 117, 158, etc. Слѣдствіемъ было то, что множество богомольцевъ отправлялось въ Іерусалимъ съ твердымъ рѣшеніемъ умереть въ немъ, или дождаться пришествія Господня. Короли, Графы, Маркизы, Епископы, женщины и люди всякаго званія, толпами стекались въ Святую Землю. Glaber. Rudolph. Hist. chez Bouquet Recueil, tom. X. p. 50, 52. Одинъ Историкъ упоминаетъ о множествѣ конныхъ богомольцевъ, въ 1026 году сопровождавшихъ Графа Ангулемскаго въ Іерусалимъ. Chronic. Ademari, ibid. p. 162. Эти странники наполняли Европу жалостными разсказами о состояніи Христіанъ въ Святой Землѣ. Willerm. Tyr. Hist. ap. Gest. Dei per. Franc. vol. II. p. 636. Guibert. Abbat. Hist. ibid. vol. 1. p. 476. Сверхъ того многіе Христіане изъ Іерусалима и другихъ городовъ на Востокѣ имѣли обыкновеніе странствовать по Европѣ, и описаніемъ бѣдственнаго положенія своихъ собратій подъ властію Невѣрныхъ вымолять себѣ милостыню и возбуждать ревнителей Христіанства къ старанію освободить единовѣрцевъ отъ угнетенія. Baldrici Archiepiscopi Hist. ap. Gesta Dei, etc. vol. 1 p. 86. Въ 986 году Гербертъ, Архіепископъ Равенскій, бывшій послѣ Папою подъ именемъ Сильвестра II, написалъ посланіе ко всѣмъ Христіанамъ отъ имени Іерусалимской Церкви. Оно краснорѣчиво и сильно, и содержитъ торжественное увѣщаніе поднять оружіе противъ богомерзкихъ мучителей, чтобы исхитить Св. Градъ изъ рукъ ихъ. Gerberti Epistolae ap. Bouquet Recueil, tom. X. p. 426. Въ слѣдствіе этого убѣдительнаго воззванія Пизане снарядили флотъ и напали на Магометанскія владѣнія въ Сиріи. Murat. Script Rer. Ital. vol. III. p. 400. Востокъ встревожился, и въ 1010 году распространилось тамъ мнѣніе, что соединяются всѣ силы Христіанства для изгнанія Магометанъ изъ Палестины.

Chron. Ademari ap. Bouquet, tom. X. p. 152. Всѣ эти подробности очевидно доказываютъ постепенное приготовлеиіе людей къ войнѣ съ Невѣрными, и стеченіе подвижниковъ изъ всей Европы подъ знамя креста, воздвигнутое Папою Урбаномъ II, кажется отъ того менѣе удивительнымъ.

Различныя обстоятельства, исчисленныя мною здѣсь въ Замѣчаніи и въ самой Исторіи, достаточно объясняютъ рвеніе, съ которымъ тысячи людей рѣшались на опасные Крестовые походы, а великія преимущества и льготы Крестоносцевъ—долговременное владычество ихъ въ Европѣ. 1) Крестоносцы были освобождены отъ уплаты долговъ, пока оставались въ священной службѣ. Du Cange voc. *crucis privilegium*, vol. II. p. 1194. — 2) Съ нихъ не взыскивались проценты за заемныя деньги. Ibid.—3) Они или совершенно, или по крайней мѣрѣ извѣстное время не платили податей. Ibid. Ordonnances des Rois de France, tom. I, p. 33.—4) Могли отчуждать свои земли безъ воли владѣтеля, отъ котораго зависѣли. Ibid.—5) Личность и собственность ихъ были приняты подъ покровительство Св. Петра; проклятія Церкви поражали за обиды, наносимыя Крестоносцамъ и за нападеніе на ихъ земли, пока они находились на войнѣ. Du Cange, ibid. Guibertus Abbas, ap. Bongars, 1, p. 480, 482. — 6) Они исключены были изъ гражданскаго вѣдомства, и судились духовнымъ судомъ. Du Cange, idid. Ordon. des Rois, tom. 1. p. 34. 174.— 7) Получали полное отпущеніе своихъ грѣховъ; врата небесныя были отверсты имъ безъ всякихъ другихъ доказательствъ покаянія, кромѣ участія въ Крестовыхъ походахъ, поощреніе къ которымъ питало любимую страсть ихъ къ войнѣ. Guibert. Abbas, p. 480. Видя, что свѣтская и духовная власти состязались между собою въ изобрѣтеніи средствъ къ поддержанію и увеличенію суевѣрія, можемъ ли мы удивляться, если оно такъ овладѣло всѣми, что уклоненіе отъ Священной войны почиталось безчестнымъ и было знакомъ трусости. Willerm. Tyriensis ap.

Bongars, vol. II, p. 641. Исторіи Крестовыхъ походовъ, писанныя въ новѣйшее время, даютъ весьма несовершенное понятіе о духѣ, господствовавшемъ тогда въ Европѣ; сочинители ихъ понятіями и правилами своего вѣка замѣняютъ образъ мыслей и нравы, по которымъ дѣйствовали изображаемые ими люди. Подлинные Историки, одушевленные одпѣми страстями съ своими современниками, представляютъ намъ вѣрно, что тогда было. Восхищеніе, съ которымъ они повѣствуютъ о слѣдствіяхъ Папскаго краснорѣчія на Соборѣ Клермонскомъ; удовольствіе, съ которымъ говорятъ о безчисленномъ множествѣ принимавшихъ крестъ; надежда, съ которою предаются Божескому покровительству, восторгъ при описаніи взятія Св. Града, — все это даетъ отчасти понять пылкость Христіанской ревности, такъ сильно волновавшей сердца людей, и возбуждаетъ въ умѣ Философа много размышленій, незарождаемыхъ никакимъ другимъ обстоятельствомъ изъ Исторіи человѣческаго рода. Впрочемъ, что бы не подозрѣвать тогдашнихъ дѣеписателей въ украшеніи повѣствованій о Крестовыхъ походахъ преувеличенными сказаніями, я сошлюсь на одного изъ вождей Крестоносцевъ. Осталось письмо отъ Стефана, Графа Шартрскаго, къ Адели, супругѣ его, въ которомъ онъ извѣщаетъ ее объ успѣхахъ оружія Христіанскаго. Онъ изображаетъ Крестоносцевъ избраннымъ ополченіемъ Христовымъ, служителями и воинами Божіими, людьми, которые находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ Всемогущаго, и которыхъ рука Его вела къ побѣдамъ и завоеваніямъ. О Туркахъ же говоритъ, какъ о народѣ проклятомъ, безбожномъ, свыше обреченномъ къ погибели, и вѣруетъ, что души Христіанъ, умершихъ въ походѣ, или убитыхъ на войнѣ съ Невѣрными, прямо удостоивались райскаго блаженства. Dacherii Spicelegium, vol. IV, p. 257.

Въ тѣ времена, когда государственные доходы въ каждой Европейской странѣ были чрезвычайно малы, перевозъ многочисленныхъ ополченій изъ Европы въ Азію

стоилъ огромныхъ суммъ, и трудность доставать ихъ была чрезмѣрно велика. Сохранилось извѣстіе о средствахъ, употребленныхъ Гумбертомъ II, Вьенскимъ Дофиномъ, для сбора денегъ на снаряженіе свое въ Крестовый походъ въ 1346 году. Я здѣсь помѣщу эти мѣры, потому что онѣ показываютъ значительное вліяніе, которое Крестовые походы имѣли на состояніе собственности и правленія. 1) Гумбертъ вознамѣрился продать часть своихъ владѣній, и Французской Король, отъ котораго они зависѣли, согласился на это, по священному назначенію денегъ за продажу. Hist. de Dauphiné tom. I. p. 332, 335. — 2) Гумбертъ обнародовалъ въ своихъ владѣніяхъ обѣщаніе даровать новыя преимущества дворянству и новыя льготы городамъ, если они немедленно заплатятъ ему въ замѣнъ опредѣленныя суммы. Ibid. tom. II, p. 512. Такимъ образомъ были получены многія общинныя грамоты. — 3) На издержки похода онъ собралъ подать со всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ духовныхъ, такъ и міранъ, которые сами не отправлялись съ нимъ на Востокъ. Ibid. tom. I. p. 335. — 4) Отложилъ значительную часть обыкновенныхъ своихъ доходовъ на содержаніе войска, его сопровождавшаго; ibid. tom. II. p. 518. — 5) Вытребовалъ значительныя суммы не только у Жидовъ, но даже у Ломбардцевъ и другихъ банкировъ, которые жили въ его владѣніяхъ, Ibid. tom. I. p. 338; tom. II. p. 528. Не взирая однако на эти разнообразныя пособія походъ такъ дорого стоилъ Дофину, что, возвратившись, онъ былъ вынужденъ обременить подданныхъ новыми налогами и взять съ Жидовъ новые поборы. Ibid. tom. I, p. 344, 347. Графъ Фуаской, отправляясь въ первый Крестовый походъ, досталъ деньги на снаряженіе, продавъ часть своихъ владѣній. Hist. de Langued par. DD. de Vic et Vaisette. tom. II. p. 287. Подобнымъ же образомъ и Балдуинъ, Графъ Генаутской нѣкоторыя изъ своихъ земель заложилъ, а нѣкоторыя продалъ Литтихскому Епископу въ 1096 г. Du Mont, Corps Diplomatique, tom. I. p. 59. Позднѣе

въ 1239 году Балдуинъ, Графъ Немурской, принявши крестъ, продалъ часть своего имѣнія монастырю. Miraei Oper. I. 313.

Замѣчаніе XIV. Отдѣленіе I. Стран. 28.

Обыкновенный способъ составлять понятіе о сравнительномъ состояніи нравовъ у двухъ различныхъ народовъ состоитъ въ сличеніи того, что о каждомъ изъ нихъ повѣствуютъ Историки. Можно выбрать различныя мѣста изъ Византійскихъ Историковъ, свидѣтельствующія о славѣ и богатствѣ Греческой Имперіи. Отецъ Монфоконъ извлекъ изъ сочиненій Златоуста полное извѣстіе о щегольствѣ и роскоши Грековъ его времени, и расположилъ по главамъ подробности объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, помѣщенныя этимъ Святителемъ въ своихъ проповѣдяхъ. Дворъ самыхъ первыхъ Греческихъ Императоровъ походилъ на Дворы восточныхъ Государей великолѣпіемъ и развращеніемъ нравовъ. Императоры XI столѣтія, уступавшіе своимъ предшественникамъ въ могуществѣ, не отставали отъ нихъ въ пышности и блескѣ. Mémoires de l'Acad. des Inscript. tom. XX. p. 197. Но можно судить о сравнительномъ состояніи нравовъ въ восточной Имперіи и западной Европѣ по другому способу, который, если не такъ вѣренъ, по крайней мѣрѣ болѣе разителенъ. Константинополь былъ мѣстомъ соединенія всѣхъ крестовыхъ воинствъ; западные и восточные народы стекались туда, какъ на торжественное свиданіе. Остались сочиненія современныхъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, очевидцевъ этого дивнаго сходбища народовъ, дотолѣ чуждавшихся другъ друга. Они описываютъ просто и откровенно впечатлѣнія, произведенныя на нихъ этимъ новымъ зрѣлищемъ, и рисуютъ такимъ образомъ самую живую и вѣрную картину каждаго народа. Греки, говоря о Франкахъ, изображаютъ ихъ варварами, свирѣпыми, невѣждами, буйными, дикими; важничаютъ, какъ народъ болѣе образованный, знакомый

съ наукою правленія и изящными искусствами, о которыхъ Франки не имѣли понятія. Такъ Анна Комнина описываетъ Латиновъ. Alexias, p. 224, 231, 237, ap. Byz. Script. vol. XI. Она всегда относится объ нихъ съ презрѣніемъ, говоритъ, что одни ихъ названія уже достаточны для обезображенія красоты и изящества Исторіи, p. 229. Никита Хоніата вооружается еще сильнѣе противъ западныхъ Европейцевъ и описываетъ ихъ свирѣпость и опустошенія, какъ предшедшіе Историки — набѣги Готовъ и Вандаловъ. Nicet. Chon. ap. Byz. Script. vol. III, p. 302, etc. Напротивъ того Латинскіе Историки были поражены удивленіемъ при видѣ великолѣпія, богатства и вкуса, сіявшихъ въ восточной Имперіи. „О, какой обширный городъ Константинополь! восклицаетъ Фульхерій Шартрскій, и какой прекрасный! Сколько въ немъ монастырей, сколько чертоговъ, построенныхъ съ чудеснымъ искусствомъ! Сколько дивныхъ заведеній ремесленныхъ! Иной не повѣритъ, если разсказать, какъ богатъ онъ всякими драгоцѣнностями: и золотомъ, и серебромъ, и тканями разкородными; въ пристань его то и дѣло приходятъ корабли, нагруженные всѣми вещами, потребными для человѣка. Fulcher. ap. Bongars. vol. 1. p. 386. Виллермъ, Тирскій Архіепископъ, просвѣщеннѣйшій Историкъ Крестовыхъ походовъ, часто принимается описывать пышность Двора Константинопольскаго и прибавляетъ, что видѣнное имъ тутъ превосходитъ его воображеніе: nostrarum enim rerum modum et dignitatem excedunt. Willerm. Tyr. ap. Bong. vol. II. p. 657, 664. Гунтеръ, Французскій монахъ, писавшій Исторію завоеванія Константинополя Крестоносцами въ XIII столѣтіи, говоритъ о великолѣпіи этого города съ такимъ же удивленіемъ: „Structuram autem aedificiorum in corpore civitatis in ecclesiis videlicet, et turribus et in domibus magnatorum, vix ullus vel describere potest, vel credere describenti, nisi qui ea oculata fide cognoverit. То есть: не видѣвъ собственными глазами, едва ли кто можетъ описать, или повѣрить описывающему, какія внутри города

построены зданія: церкви, башни и чертоги вельможъ. Hist. Constantinopol. ap. Canisii Lectiones Antiquas, fol. Ant. 1725, vol. VI. p. 14. Готфридъ Вильгардуинской, знатный дворянинъ, привыкшій къ самому пышному образу жизни, тогда извѣстному на Западѣ, такъ же изображаетъ удивленіе своихъ воиновъ, увидѣвшихъ въ первый разъ Константинополь. „Они едва вѣрили, говоритъ онъ, что на свѣтѣ могъ быть такой красивый и богатый городъ. Когда они увидѣли высокія его стѣны, огромныя башни, роскошные дворцы, великолѣпныя церкви, то все показалось имъ чудомъ, и они не могли бы составить себѣ понятія объ столицѣ Греческой Имперіи, если бы не увидѣли ее собственными глазами. Histoire de la Conquête de Constant. p. 49. Этимъ же безприкраснымъ языкомъ Латины говорятъ, что они показались Грекамъ поколѣніемъ грубыхъ, необразованныхъ варваровъ, выражаютъ свое презрѣніе къ Грекамъ за ихъ невоинственность, и признаютъ превосходство ихъ надъ собою въ нравахъ и просвѣщеніи.

Въ Италіи внутреннее устройство и нравы были совершеннѣе, нежели въ другихъ странахъ Европы. Это очевидно не изъ однихъ свидѣтельствъ историческихъ; просвѣщеннѣйшіе крестовые полководцы чувствовали это. Яковъ Витри, Французскій дѣеписатель священной войны, превозноситъ изысканными похвалами характеръ и нравы Итальянцевъ. Онъ представляетъ ихъ народомъ самымъ образованнымъ, и особенно славитъ ихъ за любовь къ свободѣ и за мудрость правленія: in consiliis circumspecti, in re sua publica procuranda diligentes et studiosi, sibi in posterum providentes, aliis subjici renuentes; ante omnia libertatem sibi defendentes; sub uno quem eligunt capitaneo, communitati suae, jura et instituta dictantes, et similiter observantes. То есть: осмотрительны въ мѣрахъ государственныхъ, трудолюбивы и неусыпны въ попеченіяхъ о своемъ отечествѣ, заботливы о будущемъ, болѣе всего привязаны къ своей независимости, и строги въ соблюденіи зако-

иовъ и учрежденій, которые они издаютъ подъ начальствомъ избраннаго ими главы. Hist. Hierosol. ap. Gesta Dei per Francos, vol. II. p. 1085.

Замѣчаніе XV. Отдѣленіе I. Стран. 32.

Различныя покушенія Италіянскихъ городовъ къ распространенію своей власти и предѣловъ весьма замѣчательны. Когда права ихъ были утверждены, и они почувствовали свою силу, то начали стараться овладѣть землею, окружавшею ихъ стѣны. У Римлянъ каждый городъ, который пользовался муниципальными преимуществами и судопроизводствомъ, имѣлъ предмѣстія. Но какъ свойство Феодальной Системы не дозволяло покровительствовать процвѣтанію городовъ, то эти предмѣстія были захвачены Баронами, которые строили свои замки почти у воротъ каждаго города, и отправляли въ немъ правосудіе. Подъ предлогомъ возвращенія древняго своего достоянія, многія общины въ Италіи вооружались противъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, и отнимая у нихъ земли, значительно усиливались. Примѣры тому встрѣчаются въ XI и въ началѣ XII столѣтія. Murat. Antiq. Ital. vol. IV. p. 159, etc. Гордость общинъ возрастала вмѣстѣ съ ихъ силою; онѣ стали нападать даже на тѣхъ Бароновъ, которые жили отъ нихъ далеко, и прежніе повелители городовъ принуждены были вступать въ ихъ граждане, присягать въ вѣрности ихъ начальству, принимать на свои земли всѣ повинности и налоги, утвержденные общимъ согласіемъ, защищать общину отъ всѣхъ непріятелей, и жить въ городѣ каждый годъ опредѣленное время. Murat. ibid. 163. Эта подчиненность дворянства общинному правленію, учрежденному въ городахъ, стала почти всеобщею и была весьма обидна для людей, привыкшихъ почитать себя независимыми. Оттонъ Фрейзингенской описываетъ состояніе Италіи при Фридрихѣ I слѣдующимъ образомъ: „города такъ любятъ свободу и такъ старательно избѣгаютъ посторонней власти, что почти всѣ уже свергнули

ее, и управляются собственнымъ своимъ начальствомъ. Теперь вся Италія наполнена вольными городами; они заставили своихъ Епископовъ переселиться къ нимъ за стѣны, и едва ли есть хотя одинъ дворянинъ, который бы не взирая на свое могущество, не былъ подчиненъ городскимъ законамъ и правленію. De Gestis Frider. 1, Imp. lib. II. c. 13. p. 453. Въ другомъ мѣстѣ Оттонъ замѣчаетъ, что Маркизъ Монферратской почти одинъ изъ Итальянскихъ Бароновъ сохранилъ свою независимость отъ общинъ. См. также Muratori Antichita Estensi, vol.1. p. 411, 412. Иные дворяне добровольно подчинялись имъ. Они видѣли высокую степень безопасности, довѣренности и почтенія, на которую возрастающее богатство и сила общинъ возводили ихъ членовъ. Желая раздѣлять эти выгоды и обезпечить себя могущественнымъ покровительствомъ, они становились гражданами городовъ, смежныхъ съ своими землями, и, оставляя древніе замки, жили тамъ по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Еще существуютъ грамоты, данныя нѣкоторыми городами на гражданство знатнѣйшимъ Домамъ въ Италіи. Murat. ib. p. 165, etc. Въ Анконѣ и доселѣ сохраняется грамота 1198 года на принятіе Аттона Мачератскаго въ Озимскіе граждане. Изъ содержанія ея видно, что онъ признаетъ себя членомъ Озимской общины, обязывается всѣми силами способствовать ея славѣ и благосостоянію, повиноваться ея правительству, не вступать въ союзъ съ ея врагами, жить въ городѣ въ годъ по два мѣсяца, или долѣе, если потребуетъ начальство. Община же, съ своей стороны, беретъ его съ семействомъ и друзьями подъ свое покровительство и обязывается защищать отъ всѣхъ непріятелей. Fr. Ant. Zacharias Anecdota Medii Aevi, Aug. Taur. 1755. fol. p. 66. Это преимущество почиталось весьма важнымъ; не только свѣтскіе люди, но и особы изъ высшаго духовенства поступали въ члены большихъ городовъ, чтобы пользоваться безопасностью и уваженіемъ. Murat. ib. 179. До учрежденія городскихъ общинъ люди

благороднаго происхожденія жили только въ своихъ замкахъ. Здѣсь каждый дворянинъ имѣлъ свой небольшой Дворъ; а города были почти пусты, или населены малымъ числомъ рабовъ и людей низкаго званія. Но отъ сказанной мною перемѣны они стали не только многолюднѣе, но даже наполнились людьми лучшаго сословія, и въ Италіи ввелся обычай, до сихъ поръ существующій, по которому всѣ знатныя особы живутъ почти постоянно въ большихъ городахъ, чего нѣтъ въ другихъ частяхъ Европы. Города прибавленіемъ такихъ гражданъ, пріобрѣтя новую значительность и достоинство, стали еще ревностнѣе заботиться о сохраненіи своей свободы и независимости. Императоры имѣли прежде дворцы почти въ каждомъ большомъ городѣ Италіи; они обыкновенно останавливались въ нихъ, посѣщая эту страну, а сопровождавшее ихъ войско размѣщалось по домамъ обывателей. Граждане почитали это и унизительнымъ для себя и опаснымъ. Они не могли не думать, что принимаютъ къ себѣ вмѣстѣ и Государя и непріятеля, и потому старались освободиться отъ ненавистной имъ тягости. Нѣкоторые города успѣли обязать Императоровъ, что бы они никогда въ нихъ не въѣзжали, а останавливались за стѣнами. Chart. Hen. IV. Murat. ib. p. 24. Другіе получили Императорское дозволеніе срыть дворцы, находившіеся внутри ихъ, съ условіемъ построить новые въ предмѣстіи. Chart. Hen. IV. Murat. ib. p. 25. Притязанія Итальянскихъ городовъ наконецъ сильно встревожили Императоровъ; они рѣшились возстановить прежнюю свою власть надъ ними. Фридрихъ Рыжебородый ревностно принялся за это предпріятіе. Вольные города Италіи составили между собою общій союзъ и начали обороняться. Послѣ продолжительной войны, веденной съ перемѣннымъ успѣхомъ, 1183 года заключенъ былъ въ Констанцѣ торжественный миръ, которымъ утверждены всѣ права и льготы, дарованныя прежними Императорами главнымъ городамъ въ Италіи. Murat. Dissert. 48. Констанцской договоръ почитали

такою важною статьею въ Законовѣдѣніи среднихъ вѣковъ, что его издавали обыкновенно съ феодальными книгами на концѣ Гражданскаго Права. Союзные Италійскіе города получили весьма важныя преимущества, и хотя Имперіи предоставлялась значительная власть надъ ними, однакожь неутомимыми стараніями о распространеніи своихъ льготъ и помощію благопріятныхъ обстоятельствъ почти всѣ оии еще въ концѣ XIII столѣтія вышли совершенно изъ подвластія Императорамъ, и обратились въ независимыя, самостоятельныя Республики. Мнѣ не нужно означать средства, которыми они достигли до высокой степени могущества, гибельнаго для Имперіи и благотворнаго для общаго дѣла свободы въ Италіи. Мураторп съ обыкновенною своею разборчивостію собралъ много подлинныхъ бумагъ, объясняющихъ эту любопытную и малоизвѣстную часть Исторіи. Murat. Antiq. Ital. Dissert. I. См. также J. Bapt. Villanovae Hist. Laudis Pompeii sive Lodi. in Graev. Thes. Antiquit. Ital. vol. III. p. 888.

Замѣчаніе XVI. Отдѣленіе I. Стран. 33.

Во Франціи, задолго до учрежденія городскихъ общинъ, господа давали подвластнымъ городамъ и селамъ льготныя грамоты. Но онѣ весьма различны отъ вошедшихъ въ обыкновеніе въ XII и XIII столѣтіяхъ. Онѣ не соединяли гражданъ въ одно сословіе, не вводили у нихъ особеннаго правленія, не давали имъ преимущества носить оружіе; а содержали только освобожденіе жителей отъ рабства, изъятіе ихъ отъ нѣкоторыхъ тяжкихъ повинностей и учрежденіе постояннаго оклада, или дохода господину вмѣсто прежнихъ произвольныхъ налоговъ. Существуютъ двѣ такія грамоты, пожалованныя двумъ селамъ въ Русильонѣ, одна въ 974, а другая въ 1025 году. Petr. de Marca, *Marca*, sive Limes Hispanicus, App. p. 909, 1038. Эти льготы были вѣроятно извѣстны и въ другихъ частяхъ Европы; ихъ можно почитать переходомъ отъ рабства къ большимъ преимуществамъ, которыя Людовикъ Толстый даровалъ

городамъ въ своихъ удѣлахъ. Французскіе общинные города никогда не искали такой независимости, какъ Итальянскіе. Они пріобрѣтали новыя права и льготы, не выходя изъ зависимости Короля, или Барона, во владѣніяхъ котораго находились и отъ котораго получали льготныя грамоты. Много этихъ грамотъ, жалованныхъ Французскими Королями и сильными ихъ вассалами, изданы Г. Ашери въ его *Spicelegium;* а многія содержатся въ собраніи указовъ Французскихъ Королей (*Ordonnances des Rois de France*). Онѣ представляютъ разительную картину жалкаго состоянія городовъ до учрежденія общинъ, т. е. пока еще городами завѣдывали судьи, назначаемые главнымъ ихъ владѣльцемъ, и пока воля его была для нихъ единственнымъ закономъ. По этому каждую льготу въ грамотахъ должно почитать за новое преимущество, которымъ народъ прежде не пользовался; каждое постановленіе—за средство къ прекращенію какого нибудь злоупотребленія, отъ котораго онъ прежде страдалъ. Льготныя грамоты равнымъ образомъ содержатъ первыя старанія о введеніи въ городахъ справедливыхъ законовъ и благоустроеннаго правленія. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ онѣ достойны особеннаго вниманія, а потому вмѣсто ссылокъ на толстые волюмы, гдѣ онѣ разсѣяны, я представлю важнѣйшія статьи изъ нихъ въ двухъ отдѣленіяхъ: въ первомъ помѣщу касающіяся до личной безопасности, во второмъ—до обезпеченія собственности.

I. Во время смятеній и безпорядковъ, произведенныхъ въ Европѣ разстройствомъ феодальнаго правленія, личная безопасность была главною заботою каждаго человѣка; но одни только сильные и воинственные Бароны могли дать надежную защиту своимъ вассаламъ; это и было однимъ изъ главныхъ источниковъ власти ихъ и могущества. Учрежденіе городскихъ общинъ доставило частнымъ людямъ болѣе вѣрное средство къ безопасности, независимо отъ дворянства, потому что 1) Основною статьею въ каждой грамотѣ была клятва, которая обя-

зывала всѣхъ членовъ общины къ взаимному вспоможенію и защитѣ; они торжественно обѣщались стоять другъ за друга противъ всякаго непріятеля и не давать своего согражданина въ обиду. D'Acher. Spicel. X, 642; XI, 341, etc.—2) Всякой, кто жилъ въ вольномъ городѣ, долженъ былъ подъ страхомъ жестокой пени, присоединиться къ общинѣ и участвовать въ защитѣ ея членовъ. d'Acher. Spicel. XI. 344.—3) Граждане имѣли право носить оружіе, воевать съ частными своими непріятелями, и вооруженою силою приводить въ исполненіе приговоры своего начальства. D'Acher. Spic. X. 643, 644; XI, 343.—4) Уничтоженъ былъ обычай удовлетворять денежнымъ вознагражденіемъ за убійство, нападеніе, и всякое другое насиліе, несовмѣстное съ общественнымъ порядкомъ и безопасностію частныхъ лицъ; преступники подвергались смертной казни, или другому наказанію, строгость котораго равнялась ихъ винѣ. D'Acher. XI, 362. Miraei Opera Diplomatica, 1. 292.—5) Ни одинъ членъ общества не оправдывался поединкомъ; но если обвиняли его въ преступленіи, то дѣло рѣшалось по показаніямъ свидѣтелей обыкновеннымъ судебнымъ порядкамъ. Miraeus, ibid. D'Acher. XI, 375, 349. Ordon. tom. III, 265.—6) Если кто почиталъ себя въ опасности отъ чьей-нибудь злобы, или вражды, то клятвенно объявлялъ о томъ передъ судомъ, и подозрѣваемый, подъ страхомъ жестокой пени, обязывался представить обезпеченіе въ миролюбивомъ своемъ поведеніи. D'Acher. XI, 346. Это самый тотъ родъ обезпеченія, который и теперь извѣстенъ въ Шотландіи подъ именемъ *Law-burrows*. Во Франціи онъ былъ сперва заведенъ между городскими жителями, но когда увидѣли пользу его для личной безопасности, то его распространили и на всѣ прочія сословія. Establissements de St. Louis liv. 1 cap. 28, ap. Du Cange, Vie de St. Louis, p. 15.

II. Предосторожности, принятыя по льготнымъ грамотамъ для обезпеченія собственности, не менѣе важны. По древнему Французскому Праву не льзя было взять

подъ стражу, или заключить въ тюрьму, за частные долги. Ordon. des Rois de France, tom. 1. p. 72, 80. Если кого брали подъ стражу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, кромѣ виновности въ уголовномъ преступленіи, то законъ дозволялъ отнять его у полицейскихъ чиновниковъ. Ordon. III. p. 17. Кажется, что и въ другихъ земляхъ пользовались подобною же свободою отъ тюремнаго содержанія за долги. Gudenus Sylloge Diplom. 473. Въ Государствѣ, пока оно еще находится въ самомъ грубомъ состояніи, долгъ почитаютъ, кажется, просто за личное обязательство. Люди уже нѣсколько успѣли въ образованности, когда заимодавцы пріобрѣли право брать себѣ собственность должниковъ для полученія уплаты. Всѣ средства для достиженія этой цѣли изобрѣтены первоначально въ городскихъ общинахъ. Можно показать постепенное ихъ усовершенствованіе. 1) Самый простой и обыкновенный родъ обезпеченія состоялъ въ томъ, что продавшій въ долгъ, бралъ съ покупщика залогъ и возвращалъ его послѣ уплаты. Слѣды этого обычая находятся въ нѣкоторыхъ льготныхъ грамотахъ. D'Acher. IX, 185; XI, 377. — 2) Если же въ залогъ не было ничего дано и состояніе должника разстроилось, то заимодавецъ имѣлъ право силою завладѣть его имуществомъ, и притомъ частнымъ образомъ, безъ содѣйствія мѣстнаго начальства. Королевскій указъ, позволялъ Парижскимъ гражданамъ, ut ubicunque et quocumque modo poterunt, tantum capiant, unde pecuniam sibi debitam integre et plenarie habeant, et inde sibi invicem adjutores existant; то есть: позволялъ вездѣ и какимъ бы ни было образомъ, при взаимной помощи другъ другу, отнимать у должниковъ столько имущества, чтобы оно стоило долга. Ordon. etc. Tom. I. p. 6. Этотъ грубый обычай, приличный людямъ только въ дикомъ состояніи природы, долѣе, нежели сколько можно предполагать, существовалъ въ Государствѣ, въ которомъ законы и порядокъ были уже извѣстны. Указъ, допускавшій его, изданъ въ 1134 году; а отмѣнительный, запрещающій заимодавцамъ

отнимать имѣніе у должниковъ безъ позволенія гражданскаго чиновника и безъ его надзора, появился не прежде 1351 года. Ordon. tom. II. 438. Вѣроятно однако, что люди, видя безпорядки, происходившіе отъ перваго постановленія, исправили обрядъ, имъ утвержденный, задолго до улучшенія долговыхъ взысканій новымъ закономъ. Читатель воспользуется этимъ замѣчаніемъ и въ отношеніи къ многимъ другимъ обычаямъ и обрядамъ, о которыхъ я упоминалъ. Новыя обыкновенія не всегда должно приписывать силѣ законовъ, которые во многихъ случаяхъ единственно освящаютъ то, что опытность человѣческая уже давно нашла удобнымъ и благотворнымъ. — 3) Какъ скоро посредство гражданской власти при взысканіи долговъ стало необходимо, то взяты были надлежащія мѣры для завладѣнія движимымъ имѣніемъ должниковъ, еслижъ его не доставало на уплату, то описывали недвижимую ихъ собственность, и продавали ее въ пользу заимодавца. D'Acher. IX. p. 184, 185; XI. p. 348, 380. Это постановленіе, доставлявшее самое полное обезпеченіе заимодавцу, было однакожъ такъ строго, что человѣколюбіе нѣсколько его ограничило. Заимодавцамъ запрещалось брать носильное платье должниковъ, постели, двери дома, хозяйственную утварь; а въ послѣдствіи времени—коня и оружіе благороднаго человѣка. D'Acher. IX. 185, XI. 377. Императоръ Людовикъ Благочестивый запретилъ отнимать сокола за неплатежъ долга, или пени, потому что охота была любимымъ занятіемъ воинственнаго дворянства. Capitul. lib. IV. § 21. Но если у должника не было другаго имущества, то позволялось брать и эти исключительные предметы. — 4) Для полнаго обезпеченія собственности городскія общины обязывали каждаго изъ своихъ членовъ купить, или построить домъ, или пріобрѣсти землю въ городѣ, или же, по крайней мѣрѣ, привезть въ него значительное движимое имѣніе, какъ залогъ на случай будущихъ тяжбъ (*per quae justiciari possit, si quid forte in eum querelae*

evenerit.) D'Acher. XI, 326. Ordon. I. 367. Libertates S. Georgii de Esperanchia. Histoir. de Dauphiné, tom. I. p. 26. — 5) Въ иныхъ городахъ жители ручались другъ за друга, чтобы обезпеченіе было сколько можно вѣрнѣе. D'Acher. X. 644. 6) Всѣ дѣла о собственности производились въ городѣ чиновниками и судьями, которыхъ избирали граждане. Рѣшенія ихъ были справедливѣе и опредѣленнѣе, нежели приговоры, зависѣвшіе отъ причудливой и необузданной воли Барона, почитавшаго себя выше всѣхъ законовъ. D'Ach. X, 644, 646; XI, 344; etc. Ordon. III, 204. — 7) Членовъ городской общины не льзя было обременять произвольными налогами, потому что владѣтель, который жаловалъ льготную грамоту, получалъ опредѣленный доходъ, или окладъ, вмѣсто всѣхъ прежнихъ сборовъ. Ordon. tom. III. 204. Libertates de Calma. Hist. de Dauphiné, tom. I. p. 19. Libert. S. Georgii de Esperanchia, ibid. p. 26. Не позволялось обижать гражданъ неравнымъ распредѣленіемъ оклада, платимаго цѣлою общиною. Въ грамотахъ нѣкоторыхъ городовъ, заключаются правила объ его разложеніи на каждаго обывателя. D'Acher. XI. 350, 365. Людовикъ Святой издалъ на этотъ случай указъ, принятый всѣми городскими общинами, весьма благопріятный для свободы. Ordon. tom. I. 186. Онъ сосредоточивалъ власть распредѣленія податей въ нѣсколькихъ гражданахъ, которые избирались отъ каждаго прихода и давали торжественную клятву отправлять правосудно свою должность. Не одинъ духъ городскихъ общинъ доказываетъ, что главнымъ предметомъ учрежденія ихъ было совершеннѣйшее обезпеченіе собственности; то же самое подтверждаютъ слова нѣкоторыхъ грамотъ. Такъ въ грамотѣ, дарованной Елеонорою, Королевою Англійскою и Герцогинею Гіенскою, Пуатьерской городской общинѣ, сказано объ цѣли ея образованія: *ut sua propria melius defendere possint, et magis integre custodire*; т. е. чтобы граждане лучше могли защищать и надежнѣе охранять свою собственность. Du Cange voc. *Communia*, vol. II.

р. 863.—Таковы главныя постановленія, существовавшія въ городскихъ общинахъ въ XII и XIII столѣтіяхъ. Они положили первое основаніе правосудію, порядку и благоустройству въ Государствахъ. Какъ скоро возникли городскія общины, то начали обнаруживаться возвышенныя чувства свободы. Когда Гумбертъ Боже́, давъ льготную грамоту жителямъ Бельвиля, требовалъ отъ нихъ клятвы въ вѣрности себѣ и своимъ наслѣдникамъ, то Бельвильцы съ своей стороны обязали его клятвою не нарушать ихъ льготъ и преимуществъ, и для большаго обезпеченія принудили его представить въ поруки двадцать человѣкъ дворянъ. D'Acher. IX. 183. Подобнымъ же образомъ владѣтель Муарана въ Дофине́ представилъ за себя извѣстное число порукъ въ соблюденіи льготной грамоты, которую онъ пожаловалъ этому городу. Поруки обязались предаться во власть Муаранцевъ, если ленный владѣтель нарушитъ какое-нибудь ихъ преимущество и обѣщались оставаться подъ стражею, пока онъ не сдѣлаетъ имъ удовлетворенія. Hist. de Dauphiné, tom. I. p. 17. Если Меръ, или Градскій Глава, обижалъ гражданина, то былъ обязанъ, какъ частный человѣкъ, дать подписку, что явится въ судъ для отвѣта, и въ случаѣ обвиненія подвергался законной пенѣ. D'Acher. XI, 183. Это—справедливость, необыкновенная въ феодальныя времена. Городскія общины такъ любили свободу, что ихъ даже называли *Libertates*. Du Cange, vol. II, p. 863. Дворяне сперва чрезвычайно ненавидѣли эти учрежденія, предвидя какой ударъ нанесутъ они ихъ силѣ и власти. Гибертъ, Ножантскій Аббатъ, называетъ общины проклятымъ учрежденіемъ, посредствомъ котораго рабы, вопреки законамъ и справедливости, выходили изъ должнаго повиновенія господамъ. Du Cange, ib. 862. Нѣкоторые дворяне и могущественныя духовныя особы противились образованію городскихъ общинъ, и старались ограничить права ихъ съ чрезвычайнымъ упорствомъ. Разительный тому примѣръ представляетъ вражда между Архіепископомъ и жителями

города Реймса. Долгое время главною заботою каждаго Архіепископа было ограниченіе правъ и власти своей городской общины; а главное дѣло гражданъ, особенно, если мѣсто Архіепископское не было занято, состояло въ поддержаніи, возвращеніи и распространеніи своихъ преимуществъ. Histoire civile et politique de la ville de Reims, par M. Anquetil, tom. I, p. 287, etc.

Замѣчанія мои о состояніи городовъ и жителей ихъ подтверждаются безчисленными мѣстами изъ законовъ и Историковъ среднихъ вѣковъ. Вѣроятно однако, что нѣкоторые знатные города находились въ лучшемъ состояніи и пользовались большею свободою. У Римлянъ муниципальное правленіе, учрежденное въ городахъ, чрезвычайно благопріятствовало свободѣ. Власть Сената въ каждомъ городѣ и преимущества гражданъ были обширны. Есть причины полагать, что нѣкоторые изъ большихъ городовъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушительной руки варваровъ, въ большой мѣрѣ удержали прежній свой образъ правленія. Они управлялись совѣтомъ гражданъ и чиновниками, которыхъ сами избирали. Аббатъ De Bos привелъ весьма сильныя доказательства въ пользу этого мнѣнія. Hist. Crit. de la Mon. Franc. tom. I, p. 18, etc. Tom. II, p. 524, édit. 1742. Изъ нѣкоторыхъ льготныхъ грамотъ, дарованныхъ городамъ въ XII и XIII столѣтіяхъ, видно, что онѣ только подтверждаютъ преимущества, которыя городскіе жители имѣли еще до соединенія своего въ общины. D'Acher. Spiceleg. vol. XI, p. 345. Иные города требовали себѣ льготъ, потому что непрерывно пользовались ими со времени Римскаго владычества. Hist. Crit. de la Mon. Fran. tom. II. p. 333. Но число городовъ, удержавшихъ свое преимущество, было такъ мало, что это ни сколько не уменьшаетъ силы моихъ заключеній.

Замѣчаніе XVII. Отдѣленіе I. Стран. 33.

Давъ полное понятіе объ учрежденіи и вліяніи городскихъ общинъ въ Италіи и Франціи, необходимо изслѣ-

довать, какимъ образомъ въ Германіи возникли и распространились города съ особеннымъ правленіемъ. У древнихъ Германцевъ не было городовъ. Даже въ селеніяхъ они строили домы не близко одинъ къ другому. Tac. de Mor. Germ. c. 16. Они почитали знакомъ рабства жить въ городѣ, окруженномъ стѣнами. Когда какое нибудь ихъ племя свергало власть Римлянъ, то соотечественники требовали, чтобы оно въ доказательство своей независимости разрушило стѣны города, построеннаго Римлянами на землѣ его. Самые хищные звѣри, говорили Германцы, лишаются взаперти силы и смѣлости. Tac. Hist. lib. IV. c. 64. Римляне построили нѣсколько значительныхъ городовъ на берегахъ Рейна. Но во всей обширной странѣ, простирающейся отъ этой рѣки до береговъ Балтійскаго моря, едва ли былъ хоть одинъ городъ прежде IX столѣтія по Р. Х. Conringius Exercitatio de urbibus Germaniae, Oper. vol. I. § 25, 27, 31, etc. Гейнекцій не согласенъ въ этомъ съ Конрингіемъ. Но даже, если оставить его доводамъ и ссылкамъ полную ихъ силу, то они покажутъ только, что было нѣсколько мѣстъ въ этой обширной странѣ, которыя нѣкоторые Историки назвали городами. Elem. Jur. German. lib. I. § 102. При Карлѣ Великомъ и Императорахъ изъ его Дома, въ слѣдствіе улучшенія устройства Германіи, появилось нѣсколько городовъ, и люди начали привыкать къ общежитію въ одномъ мѣстѣ. Карлъ Великій учредилъ два Архіепископства и девять Епископствъ въ лучшихъ городахъ Германіи. Aub. Miraei Opera Diplomatica, vol. I. p. 16. Преемники его строили новые города, а Епископы, оставаясь въ нихъ жить и совершать Божественную службу, привлекали туда многихъ переселяться. Conring. ibid. § 48. Но Генрихъ Птицеловъ, вступившій на престолъ въ 920 году, есть главный строитель городовъ Германскихъ. Въ то время Венгры и другіе варвары безпокоили Имперію набѣгами. Для отраженія непріятелей, Генрихъ поощрялъ подданныхъ селиться въ городахъ, окруженныхъ стѣнами

и башнями. Нѣкоторыхъ дворянъ онъ принудилъ, а другихъ убѣдилъ основать въ городахъ свое мѣстопребыванiе, и такимъ образомъ возвысилъ состоянiе гражданъ. Wittikindus Annal. lib. 1. ap. Conring. § 82. Съ этого времени число городовъ продолжало умножаться; они становились многолюднѣе и богатѣе, но не имѣли еще свободы и особеннаго правленiя. Находившiеся въ Императорскихъ удѣлахъ были подчинены Императорамъ, которые назначили имъ Графовъ (*Comites*) и Намѣстниковъ (*Missi*) въ главные начальники. Города во владѣнiяхъ Барона составляли часть его лены, и онъ самъ, или его повѣренные имѣли надъ ними подобную же власть. Conring. ibid. § 73, 74. Heinec. Elem. Jur Germ. lib. 1. § 104. Германцы заимствовали учрежденiе городскихъ общинъ у Италiянцевъ. Knipschildius Tractatus Politico—Historico—Jurid. de Civitatum Imperialium Juribus, vol. I, lib. 1, cap. 5. № 23. Фридрихъ Рыжебородый былъ первый Императоръ, который изъ тѣхъ же видовъ, какъ Людовикъ Толстый, размножилъ городскiя общины для ограниченiя власти дворянства. Pfeffel, Abrégé de l'Histoire et du Droit Publique d'Allemagne in 4. p. 297. Различныя обстоятельства споспѣшествовали возвышенiю Германскихъ городовъ отъ царствованiя Генриха Птицелова до того времени, когда они прiобрѣли полныя льготы. Учрежденiе Епископствъ и построенiе церквей естественнымъ образомъ побуждали многихъ селиться по городамъ. Тутъ же обыкновенно бывали соборы и находились присутственныя мѣста, какъ духовныя, такъ и гражданскiя. — Въ города перешло жить множество рабовъ, отпущенныхъ на волю въ XI столѣтiи. Открытiе и разработка рудниковъ въ различныхъ областяхъ, привлекая въ одно мѣсто множество народа, служили поводомъ къ основанiю городовъ. Conring, § 105. Въ XIII столѣтiи города начали составлять союзы для взаимной своей защиты и прекращенiя безпорядковъ, происходившихъ отъ междоусобныхъ войнъ между Баронами и отъ ихъ насилiя. Это доставило городскимъ жителямъ

такую безопасность, которой не имѣли прочія сословія и заманило многихъ въ члены городскихъ общинъ. Conring. § 94. Въ Германскихъ городахъ жители были трехъ сословій: дворяне (*familiae*), граждане (*liberi*) и рабочіе, т. е. рабы, или крѣпостные (*homines proprii*). Knipschild. lib. II. cap. 29. № 13. — Генрихъ V, вступившій на престолъ въ 1106 году, даровалъ вольность рабамъ, которые были ремесленниками въ нѣкоторыхъ городахъ, и возвелъ ихъ въ состояніе гражданъ, *liberorum*. Pfeffel. p. 254. Knipsch. lib. II. c. 29. № 113, 119. Хотя въ Германіи города и не могли такъ рано пріобрѣсти свободы, какъ во Франціи, за то они выиграли гораздо болѣе преимуществъ. Всѣ Имперскіе и вольные города получили полное право на *непосредственную зависимость*. Подъ этимъ выраженіемъ въ Нѣмецкомъ Законовѣдѣніи разумѣется то, что они подчинены одному только Императору, и пользуются всѣми правами совершенной самостоятельности. Различныя преимущества Имперскихъ городовъ исчислены Книпшильдомъ, lib. II. Главныя статьи всѣмъ извѣстны, а входить въ мелкія подробности незачѣмъ.

Замѣчание XVIII. Отдѣление 1. Стран. 33.

Испанскіе Историки почти совершенно молчатъ о началѣ и распространеніи городскихъ общинъ въ своемъ Королевствѣ, и потому я не могу опредѣлить съ точностію время и образъ перваго ихъ тамъ появленія. Видно, однако, изъ Маріаны (vol. II. p. 221. fol. Hagae, 1736), что въ 1350 году осмьнадцать городовъ получили право посылать представителей въ Кастильской Кортесъ. Ихъ устройство и притязанія, означенныя въ III Отдѣленіи этого тома, показываютъ, что они имѣли такія же преимущества и образъ управленія, какъ прочіе феодальные города; а это, вмѣстѣ съ совершеннымъ сходствомъ государственныхъ учрежденій и происшествій во всѣхъ феодальныхъ Королевствахъ, приводитъ насъ къ заключенію,

что городскія общины были введены въ Испаніи такимъ же образомъ и вѣроятно въ то же время, какъ по другимъ Европейскимъ Государствамъ. Въ Арагоніи города, кажется, рано пріобрѣли обширныя льготы вмѣстѣ съ участіемъ въ законодательствѣ. Въ 1118 году Сарагосцы не только пользовались гражданскою свободою, но даже равнялись по своему званію съ второкласнымъ дворянствомъ, и получили многія другія преимущества, неизвѣстныя гражданамъ въ прочей Европѣ. Zurita, Annales de Aragon. tom. I. p. 44. Въ Англіи городскія общины появились уже послѣ ея завоеванія Норманнами. Учрежденіе ихъ заимствовано отъ Французовъ, и преимущества, жалованныя городамъ Королями, совершенно одинаковы съ исчисленными выше. Но какъ эта любопытная часть Англійской Исторіи хорошо извѣстна моимъ читателямъ, то я, не входя въ критическое и подробное изслѣдованіе, укажу имъ писателей, которые совершенно объяснили ее: Brady's Treatise of Boroughs. Madox Firma Burgi, cap. I. sect. IX. Hume's History of England, vol. I. Append. 1 и 2. Вѣроятно, что городскія общины образовались въ Англіи еще при Саксонскихъ Короляхъ и что грамоты, жалованныя Норманскими, служили не къ освобожденію гражданъ отъ рабства, а подтверждали только права, которыми они уже пользовались. См. Lord Lyttleton's History of Henry II. vol. II. p. 317. Однако въ XII столѣтіи Англійскіе города были еще весьма незначительны. Ясное тому доказательство находится въ Литтльтоновой Исторіи. Фицстефенъ, современникъ, описывая Лондонъ въ царствованіе Генриха II, говоритъ объ его торговлѣ, богатствѣ и объ роскоши его жителей въ такихъ выраженіяхъ, которыя были бы даже приличны настоящему его состоянію, хотя онъ теперь и самый богатый городъ въ Европѣ. Но всѣ понятія о величіи и роскоши сравнительны. Изъ современнаго же писателя, Петра Блюасскаго, Лондонскаго Архидіакона, видно, что Лондонъ содержалъ не болѣе 40,000 жителей.

Ibid. 315, 316. Другіе города были соразмѣрно менѣе и никакъ не могли вынудить себѣ обширныхъ преимуществъ. Сходство въ состояніи Шотландскихъ городовъ съ Французскими и Англійскими обнаруживается изъ *Leges Burgorum*, присоединенныхъ къ книгѣ, извѣстной подъ именемъ Regiam Majestatem.

Замѣчаніе XIX. Отдѣленіе I. Стран. 38.

Въ 1320 году Филиппъ Долгій издалъ слѣдующее воззваніе къ Нарбонскимъ гражданамъ: „Филиппъ, Божіею милостію, и проч., Нашимъ любезнымъ, и проч. Желая отъ всего сердца и болѣе всего править нашимъ Государствомъ и народомъ въ мирѣ и тишинѣ съ Божіею помощію и преобразовать Наше Государство въ тѣхъ частяхъ управленія, которыя этого требуютъ для блага общаго и въ пользу нашихъ подданныхъ, терпѣвшихъ различныя обиды и притѣсненія отъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ мы узнали по слухамъ и донесенію многихъ людей, достойныхъ довѣрія, и положивъ на совѣтѣ въ Нашемъ вѣрномъ городѣ, и проч., прекратить злоупотребленія всею силою Нашей власти и всѣми путями и способами, какіе только возможны, согласно съ разумомъ и справедливостію; притомъ намѣреваясь совершить это дѣло обдуманно и торжественно, по совѣту Прелатовъ, Бароновъ и вѣрныхъ городовъ Нашего Государства, преимущественно же васъ самихъ, въ угодность Божію и во благо нашихъ подданныхъ: Мы повелѣваемъ, и проч. Mably, Observat. II. App. p. 386. Мысли въ этомъ воззваніи замѣчательны: онѣ не по вѣку возвышенны и сильны. Въ 1355 году, при Королѣ Іоаннѣ, во Франціи происходило любопытное собраніе Чиновъ Государственныхъ. Душею его былъ, вмѣстѣ съ Епископомъ Ліонскимъ, Марсель, Парижской Градской Глава; всѣхъ членовъ присутствовало около осьми сотъ, и большую ихъ половину составляли городскіе депутаты. Secousse Préf. à Ordon. tom III,

p. 48. Они, кажется, имѣли великое вліяніе на всѣ собранія Чиновъ при Королѣ Іоаннѣ, и среднее состояніе, по видимому, почиталось во всѣхъ отношеніяхъ равнымъ каждому изъ двухъ прочихъ сословій. Ibid. passim. Городскіе представители вошли въ силу во Франціи задолго до того, какъ въ Англіи the House of Commons пріобрѣлъ значительное вліяніе на законодательство. Феодальная Система, достигнувъ во Франціи совершеннаго своего развитія скорѣе, нежели въ Англіи, ранѣе же, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ Королевствѣ, и начала въ ней клониться къ упадку. Здѣсь не мѣсто изслѣдывать какія случайныя происшествія и политическія причины произвели это различіе.

Замѣчаніе XX. Отдѣленіе I. Стран. 40.

По вольноотпускнымъ: 1) прекращалось право продавать и дарить рабовъ. 2) Они получали власть располагать своею собственностію по завѣщанію и другимъ законнымъ актамъ; а если умирали, не оставивъ духовной, то собственность ихъ переходила къ законнымъ наслѣдникамъ точно также, какъ собственность другихъ гражданъ. 3) Означалось опредѣлительно, какія отпущеннымъ на волю отправлять работы на ихъ леннаго владѣтеля и какія платить ему подати, что прежде зависѣло отъ его произвола. 4) Давалось имъ преимущество жениться по выбору, между тѣмъ какъ прежде они не могли вступать въ бракъ безъ позволенія господина, и притомъ ни съ кѣмъ, кромѣ его рабынь. Всѣ эти подробности соединены въ грамотѣ, дарованной Habitatoribus Montis Britonis въ 1376 году. Hist. de Dauphiné, tom I. p. 81. Многія обстоятельства, заодно съ упомянутыми мною, споспѣшествовали освобожденію земледѣльцевъ изъ прежняго ихъ состоянія. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ кроткій духъ Христіанской Вѣры, вмѣстѣ съ ученіемъ ея о безпристрастіи, съ которымъ Всемогущій взираетъ на людей всякаго состоянія и

дѣлаетъ ихъ причасниками Своихъ благъ. Большая часть отпускныхъ до царствованія Людовика X дарованы *pro amore Dei*, *pro remedio animae*, *pro mercede animae*. Murat. Antiq. Ital. vol. 1. p. 849, 850. Du Cange, voc. *manumissio*. Обрядъ отпущенія на волю совершался въ церквѣ, какъ священное торжество. Вольноотпускаемаго съ горящимъ факеломъ въ рукѣ водили кругомъ большаго алтаря и останавливали на углахъ его, гдѣ произносились торжественныя слова, доставлявшія свободу. Du Cange, ib. vol. IV. p. 467. Я помѣщу здѣсь часть отпускной, данной въ 1056 году, какъ потому, что она содержитъ полное описаніе обрядовъ отпущенія на волю, такъ и въ образецъ, какъ несовершенно знали Латинской языкъ въ томъ варварскій вѣкъ. Она дана Виллою, вдовою Гуга, Герцога и Маркиза, одной изъ ея рабынь, Клеризѣ. „Et ideo nos Domine Wille inclite cometisse — libera et absolvo te Cleriza filia Uberto — pro timore Omnipotentis Dei, et remedio luminarie anime bone memorie quandam supra scripto Domini Ugo gloriosissimo, ut quando illum Dominus de hac vita migrare jusserit, pars iniqua non abeat potestatem ullam, sed anguelus Domini nostri Jesu Christi colocare dignitur illum inter sanctos dilectos suos; et beatus Petrus princips apostolorum, qui habed potestatem omnium animarum ligandi et absolvendi, ut ipsi absolvat animae ejus de peccatis sui, et aperiad illum janua paradisi; pro eadem vero rationi, in mano mite te Benzo presbyter, ut vadat tecum in ecclesia sancti Bartholomaei apostoli; traad de tribus vicibus circa altare ipsius ecclesiae cum caereo apprehensum in manibus tuis et manibus suis; deinde exite ambulate in via quadrubio, ubi quatuor vie se dividuntur. Statimq; pro remedio luminarie anime bone memorie quondam supra scripto Domini Ugo et ipsi presbyter Benzo fecit omnia, et dixit, Ecce quatuor vie, ite et ambulate in quacunq; partem tibi placuerit, tam sic supra scripta Cleriza, qua nosque tui heredes, qui ab ac hora in antea nati, vel procreati fuerit utriusq; sexus, etc." Murat. ib. p. 853. Можно найти много другихъ грамотъ, которыя въ отно-

шенiи къ Грамматикѣ и слогу нисколько этой не превосходятъ. Отпущенiе на волю дѣлалось иногда по завѣщанiю на смертномъ одрѣ, потому что сердце человѣческое бываетъ расположено въ это время къ чувствованiямъ человѣколюбiя и благочестiя. Du Cange ubi supra, p. 470, et voc. *Servus*. vol. VI. p. 451. Другимъ средствомъ полученiя свободы было вступленiе въ духовные ордены, или постриженiе въ монахи. Это обыкновенiе нѣсколько времени было терпимо; но столько рабовъ вышло изъ власти своихъ господъ, что его скоро ограничили и наконецъ совершенно отмѣнили законами почти у всѣхъ Европейскихъ народовъ. Murat. ib. p. 842. Маркульфъ издалъ нѣсколько вольноотпускныхъ различнаго рода; всѣ онѣ основаны на набожныхъ причинахъ; давались для прiобрѣтенiя милости Божiей, или для полученiя оставленiя грѣховъ. Lib. II. c. 23, 33, 34. edit. Baluz. Здѣсь кстати замѣтить, что церкви и монастыри имѣли множество рабовъ добровольныхъ (*oblati*). Mabillon de Re Diplomat. lib. VI. 632. Ихъ можно раздѣлить на три разряда. Къ первому принадлежали тѣ, которые и себя и свое имущество поручали покровительству какой-нибудь церкви, или монастыря, обязываясь защищать его преимущества и собственность. Они дѣлали это не просто изъ благочестiя, но желая получить безопасность. Они были, лучше сказать, вассалы, а не рабы; иногда люди благороднаго происхожденiя снискивали такимъ образомъ церковное покровительство. Рабы втораго разряда обязывались платить церквѣ, или монастырю, ежегодную подать, или доходъ съ земель своихъ; а иногда исправлять сверхъ того нѣкоторыя работы. Эти рабы назывались *Consuales*. Третiй разрядъ состоялъ изъ людей, которые дѣйствительно отказывались отъ вольности и становились рабами въ строгомъ, собственномъ смыслѣ этого слова. Ихъ называли *Ministeriales;* они порабощали свои тѣла, какъ видно изъ нѣкоторыхъ грамотъ, чтобы прiобрѣсти свободу душамъ. Polgiesserus de Statu Servorum. lib. 1. c. 1.

§ 6, 7. Какъ ревностно духовенство поддерживало мысли, благопріятныя этому обычаю, показываетъ заключеніе акта, по которому нѣкто отдается въ рабы монастырю: „Cum sit omni carnali ingenuitate generosius extremum quodcunq; Dei servitium, scilicet quod terrena nobilitas multos plerumq; vitiorum servos facit, servitus vero Christi nobiles virtutibus reddit, nemo autem sani capitis virtutibus vitia comparaverit, claret pro certo eum esse generosiorem, qui se Dei servitio praebuerit proniorem. Quod ego Ragnaldus intelligens, etc.“ Въ другой грамотѣ находимъ слѣдующее: „Eligens, magis esse servus Dei quam libertus saeculi, firmiter credens et sciens, quod servire Deo regnare est, summaque ingenuitas sit, in qua servitus comparabatur Christi,“ etc. Du Cange, voc. *oblatus*, vol. IV. p. 1286, 1287. Не должно думать, что въ цвѣтущее состояніе Феодальной Системы рабы часто отпускались на волю. Напротивъ, были законы, ограничивавшіе это обыкновеніе, какъ вредное для общества. Potgies. lib. IV. c. 2. § 6. Изъ предписанія знаменитаго Бертрана дю Гескленъ, Конетабля Франціи, видно, что обычай отпускать на волю почитался гибельнымъ нововведеніемъ. Morice. Mém. pour servir des Preuves à l'Hist. de Bret. tom. II. p. 100. Иногда рабы, получая свободу, обязывались исправлять нѣкоторыя работы на прежнихъ своихъ господъ, и отличались отъ прочихъ подданныхъ тѣмъ, что не имѣли права ни пріобрѣтать земель, ни вступать въ члены городскихъ общинъ того владѣнія, къ которому они прежде принадлежали, Martene et Durand. Thesaur. Anecdot. vol. 1. p. 914. Это, однако, не было, кажется, въ общемъ обыкновеніи.—Въ Англійскомъ Уложеніи нѣтъ общаго постановленія объ отпущеніи на волю, подобнаго приведенному изъ указовъ Французскихъ Королей. Хотя духъ Англійскаго правленія, кажется, рано благопріятствовалъ личной свободѣ, однако личное рабство долго существовало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи. Въ 1514 году мы находимъ отпускную, дарованную Генрихомъ VIII двумъ рабамъ, приписаннымъ къ одному изъ его владѣній. Rym

Foeder. vol. XIII. p. 470. Даже въ 1574 отъ Королевы Елисаветы было препорученіе объ отпущеніи на волю нѣкоторыхъ ея рабовъ. Rymer, in Observations on the Statutes, etc. p. 251.

Замѣчаніе XXI. Отдѣленіе I. Стран. 46.

Въ среднихъ вѣкахъ нѣтъ обычая страннѣе междоусобной войны. Это право, по важности своей и всемѣстному владычеству въ Европѣ, занимаетъ значительное мѣсто въ законахъ среднихъ вѣковъ. Монтескье, который истолковалъ такъ много труднаго и запутаннаго въ феодальномъ Законовѣдѣніи и озарилъ свѣтомъ столько темныхъ и непонятныхъ обычаевъ, не имѣлъ случая, по свойству своего предмета, войти объ этомъ въ изслѣдованіе; и потому я съ особенною подробностію изложу причины и постановленія, благопріятныя обычаю, совершенно противному настоящимъ понятіямъ образованныхъ народовъ о правленіи и общественномъ порядкѣ. 1) У древнихъ Германцевъ и другихъ народовъ въ грубомъ состояніи общежитія, право мстить за обиды было частное и личное; отмщали силою, не относясь къ посреднику, не требуя судейскаго разбора. Яснѣйшія тому доказательства приведены въ замѣчаніи VI. 2) Этотъ обычай существовалъ между варварами и послѣ поселенія ихъ въ завоеванныхъ областяхъ Имперіи; а какъ причины къ раздору у нихъ умножились, то семейственныя вражды и частныя войны стали гораздо чаще. Доказательства тому находятся у ихъ первыхъ Историковъ (Gregor. Turon. Hist. lib. VII c. 2; lib. VIII c. 18; lib. X, c. 27) и въ сводахъ ихъ законовъ. Родственникамъ не только позволялось мстить за обиды, нанесенныя ихъ кровнымъ, но даже они были къ тому обязаны. Такимъ образомъ по закону Англовъ и Веринговъ (Werini) ad quemcunque hereditas terrae pervenerit, ad illum vestis bellica id est lorica et ultio proximi, et solatio leudis, debet pertinere. Tit. 6. § 5, ap.

Lindenbr. Leg. Salic. tit. 63. Leg. Longob. lib. II, tit. 14 § 10. — 3) Никто, кромѣ дворянина, или человѣка благороднаго происхожденія, не имѣлъ права на частную войну. Всѣ споры между рабами, поселянами, жителями городовъ и свободными людьми низкаго званія рѣшались въ судебныхъ мѣстахъ. Всѣ тяжбы между дворянами и людьми низкаго званія производились подобнымъ же образомъ. Право частной войны предполагало благородство происхожденія и равенство званія между враждующими сторонами. Beaumanoir, Coustumes de Beauv. ch. 59. p. 300. Ordon. des Rois de France, tom. 2. 395. § 17, 508. § 15, etc. Почетное духовенство также требовало права на частную войну и пользовалось имъ; но какъ духовнымъ особамъ непристойно было лично предводительствовать войскомъ, то нѣкоторые монастыри и Епископства избирали себѣ *защитников* (advocati, или vidames), обыкновенно людей высокаго званія и знаменитыхъ, которые armis omnia, quae erant ecclesiae viriliter defendebant, et vigilanter protegebant. Brussel, Usage des Fiefs. tom. I. p. 144. Du Cange voc. *advocatus*. Во многихъ случаяхъ, воинственный образъ мыслей духовныхъ особъ благороднаго происхожденія заставлялъ ихъ забывать миролюбивый духъ своего званія и увлекалъ ихъ на ратное поле въ сопровожденіи вассаловъ; flamma, ferro, caede, possessiones ecclesiarum praelati defendebant." Guido Abbas ap. Du Cange, ib. p. 179. — 4) Не всякая обида и преступленіе давали дворянину право воевать съ его противникомъ. Только самые звѣрскіе поступки и оскорбленія, нанесенныя всенародно, были законными и позволительными причинами къ поднятію оружія противъ виновнаго. Преступленія, теперь у образованныхъ народовъ наказываемыя смертію, въ то время оправдывали междоусобія Beaum. ch. 59. Du Cange Dissert. 29, sur Joinville, p. 331. Но хотя отмщеніе обидъ служило единственнымъ поводомъ къ законному производству частной войны, однакоже и споры о собственности не рѣдко давали начало непріязненнымъ дѣй-

ствіямъ и рѣшались мечемъ. Du Cange Dissert. p. 332. — 5) Всѣ присутствовавшіе при завязкѣ ссоры, или при совершеніи насилія, замѣшивались въ войну, отъ того происходившую; тогда предполагали, что невозможно было человѣку въ такомъ положеніи оставаться спокойнымъ зрителемъ и не пристать къ которой нибудь изъ противныхъ сторонъ. Beauman. p. 300.— 6) Всѣ родственники двухъ главныхъ враговъ вовлекались въ ихъ войну, обязаны были вступаться за того, съ кѣмъ соединяли ихъ кровные узы. Du Cange, ib. 332. Это основывалось на правилѣ древнихъ Германцевъ: быть врагомъ врагамъ отца своего, или родственника, и другомъ друзей его (suscipere tam inimicitias seu patris, seu propinqui, quam amicitias necesse est) — на правилѣ, естественномъ для всѣхъ грубыхъ народовъ, укореняемомъ ихъ образомъ общежитія. Замѣчателенъ способъ опредѣлять степень родства, которая обязывала каждаго участвовать во враждѣ своего ближняго. Церковь возбраняла браки между родственниками даже въ седьмомъ колѣнѣ, и долгъ мести простирался такъ же далеко; всѣ, находившіеся въ этомъ отдаленномъ свойствѣ съ которымъ-нибудь изъ главныхъ враговъ, вовлекались въ бѣдствія войны. Когда же церковь, смягчивъ первоначальную, необходимую строгость, приняла за правило не допускать браковъ между родственниками только до пятаго колѣна, тогда это же ограниченіе послѣдовало и въ производствѣ междоусобныхъ войнъ. Beauman. 303. Du Cange Dissert. 333. —7) Два родные брата не могли воевать между собою, потому что у обоихъ одни общіе родственники, и слѣдовательно ни который изъ нихъ не имѣетъ людей, обязанныхъ помогать одному противъ другаго; но два брата сводные могли воевать между собою, потому что каждый имѣетъ особенную родню. Beauman. p. 299. — 8) Вассалы каждаго зачинщика междоусобной войны вовлекались въ нее по феодальнымъ законамъ, которые повелѣвали имъ вооружаться на защиту ихъ леннаго владѣтеля и помогать ему

въ каждой ссорѣ. По этому какъ скоро введена была феодальная зависимость и учредилась искусственная связь между Барономъ и его вассалами, то послѣдніе пришли въ одно отношеніе съ родственниками. Beauman. 303. — 9) Нѣсколько столѣтій междоусобія были весьма часты. Ничто столько не способствовало умноженію безпорядковъ въ обществѣ и ожесточенію нравовъ, доведшихъ Европейскіе народы до того жалкаго состоянія, которое отличаетъ періодъ, мною обозрѣваемый. Ничто столько не препятствовало надлежащему отправленію правосудія. Ничто не могло болѣе устрашить промышленности и замедлить успѣховъ и усовершенствованія мирныхъ искусствъ. Междоусобныя войны производились съ ужасною свирѣпостію, свойственною неумолимой ненависти, которую поддерживаетъ вооруженная сила и поощряютъ законы. Изъ указовъ, запрещающихъ частныя войны, видно, что вторженіе самаго лютаго врага не могло быть опустошительнѣе ихъ для государства и гибельнѣе для народа. Ordon. tom. 1 p. 701; tom. II, p. 395, 408, 507, и пр. Современные Историки описываютъ неистовость, съ которою онѣ производились въ выраженіяхъ, возбуждающихъ изумленіе и ужасъ. Я приведу только одно мѣсто изъ Исторіи Священной Брани, сочиненной Гибертомъ Епископомъ Ножанскимъ: „Erat eo tempore maxima ad invicem hostilitatibus totius Francorum regni facta turbatio, crebra ubique latrocinia, viarum obsessio; audiebantur passim, immo fiebant incendia infinita; nullis præter sola et indomita cupiditate existentibus causis extruebantur praelia; et ut brevi totum claudam, quicquid obtutibus cupidorum subjacebat, nusquam attendendo cujus esset, praedae patebat.“ Gesta Dei per Francos, vol. 1, p. 482.

Собравъ такимъ образомъ главныя постановленія, вошедшія въ обычай касательно права и производства междоусобій, я исчислю въ хронологическомъ порядкѣ различныя средства, употребленныя для ихъ ограни-

ченія и уничтоженія. 1) Первое средство, принятое гражданскою властію, чтобы несколько укротить свирѣпость родственнаго мщенія, было назначеніе законной пени, или возмездія за каждое преступленіе. Обиженный былъ первоначально единственнымъ судіею въ свойствѣ обиды, ему нанесенной, въ степени отмщенія, которое ему надлежало произвести, или въ возмездіи, которымъ онъ могъ удовлетвориться. Ненависть была неумолима и кровожадна. Часто вмѣнялось въ честь ни прощать, ни мириться. Отъ этого стало необходимо назначить пени, занимающія важное мѣсто въ законахъ варварскихъ народовъ. Гражданское начальство разбирало свойство преступленій и обидъ, и назначало за нихъ пени съ мелочною и часто странною подробностью. Ротарій, законодатель Ломбардцевъ, царствовавшій около половины седьмаго столѣтія, обнаруживаетъ съ какимъ намѣреніемъ налагаетъ онъ большія пени: это для того, говоритъ онъ, чтобы угасло пламя вражды, прекратилось преслѣдованіе и возстановленъ былъ миръ. Leg. Longob. lib. 1, tit. 7, § 10. — 2) Передъ началомъ девятаго столѣтія Карлъ Великій коснулся до самаго корня зла и повелѣлъ, чтобы виновный въ преступленіи, или обидѣ, немедленно подвергался церковному покаянію и платилъ узаконенную пеню; если же обиженный, или его родня, откажутся отъ ея принятія и рѣшатся мстить силою оружія, то ихъ земли и движимое имущество брать въ казну. Capitul. A. D. 802. edit. Baluz. vol. 1, p. 371. — 3) Но въ этомъ, какъ и въ другихъ постановленіяхъ, геній Карла Великаго опередилъ духъ своего вѣка. Современники его, по невѣжественнымъ понятіямъ о правленіи и великой грубости нравовъ, не могли покориться этому закону. Междоусобія со всѣми своими ужасами стали еще чаще по смерти Карла Великаго. Преемники его были неспособны обуздать ихъ. Церковь увидѣла необходимость своего посредничества. Самый древній изъ Соборовъ, созванныхъ по этому случаю, относится къ концу десятаго сто-

лѣтія. Въ 990 году нѣсколько Епископовъ Южной Франціи собрались и издали различныя постановленія, чтобы положить нѣкоторые предѣлы междоусобнымъ войнамъ; если кто въ ихъ Епархіяхъ дерзалъ нарушить эти постановленія, того лишали всѣхъ преимуществъ Христіанина въ продолженіе жизни и Христіанскаго погребенія по смерти. Du Mont Corps Diplomatique, tom. 1, p. 41. Однако это было только мѣстное средство. Въ 994 году созвали Соборъ въ Лиможѣ, и мощами святыхъ, нарочно принесенными, увѣщавали людей положить оружіе, забыть свои вражды и произнести клятву — на будущее время не нарушать общественнаго спокойствія частными раздорами. Bouquet, Recueil des Histor. vol. X. p. 49, 147. Нѣкоторые другіе Соборы также издали узаконенія съ этою цѣлію. Du Cange Dissert. 343. — 4) Но власть Соборовъ, сколько ни почиталась священною въ тѣ вѣки, не могла уничтожить обычая, лестнаго для гордости дворянъ и питавшаго любимыя ихъ страсти. Онъ такъ усилился, что стало необходимо употребить сверхъестественныя мѣры для его прекращенія. Въ 1032 году Аквитанскій Епископъ объявилъ, что Ангелъ явился ему и принесъ съ неба писаніе, повелѣвавшее людямъ прекратить междоусобія и примириться другъ съ другомъ. Онъ объявилъ объ этомъ откровеніи въ годину общественнаго бѣдствія. Сердца человѣческія были расположены къ принятію благочестивыхъ впечатлѣній и готовы на всякое пожертвованіе въ отвращеніе гнѣва небеснаго. Наступилъ общій миръ, и на цѣлыя семь лѣтъ прекратились междоусобія; принято было рѣшеніе, чтобы впередъ никто не нападалъ на своихъ противниковъ и не вредилъ имъ во времена, назначенныя для торжествованія главныхъ церковныхъ событій, то есть: съ вечера четверга до утра понедѣльника, по особенной святости дней, между ими заключающихся: въ одинъ изъ нихъ совершилось страданіе, а въ другой воскресеніе нашего Спасителя. Такая внезапная перемѣна въ чувствованіяхъ людей признана была чудомъ,

и отдыхъ отъ междоусобій, произведенный ею, назвали *Миромъ Божіимъ* Glaber. Rodulphus Histor. lib. V. ap. Bouquet. vol. X, p. 59. Это изъ постановленія, или условія, единодушно принятаго всѣми въ одномъ Королевствѣ, сдѣлалось всеобщимъ закономъ для Христіанъ, подтвержденнымъ Папскою властію. Нарушители мира Божія подвергались отлученію отъ Церкви. Corpus Jur. Canon. Decretal. lib. 1, tit. 34, c. 1. Du Cange Glossar. voc. *Treuga*. Де Викъ и Везетъ въ Исторіи Лангедока (tom. II Preuves, p. 206) помѣстили Соборный Тулузскій Уставъ 1041 года, содержащій всѣ условія, которыхъ требуетъ миръ Божій. Прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій еженедѣльно на три дни доставляло страстямъ противниковъ значительное время для охлажденія, а народу для отдыха отъ ужасовъ войны и для принятія мѣръ къ своей безопасности. Внутреннія войны вѣроятно бы прекратились, если бы миръ Божій соблюдался въ точности; но этого, кажется, не было; дворяне продолжали непрерывно междоусобствовать по прежнему. Qua nimirum tempestate, universae provinciae adeo devastationis continuae importunitate inquietantur, ut ne ipsa, pro observatione divinae pacis, professa sacramenta custodiantur. Abbas Uspurgensis apud Datt, de pace imperii publica, p. 13 No 35. Никакія обязательства не могли обуздать буйнаго духа дворянства. Епископы, желая принудить это сословіе къ возобновленію обѣтовъ и клятвъ прекратить междоусобія, запрещали подчиненному своему духовенству отправлять божественную службу и всѣ церковные обряды во владѣніяхъ упорныхъ нарушителей мира Божія. Hist. de Langued. par D. D. de Vic et Vaisette, tom. II. Preuves. p. 118.—5) Народъ, нетерпѣливо искавшій успокоенія отъ страданій своихъ, неоднократно призывалъ на помощь сверхъестественное. Въ концѣ XII столѣтія одинъ Гіенскій плотникъ проповѣдывалъ новое видѣніе, и былъ принятъ за вдохновеннаго посланника Божія. Многіе Прелаты и Бароны собрались въ Пюи и дали клятву не только примириться съ личными свои-

ми непріятелями, но даже дѣйствовать противъ тѣхъ, которые не захотятъ положить оружія и простить врагамъ своимъ. Съ этою цѣлію составили они союзъ, и приняли почетное названіе *Братства Божія.* Robertus de Monte Michaele, ap. M. de Lauriere Préf. tom. I. Ordon. p. 29. Но вліяніе суевѣрнаго страха и благочестія было непродолжительно.— 6) Гражданская власть увидѣла необходимость употребить свою силу для истребленія обычая, грозившаго Государству погибелью. Филиппъ Августъ, какъ нѣкоторые думаютъ, или, вѣроятнѣе, Людовикъ Святой въ 1245 году издалъ указъ, запрещавшій всякому нападать на друзей и вассаловъ своего противника до исхода сорока дней отъ дня преступленія, или обиды, подавшей поводъ къ войнѣ, и объявляетъ ослушника виновнымъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія и подлежащимъ такому же суду и казни, какъ измѣнника. Ordon. tom. I. p. 56. Сорокодневное удержаніе отъ междоусобій называлось тогда *Королевскимъ Миромъ* и давало время утихнуть пылу гнѣва и успѣть добрымъ намѣреніямъ посредниковъ. Благотворныя дѣйствія этого постановленія, кажется, были значительны, если судить по стараніямъ Французскихъ Королей объ его поддержаніи. Желая еще болѣе ограничить междоусобія, Филиппъ Прекрасный въ концѣ того же столѣтія, именно въ 1296 году, издалъ указъ, повелѣвающій прекращать всѣ частныя войны, пока онъ будетъ воевать съ внѣшними непріятелями. Ordon. tom. 1, p. 328, 390. Этотъ указъ, необходимый для бытія и цѣлости Государства, часто былъ возобновляемъ преемниками Филиппа и, поддерживаемый верховною властію, служилъ крѣпкою преградою гибельнымъ раздорамъ дворянства. Оба указа изъ Франціи перешли въ прочія Государства Европы. —8) Однако междоусобія такъ глубоко укоренились, что всѣ эти средства не помогали. Едва воцарялся общій миръ въ Королевствѣ, какъ Бароны возобновляли свои войны. Они не только защищали свое гибельное право, но даже старались уничтожить всѣ его ограни-

ченія. По смерти Филиппа Прекраснаго, дворяне различныхъ областей Франціи, составивъ между собою союзы, предложили его преемнику отмѣнить нѣкоторые законы, стѣснявшіе ихъ преимущества, особенно право частной войны, и требовали уничтоженія мира Божія, мира Королевскаго и указа 1296 года. Оба сына Филипповы, царствовавшіе одинъ послѣ другаго, иногда отклоняли требованія дворянъ, иногда уступали имъ. Ordon. tom. 1. p. 551, 557, 561, 573. Указы, на которые я здѣсь ссылаюсь, такъ длинны, что нельзя ихъ включить сюда, но они чрезвычайно любопытны и особенно поучительны для Англичанина, проливая яркій свѣтъ на то время Англійской Исторіи, когда покушенія ограничить Королевскія права дѣлались не народомъ, а дворянствомъ. Нѣтъ надобности приводить доказательства, какъ продолжительны и часты были междоусобія при преемникахъ Филиппа Прекраснаго. — 9) Въ подкрѣпленіе и распространеніе Королевскаго мира ввели обычай, нѣсколько подобный ему. Стали требовать отъ враждебныхъ сторонъ письменнаго взаимнаго обезпеченія, которымъ онѣ обязывались воздерживаться отъ междоусобій или на нѣкоторое время, означенное въ подпискѣ, или навсегда, и платить тяжкія пени за нарушеніе своего обязательства. Эти обезпеченія иногда давались добровольно, но чаще по настоянію гражданскаго начальства. Въ слѣдствіе просьбы слабѣйшаго изъ противниковъ судья требовалъ другаго къ суду и обязывалъ его дать подписку взаимнаго обезпеченія. Если же и послѣ того онъ продолжалъ непріятельскія дѣйствія, то его наказывали какъ измѣнника. Это ограниченіе частныхъ войнъ извѣстно было въ вѣкъ Людовика Святаго. Establissemens, lib. 1. c. 28. Оно было весьма обыкновенно въ Бретани, и особенно замѣчательно, что такими подписками обезпечивали себя взаимно вассалы и владѣтель, отъ котораго они зависѣли. Оливье Клисонскій далъ одну Герцогу Бретанскому, верховному своему владѣтелю. Morice Mém. pour servir de preuves à l'Hist. de Bret.

tom. 1. p. 846. II, p. 371. Брюссель собралъ много примѣровъ письменныхъ обезпеченій въ другихъ областяхъ Франціи, tom. II. p 856. Дворяне Бургундскіе возстали противъ этого обычая и были освобождены отъ его исполненія. Ordon. tom. I. p. 558. Онъ былъ сперва введенъ въ городахъ, а благотворныя его слѣдствія, въ нихъ испытанныя, побудили правительство распространить его на дворянство. См. Замѣч. XVI.—10) Бѣдствія междоусобій иногда становились такъ велики, что дворяне вступали въ добровольные союзы, обязываясь всѣ спорныя дѣла, касавшіяся до ихъ собственности и чести, отдавать на рѣшеніе союзниковъ по большинству голосовъ. Morice Mém. pour servir de preuves à l'Hist. de Bret tom. II. p. 728.—11). Но какъ эти средства вышли недѣйствительны, то Карлъ VI въ 1413 году издалъ указъ, рѣшительно запретившій междоусобныя войны подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и уполномочившій обыкновенныхъ судей наказывать ослушниковъ заключеніемъ въ тюрьму, описью въ казну ихъ имѣнія и отсылкою полицейскихъ служителей (*mangeurs et gasteurs*) на безотчетное житье въ ихъ помѣстья. Если же не льзя было схватить самихъ ослушниковъ, то повелѣвалось брать подъ стражу ихъ друзей и вассаловъ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ обезпеченія въ мирномъ своемъ поведеніи; законы же, обычаи и преимущества, противные этому указу, всѣ были уничтожены. Ordon. tom. X. p. 138. Какъ медленны успѣхи разума и общественнаго благоустройства! Законы, которые кажутся намъ такъ справедливы, ясны и просты, требовали для своего утвержденія вѣковыхъ усилій гражданской и духовной власти. Даже и послѣ Карла VI, Людовикъ XI принужденъ былъ частнымъ указомъ 1451 года уничтожить междоусобныя войны въ Дофинѣ. Du Cange Dissert. p. 348.

Это замѣчаніе вышло бы очень длинно, если бы я вздумалъ съ такою же подробностію изслѣдовать

распространеніе междоусобій въ другихъ странахъ Европы. Въ Англіи понятія Саксонцевъ о личной мести, о правѣ частной войны и пенѣ въ пользу обиженной стороны были, кажется, точно такія же, какія господствовали на твердой землѣ. Указамъ современныхъ Французскихъ Королей совершенно подобны законы Ины *de vindicantibus* въ осьмомъ столѣтіи, (Lamb. p. 3.), Эдмонда *de homicidio* и *de inimicitiis* въ десятомъ (Lamb. p. 72, 76), и Эдуарда Исповѣдника *de temporibus et diebus pacis*, или Treuga Dei въ одиннадцатомъ. Lamb. p. 126. Законы Эдуарда, *de pace regis*, еще гораздо точнѣе изданныхъ Французскими Королями и показываютъ различными распоряженіями, что тогда внутреннее устройство въ Англіи было совершеннѣе, чѣмъ во Франціи. Lambard, p. 128. fol. vers. Даже и послѣ Норманскаго завоеванія междоусобія не совсѣмъ прекратились, и по временамъ выходили указы для ихъ уничтоженія, какъ видно изъ Мадоксова Formulare Anglicanum, № CXLV, и выписокъ изъ Doomsday Book, изданныхъ Галемъ. Scriptores Hist. Britan. p. 759. 777. Извѣстное заключеніе въ формѣ Англійскихъ приговоровъ, какъ бы увеличивающее уголовное преступленіе: что такой то напалъ на другаго во время мира Божія и Королевскаго, заимствовано, кажется, отъ *Treuga*, или *Pax Dei* и отъ *Pax Regis*, о которыхъ я упоминалъ. Однако послѣ Норманскаго завоеванія извѣстія о междоусобіяхъ дворянства встрѣчаются въ Исторіи Англіи рѣже, нежели въ Исторіяхъ другихъ Европейскихъ народовъ, и въ Англійскихъ законахъ уже не найдемъ никакихъ уставовъ объ этомъ пагубномъ обычаѣ.— Такая перемѣна въ правахъ Англичанъ весьма замѣчательна. Должно ли приписать ее обширной власти, которую Вильгемъ Норманскій, пріобрѣтя по праву завоеванія, завѣщалъ своимъ преемникамъ, и которая придала отправленію правосудія болѣе строгости и рѣшительности, а правамъ Королевскаго судилища болѣе силы, нежели на твердой землѣ? Или произошло это отъ поселенія въ Англіи Норман-

новъ, которые, никогда, не принимавъ обычая междоусобныхъ войнъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, уничтожили его и въ завоеванномъ ими Королевствѣ? Въ указѣ Французскаго Короля Іоанна утверждается, что въ Нормандіи всегда запрещалось людямъ всякаго званія производить частную войну, и что она всегда почиталась незаконною. Ordon. tom. II. p. 407. Если бы это было достовѣрно, то упомянутая мною особенность достаточно бы объяснилась. Но какъ есть акты Англійскаго Парламента, которые, по замѣчанію ученаго издателя *Observations on the statutes, chiefly the more ancient*, содержатъ ложныя извѣстія; такъ точно есть подобные же законы и у другихъ народовъ. Не взирая на положительныя слова Французскаго указа, сильная причина заставляетъ думать, что они ложны. Впрочемъ здѣсь не мѣсто входить объ этомъ въ изслѣдованіе. Это предметъ, достойный любопытства Англійскаго антикварія.

Въ Кастиліи гибельный обычай междоусобія также господствовалъ и былъ освященъ законами. Leges Tauri, tit. 76, cum commentario Anton. Gomezii p. 551. Кастильское дворянство, безпокойное и могущественное, навлекло на свое отечество много бѣдствій взаимными раздорами и войнами. Маріана приводитъ безчисленныя тому доказательства. Въ Арагоніи самоуправство было равнымъ образомъ допущено Правомъ, свирѣпствовало въ полной силѣ и сопровождалось тѣми же несчастными послѣдствіями. Hieron. Blanca Comment. de Rebus Aragon. ap. Schotti. Hispan. Illustrat. vol. III. p. 733. Lex Jacobi I. 1247. Fueros et Observancias del Reyno de Aragon. lib. IX. p. 182. Еще остались нѣкоторые договоры между Арагонскими Королями и дворянствомъ для возстановленія спокойствія, основанные на мирѣ Божіемъ. Petr. de Marca, *Marca* sive Limes Hispanic. App. 1303, 1388, 1428. Въ 1165 году Король и Судъ Арагонскій соединялись для уничтоженія права частной войны и наказанія требователей этого преимущества. Anales. de Aragon. por Zu-

rita, vol. I. p. 73. Но междоусобія такъ укоренились, что Карлъ V принужденъ былъ въ 1519 году издать законъ въ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ постановленій, клонившихся къ ихъ прекращенію. Fueros et Observanc. lib. IX. 183.

Ломбардцы и другіе сѣверные народы, поселившіеся въ Италіи, приняли тѣ же правила касательно права мести; слѣдствія вышли тѣ же и средства къ прекращенію междоусобій подобны исчисленнымъ выше. Murat. Ant. Ital. vol. II. p. 306. etc.

Въ Германіи безпорядки и бѣдствія, произведенныя правомъ частной войны, были значительнѣе, нежели въ другихъ Государствахъ Европы. Междоусобія, воспламененныя спорами Папъ съ Императорами Франконскаго и и Швабскаго Дома такъ потрясли и ослабили власть Императорскую, что не только дворянство, но даже города пріобрѣли почти полную независимость и презирали всякую подчиненность и повиновеніе законамъ. Въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ часто упоминается объ этихъ междоусобіяхъ (*faidae*), и гибельныя слѣдствія ихъ весьма живо описаны. Datt de Pace Imper. pub. lib. I, c. 5. № 30 et passim. Германцы рано приняли миръ Божій, сперва учрежденный во Франціи. Но это было временное и недѣйствительное средство. Безпорядки быстро умножились, стали ужасны, грозили Государству погибелью и принудили Германцевъ обратиться къ единственному вѣрному пособію, т. е. къ совершенному запрещенію частныхъ войнъ. Съ этою цѣлію Императоръ Вильгельмъ издалъ указъ въ 1255 г., за 160 лѣтъ до указа Карла VI во Франціи. Datt, lib. I. cap. 4. № 20. Но ни самъ онъ, ни преемники его не имѣли силы поддержать изданное повелѣніе. Это послужило въ Германіи поводомъ къ обыкновенію, дающему ясное понятіе и о страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя междоусобія навлекали, и о слабости правленія въ XII и XIII столѣтіяхъ. Города и дворяне заключали договоры и союзы между собою, обязываясь

поддерживать общественное спокойствіе и вооружаться противъ его нарушителей. Такъ произошли союзы Рейнскій, Швабскій и многіе меньшіе, извѣстные подъ различными именами. Датпъ весьма подробно описалъ ихъ начало и благотворныя слѣдствія. Германія обязана имъ тѣмъ общественнымъ спокойствіемъ и благоустройствомъ, которыя существовали въ ней отъ начала XII до конца XV столѣтія. Но совершенное, вѣчное уничтоженіе права частной войны свершилось только въ 1495 году. Императорская власть къ этому времени прочнѣе утвердилась, а понятія людей о правленіи и подчиненности стали справедливѣе. Варварское и гибельное право, которымъ дворяне такъ долго пользовались, было признано несовмѣстнымъ съ бытіемъ и благосостояніемъ Государства. Для рѣшенія споровъ между различными членами Германіи учредили Имперскую Камеру съ верховнымъ правомъ рѣшать окончательно всякія дѣла, въ нее поступившія. Она существуетъ и теперь, а есть важное судилище, необходимое для Германіи. Datt, lib. III, IV, V. Pfeffel Abrégé de l'Histoire du Droit, etc. p. 556.

Замѣчаніе XXII. Отдѣленіе I. Стран. 55.

Было бы утомительно и безполезно исчислять различные виды суда Божія, введенные суевѣріемъ въ невѣжественные вѣки. Я упомяну только объ одномъ судебномъ испытаніи, которое производилось въ присутствіи Карла Великаго и которое покажетъ намъ съ какимъ несовершенствомъ отправлялось правосудіе даже въ его государствованіе. Въ 775 возникъ споръ между Парижскимъ Епископомъ и С. Денисскимъ Аббатомъ за владѣніе небольшимъ Аббатствомъ. Оба они въ защиту своего права представили доказательства. Вмѣсто того, чтобы удостовѣриться въ ихъ подлинности и оцѣнить ихъ, дѣло отдали на *Судъ Креста.* Тяжущіеся выбрали за себя представителей, ко-

торые должны были простоять цѣлую обѣдню передъ Крестомъ съ распростертыми руками; чей представитель прежде бы усталъ и измѣнилъ свое положенie, тотъ терялъ тяжбу. Представитель Епископа былъ слабѣе своего противника, и дѣло рѣшили въ пользу Аббата. Mabillon de Re Diplomat. lib. VI. p. 498. Если Государь столь просвѣщенный, какъ Карлъ Великiй, допускалъ этотъ нелѣпый образъ судопроизводства, то неудивительно, что другie Государи долго терпѣли его. Знаменитый Монтескьё подробно разсуждаетъ о судебныхъ поединкахъ. Въ его изслѣдованiяхъ равно блистаютъ два отличныя его дарованiя: искусство излагать всѣ обстоятельства древнихъ и темныхъ обычаевъ и проницательность въ открытiи причинъ ихъ введенiя. Пусть читатель самъ прочтетъ эти изслѣдованiя; они содержатъ большую часть тѣхъ положенiй, которыми я старался объяснить обычаи Суда Божiя. De l'Esprit des Loix, lib. 28. Изъ замѣчанiй Монтескьё и свидѣтельствъ, приводимыхъ Муратори (tom. III. Dissert. 38), вѣроятнымъ кажется, что у народовъ, поселившихся въ различныхъ областяхъ Римской Имперiи, Судъ Божiй посредствомъ испытанiя огнемъ, водою, и проч. былъ въ употребленiи прежде, нежели они прибѣгнули къ судебнымъ поединкамъ. Однако судебные поединки — самый древнiй способъ, по которому рѣшались споры у варварскихъ народовъ въ ихъ первобытныхъ жилищахъ. Это видно изъ Веллея Патеркула lib. II. c. 118. Онъ пишетъ, что всѣ дѣла, производившiяся у Римлянъ законнымъ порядкомъ, рѣшались у Германцевъ оружiемъ. То же самое обнаруживается въ древнихъ законахъ и обычаяхъ Свеоновъ, которые I. O. Стiернгёкъ помѣстилъ in Jure Sueonum et Gothorum vetusto, in 4, Holmiae, 1682. lib. I. c. 7. Вѣроятно, когда различныя племена, напавшiя на Имперiю, приняли Христiанскую Вѣру, то судебные поединки, по ихъ разительной противности ея ученiю, были оставлены на нѣкоторое время; а потомъ различныя об-

стоятельства, мною упомянутыя, постепенно ихъ возстановили.

Равнымъ образомъ изъ закона, помѣщеннаго Стіернгёкомъ въ означенномъ сочиненіи, кажется вѣроятнымъ, что судебные поединки первоначально допускались только для рѣшенія дѣлъ, которыя касались до личности и чести; а послѣ уже распространились на уголовныя дѣла, и на тяжбы за собственность. Законъ говоритъ: „если кто скажетъ другому обидныя слова: ты не равенъ прочимъ людямъ, или ты трусъ; — а другой возразитъ: я такой же человѣкъ, какъ ты; то пусть выдутъ они на большую дорогу. Если обидчикъ явится прежде, а обиженный не придетъ; то да почитается послѣдній еще хуже того, чѣмъ онъ былъ названъ; да не допустятъ его въ свидѣтели передъ судомъ ни за мужчину, ни за женщину и да лишится онъ права дѣлать завѣщаніе. Если же обиженный придетъ, а оскорбитель нѣтъ; тогда пусть кликнетъ его первый три раза громкимъ голосомъ и сдѣлаетъ знакъ на землѣ; послѣ этого неявившійся да почитается безчестнымъ, потому что произнесъ слова, которыя не осмѣлился подтвердить. Но если оба явятся въ приличномъ вооруженіи, и обиженный падетъ на поединкѣ, то да заплатится полпени за смерть его. А если падетъ обидчикъ, то да вмѣнится ему это въ наказаніе. Дерзость языка послужила ему въ погибель. Пусть останется онъ на полѣ безъ пени за смерть его.“ Lex Uplandica ap. Stiern. p. 76. Воинственные народы были чрезвычайно взыскательны за всё, что касалось до ихъ воинской чести. По законамъ Салійцевъ, тотъ подвергался тяжкой пенѣ, кто называлъ кого-нибудь *зайцемъ*, или упрекалъ въ потерѣ щита на сраженіи. Leg. Sal. tit. 32. § 4. 6. По закону Ломбардцевъ кто называлъ другаго *arga*, т. е. ни къ чему негоднымъ, того обиженный могъ вызвать на поединокъ Leg. Longob. lib. 1. tit. 5. § 1. По закону Салійцевъ пеня за брань словомъ *cenitus*, или негодяемъ, была весьма велика. Tit. 32. § 1. Павелъ Діаконъ

разсказываетъ, что это ругательство очень сильно подѣйствовало на одного изъ его соотечественниковъ и имѣло пагубныя слѣдствія. De Gestis Longob. lib. VI. c. 24 Такимъ образомъ понятія о чести, которыя мы почитаемъ утонченностію новѣйшаго времени, и поединки, отъ нихъ произшедшіе, ведутъ свое начало отъ нашихъ предковъ, когда они были еще въ состояніи невѣжества.

Какъ Монтескьё по образу взгляда своего на судебные поединки не имѣлъ повода къ наблюденію всѣхъ обстоятельствъ, по которымъ они бывали, то я приведу нѣкоторые особенные примѣры, необходимые для объясненія того, что я сказалъ объ нихъ. Замѣчателенъ одинъ поединокъ для рѣшенія отвлеченнаго вопроса изъ гражданскаго права. Въ десятомъ столѣтіи возникъ споръ о порядкѣ *наслѣдованія*, тогда еще неопредѣлительномъ. „Сомнѣвались и спорили, говоритъ историкъ, должно ли признавать сыновей сына членами семейства, и могутъ ли они наслѣдовать одинаково съ своими дядями, когда отецъ ихъ умретъ, а дѣдъ останется живъ? Созвали собраніе для разсужденія объ этомъ дѣлѣ, и общимъ мнѣніемъ положили предоставить его на разсмотрѣніе и рѣшеніе судей. Но Императоръ избралъ лучшее средство и, желая почтить свой народъ и дворянство, повелѣлъ рѣшить вопросъ поединкомъ между двумя бойцами. Побѣдилъ тотъ, кто защищалъ право дѣтей представлять умершаго ихъ отца, и кореннымъ закономъ было постановлено, чтобъ они впредь участвовали въ наслѣдствѣ вмѣстѣ съ дядями.“ Wittikindus Corbiensis, lib. Annal. ap. M. de Laurière Préf. Ordon. vol. 1. p. 33. Люди, къ стыду своего разума, дошли до поступка, еще болѣе страннаго: вздумали рѣшать поединкомъ истину и ложность вѣроисповѣдательныхъ мнѣній. Въ XI столѣтіи завели въ Испаніи распрю, которая изъ литургій съ обрядами своими содержала образъ служенія угоднѣйшій Богу: Мозарабская, отправляемая въ Испанскихъ церквахъ, или принятая Папами? Испанцы съ жаромъ защищали богослуженіе

своихъ предковъ. Папы настаивали, чтобы они приняли освященное ихъ властію. Возникъ жестокій споръ. Дворяне предложили рѣшить его мечемъ. Король одобрилъ предложеніе. Два рыцаря въ полномъ вооруженіи явились на ристалище. Побѣдилъ Іоаннъ Рунсъ де Матанка, защитникъ Мозарабской литургіи. Но Королева и Архіепископъ Толедскій, благопріятствуя Римско-Католической, требовали подвергнуть дѣло испытанію другаго рода, и имѣли довольно силы, чтобы успѣть въ просьбѣ, несовмѣстной съ законами поединковъ, которые, почитаясь судомъ Божіимъ, производили окончательное рѣшеніе. Развели большой огонь, бросили въ пламя по списку каждой литургіи. Условились, во всѣхъ Испанскихъ церквахъ принять тотъ, который выдержитъ испытаніе и останется невредимъ. Мозарабская литургія опять восторжествовала и, если вѣрить Родеригу Толедскому, она уцѣлѣла отъ огня, между тѣмъ какъ Римско-Католическая сгорѣла. Однакожъ Королева и Архіепископъ умѣли и это рѣшеніе представить недѣйствительнымъ, и позволили отправлять Мозарабскую литургію только въ нѣкоторыхъ церквахъ. Roder. de Toledo, на котораго отецъ Орлеанъ ссылается въ Hist. de Révol. d'Espagne, tom. I. p. 217. Mariana, lib. 1. c. 18. vol. 1. p. 378. — Въ Ломбардскихъ законахъ находится важное доказательство всеобщности испытанія поединкомъ и предпочтенія, которое отдавалось ему передъ обыкновеннымъ судопроизводствомъ. Въ средніе вѣки существовалъ обычай, что всякой могъ избирать любое Право, которому бы онъ повиновался и съ предписаніями котораго соображалъ бы свои поступки, не слѣдуя законамъ другихъ уложеній. Подчинившіе себя Римскому Праву и древнему судопроизводству, еще не совсѣмъ забытому въ эти невѣжественные вѣки, были освобождены отъ соблюденія судебныхъ обрядовъ, введенныхъ законами Бургундцевъ, Ломбардцевъ и другихъ варварскихъ народовъ. Но Императоръ Оттонъ въ совершенную противность принятому обычаю, повелѣлъ:

чтобы всѣ подданные, какому бы ни слѣдовали они Праву, хотя бы даже Римскому, сообразовались съ указомъ о судебныхъ поединкахъ. Leg. Longob. lib. II. tit. 55. § 38. Пока судебные поединки существовали, письменныя обязательства, контракты и другія законныя бумаги, изобрѣтенные для сообщенія судопроизводству точности и рѣшительности были недѣйствительны. Какъ скоро истецъ представлялъ бумагу, на которой основывалъ свое право, отвѣтчикъ могъ отвергать ея подлинность, назвать её ложною, поддѣльною, и въ доказательство предложить поединокъ. Leg. Longob, ib. § 34. Правда, что Бомануаръ между причинами, по которымъ судьи имѣли право отказать въ поединкѣ, полагаетъ возможность ясно разобрать спорное дѣло другими средствами. Coust. de Beauv. ch. 63. p. 323. Но это постановленіе удаляло пагубный обычай только на одинъ шагъ; тяжущійся при подозрѣніи, что свидѣтель противной стороны будетъ показывать въ ея пользу, могъ назвать его подкупленнымъ, клеветникомъ, и вызвать на поединокъ; въ случаѣ побѣды надъ свидѣтелемъ не принималось уже никакихъ другихъ доказательствъ, и сторона, представившая его, теряла свой искъ. Leg. Baivar. tit. 16. § 2. Leg. Burgund. tit. 45. Beauman. ch. 61. p. 315. Причина, которая обязывала свидѣтеля принимать вызовъ, замѣчательна и основывается на чести: „справедливость требуетъ, чтобы тотъ не колебался поддержать истину своихъ словъ оружіемъ, кто утверждаетъ, что ему совершенно извѣстно какое-нибудь дѣло и что онъ готовъ въ томъ поклясться. Leg. Burgund. tit. 45.

И безъ доказательствъ очень извѣстно, что судебные поединки существовали въ каждомъ Европейскомъ Государствѣ; а какъ часто прибѣгали къ нимъ, свидѣтельствуютъ не только своды древнихъ законовъ, но и первые писатели о судопроизводствѣ у различныхъ Европейскихъ народовъ. Они весьма пространно говорятъ объ этомъ обычаѣ, исчисляютъ касавшіяся до него поста-

новленія съ мелочною подробностію и любятъ толковать ихъ. Это составляло главную и обширную статью въ Законовѣдѣніи. Нѣтъ ни одного предмета, который бы Бомануаръ, Дефонтенъ и компиляторы Іерусалимскихъ Засѣданій почитали важнѣе въ системѣ законовъ и на который бы они обращали болѣе вниманія. То же должно сказать и о первыхъ писателяхъ другихъ народовъ. Изъ Мадокса видно, что судебные поединки были весьма часты въ Англіи; пошлины съ поединщиковъ составляли не маловажную часть Королевскихъ доходовъ. Hist. of the Excheq. vol. I. p. 349. Въ Морисовомъ сочиненіи: Mém. pour servir de preuves á l'Hist. de Bretagne, t. 2. p. 498, описанъ весьма любопытный судебный поединокъ между Робертомъ Бомануаромъ и Петромъ Турнминомъ, происходившій въ 1385 году въ присутствіи Герцога Бретанскаго. Всѣ обряды, соблюдавшіеся при этомъ необыкновенномъ судѣ изложены тамъ подробнѣе, нежели въ другихъ древнихъ памятникахъ, которые я имѣлъ случай разсматривать. Бомануаръ обвинялъ Турнмина въ умерщвленіи своего брата и былъ побѣжденъ, но великодушное предстательство противника избавило его отъ висѣлицы. Въ Исторіи Павіи Бернарда Саччи (lib. IX. c. 8. in Graev. Thes. Antiquit. Ital. vol. III. 743) хорошо изложено происхожденіе законовъ о судебныхъ поединкахъ.

Этотъ родъ испытанія былъ такъ употребителенъ, что духовенство, не взирая на запрещеніе Церкви, было принуждено не только допускать его, но даже ему благопріятствовать. Паскье приводитъ любопытный тому примѣръ въ Recherches sur la France, lib. IV. ch. 1. p. 350. Аббатъ Виттикиндъ, слова котораго я помѣстилъ въ этомъ замѣчаніи, почиталъ поединокъ самымъ лучшимъ и благороднымъ способомъ рѣшать тяжебныя дѣла. Въ 978 г. происходилъ судебный поединокъ въ присутствіи Императора Генриха. Архіепископъ Альдебертъ присовѣтовалъ ему прекратить такимъ образомъ споръ, возникшій между двумя дворянами. Побѣжденный, хотя и высокаго

званія, былъ на мѣстѣ же обезглавленъ. Chronic. Ditmari Episc. Mersb. chez Bouquet Recueil des Hist. tom. X. p. 121. Тяжбы о церковныхъ и монастырскихъ земляхъ рѣшались также поединками. Въ 961 г. этимъ способомъ оконченъ былъ споръ: принадлежала ли церковь Св. Медара къ Аббатству Болье. Bouquet Recueil des Hist. tom. IX. p. 729. Ibid. p. 612. etc. Императоръ Генрихъ I объявляетъ, что законъ его, допускающій судебные поединки, изданъ съ согласія и одобренія многихъ вѣрноподданныхъ Епископовъ. Ibid. p. 231. Такъ торжествовалъ воинственный образъ мыслей тѣхъ вѣковъ надъ духомъ и законами Каноническаго Права, которое въ другихъ случаяхъ столько уважалось духовенствомъ! Въ 1522 году Карлъ V назначилъ судебный поединокъ въ Испаніи. Противники сражались въ присутствіи Императора, и бой происходилъ со всѣми обрядами древнихъ рыцарскихъ законовъ. Понтъ Гевтеръ весьма подробно описываетъ всё происшествіе. Rer. Austriac. lib. VIII. c. 17, p. 205.

Въ Французской Исторіи послѣдній примѣръ судебныхъ поединковъ съ дозволенія правительства встрѣчается въ 1547 году, когда сражались Жарнакъ и Шастеньери. Въ 1571 году въ Англіи былъ назначенъ поединокъ въ Судѣ Общихъ Тяжбъ подъ надзоромъ судей, и хотя онъ не состоялся, потому что Королева Елисавета заставила противниковъ помириться, но для сохраненія чести ихъ соблюдены были съ большою торжественностію всѣ обряды, которые обыкновенно предшествовали сраженію. Spelm. Gloss. voc. *Campus*, p. 103. Въ 1631 г. былъ назначенъ поединокъ между Лордомъ Дональдомъ Ри и Кавалеромъ Давидомъ Ремсеемъ съ дозволенія Великаго Конетабля и Графа Маршала Англіи, но и онъ кончился безъ кровопролитія при посредничествѣ Карла I. Подобный же примѣръ встрѣчается спустя 7 лѣтъ. Rushworth, in Observations on the Statutes, etc. p. 266.

Замѣчаніе XXIII. Отдѣленіе I. Стран. 60.

Представивъ судопроизводство у различныхъ Европейскихъ народовъ въ главныхъ чертахъ, здѣсь я подробнѣе изложу ходъ его; это предметъ весьма любопытный и важный. Платежъ пени въ удовлетвореніе обиженному лицу, или семейству, былъ первымъ средствомъ у грубыхъ народовъ для прекращенія вражды и уничтоженія *faidae*, или неумолимаго и жестокаго мщенія. Этотъ обычай можно приписать древнимъ Германцамъ (Tacit. de Morib. Ger. c. 21) и другимъ необразованнымъ народамъ. Много примѣровъ его собрано остроумнымъ и ученымъ сочинителемъ Historical Law Tracts, vol. I. p. 41. Пени были назначаемы и платились тремя образами. Сперва — по добровольному согласію враждебныхъ сторонъ. Когда гнѣвъ ихъ начиналъ утихать и онѣ чувствовали худыя слѣдствія отъ продолженія своей непріязни, то мирились между собою, и удовлетвореніе называлось *сдѣлкою*. De l'Esprit des Loix, lib. XXX. c. 19. Нѣкоторые древнѣйшіе своды законовъ свидѣтельствуютъ, что во время ихъ составленія, дѣла находились еще въ прежнемъ, простомъ состояніи. Въ иныхъ случаяхъ оскорбитель оставался во власти обиженнаго, пока не умилостивитъ его, quoquo modo potuerit. Lex Frision. tit. 11. § 1. Потомъ пени стали зависѣть отъ приговора посредниковъ. Посредникъ въ Regiam Majestatem названъ *amicabilis compositor*, lib. II. c. 4. § 10. Онъ могъ опредѣлить степень обиды съ большимъ безпристрастіемъ, нежели обѣ противныя стороны и назначить съ большею справедливостію какого надлежало требовать удовлетворенія. Трудно найти несомнѣнное доказательство обычаямъ, которые существовали до письменныхъ памятниковъ, сохранившихся у Европейскихъ народовъ. Однакожъ одна изъ Formulae Andegavenses, собранныхъ въ шестомъ столѣтіи, кажется, намѣкаетъ на сдѣлку, бывшую не по судебному при-

говору, а по убѣжденію посредниковъ. Bouquet Recueil des Hist. t. IV. p. 566. Впрочемъ, какъ имъ не доставало власти принуждать къ исполненію своихъ рѣшеній, то учреждены были судьи съ законнымъ правомъ требовать себѣ повиновенія отъ обѣихъ противныхъ сторонъ. До этого денежныя пени были слабою мѣрою отъ гибельныхъ слѣдствій частнаго мщенія. Но при этой важной перемѣнѣ судья, поставляя себя на мѣстѣ обиженнаго, назначалъ ему пеню въ возмездіе. Всѣ возможныя обиды, могущія встрѣтиться въ общежитіи, подверглись сравненію и оцѣнкѣ; пени за безчестье были опредѣлены большею частію съ удивительною разборчивостью и тонкостью; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначеніе ихъ имѣетъ непонятную странность. Кромѣ пени въ пользу частныхъ людей, бралась еще извѣстная пошлина (*fredum*) на Государя, какъ выражается Тацитъ, или въ казну, какъ говорится въ варварскихъ законахъ. Нѣкоторые писатели, смѣшивая утонченныя понятія новѣйшихъ временъ съ умствованіями своими о древности, вообразили, что *fredum* была пеня въ пользу общества за нарушеніе общественнаго спокойствія. Но это денежное взысканіе, очевидно, служило платою мѣстному начальству за покровительство отъ частнаго преслѣдованія и клонилось къ значительному улучшенію уголовнаго судопроизводства. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ сводахъ законовъ, *freda* совершенно пропущены, или встрѣчаются такъ рѣдко, что малоизвѣстность ихъ ясно обнаруживается. Въ позднѣйшихъ сводахъ онѣ обозначены съ такою же точностію какъ пени, и въ обыкновенныхъ случаяхъ равнялись третьей части пени (Capitul. vol. I. 52); а въ чрезвычайныхъ, когда бывало трудно защитить виновнаго, онѣ увеличивались. Capitul. vol. I. p. 515. Эти пошлины составляли значительную отрасль баронскаго дохода, и Королевскимъ судьямъ запрещалось брать ихъ тамъ, гдѣ было допущено мѣстное судопроизводство. Говоря о сущности судебныхъ пошлинъ, я большею частію

слѣдовалъ мнѣнію Монтескьё, хотя мнѣ извѣстно, что нѣкоторые ученые антикваріи принимали слово *fredum* въ различныхъ значеніяхъ. De l'Esprit des Loix, liv. XXX. c. 20. Главное стараніе судей состояло въ томъ, чтобы убѣдить одну сторону дать предписанное удовлетвореніе, а другую — взять его. Для этого они дѣлали много постановленій, и страхомъ тяжкихъ пеней принудили уважать ихъ. Leg. Longob. lib. I. tit. 9. § 34. Ib. tit. 37. § 1, 2. Capitul. vol. I. p. 371. § 22. Получавшій пеню обязывался прекратить свою вражду и клятвенно подтвердить свое примиреніе съ противникомъ. Leg. Longob. lib. I. tit. 9. § 8. Въ большее доказательство примиренія онъ долженъ былъ дать заплатившему пеню письменное обезпеченіе, что оставляетъ всякое дальнѣйшее преслѣдованіе. Маркульфъ и другіе собиратели древнихъ актовъ оставили намъ различные виды этихъ обезпеченій. Marc. lib. XI. § 18. Append. § 23. Form. Sirmondicae § 39. *Letters of Slanes*, извѣстныя въ Шотландскомъ Правѣ, совершенно сходны съ ними. Посредствомъ ихъ, наслѣдники и родственники убитаго обязывались за *assythment*, или полученную пеню, оставить, истребить въ себѣ, навсегда изгладить изъ своей памяти и предать забвенію всякой гнѣвъ, злобу, месть, предубѣжденіе и ненависть въ отношеніи къ виновному, и его потомкамъ за сдѣланное имъ преступленіе, и не начинать противъ нихъ никакого дѣла гражданскаго и уголовнаго, какъ теперь, такъ и въ будущее время. System of Styles by Dallas of St. Martin p. 862. Въ древней формѣ Шотландскихъ Letters of Slanes, частные люди не только прощаютъ и забываютъ преступленія, но даже освобождаютъ отъ законнаго за нихъ наказанія. Даллесъ, разсуждая въ духѣ своего вѣка, почитаетъ этотъ обрядъ посягательствомъ на права верховной власти: никто, говоритъ онъ, не можетъ помиловать преступника, кромѣ Государя. Ibid. Но въ раннія, грубыя времена, преслѣдованіе, наказаніе и прощеніе преступниковъ были

во власти обиженнаго. Мадоксъ нашелъ двѣ бумаги: одну, относящуюся къ царствованію Эдуарда I, а другую — къ царствованію Эдуарда III, по которымъ частные люди прощаютъ касающіяся до нихъ вины, клятвопреступленія, разбои и убійства. Formul. Anglican. No 702, 705. Въ послѣдней изъ этихъ бумагъ видно нѣкоторое уваженіе къ правамъ Государя; прощеніе даровано *en quant que en nous est*. Даже послѣ того, какъ преступники стали наказываться при посредствѣ судебной власти, наказаніе долго почиталось простымъ удовлетвореніемъ мщенію обиженнаго. Въ Персіи до сихъ еще поръ убійца выдается родственникамъ убитаго, которые собственными руками умерщвляютъ его. Если они отказываются принять въ возмездіе денежную пеню, то Государь не можетъ простить убійцы, не смотря на всю неограниченность своей власти. Voyages de Tavernier, liv. V. c. 5 и 10. По Арагонскому закону 1564 года наказаніе осужденнаго на смерть не могло быть смягчено безъ согласія обиженнаго. Fueros et Observancias del Reyno de Aragon. p. 204.

Если, послѣ всѣхъ сказанныхъ обязательствъ прекратить вражду, кто нибудь возобновлялъ преслѣдованіе и обижалъ или заплатившаго пеню, или родню его, или наслѣдниковъ, то поступокъ этотъ почитался гнуснѣйшимъ преступленіемъ и за него наказывали чрезвычайно строго. Это было прямое возмущеніе противъ судебной власти, которое она обуздывала всею своею силою. Leg. Longob. lib. I. tit. 9. § 8, 34. Capit. vol. I. p. 371. § 22. Такимъ образомъ частные люди лишились права мстить за свои обиды, учреждены были законныя пени, миръ и согласіе возстановились попеченіемъ и властію судей. Достовѣрно, что варвары во время разселенія своего по областямъ Римской Имперіи имѣли постоянныхъ судей съ понудительною властію. Самые ранніе Историки упоминаютъ о людяхъ, имѣвшихъ её. Du Cange voc. *Judices*. Право помѣстнаго суда было не совсѣмъ присвоеніемъ феодальныхъ Бароновъ. Есть достаточныя причины ду-

мать, что могущественные предводители, которые овладѣли различными участками завоеванныхъ земель, какъ *аллодіальною* собственностію, присвоили въ то же время судебную власть въ своихъ владѣніяхъ. Она была верховная и простиралась на всѣ случаи. Буке приводитъ тому самыя ясныя доказательства. Le Droit Publique de France Ecclarici, etc. tom. I. p. 206 etc. Преимущество судить собственныхъ своихъ вассаловъ первоначально, кажется, неотъемлемо принадлежало каждому ленному владѣтелю. Въ государственныхъ архивахъ мы находимъ, что судопроизводство было всегда неразлучно съ леною. Одна изъ самыхъ раннихъ,. извѣстныхъ мнѣ грамотъ, свѣтскимъ людямъ, дана Людовикомъ Благочестивымъ въ 814 г. и заключаетъ въ себѣ право помѣстнаго суда въ самыхъ ясныхъ и полныхъ выраженіяхъ. Capitul. vol. II. p. 1405. Многія грамоты церквамъ и монастырямъ еще древнѣе, жалуютъ имъ такое же преимущество и запрещаютъ Королевскимъ судьямъ вступать въ ихъ земли и пользоваться въ нихъ судебною властію. Bouquet Recueil des Hist. tom IV. p. 628, 631, 633; tom. V. p. 703. 710, 752. 762. Муратори издалъ довольно весьма древнихъ грамотъ, содержащихъ такія преимущества. Antiq. Ital. Dissert. 70. Въ бо́льшей части ихъ особенно запрещается брать судныя пошлины (freda); это показываетъ, что онѣ тогда составляли значительную часть общественныхъ доходовъ. Рѣшеніе дѣла въ судебномъ мѣстѣ стоило въ средніе вѣки великихъ издержекъ; онѣ однѣ отнимали охоту разбираться судебнымъ порядкомъ. Изъ грамоты XIII столѣтія видно, что Баронъ *съ судомъ* получалъ пятую часть цѣны каждаго предмета, о принадлежности котораго производилось и рѣшалось дѣло въ судѣ его. Если тяжба, начатая законнымъ порядкомъ, оканчивалась миромъ, то противныя стороны, не взирая на это, были обязаны заплатить пятую часть цѣны спорной собственности тому суду, въ который представили дѣло, свое на разсмотрѣніе. Hist. de Dauphiné Génève, 1722, tom. I.

p. 22. Подобное постановленіе находится въ льготной грамотѣ, пожалованной городу Фрибургу въ 1120 году. Если два гражданина ссорились, и одинъ изъ нихъ приносилъ жалобу главному владѣльцу, или его судьѣ, и начавъ дѣло, мирился частнымъ образомъ съ своимъ противникомъ; то судья, когда мировая сдѣлка ему не нравилась, могъ принудить просителя продолжать дѣло законнымъ порядкомъ; а всѣ очевидцы примиренія лишались милости главнаго владѣльца. Historia Zaringo Badensis Auctor Joh. Dan. Shoepflinus. Carolsr. 1765, 4-to vol. V. p. 55.

Мы не можемъ опредѣлить съ точностію первоначальную обширность судебной власти ленныхъ владѣльцевъ. Достовѣрно, что въ продолженіе безпорядковъ, которые владычествовали въ каждомъ Европейскомъ Государствѣ, могущественные вассалы воспользовались слабостію Государей и распространили власть свою какъ нельзя болѣе. Еще въ X столѣтіи сильные Бароны присвоили себѣ право рѣшать всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Имъ принадлежала *верхняя и нижняя расправа*. Etabl. de St. Louis, lib. 1. c. 24. 25. Приговоры ихъ были рѣшительны, на нихъ не существовало жалобъ въ высшія судилища. Брюсель собралъ нѣсколько ясныхъ тому примѣровъ. Traité des Fiefs, liv. III. c. 11. 12. 13. Самые могущественные Бароны даже возводили свои владѣнія на степень Королевскихъ удѣловъ почти со всѣми правами самодержавія. Это часто случалось во Франціи (Brussel, ib.) и было весьма обыкновенно въ Шотландіи, гдѣ феодальные дворяне имѣли непомѣрную власть. Historical Law Tracts, vol. I. tract. 6. Хотя въ Англіи Бароны были ограничены болѣе, нежели въ прочихъ феодальныхъ Королевствахъ, но и въ ней учредились Палатинатства, куда не смѣли въѣзжать судьи Королевскіе и не могла поступить ни одна бумага, даже отъ имени Короля, пока Палатный Графъ не прикладывалъ къ ней своей печати. Spelman. Gloss. voc. *Comites Palatini*, Blackstone's Commentaries on the Laws of England, vol. III. p. 78. Французскіе

независимые Бароны имѣли право освобождать своихъ вассаловъ отъ власти Королевскихъ судей, если они подвергали ихъ своему суду. Brussel, ubi supra. Въ Шотландскихъ законахъ это преимущество называлось *the right of repledging;* оно прерывало отправленіе правосудія, и производило въ немъ великіе безпорядки. Hist. Law Tracts, ib. Власть Палатиновъ служила поводомъ къ такому же неустройству въ Англіи.

Мѣры Государей противъ вредныхъ слѣдствій этихъ присвоеній были различны и употреблялись постепенно. При Карлѣ Великомъ и ближайшихъ его наслѣдникахъ, самодержавная власть удерживала еще большую силу; Герцоги, Графы и Королевскіе Намѣстники, первые изъ которыхъ были обыкновенные и постоянные судьи, а послѣдніе — чрезвычайные, пользовались по различнымъ областямъ обширныхъ Королевскихъ владѣній судопроизводствомъ, въ иныхъ случаяхъ равнымъ баронскому, въ другихъ высшимъ его. Du Cange, voc. *Dux, Comites et Missi.* Muratori Antiq. Dissert. 8 и 9. Но при слабомъ поколѣніи преемниковъ этихъ Государей власть Королевскихъ судей упала, а Бароны похитили то неограниченное судопроизводство, которое мы уже описали. Людовикъ VI, Король Французскій, покушался возстановить Королевскихъ Намѣстниковъ подъ именемъ *Juges des Exempts;* но Бароны стали уже такъ могущественны, что не дали ему исполнить его намѣренія. Henaut Abrégé Chron. tom. II, p. 730. Преемники Людовика прибѣгнули къ средствамъ болѣе осторожнымъ. Жалоба на отказъ въ правосудіи (*de defaute de droit*) была первымъ изъ нихъ, которое имѣло значительное дѣйствіе. По Феодальному Праву всякое дѣло могло поступить по жалобѣ въ судилище старшаго владѣтеля надъ Барономъ, если онъ не имѣлъ у себя въ судѣ достаточнаго числа перовъ изъ своихъ вассаловъ, отлагалъ судопроизводство, или отказывалъ въ немъ. De l'Esprit des Loix, liv. XXVIII c. 28. Du Cange voc. *Defectus justitiae.* Число Перовъ, или засѣдателей въ баронскихъ судахъ

часто бывало очень значительно. При изслѣдованіи уголовнаго дѣла въ судѣ Виконта Лотрека, въ 1229 году, присутствовало болѣе 200 человѣкъ, которые всѣ подавали голоса для приговора. Hist. de Langued. par D.D. de Vic et Vaisette, tom. VI. Preuves p. 114. Многіе неважные Бароны также присвоили себѣ право судопроизводства, но часто не имѣли состоянія содержать судебныхъ мѣстъ; этимъ самымъ они давали многократные случаи къ жалобамъ и вводили ихъ все болѣе и болѣе въ обыкновеніе. Постепенно начали переносить такимъ образомъ дѣла даже изъ судилищъ сильныхъ Бароновъ. Одно судебное рѣшеніе, упоминаемое Брюсселемъ, показываетъ, что Королевскіе судьи охотно принимали всякіе къ тому предлоги. Traité des Fiefs, tom. 1 p. 235, 261. Жалобы на отказъ въ правосудіи имѣли однако не столько вліянія на ограниченіе судебной власти дворянъ, какъ *жалобы на несправедливость рѣшенія.* Когда феодальные Государи были могущественны и судьи ихъ обладали обширными правами, такія жалобы случались, кажется, часто (Capitul. vol. 1 p. 175, 180) и дѣлались сообразно съ простотою грубыхъ вѣковъ. Недовольные подходили къ дворцу Государя и съ крикомъ и шумомъ требовали справедливости Capit. lib. III, c. 59. Chronic. Lauterbergiense ap. Mencken. Script. German. vol. II, p. 284. Въ Арагоніи жалобы Верховному Судьѣ приносились такимъ образомъ, какъ будто просителю угрожала близкая смерть, или ужасная опасность; онъ бросался къ судьѣ и кричалъ во все горло: Avi! Avi! Fuerza! Fuerza! умоляя этими словами судью, чтобы онъ немедленно за него вступился и спасъ его. Hier. Blanca Comment. de Rebus Aragon. ap. Script. Hispanic. Histor. vol. III, p. 753. Уничтоженіе судебныхъ поединковъ облегчило возстановленіе жалобъ на несправедливость рѣшеній. Слѣдствія введеннаго порядка скоро обнаружились въ обстоятельности и справедливости рѣшеній по судебнымъ мѣстамъ, изъ которыхъ почти всѣ важныя дѣла поступали для окончательнаго производства въ Королевскія судилища.

Brussel. tom. 1. 252. Различныя обстоятельства, благопріятныя утвержденію и распространенію этихъ жалобъ, исчислены въ l'Esprit des Loix liv. XXVIII, c. 27. Однако ни одно не было полезнѣе вниманія, которое сами Государи обращали на устройство и достоинство своихъ судилищъ. По древнему обычаю феодальные Государи лично предсѣдательствовали въ нихъ и отправляли правосудіе. Marculf. lib. 1 § 25. Murat. Dissert. XXXI. Карлъ Великій пока одѣвался, призывалъ къ себѣ просителей и рѣшалъ ихъ дѣла. Eginhartus Vita Caroli magni въ Мадоксовой Hist. of Exchequer, vol. 1 p. 91. Это доставило особенное уваженіе. Королевскимъ судилищамъ. Людовикъ Святой, главный покровитель обряда жалобъ, возобновилъ это старинное обыкновеніе и отправлялъ правосудіе лично со всею древнею простотою. „Я часто видалъ, говоритъ Жуенвиль, что Святой сиживалъ подъ тѣнію дуба въ Венсенскомъ лѣсу, а всѣ, у кого были жалобы, свободно подходили къ нему. Иногда же онъ приказывалъ разостлать въ саду коверъ и, сидя на немъ, слушалъ всѣ предлагаемыя дѣла. Hist. de St. Louis, p. 13 édit. 1761. Принцы крови, имѣвшіе судебную власть, иногда также лично отправляли правосудіе и предсѣдательствовали въ своихъ судилищахъ. Два примѣра тому представляютъ Вьенскіе Дофины. Hist. de Dauphiné tom. 1 p. 18, tom. II, p. 257. Но Короли и Принцы не могли рѣшать лично всѣхъ дѣлъ, ни предоставлять ихъ рѣшенію одного и того же мѣста. Они учредили чиновниковъ (*Baillis*) съ правомъ судопроизводства въ различныхъ округахъ своего Королевства, и властію нѣсколько подобныхъ прежнимъ *Графамъ* (*Comites*). Эта новая должность введена была первоначально во Франціи въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Brussel. liv. II, c. 35. Когда у Королей основались суды въ различныхъ частяхъ владѣній, то подданные и относились туда въ случаѣ нужды. Частная и общественная польза побуждала Бальи, или окружныхъ судей, распространять права свои. Они пользовались всякимъ

недостаткомъ въ баронскихъ судилищахъ и всякою ошибкою въ ихъ судопроизводствѣ, чтобы переводить дѣла на свое разсмотрѣніе. Въ Феодальномъ Правѣ существовало различіе, и притомъ весьма древнее, между верхнею и нижнею расправою. Capitul. 3. 812 года. § 4. 815 года § 3. Establis. de St. Louis, liv. 1, c. 40. Многіе Бароны, пользуясь послѣднею, не имѣли права на первую. Первая заключалась въ преимуществѣ судить преступленія всякаго рода, даже государственныя; послѣдняя ограничивалась легкими провинностями. Это доставляло безконечные предлоги, чтобы останавливать, стѣснять и преслѣдовать дѣлопроизводство въ баронскихъ судилищахъ. Ordon. II, 457 § 25; 458, § 29. За учрежденіемъ окружныхъ судей слѣдовало другое, важнѣйшее. Мѣстопребываніе и время открытія Верховнаго Королевскаго Судилища, или Парламента, сдѣланы были постоянными. Во Франціи и другихъ феодальныхъ земляхъ Королевское судилище было первоначально походное. Оно сопровождало Государя и имѣло засѣданія только по большимъ праздникамъ. Филиппъ Авгутъ съ 1305 года утвердилъ его пребываніе въ Парижѣ и оставлялъ его открытымъ почти цѣлый годъ (Pasquier Recherches, liv. II c. 2, 3 etc. Ordon. tom. 1, p. 366. § 62), даровалъ ему большую власть и пожаловалъ членамъ его разныя преимущества и отличія. Преемники Филиппа еще болѣе возвысили это судилище. Pasquier, ib. Velly Hist. de France tom. VII, p. 307. Судьями туда избирались люди, извѣстные по своему безкорыстію и знаніямъ въ Правовѣдѣніи. Постепенно всѣ важныя дѣла стали поступать на окончательное рѣшеніе въ Парижскій и другіе Парламенты, именемъ Короля отправлявшіе правосудіе въ различнымъ областяхъ Франціи. Однако Парижскій Парламентъ весьма медленно пріобрѣлъ обширную свою власть; могущественные Коронные вассалы употребляли всѣ усилія, чтобы препятствовать ея распространенію. Въ концѣ XIII столѣтія Филиппъ Прекрасный былъ даже принужденъ не только запретить своему Пар-

ламенту принятіе жалобъ изъ судилищъ Герцога Бретанскаго, но даже признать право верховной судебной власти его. Mém. pour. servir des preuves à l'Hist. de France par Morice, tom. 1 p. 1037, 1074. А Карлу VI въ концѣ слѣдующаго столѣтія по необходимости надлежало подтвердить еще полнѣе права Бретанскихъ Герцоговъ. Ibid. tom. II, p. 580, 581. Бароны такъ сильно противились обряду переносныхъ жалобъ, который они почитали пагубнымъ для своихъ преимуществъ и власти, что лишали имѣнія, мучили, предавали смерти тѣхъ, которые осмѣливались жаловаться Парижскому Парламенту на рѣшенія ихъ судилищъ. Encyclop. tom. XII, Art. *Parlement*, p. 25.

Судопроизводство въ другихъ феодальныхъ Королевствахъ большею частію шло такимъ же порядкомъ, какъ во Франціи. У Англичанъ помѣстное судопроизводство Бароновъ было древне и обширно. Leg. Edw. Conf. No 5 и 9. Послѣ Норманскаго завоеванія оно стало феодальнымъ въ строжайшемъ смыслѣ, и обстоятельства, упоминаемыя въ Англійской Исторіи вмѣстѣ съ учрежденіемъ Палатинатствъ, очевидно свидѣтельствуютъ, что Англійскіе дворяне не уступали въ дерзости притязаній современникамъ своимъ на твердой землѣ. Для ограниченія и сокрушенія опасной ихъ власти употреблялись тѣ же самыя средства. Вильгельмъ Завоеватель учредилъ въ большой залѣ своего дворца постоянный судъ, отъ котораго ведутъ свое начало четыре судилища, нынѣ отправляющіе правосудіе въ Англіи. Генрихъ II раздѣлилъ свое Королевство на шесть округовъ и посылалъ походныхъ судей производить въ нихъ расправу въ опредѣленное время. Blackstone's Commentaries on the Laws of England, vol. III, 57. Послѣдующіе Государи учредили въ каждомъ Графствѣ мирныхъ судей, къ которымъ народъ прибѣгалъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Права Палитинатствъ были постепенно ограничены, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вовсе отмѣнены; отправленіе же правосудія стало преимущественно принадлежать Королевскимъ судилищамъ и судьямъ. Различныя мѣры для

этого исчислены въ Dalrymple's History of Feudal Property, ch. VII.

Въ Шотландіи притязанія дворянства были еще отважнѣе, нежели въ прочихъ феодальныхъ Королевствахъ. Я имѣлъ случай въ другомъ особенномъ сочиненіи изложить обширныя его присвоенія и средства, взятыя верховною властію для ограниченія и уничтоженія помѣстнаго и независимаго его судопроизводства; какъ тѣ, такъ и другія весьма мало различествуютъ отъ подробно изложенныхъ мною выше. History of Scotland, vol. 1 p. 45.

Я бы заблудился въ лабиринтѣ Нѣмецкаго Правовѣдѣнія, если бы вздумалъ обозначить ходъ судопроизводства въ Имперіи со всею точностію. Довольно замѣтить, что власть, которую нынѣ имѣютъ Авлической Совѣтъ и Имперская Камера, получила свое начало отъ подобнаго же злоупотребленія помѣстнаго судопроизводства и пріобрѣтена такимъ же образомъ, какимъ Королевскія судилища достигли своего могущества въ другихъ Государствахъ. Всѣ важныя происшествія въ отношеніи къ обоимъ этимъ обстоятельствамъ можно найти въ Phil. Datt de Pace Publica Imperii, lib. IV. Главныя статьи означены въ Пфефелевомъ Abrégé de l'Hist. et Droit Publique d'Allemagne, p. 556, 581, и въ Traité du Droit Publique de l'Empire par M. le Coq. de Villeray. Оба послѣднія сочиненія весьма уважаются, потому что писаны подъ надзоромъ Шепфлина Стразбургскаго, одного изъ лучшихъ законовѣдцевъ Германіи.

Замѣчаніе XXIV. Отдѣленіе I. Стран. 63.

Не легко назначить съ точностію время, когда духовенство въ первый разъ стало требовать себѣ изъятія отъ свѣтскаго судопроизводства. Достовѣрно, что въ первые вѣки Христіанской Церкви оно не домогалось этой льготы. Власть гражданскаго правительства простиралась на всѣ лица и случаи. Это не только утвер-

ждено Протестантскими писателями, но и допущено многими знаменитыми Римско-Католиками, особенно же которые писали въ защиту правъ Галликанской Церкви. Есть нѣсколько подлинныхъ бумагъ, изданныхъ Муратори, свидѣтельствующихъ, что въ IX и X столѣтіяхъ самыя важныя дѣла, касавшіяся до духовенства, все еще рѣшались свѣтскими судьями. Antiq. Ital. vol V. Dissert. 70. Духовенство не вдругъ вышло изъ вѣдомства свѣтскихъ судилищъ. Это преимущество, подобно прочимъ ихъ отличіямъ, пріобрѣтено медленно и постепенно. Оно, кажется, было сперва простымъ слѣдствіемъ благосклонности, проистекавшей отъ уваженія къ духовному сану. Такъ Карлъ Великій въ грамотѣ, которую онъ пожаловалъ въ 796 году Манской церкви (и на которую Аббатъ де Фуа ссылается въ своемъ Notice de Diplomes, tom. I. p. 201.), повелѣваетъ своимъ судьямъ въ случаѣ ссоры у казначеевъ этой церкви съ кѣмъ бы то ни было, не вызывать ихъ *in mallo publico*, но идти къ нимъ и стараться прекратить ссору полюбовно. Это снисхожденіе въ послѣдствіи времени обращено въ законное изъятіе, основанное на почтеніи міряпъ къ званію и служенію духовенства. Замѣчательный этому примѣръ встрѣчается въ грамотѣ 1172 года Фридерика Рыжебородаго Алтенбургскому монастырю. Онъ даруетъ ему judicium non tantum sanguinolentis plagae, sed vitae et mortis, запрещаетъ Королевскимъ судьямъ вмѣшиваться въ его судопроизводство, и причиною этихъ важныхъ преимуществъ полагаетъ слѣдующее: nam quorum, ex Dei gratia, ratione divini ministerii onus leve est et jugum suave, nos penitus nolumus illos oppressionis contumelia vel manu Laica fatigari. Mencken Script. Rer Germ. vol. III. p. 1067.

Въ объясненіе содержанія текста, я не вижу необходимости описывать, какимъ образомъ составленъ былъ сводъ Каноническаго Права. Читатель найдетъ всѣ подробности въ Historia Juris Ecclesiastici Жерарда фанъ Мастрихта и въ Реалевой Science de Gouvernement tom. VII,

c. 1 и 3. § 2, 3 etc. Исторія успѣховъ и распространенія судебной власти духовенства съ означеніемъ средствъ, которыя оно употребляло, чтобы подвергнуть дѣла всякаго рода вѣдомству духовныхъ судилищъ, также весьма любопытна и пролила бы яркій свѣтъ на многіе обычаи и учрежденія среднихъ вѣковъ; но и это нейдетъ къ настоящему предмету. Дю Канжъ въ своемъ Словарѣ, voc. *Curia Christianitatis*, собралъ большую часть дѣлъ, по которымъ духовенство присвоило себѣ исключительное судопроизводство и ссылается на сочиненія, или подлинныя бумаги, подтверждающія его замѣчанія. Джаноне въ своей Неаполитанской Исторіи (lib. XIX. § 3) расположилъ этотъ предметъ по главамъ и разбираетъ притязанія духовенства съ обыкновенною своею смѣлостію и остроуміемъ. Флёри говоритъ, что духовенство до такой степени умножило предлоги къ распространенію власти духовныхъ судилищъ, что по своей волѣ могло освободить отъ свѣтскаго вѣдомства всякое лице и всякое дѣло. Hist. Eccles. tom. XIX. Disc. Prélim. 16. Но какъ судебная власть духовенства ни была незаконна, каковы ни были злоупотребленія, происходившія отъ нея, однако правила и обряды духовнаго судопроизводства имѣли великое превосходство передъ извѣстными въ свѣтскихъ судилищахъ. Вѣроятно, что духовенство въ средніе вѣки долгое время не слѣдовало законамъ варварскихъ народовъ, а управлялось совершенно одними Римскими. Оно соображало всѣ дѣла съ тѣми изъ нихъ, которыя помнились по преданію, или помѣщены были въ Ѳеодосіевомъ Уложеніи и другихъ уцѣлѣвшихъ книгахъ. Это показываетъ намъ обыкновеніе, которое вездѣ существовало въ тѣ вѣки: каждому позволялось слѣдовать любому изъ различныхъ Уложеній, имѣвшихъ тогда силу. Заключавшіе важные договоры объявляли предпочтенное ими право, чтобы извѣстно было, какъ разсудить ихъ въ случаѣ спора. Безчисленныя тому доказательства встрѣчаются въ грамотахъ среднихъ вѣковъ. Но управляться Римскимъ Пра-

вомъ духовенство почитало великимъ преимуществомъ своего сословія; вступавшій въ монашескій орденъ обыкновенно отказывался отъ законовъ, которымъ онъ прежде повиновался и объявлялъ, что впередъ будетъ подвластенъ Римскимъ. Constat me Johannem clericum, filium quondam Verandi, qui professus sum, ex natione mea, lege vivere Longobardorum, sed tamen, pro honore ecclesiastico, lege nunc videor vivere Romana. Charta A. D. 1072. Farulfus presbyter, qui professus sum, more sacerdotii mei, lege vivere Romana. Charta A. D. 1075 Muratori Antichita Estensi. vol. I. p. 78.

Сводъ Каноническаго Права стали составлять въ самомъ началѣ девятаго столѣтія. Mém. de l'Acad. des Inscript. tom. XVIII. p. 346 etc. Прошло послѣ того около двухъ вѣковъ прежде, нежели собрали обычаи, служившіе правиломъ для дѣлопроизводства въ Баронскихъ судилищахъ. Слѣдовательно духовные судьи дѣйствовали сообразно писаннымъ и извѣстнымъ законамъ, а свѣтскіе, не имѣя опредѣленнаго руководства, держались темныхъ обычаевъ старины, сохраненныхъ преданіемъ. Но кромѣ этой общей выгоды Каноническаго Права, обряды и законы его были согласнѣе съ разсудкомъ и справедливостію, нежели существовавшіе въ свѣтскихъ судилищахъ. Изъ замѣчаній XXI и XXII о частныхъ войнахъ и судебныхъ поединкахъ, видно, что эти кровавые обычаи, гибельные для правосудія, были противны началамъ духовнаго, судопроизводства и что церковная власть всѣми силами старалась уничтожить ихъ и замѣнить судомъ по законамъ и очевиднымъ доказательствамъ. Изъ Каноническаго Права заимствованы почти всѣ обряды въ свѣтскихъ судилищахъ, необходимые для порядка въ дѣлопроизводствѣ. Fleury Instit. du Droit Canon. part. III. c. 6. p. 52. Людовикъ Святой въ своихъ *Establissemens* многіе новые уставы о собственности и отправленіи правосудія подтверждаетъ силою Каноническаго Права, изъ котораго онъ ихъ заимствовалъ. Такъ, на примѣръ, оно подало первую мысль описывать движимое имѣніе въ обезпеченіе

долга (Establis. liv. II. c. 21 и 40), лишать всего имѣнія (cessio bonorum) должниковъ неоплатныхъ и издать новыя постановленія объ имуществѣ тѣхъ, которые умирали, не сдѣлавъ завѣщанія. Liv. 1. c. 89. Каноники же всѣ эти узаконенія и много другихъ полезныхъ взяли изъ Римскаго Права. Можно привести большее число примѣровъ, сколько судопроизводство по Каноническому Праву было превосходнѣе извѣстнаго тогда въ свѣтскихъ судилищахъ. По этому подчиненность духовному вѣдомству и почиталась за великое преимущество. Принятіе Крестоносцевъ въ исключительное вѣдомство духовныхъ судилищъ было одною изъ важнѣйшихъ льготъ, склонявшихъ людей къ участію въ опасныхъ походахъ для освобожденія Святой Земли изъ власти Невѣрныхъ. Смотр. Замѣч. XIII, и у Дю Канжа *Crucis privilegia.*

Замѣчаніе XXV. Отдѣленіе I. Стран. 65.

Быстрота, съ которою изученіе Римскаго Права распространилось по Европѣ, удивительна. Списокъ Пандектовъ найденъ въ Амальфи 1237 года. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того Ирнерій открылъ въ Болони училище Гражданскаго Права. Giann. Hist. кн. XI. c. 2. Около половины того же столѣтія оно начало составлять часть академическаго преподаванія въ различныхъ областяхъ Франціи. Въ 1147 году Ваккарій уже читалъ Гражданское Право въ Оксфордѣ. Около 1150 года два Миланскіе законовѣдца издали Феодальное Право, расположенное совершенно по образцу Римскаго. Почти въ то же время Граціанъ составилъ сводъ Каноническаго Права съ обширными прибавленіями и поправками. Самое раннее собраніе обычаевъ, служившихъ правилами для рѣшенія дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, извѣстно подъ именемъ *Assises de Jérusalem.* Оно сдѣлано, какъ показываетъ предисловіе, въ 1099 и названо *Jus Consuetudinarium quo regebatur regnum orientale.* Willerm. Tyr. lib. XIX. c. 2.

Особенныя обстоятельства были причиною ранняго появленія этого Свода. Побѣдоносные Крестоносцы водворились, подобно поселенцамъ, въ чужой странѣ; выходцы изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ составили тамъ новое гражданское общество. Необходимость требовала опредѣлить законы и обычаи, по которымъ бы они управлялись и судились. Но въ Европѣ въ то время не существовало никакаго собранія обычаевъ и еще не думали о постоянныхъ законахъ. Первое предпріятіе въ этомъ родѣ сдѣлалъ Гленвиль, Англійскій Министръ Юстиціи, въ своемъ Tractatus de Legibus et Consuetudinibus Angliae, сочиненномъ около 1181 года. Regiam Majestatem въ Шотландіи, собраніе законовъ, приписываемое Давиду I, есть, кажется, подражаніе Гленвилю, и притомъ рабское. Петръ де Фонтенъ, первый во Франціи, сочинилъ *Conseil*—описаніе Вермандуасскихъ обычаевъ въ царствованіе Людовика Святаго, которое началось съ 1226 года. Бомануаръ, издатель *Бовуазинскихъ обычаевъ*, жилъ около того же времени. *Establissemens de St. Louis*, заключающія въ себѣ огромное собраніе обычаевъ, которые господствовали въ Королевскихъ удѣлахъ, были обнародованы по волѣ самаго Людовика. Какъ скоро люди узнали выгоды письменныхъ обычаевъ и законовъ, то собраніе ихъ вошло въ общее обыкновеніе. Карлъ VII, Французскій Король, указомъ 1453 года повелѣлъ собрать и привести въ порядокъ всѣ обычаи, заступавшіе мѣсто законовъ въ областяхъ Французскихъ. Velly и Villaret Histoire, tom. XVI. p. 113. Преемникъ его, Людовикъ XI, возобновилъ этотъ указъ. Но благотворное намѣреніе обоихъ Государей никогда не было совершенно исполнено, и отъ того Французское Законовѣдѣніе не имѣетъ той ясности и основательности, которыя могло бы получить. Обрядъ, существовавшій въ средніе вѣки, доставляетъ намъ самое ясное доказательство, что пока судьи руководствовались неписанными обычаями, извѣстными по преданію, то часто не могли найти примѣровъ и правилъ, сообразно которымъ рѣ-

шать дѣла. Въ недоумѣніяхъ своихъ они были принуждены сзывать извѣстное число старцевъ и предлагать имъ сомнительный случай, чтобы получить свѣдѣніе какой въ отношеніи къ нему наблюдался обрядъ, или обыкновеніе. Это называлось *Enqueste par tourbe*. Du Cange voc. *Turba*. Слѣдствіе возстановленія Римскаго Права изложилъ Монтескьё, liv. XXVIII. c. 42. и Юмъ въ Hist. of England vol. II. p. 441. *Я* принялъ многія ихъ мысли. Но въ тоже время я увѣренъ, что Римское Право не было такъ совершенно забыто въ средніе вѣки, какъ обыкновенно думаютъ. Много разительныхъ тому доказательствъ собралъ Donato Antonio d'Asti въ книгѣ: dall Uso e autorita della regione civile nelle provincie dell'Imperio Occidentale. Nap. 1751. 2 vol. in 8.

Тѣсная связь Римскаго Гражданскаго Права съ общинными законами въ нѣкоторыхъ странахъ Европы весьма извѣстна и не имѣетъ нужды ни въ какихъ поясненіяхъ. Даже въ Англійскомъ Правѣ (*Common Law*), которое почитаютъ совершенно отличнымъ отъ Римскаго, многое очевидно изъ него заимствовано. Это хорошо доказалъ остроумный и ученый сочинитель Observations on the Statutes, chiefly the more ancient. 3 edit. p. 76, etc.

Замѣчаніе XXVI. Отдѣленіе I. Стран. 67.

Цѣлая Исторія среднихъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что война была единственнымъ занятіемъ дворянъ, единственнымъ предметомъ, на который при ихъ воспитаніи обращалось вниманіе. Даже, когда нравы стали нѣсколько измѣняться и мирныя искусства пріобрѣтать уваженіе, прежнія мысли о качествахъ, необходимыхъ для человѣка благороднаго происхожденія, еще долго сохраняли свою силу. Въ Mémoires de Fleuranges, p. 9 etc. описаны юношескія упражненія и занятія Франциска. I. Всѣ они совершенно воинственныя. Этотъ Государь, отецъ наукъ, обязанъ любви своей къ нимъ не воспитанію, но врож-

денному здравому смыслу и вкусу. Нравы высшаго духовенства въ продолженіе среднихъ вѣковъ доставляютъ самое сильное доказательство, что различіе званій было едва извѣстно въ Европѣ. Духовенство по своему назначенію весьма различно отъ свѣтскихъ людей; низшіе служители алтаря дѣйствительно составляли отдѣльное сословіе отъ прочихъ гражданъ. Но духовные высокихъ степеней, обыкновенно благороднаго происхожденія, не смотрѣли на санъ свой; они удерживали образъ мыслей, принадлежавшій имъ, какъ дворянамъ, и вопреки Папскимъ указамъ и соборнымъ постановленіямъ, носили оружіе, выводили своихъ вассаловъ на поле битвы, начальствовали, сражались. Священнодѣйствіе почти не казалось имъ особеннымъ служеніемъ; они занимались воинскими упражненіями, почитая ихъ необходимыми для себя, какъ для дворянъ, и нерадѣли о богословскихъ познаніяхъ и мирныхъ добродѣтеляхъ, приличныхъ духовному ихъ званію.

Какъ скоро Законовѣдѣніе стало трудною наукою, отдѣльнымъ занятіемъ, то знаменитые въ немъ искусствомъ своимъ начали заслуживать почести, принадлежавшія до тѣхъ поръ однимъ воинамъ. Рыцарское достоинство было самымъ блистательнымъ знакомъ отличія въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и доставляло преимущества, на которыя санъ и порода сами по себѣ не давали права. Но отличные законовѣдцы производились въ рыцари и тѣмъ ставились на ряду съ людьми, славными по воинскимъ доблестямъ. Тогда вошли въ обыкновеніе названія: *Miles Justitiae*, *Miles literatus*. Матѳій Парижскій упоминаетъ о такихъ витязяхъ еще въ 1251 году. Судья, достигавшій извѣстнаго чина въ гражданской службѣ, имѣлъ право на рыцарское достоинство. Pasquier Recherches, liv. XI. c. 16. p. 130. Dissertations Historiques sur la Chevalerie par Honoré de Sainte Marie, p. 164. etc. Званіе, открывшее путь къ должностямъ, которыя возводили въ дворянство, пріобрѣло всеобщее уваженіе, и въ Европѣ возвышеніе людей посредствомъ искусства въ Законовѣдѣ-

нiи стало такъ же обыкновенно, какъ посредствомъ воинскихъ доблестей.

Замѣчанiе XXVII. Отдѣленiе 1. Стран. 70.

Главная цѣль этихъ замѣчанiй состояла въ томъ, чтобы вдругъ представить читателямъ дѣла и обстоятельства, которыя объясняютъ и подтверждаютъ содержанiе сказаннаго мною а въ Исторiи; они разсѣяны въ разныхъ сочиненiяхъ, заимствованы изъ книгъ, не всѣмъ извѣстныхъ и непрiятныхъ для чтенiя. Я за благо разсудилъ собрать эти замѣчанiя вмѣстѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда что необходимое въ доказательство, или объясненiе моего повѣствованiя находится въ книгахъ, болѣе общеизвѣстныхъ, я ограничивался однѣми ссылками. Такъ поступилъ я и въ отношенiи къ *Рыцарству*. Почти все, изложенное мною съ множествомъ другихъ любопытныхъ и поучительныхъ подробностей объ этомъ удивительномъ учрежденiи, можно отыскать въ Mémoires sur l'ancienne Chevalerie, considerée comme un establissement politique et militaire, par M. de la Curne de St. Palaye.

Замѣчанiе XXVIII. Отдѣленiе 1. Стран. 74.

Предметъ моихъ изслѣдованiй не налагаетъ на меня обязанности писать Исторiю просвѣщенiя. Событiя и замѣчанiя, мною приведенныя, достаточно объясняютъ слѣдствiя успѣховъ его на нравы и состоянiе гражданскихъ обществъ. Пока въ западныхъ странахъ Европы науки и исскуства были совершенно забыты, въ Константинополѣ и другихъ частяхъ Греческой Имперiи не переставали ими заниматься. Но Греки обращали всю тонкость ума своего почти исключительно на богословскiя пренiя. Эту страсть заимствовали отъ нихъ и Латины. Многiя несогласiя, еще до сихъ поръ раздѣляющiя Богослововъ, произведены Греками, отъ которыхъ прочiе Европейцы

получили свое образованіе. См. свидѣтельство Энея Сильвія ap. Conringium de Antiq. Academicis, p. 43. Histoire Littéraire de France, tom VII. p. 113, etc. tom IX. p. 151, etc. Вскорѣ по основаніи Калифата на Востокѣ, многіе знаменитые Государи явились тамъ покровителями просвѣщенія. Но когда Арабы обратили вниманіе на Словесность древнихъ Грековъ и Римлянъ, то образцовыя въ ней творенія, высокія, чистымъ, изящнымъ вкусомъ, показались холодными и вялыми для народа съ пылкимъ воображеніемъ. Ему невозможно было удивляться поэтамъ и дѣеписателямъ Аѳинъ и Рима. Но онъ чувствовалъ цѣну ихъ философовъ. Вліяніе ума постояннѣе и однообразнѣе, нежели вліяніе воображенія и вкуса. Истина вездѣ производитъ почти одно и то же впечатлѣніе; но понятія о прекрасномъ, изящномъ и высокомъ измѣняются, смотря по климату. Арабы, не уважавшіе Гомера, перевели извѣстнѣйшихъ Философовъ Греціи на свой языкъ и, руководимые правилами ихъ и открытіями, ревностно принялись за Геометрію, Астрономію, Медицину, Діалектику и Метафизику. Въ трехъ первыхъ они оказали значительные успѣхи, которые не мало способствовали возвышенію этихъ наукъ на занимаемую ими степень совершенства. Въ двухъ послѣднихъ они избрали руководителемъ Аристотеля и, умудряясь надъ утонченностями, отличающими его Философію, обратили её въ науку совершенно пустую и непонятную. Училища, заведенныя на Востокѣ, весьма славились. Арабы сообщили свою любовь къ просвѣщенію единоземцамъ своимъ, которые завоевали Азію и Испанію. Мѣста образованія, здѣсь учрежденныя, не уступали въ знаменитости восточнымъ. Многіе люди, отличные по учености въ XII и XIII столѣтіяхъ, воспитывались у Арабовъ. Брукеръ собралъ тому довольно примѣровъ. Hist. Philos. vol. III, p. 681, etc. У нихъ учились почти всѣ мужи, знаменитые просвѣщеніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Первое понятіе объ Аристотелевой Философіи въ средніе вѣки получено черезъ переводы твореній его съ языка Арабскаго. Тол-

ковники Арабскіе почитались умнѣйшими и лучшими руководителями въ ея изученіи. Conring. Antiq. Acad. Diss. III, p. 95, etc. Supplem. p. 241, etc. Murat. Antiquit. Ital. v. III, p. 932, etc. Схоластики заимствовали отъ нихъ духъ и правила своей Философіи, которая столько замедлила успѣхи истиннаго просвѣщенія.

Основаніе Коллегій, или Университетовъ, есть важное событіе въ Исторіи Словесности. Приходскія и монастырскія училища ограничивались преимущественно обученіемъ Грамматикѣ. Для этого находилось тамъ не болѣе, какъ по одному, или по два учителя. Но въ Коллегіяхъ были избраны Профессоры для преподаванія всѣхъ отраслей наукъ. Каждому назначили опредѣленные часы для чтенія, завели временныя испытанія студентамъ и стали награждать оказавшихъ хорошіе успѣхи учеными степенями и отличіями. Удовлетворительныя свѣдѣнія объ нихъ происхожденіи и сущности даетъ Сев. Бамкейстеръ въ Antiquitates Rostochienses, или Historia Urbis et Academiae Rostoch. ap. Monumenta Inedita Rer. Germ. per E. J. de Westphalen vol. III p. 781. Lips. 1743. Первое темное извѣстіе объ ученыхъ степеняхъ въ Парижскомъ Университетѣ (отъ котораго всѣ прочіе въ Европѣ заимствовали большую часть своихъ обрядовъ и учрежденій) встрѣчается въ 1215 году. Crevier Hist. de l'Univ. de Paris, tom. 1. p. 296, etc. Совершенное же образованіе ихъ послѣдовало въ 1231 г. Ibid. 248. Не нужно исчислять разныхъ преимуществъ, жалованныхъ баккалаврамъ, преподавателямъ и докторамъ. Одного обстоятельства достаточно, чтобы показать высокое уваженіе, которое къ нимъ имѣли. Доктора различныхъ Факультетовъ спорили съ рыцарями о первенствѣ мѣстъ, и споръ иногда оканчивался возведеніемъ докторовъ въ рыцарское достоинство, о высокихъ преимуществахъ котораго я упоминалъ. Даже было положено, чтобы доктора принимали это званіе безъ всякаго производства. Бартоль говоритъ: doctorem actualiter regentem in jure civili per decennium effici militem ipso facto. Honoré de

St. Marie, Dissert. p. 165. Такое рыцарство называли *chevalerie de lectures*, а ученыхъ рыцарей — *milites clerici*. Основаніе Университетовъ и важныя отличія, получаемыя учеными, весьма умножили число студентовъ. Въ 1262 г. считалось ихъ десять тысячь въ Болонскомъ Университетѣ, гдѣ Правовѣдѣніе составляло въ то время единственную науку. Въ 1340 г. было тридцать тысячь слушателей въ Оксфордскомъ Университетѣ. Speed's Chron. ap. Anderson's Chronol. Deduction of Commerce, vol. I, p. 172. Въ то же столѣтіе 10,000 человѣкъ подавали голоса по одному дѣлу, предложенному въ Парижскомъ Университетѣ; и какъ одни только имѣвшіе ученыя степени пользовались этимъ правомъ, то все число студентовъ было, вѣроятно, огромное. Velly Hist. de France, tom. XI, p. 147. Правда, въ то время находилось не много Университетовъ въ Европѣ, однакожъ такое число учившихся можно привести въ доказательство необыкновеннаго рвенія, съ которымъ люди стремились къ просвѣщенію въ тѣ вѣки; это показываетъ равнымъ образомъ, что они, кромѣ военнаго, стали почитать и другія званія благородными и полезными.

Замѣчаніе XXIX. Отдѣленіе I. Стран. 79.

Великое разнообразіе предметовъ, которые я старался объяснить, и обширность теперь слѣдующаго даютъ мнѣ право выразиться словами Монтескье изъ начала разсужденія его о торговлѣ: „этотъ предметъ требовалъ бы изложенія болѣе подробнаго, но свойство сочиненія не позволяетъ мнѣ объ немъ распространяться. Я желаю плыть по рѣкѣ тихой, но стремительный потокъ увлекаетъ меня.“

Исторія представляетъ много доказательствъ какъ рѣдки были сношенія между народами въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Въ концѣ десятаго столѣтія, Графъ Бушаръ, намѣреваясь основать монастырь въ Сен-Моръ-де-Фосъ близъ Парижа, поѣхалъ въ Бургундію къ Клюньи-

скому Аббату, извѣстному по своей святости, просить его о принятіи начальства надъ монахами новой обители. Разговоръ его съ святымъ отцемъ весьма страненъ. Графъ говоритъ, что предпринялъ трудное и далекое путешествіе, что изнуренъ усталостію отъ продолжительной дороги и потому надѣется, что просьба его будетъ исполнена, и поѣздка въ такую отдаленную сторону не останется безъ успѣха. Отвѣтъ Аббата еще удивительнѣе. Онъ отказался удовлетворить желаніе Графа, потому что весьма безпокойно было бы отправиться съ нимъ въ чужую и неизвѣстную сторону. Vita Burchardi venerabilis Comitis ap. Bouquet Rec. des Hist. vol. X, p. 351. Даже въ началѣ XII столѣтія Ферьерскіе монахи изъ Санскаго округа не знали, что есть городъ Турне во Фландріи, Турнейскимъ же монахамъ Св. Мартына было неизвѣстно, гдѣ Феріеръ. Дѣло, касавшееся до обоихъ монастырей, заставило ихъ войти въ сношенія. Иноки, посланные изъ одного въ другой, послѣ долгихъ поисковъ, подробно описанныхъ, едва нашли его, и то случайнымъ образомъ. Herimannus Abbas de Restauratione St. Martini Tornacensis ap. Dacher. Spicel. vol. XII, p. 400. Тогдашнее невѣжество относительно положенія и Географіи отдаленныхъ земель еще разительнѣе. Древнѣйшая географическая карта, которая теперь свидѣтельствуетъ о состояніи этой науки въ продолженіе среднихъ вѣковъ, найдена въ рукописи Діонисьевскаго Временника. Три части земнаго шара, тогда извѣстныя, представлены въ ней такъ, что Іерусалимъ стоитъ въ срединѣ; Александрія же помѣщена отъ него въ одинаковомъ разстояніи съ Назаретомъ. Mém. de l'Acad. des Belles Lettres, tom. XVI p. 185. Кажется, что въ средніе вѣки не было гостинницъ, или постоялыхъ дворовъ для путешественниковъ. Murat. Antiq. Ital. vol. III, 581, etc. Это доказываетъ недостатокъ сношеній между Государствами. У народа, который имѣетъ простые нравы и рѣдко посѣщается иностранцами, гостепріимство есть первая добродѣтель. Долгъ гостепріимства былъ такъ необходимъ

при состояніи гражданскихъ обществъ въ средніе вѣки, что его не относили къ числу обязанностей, которыя люди могутъ исполнять и нѣтъ, смотря по расположенію духа, или добротѣ сердечной. Гостепріимство было предписано законами, и кто не оказывалъ его, подвергался наказанію. Quicunque hospiti venienti lectum, aut focum negaverit, trium solidorum inlatione mulctetur. Leg. Burgund. tit. 38, § 1. Si quis homini aliquo pergenti in itinere mansionem vetaverit, sexaginta solidos componat in publico. Capitul. lib. VI, § 82. Это возвышеніе пени спустя столько времени отъ изданія Бургундскихъ законовъ, когда состояніе гражданскихъ обществъ много улучшилось, весьма замѣчательно. Другіе законы, сюда же относящіеся, собралъ Jo. Fred. Polac. Systema Jurisprud. Germanicae, Lips. 1733, p. 75. Законы Славянъ были строже всѣхъ, которые онъ приводитъ: повелѣвалось негостепріимнаго человѣка лишать движимаго имѣнія и сжигать домъ его. Славяне такъ заботились о принятіи иноземцевъ, что позволяли хозяину воровать для угощенія гостя. Quod noctu furatus fueris, cras appone, hospitibus. Rerum Mecleburgicar. lib. VIII, a Mat. Jo. Beehr. Lips. 1751, p. 50. Въ слѣдствіе этихъ законовъ, или того состоянія гражданскихъ обществъ, которому они приличествовали, вездѣ было можно найти гостепріимство, пока сношенія между людьми были незначительны. Ласковый пріемъ ожидалъ иностранца подъ каждой кровлею, куда онъ приходилъ просить убѣжища. Это, повторю, ясно доказываетъ, что мало существовало связей между народами; какъ скоро онѣ умножились, что было удовольствіемъ, стало тягостью, и содержаніе путешественниковъ обратилось въ торговую отрасль.

Но законы среднихъ вѣковъ доставляютъ доказательства еще убѣдительнѣе, какъ рѣдко входили народы въ сообщеніе между собою. Духъ Феодальной Системы и духъ подозрительности, всегда сопровождающій невѣжество, соединились, чтобы препятствовать переселеніямъ. Переходившій

изъ одной области Государства въ другую, былъ обязанъ черезъ годъ и одинъ день признать себя вассаломъ того Барона, на землѣ котораго онъ селился; въ случаѣ пренебреженія этой обязанности онъ подвергался денежной пенѣ; всё имѣніе его отнималось въ казну Барона, если онъ забывалъ при смерти что нибудь отказать ему. Участь, постигавшая иностранцевъ, которые селились въ чужихъ краяхъ, была еще суровѣе. Въ самыя раннія времена, владѣтель мѣста, гдѣ оставался жить иностранецъ, могъ взять его къ себѣ въ рабы. Ясные тому примѣры встрѣчаются въ Исторіи среднихъ вѣковъ. Страшныя нападенія Норманновъ въ IX столѣтіи принудили многихъ приморскихъ жителей Франціи бѣжать во внутренность этой земли. Но вмѣсто человѣколюбиваго пріема, на который жалкое положеніе давало имъ право, они взяты были въ рабство. Свѣтская и духовная власть увидѣли необходимость употребить свою силу для пресѣченія этого варварства. Potgiesser. de Statu Servor. lib. 1, c. 1, § 16. Въ иныхъ странахъ законы дозволяли приморскимъ жителямъ брать въ рабство претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Ibid. § 17. Этотъ жестокій обычай велся во многихъ Европейскихъ Государствахъ; собственность же подвергавшихся кораблекрушенію вездѣ, кажется, присвоивалась господами береговъ, на которые волны выбрасывали её. De Westphalen Monum. inedita Rerum. German. vol. IV p. 907, etc. Du Cange voc. *Laganum*. Beehr. Rer. Mecleb. lib. p. 512. У древнихъ Валлійцевъ позволялось убивать безнаказанно: дураковъ, иностранцевъ и прокаженныхъ. Leges Hoel Dda въ Observat. on the statutes, chiefly the more ancient, p. 22. Лорьеръ приводитъ нѣсколько древнихъ бумагъ, доказывающихъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, иностранцы становились рабами господъ, на землѣ которыхъ селились. Glossaire du Droit François, Art. *Aubaine* p. 92. Бомануаръ говоритъ: „есть во Франціи мѣста, гдѣ иностранецъ, пробывши годъ и одинъ день,

становится рабомъ помѣщика. Coust. de Beauv. ch. 45 p. 254. Но какъ обычай, столько противный человѣколюбію, не могъ долго существовать, то господа начали довольствоваться сборомъ годовыхъ податей съ иностранцевъ, обязывая ихъ случайными работами. Однако иностранецъ не могъ дѣлать завѣщанія на случай смерти, а всё недвижимое и движимое его имѣніе бралось на Государя, или Барона, мимо законныхъ наслѣдниковъ. Это называютъ во Франціи *Droit d'Aubaine.* Pref. de Laurier. Ordon. tom. 1 p. 15. Brussel, tom. II, p. 944. Du Cange, voc. *Albani.* Pasquier, *Recherches* p. 367. Обычай брать въ казну имѣніе иностранцевъ послѣ ихъ смерти весьма древенъ. Объ немъ упоминается, хотя и темно, въ указѣ Карла Великаго 813 года. Capitul. Baluz. p. 507 § 5. Чуженаслѣдственное право (Droit d'Aubaine) простиралось не только на иностранцевъ, но и на переходившихъ изъ одной области въ другую, или отъ одного Барона къ другому. Brussel, vol. II, p. 947, 949. Едва ли можно вообразить себѣ законы, болѣе неблагопріятные для сношеній между народами; однако подобные имъ существовали нѣкогда въ каждомъ Европейскомъ Государствѣ. Въ отношеніи къ Италіи см. Murat. Antiq. vol. II p. 14. Не малый укоръ для Французскаго законодательства, что оно еще признаетъ варварское чуженаслѣдственное право.

Отъ безпорядковъ и своеволія, неизбѣжныхъ при слабомъ правленіи и безсиліи законовъ, сообщеніе между областями одного и того же Королевства стало чрезвычайно опасно. Изъ письма Люпуса, Аббата Ферріерскаго, видно, что въ IX столѣтіи на большихъ дорогахъ были шайки разбойниковъ, и что путешественники для безопасности отъ ихъ нападеній, ѣздили по многу вмѣстѣ, или съ обозами. Bouquet. Recueil. des Hist. vol. VII, 515. Различныя постановленія, которыя Карлъ Смѣлый издалъ въ то же столѣтіе, показываютъ какъ грабежи были часты; они стали даже такъ обыкновенны, что многіе едва почитали

ихъ за преступленіе; а потому низшіе судьи, или *Соцкіе* (*Centenarii*) были обязаны произносить клятву, что не будутъ ни сами разбойничать, ни покровительствовать разбойникамъ. Capitul. edit. Baluz. vol. II p. 63, 68. Историки девятаго и десятаго столѣтій описываютъ тогдашніе безпорядки въ сильныхъ выраженіяхъ. Много рѣзкихъ мѣстъ собралъ Mat. Jo. Beehr. Rer. Mecleb. lib. VIII, p. 603. Грабежи стали такъ часты и отважны, что свѣтская власть не могла даже пресѣчь ихъ. Прибѣгли къ духовной. Сзывали соборы, засѣданія происходили съ великою торжественностью, приносили мощи Святыхъ и предъ ними изрекали проклятія на разбойниковъ и другихъ нарушителей общественнаго спокойствія. Bouquet Rec. des Hist. tom. X. p. 360, 431, 536. Уцѣлѣлъ образецъ отлученія отъ Церкви, изданнаго въ 988 году. По своей странности и особенному краснорѣчію онъ любопытенъ. Послѣ обыкновеннаго приступа и объясненія злодѣйствъ, давшихъ поводъ къ проклятію, въ немъ восклицаютъ: Obtenebrescant oculi vestri, qui concupiverunt; arescant manus, quae rapuerunt; debilitentur omnia membra, quae adjuverunt. Semper laboretis, nec requiem inveniatis, fructuque vestri laboris privemini. Formidetis et paveatis a facie persequentis et non persequentis hostis, ut tebescendo deficiatis. Sit portio vestra cum Juda traditore Domini in terra mortis et tenebrarum, donec corda vestra ad satisfactionem plenam convertantur. Ne cessant a vobis hae maledictiones, scelerum vestrorum persecutrices, quamdiu permanebitis in peccato pervasionis. Amen, fiat, fiat. Т. е.: да померкнутъ очи ваши, они алкали чужаго; да изсохнутъ руки, они устремлялись на хищеніе; да разслабнутъ всѣ члены, всѣ они способствовали злодѣяніямъ. Вѣчно работайте, и покоя не обрѣтайте, и плодовъ труда своего лишайтеся. Бойтесь и трепещите предъ лицемъ врага преслѣдующаго и не преслѣдующаго васъ, изнывайте и гибните. Вашимъ жребіемъ да будетъ жребій Іуды предателя въ странѣ смерти и мрака, доколѣ сердца ваши не обратятся къ чистому раскаянію. Да тяго-

тѣютъ надъ вами эти проклятія, бичи злодѣйствъ вашихъ, доколѣ пребудете въ грѣхахъ своихъ Аминь, да будетъ такъ, да будетъ! Bouquet, ibid. p. 517.

Въ отношеніи къ успѣхамъ торговли, мною описаннымъ на стран. 74 и т. д. должно замѣтить, что Итальянцы еще во времена Карла Великаго торговали съ городами Греческой Имперіи и привозили оттуда въ свое отечество богатыя произведенія Востока. Murat. Antiq. Ital. vol. II, p. 882. Въ десятомъ столѣтіи Венеціане стали купечествовать въ Египетскомъ городѣ Александріи. Ibid. Амальфійцы и Пизане равнымъ образомъ вступили съ нимъ въ торговыя сношенія. Ib. p. 884, 885. На стр. 29 я изложилъ вліяніе Крестовыхъ походовъ на приращеніе богатства Итальянскихъ Республикъ и на распространеніе ихъ торговли, особливо съ Востокомъ. Онѣ не только вывозили оттуда Индійскіе товары, но даже построили у себя заведенія для обработки рѣдкихъ произведеній. Мураторы исчислилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ Разсужденіяхъ объ *ремеслахъ* и *тканьѣ* въ средніе вѣки. Antiq. Ital. vol. II. p. 349. 399. Итальянскіе города оказали великіе успѣхи, особливо въ приготовленіи шелковыхъ тканей, которое долго было тайною восточныхъ областей Азіи. Шелковыя ткани стоили такъ дорого въ древнемъ Римѣ, что только немногія важныя особы имѣли возможность покупать ихъ. При Авреліанѣ, въ 270 году отъ Р. Х. фунтъ шелку равнялся цѣною фунту золота. Absit ut auro fila pensentur. Libra enim auri tunc libra serici fuit. Vopiscus in Aureliano. Юстиніанъ, въ VI столѣтіи, ввелъ искусство воспитывать шелковыхъ червей въ Греціи, отъ чего шелковыя ткани стали нѣсколько обыкновеннѣе, хотя все еще цѣнились высоко, и служили предметомъ роскоши и великолѣпія, предоставленнымъ только для знатныхъ особъ и для торжественныхъ случаевъ. Около 1130 года Рожеръ I, Король Сицилійскій, вызвалъ изъ Афинъ людей, свѣдущихъ въ шелковомъ дѣлѣ, и поселивъ ихъ въ Палермо, распространилъ обработываніе шелка въ

своемъ Королевствѣ, изъ котораго это искусство сообщилось и другимъ частямъ Италіи. Giannon. Hist. of Naples, кн. XI, гл. 7. Шелкъ вошелъ позднѣе въ такое употребленіе, что около половины XIV столѣтія тысяча Генуэзскихъ гражданъ явились на одномъ торжествѣ въ шелковой одеждѣ. Сахаръ есть также восточное произведеніе. Изъ Азіи было вывезено нѣсколько сахарнаго тростнику въ Сицилію, гдѣ первые опыты разводить его сдѣланы около половины XII столѣтія. Отсюда онъ пересаженъ въ южныя области Италіи. Изъ нея вывезенъ на Канарскіе и Мадерскіе острова, а напослѣдокъ въ новый свѣтъ. Людовикъ Гвичардини, исчисляя товары, привозимые въ Антверпенъ около 1500 года, упоминаетъ и о сахарѣ, который получался изъ Испаніи и Португаліи, какъ важная торговая статья. Онъ называетъ его произведеніемъ Мадерскихъ и Канарскихъ острововъ. Descritt. de Paesi Bassi, p. 180, 181. Сахарный тростникъ былъ еще до этого времени разведенъ въ Вестъ-Индіи, но не доставлялъ значительной статьи для торговли, потому что его обработывалось немного, или потому что онъ обработывался очень несовершенно. Хотя въ средніе вѣки сахаръ не приготовлялся въ огромномъ количествѣ, не былъ въ обширномъ употребленіи, одною изъ обыкновенныхъ потребностей въ жизни; однакоже составлялъ значительную статью въ торговлѣ Итальянскихъ Республикъ.

Снабжая различными произведеніями прочихъ Европейцевъ, Итальянцы пріобрѣли себѣ ласковый пріемъ въ каждомъ Королевствѣ. Въ XIII столѣтіи они поселились во Франціи, получивъ самыя обширныя льготы. Имъ не только было сдѣлано всякое снисхожденіе, благопріятное для ихъ торговли, но даны преимущества, которыми не пользовались и природные жители. Ordon. tom. IV. p. 668. По особенному указу на нихъ не простиралось чуженаслѣдственное право. Ibid. p. 670. У Ломбардцевъ сосредоточивались всѣ ходячія деньги, потому что они захватывали въ свои руки всю торговлю

каждаго Королевства, въ которомъ селились. По множеству своему, деньги стали у нихъ не только знакомъ цѣнности товаровъ, но даже предметомъ самой торговли. Они производили обширные обороты въ качествѣ банкировъ. Въ указѣ 1295 года ихъ называютъ *mercatores* и *campsores*. Какъ въ этой, такъ и въ другихъ отрасляхъ торговли они руководствовались духомъ жадности, который свойственъ монополистамъ, если не ограничиваетъ ихъ совмѣстничество. Впрочемъ мнѣніе, господствовавшее въ среднія вѣки, было въ нѣкоторой степени причиною непомѣрныхъ требованій Ломбардцевъ и можетъ служить имъ оправданіемъ. Торговлю нельзя производить съ выгодою, если, ссужая свои деньги въ займы, не брать извѣстной платы въ награду за опасеніе лишиться ихъ, которому подвергаешься, позволяя другому торговать на свой счетъ. Эта плата опредѣлена законами во всѣхъ торговыхъ земляхъ и называется законными процентами. Но церковные Отцы примѣнили запрещеніе лихоимства Священнымъ Писаніемъ къ требованію процентовъ, и осудили его, какъ грѣхъ. Схоластики, увлеченные Аристотелемъ, мнѣніямъ котораго они слѣдовали слѣпо и безотчетно, приняли и распространили это заблужденіе. Blackstone's Commentaries on the Laws of England, vol. II. p. 455. Такимъ образомъ Ломбардцы оставались въ оборотахъ, почитаемыхъ преступными и гнусными. Въ случаѣ доноса, ихъ ожидало наказаніе. По этому они уже не довольствовались тою умѣренною платою, которую вѣроятно бы требовали, еслибъ обороты ихъ были допущены законами. Они брали росты, соразмѣрные опасности и позору въ случаѣ доноса; въ XIII вѣкѣ обыкновеннымъ у нихъ ростомъ было двадцать на сто. Murat. Antiq. Ital. vol. I. p. 893. Въ началѣ этого столѣтія, Фландрская Графиня нуждалась въ деньгахъ для выкупа своего супруга. Она достала ихъ у Итальянскихъ купцовъ, или у Жидовъ. Самые низкіе проценты, взятые съ нея, были

свыше 20, а инымъ заимодавцамъ она заплатила почти 30. Martene и Durand Thesaur. Anecdotorum. vol. I. p. 886. Въ 1311 году Филиппъ IV узаконилъ, чтобы на Шампаньскихъ ярмаркахъ брать по 20 процентовъ. Ordon. tom. I. p. 484. Росты въ Арагоніи были нѣсколько ниже. Іаковъ I въ 1242 году запретилъ требовать болѣе осмнадцати. Petr. de Marca, *Marca* sive Limes Hispan. app. 1433. Еще въ 1490 году количество процентовъ въ Піаченцѣ простиралось до сорока. Это весьма удивительно, потому что торговля Итальянскихъ городовъ тогда была уже значительна. Memorie Storiche de Piacenza. tom. VIII. p. 104. Piac. 1760. Изъ Люд. Гвичардини видно, что Карлъ V повелѣлъ въ своихъ Нидерландскихъ владѣніяхъ пользоваться 12ю процентами, но что въ то время, т. е. около 1560 года, не рѣдко брали и болѣе. Гвичардини жалуется на непомѣрность ростовъ и представляетъ худыя отъ того слѣдствія на земледѣліе и торговлю. Descritt. di Paesi Bassi, p. 172. Одни высокіе проценты уже служатъ доказательствомъ огромной прибыли отъ торговли. Въ XIII столѣтіи Ломбардцы поселились въ Лондонѣ, и одна большая улица въ немъ еще и теперь носитъ ихъ имя. Они имѣли важныя преимущества и производили обширную торговлю, особливо какъ банкиры. См. Anderson's Chronolog. Deduction, vol. I. p. 137, 160, 204, 231. Но главнымъ рынкомъ для Итальянскихъ произведеній служилъ Брюге. Тогда мореплаваніе было такъ несовершенно, что купцы не могли въ одно лѣто переплыть изъ Балтійскаго моря въ Средиземное. По этому они имѣли необходимость въ складочномъ мѣстѣ на половинѣ пути между сѣверными и Итальянскими торговыми городами, и выбрали Брюге по выгодному его положенію. Выборъ этотъ весьма обогатилъ Нидерланды. Брюге служилъ въ одно и то же время складкою для Англійской шерсти, для Нидерландскихъ шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій, для корабельныхъ снарядовъ и другихъ грубыхъ произведеній сѣвера, для Индійскихъ и домашнихъ товаровъ Италіи. Обширность тор-

говли его Индійскими товарами съ одною Венеціею видна изъ слѣдующаго: въ 1318 году пять Венеціанскихъ галеасъ съ ними приплыли въ Брюге, чтобы продать свой грузъ на ярмаркѣ (L. Guic. Descritt. di Paesi Bassi p. 174), а галеасы поднимали грузъ весьма значительный. Брюге былъ огромнѣйшимъ рынкомъ въ цѣлой Европѣ. Многія тому доказательства встрѣчаются у историковъ и лѣтописцевъ XIII и XIV столѣтій. Но чѣмъ умножать ссылки, я лучше укажу моимъ читателямъ на Андерсона, vol. I. p. 12, 137, 213, 246 etc. Свойство моего сочиненія не позволяетъ мнѣ входить въ длинныя подробности, но можно привести отдѣльные примѣры, которые дадутъ высокое понятіе о богатствѣ торговыхъ городовъ во Фландріи и въ Италіи. Въ 1339 году Герцогъ Брабантскій выдалъ свою дочь за Чернаго Принца, сына Англійскаго Короля Эдуарда III, и далъ за нею приданое, стоившее на наши теперешнія деньги до 300000 фунтовъ стерлинговъ. Rymer's Foedera, vol. V. p. 113. Въ 1367 году Іоаннъ Галеацо Висконти, Герцогъ Миланскій, отдалъ въ замужство дочь свою за Ліонеля, Кларенскаго Герцога, третьяго сына Эдуардова, и наградилъ её приданымъ, равнымъ на наши теперешнія деньги двумъ стамъ тысячамъ фунтовъ стерлинговъ. Rymer's Foeder. vol. VI. p. 547. Эти огромныя суммы, такъ далеко превосходившія приданое, которое могущественнѣйшіе Государи отпускали тогда за дочерьми своими, изумляющія даже въ настоящее время, когда богатство Европы несравненно болѣе возрасло, были вѣроятно нажиты отъ обширной и выгодной торговли, въ тѣхъ странахъ процвѣтавшей. Первымъ источникомъ обогащенія для городовъ, прилежавшихъ къ Балтійскому морю, служила, кажется, сельдяная ловля, потому что сельди водились тогда у береговъ Швеціи и Даніи въ такомъ же множествѣ, какъ теперь у Британскихъ. Вотъ какъ одинъ писатель XIII вѣка изображаетъ слѣдствія этой ловли: Датчане, говоритъ онъ, ходившіе прежде въ бѣдномъ платьѣ матросовъ, теперь одѣваются

въ багряницу и тонкія льняныя ткани; они разбогатѣли отъ ежегодной ловли у береговъ южной Готландіи (Shonen); всѣ народы привозятъ къ нимъ золото, серебро и драгоцѣнные товары для обмѣна на сельди, даруемые имъ небесною благостью. Arnoldus Lubecensis ap. Conring. de Urbib. German. § 87.

Ганзеатическій союзъ есть самый могущественный изъ всѣхъ торговыхъ союзовъ, извѣстныхъ въ Исторіи. Начало его въ концѣ XII столѣтія и самая цѣль описаны въ Книпшильдовомъ Tractatus Historico-Politico-Juridicus de Juribus Civitat. Imper. lib. 1 cap. 4. Андерсонъ повѣствуетъ о благотворномъ вліяніи его на торговлю, о правахъ обширныхъ, полученныхъ имъ въ различныхъ Государствахъ, объ удачныхъ войнахъ его съ нѣкоторыми Государями и о ревности, съ которою онъ защищалъ преимущества, необходимыя для выгодной торговли. Люди, имѣвшіе въ виду только пользу ея, дѣятельными своими усиліями не замедлили распространить новыхъ, справедливѣйшихъ понятій о правосудіи и порядкѣ во всѣхъ Европейскихъ странахъ, гдѣ они селились.

Въ Англіи успѣхи торговли были чрезвычайно медленны и причины тому очевидны. Въ продолженіе Саксонскаго седмицарствія, Англія, раздробленная на многія малыя Королевства, которыя находились въ непрерывной враждѣ между собою, подверженная опустошительнымъ набѣгамъ Датчанъ и другихъ сѣверныхъ грабителей, погруженная въ варварство и невѣжество, находилась не въ такомъ положеніи, чтобы производить торговлю и стремиться къ благоустройству. Когда единовластіе открыло Королевству лучшую будущность, Норманны завоевали его. Это событіе такъ сильно потрясло Англію и произвело столь внезапный и совершенный переворотъ въ земельной собственности, что народъ долго не могъ опомниться. Потомъ, когда новое правленіе нѣсколько утвердилось, и Англичане, смѣшиваясь съ своими побѣдителями, составили одинъ народъ съ

ними, Государство пылко и неблагоразумно вступилось за притязаніе своихъ Королей на престолъ Франціи и долго истощало свое могущество въ тщетныхъ предпріятіяхъ покорить ее. Наконецъ, послѣ того какъ худой успѣхъ и продолжительныя неудачи положили предѣлъ этому гибельному изступленію, и народъ, не много успокоившись, отдохнулъ и собралъ новыя силы, возгорѣлись кровопролитныя войны между Домами Іоркскимъ и Ланкастерскимъ и вовлекли Королевство въ самое ужасное изъ всѣхъ бѣдствій. Такимъ образомъ успѣхи Англійской торговли замедлялись особенными причинами, кромѣ обыкновенныхъ препятствій, проистекавшихъ отъ феодальнаго правленія и отъ нравовъ, которые господствовали въ средніе вѣки. Англичане почти послѣдніе въ Европѣ, воспользовались естественными выгодами торговли. До Эдуарда III вся шерсть Англійская, исключая небольшаго количества, которое шло на толстыя сукна для домашняго употребленія, продавалась жителямъ Фландріи и Ломбардцамъ; а они уже ткали изъ нея разныя издѣлія. Хотя Эдуардъ съ 1326 года началъ приглашать Фламскихъ ткачей селиться въ свое Королевство, но прошло много времени прежде, нежели Англичане стали приготовлять сукна для иностранной торговли; вывозъ сырой шерсти очень долго составлялъ главную статью ихъ торговли. Anderson, passim. — Ломбардскіе и Ганзейскіе купцы привозили въ Англію всѣ иностранные товары. Корабли сѣверной и южной Европы посѣщали пристани ея; иностранцы похищали тѣ выгоды, которыя могли бы имѣть сами ея жители. Первый торговый договоръ, упоминаемый въ Англійской Исторіи, былъ заключенъ въ 1217 году съ Геквиномъ, Королемъ Норвежскимъ. Anderson vol. I. p. 108. Но Англичане не отваживались пускаться на своихъ корабляхъ въ Балтійское море до самаго XIV столѣтія. Ibid. 151. Только во второй половинѣ XV отправили они нѣсколько кораблей въ море Средиземное (Ibid. p. 177), и не задолго передъ тѣмъ стали

посѣщать Испанію и Португалію. Но хотя я и показалъ медленные успѣхи Англійской торговли, потому что этотъ предметъ мало изслѣдованъ, не взирая на важность его, однако стеченіе иностранцевъ въ Англійскія пристани, связи, возникшія между всѣми Европейскими Государствами, и съ XII столѣтія непрестанно умножавшіяся, достаточно оправдываютъ всѣ мои мысли относительно вліянія торговли на правы и состояніе гражданскихъ обществъ.

Замѣчаніе XXX. Отдѣленіе III. Стран. 145.

Я не могъ открыть, какъ настоящимъ образомъ избирался Верховный Судья (*Justiza*). Юнта, или союзъ, составленный въ 1264 году противъ Іакова I, между прочимъ требовалъ, чтобы Король не назначалъ Верховнаго Судьи безъ согласія дворянства (*ricos hombres*). Zurita Anales de Aragon. vol. I. p. 180. Но Король отвѣтилъ на это требованіе, что избраніе Верховнаго Судьи принадлежитъ ему на основаніи державныхъ правъ, законовъ Королевства и обычая временъ незапамятныхъ. Ibid. 181. Blanca, 656. Изъ другаго мѣста въ Зуритѣ видно, что во все время существованія Юнты у Арагонцевъ (т. е. ихъ права соединяться противъ Государя, когда онъ нарушалъ ихъ преимущества), Короли не только назначали, но и смѣняли Верховнаго Судью по своей волѣ. Но когда Юнта, какъ учрежденіе, вредное для общественнаго порядка и спокойствія, была уничтожена, то должность Верховнаго Судьи сдѣлана пожизненною. Однако нѣкоторые Короли перемѣняли Верховныхъ Судей, для нихъ подозрительныхъ. Въ отвращеніе этого Кортесъ издалъ въ 1442 году законъ, по которому Верховный Судья получалъ свою должность на цѣлую жизнь и могъ быть отставленъ только властію Кортеса. Fueros et Observancias del Reyno de Aragon. lib. I. p. 22. По прежнимъ законамъ особа Верховнаго Судьи почиталась священною, и онъ подлежалъ

отвѣтственности только предъ Кортесомъ. Ibid. p. 15. Зурита и Бланка, оба, издавшіе свои Исторіи еще въ то время, какъ должность Верховнаго Судьи Арагонскаго была въ полной силѣ, не объяснили въ отношеніи къ ней нѣкоторыхъ обстоятельствъ, потому что сочиняли для своихъ соотечественниковъ, знавшихъ подробно власть и обязанности блюстителя правъ своихъ. Историки Испанскіе настоящаго и прошедшаго столѣтій, — того времени, когда уже не было древняго правленія въ ихъ отечествѣ,—не очень любопытствовали знать сущность прежнихъ учрежденій, или боялись излагать ихъ со всею подробностію. Маріана, продолжатель его Миніана и Феррерасъ писали свои Исторіи совсѣмъ уже не въ томъ духѣ, какъ знаменитые Зурита и Бланка, изъ которыхъ я почерпнулъ свѣдѣнія объ Арагонскомъ правленіи.

Еще два обстоятельства въ отношеніи къ Верховному Судьѣ заслуживаютъ вниманія: 1) никто изъ высшаго дворянства (*ricos-hombres*) не могъ быть Верховнымъ Судьею; его избирали изъ кавалеровъ втораго разряда, которымъ почти соотвѣтствуютъ простые дворяне (commoners) въ Великобританіи. Fueros et Observancias del Reyno, etc. lib. I. p. 21. Вотъ причина. По Арагонскимъ законамъ высшее дворянство не подлежало тѣлесному наказанію, но какъ для обезпеченія свободы было необходимо, чтобы Верховный Судья отвѣчалъ за употребленіе возложенной на него высокой довѣренности, то страхъ смертной казни служилъ для него сильнымъ побужденіемъ строго соблюдать свои обязанности. Blanca, p. 657. 756. Zurita, tom. II. 229. Fueros et Observancias, lib. IX. p. 182. 183. Кромѣ того изъ многихъ мѣстъ въ Зуритѣ видно, что Верховный Судья долженъ былъ не только обуздывать властолюбіе дворянъ, но и ограничивать власть Государей; потому его и выбирали изъ сословія гражданъ, выгоды котораго заключались въ сопротивленіи и тѣмъ и другимъ.

2) Сановникъ, имѣвшій такія обширныя права, какъ Судья Верховный, могъ употреблять ихъ ко вреду Государства, если бы самъ не подвергался отвѣтственности. Семнадцать особъ избирались по жребію въ каждомъ Кортесномъ собраніи. Они составляли судилище, которое называлось Слѣдственною Думою о службѣ Верховнаго Судьи. Дума каждый годъ сбиралась по три раза въ положенное время. Всякой имѣлъ право жаловаться ей на несправедливость, или нерадѣніе Верховнаго Судьи и низшихъ судей, которые дѣйствовали его именемъ. Ихъ призывали къ отвѣту. Члены Думы произносили приговоръ по шарамъ. Они могли наказывать лишеніемъ достоинства, конфискаціею имѣнія и даже смертію. Слѣдственная Дума основана по уставу 1461 года, гдѣ предписанъ и образъ ея дѣйствія. Zurita Anales, IV, 102. Blanca Comment. Rer. Aragon. 770. Но и до этого, отъ самаго учрежденія своей должности, Верховный Судья давалъ Кортесу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя не съ такою торжественностію. Непрестанный страхъ безпристрастнаго и строгаго суда былъ ему сильнымъ побужденіемъ неусыпно и свято исполнять свою должность. Замѣчательный примѣръ власти Верховнаго Судьи въ борьбѣ съ Королевскою встрѣчается въ 1386 году. По кореннымъ законамъ Арагоніи старшій сынъ Короля, или наслѣдникъ престола, имѣлъ значительныя права и силу въ Королевствѣ. Fueros et Observancias del Reyno de Aragon. lib. I, p. 16. Петръ IV, по внушеніямъ второй супруги своей, хотѣлъ отнять ихъ у своего сына и запрещалъ подданнымъ ему повиноваться. Принцъ непосредственно отнесся къ Верховному Судьѣ, охранителю и защитнику, говоритъ Зурита, отъ насилія и угнетенія, и получилъ отъ него *firmo de derecho*, въ слѣдствіе котораго, давши подписку о явкѣ къ суду, не могъ уже быть лишенъ никакихъ преимуществъ своихъ безъ приговора Верховнаго Судьи. Это было обнародовано по всему Королевству, и не взирая на возразительную прокламацію, изданную Королемъ, Принцъ продолжалъ пользо-

ваться своими правами, и власть его вездѣ признавалась. Zurita Anales de Aragon, tom. II p. 385.

Замѣчаніе XXXI. Отдѣленіе III. Стран. 145.

Слова присяги сохранилъ Антоній Перезъ, уроженецъ Арагонской, Секретарь Филиппа II. Las Obras y Relaciones de Ant. Perez, in 8 par Juan de la Planche, 1631, p. 143.

Право составлять Юнту дѣйствительно есть одно изъ самыхъ необыкновенныхъ, которыя только могутъ существовать въ благоустроенномъ обществѣ, а присяга Арагонцевъ выражаетъ, что̀ они могли дѣлать по этому праву. Если Король, или его министры нарушали законы и льготы Арагонцевъ и не удовлетворяли ихъ по сдѣланнымъ представленіямъ, то высшее дворянство, или *Ricos-hombres de natura et de mesnada*, сословіе кавалеровъ, или дворяне втораго разряда, называемые *Hidalgos et Infaciones*, и градскіе головы могли въ Кортесѣ, или въ произвольномъ собраніи, составить Юнту и, обязавшись клятвами и обмѣномъ заложниковъ во взаимной вѣрности, требовать отъ Короля удовлетворенія именемъ и властію своего союза. Если же Король отвергалъ ихъ требованіе, или хотѣлъ противиться имъ вооруженною силою, то они могли, въ слѣдствіе союзныхъ правъ, безъ всякаго преступленія, отречься отъ подданства ему, не признавать его болѣе своимъ Государемъ и избрать другаго на его мѣсто. Blanca Com. Rer. Arag. 661, 669. Юнта не походила на союзы въ другихъ феодальныхъ Королевствахъ. Она была допущена государственнымъ учрежденіемъ; имѣла права законныя, издавала указы и во всѣхъ своихъ поступкахъ наблюдала принятые обряды. Въ 1287 году Арагоцы составили такой союзъ противъ Альфонса III и принудили его не только согласиться на свои требованія, но даже утвердить юнтное право, гибельное для самодержавной власти. Zurita Anales, tom. 1, p. 322. Въ 1347 году съ равнымъ же успѣхомъ составленъ былъ со-

юзъ противъ Петра IV, и у него выпудили новое утверждение этого преимущества. Zurita, tom. II, p. 202. Но когда, вскорѣ послѣ того, Король разбилъ на сраженіи предводителей Юнты, то Кортесное Собраніе навсегда уничтожило право составлять ее и отмѣнило всѣ освящавшіе его законы. Король въ присутствіи Государственныхъ Чиновъ потребовалъ актъ, которымъ онъ утвердилъ Юнту, ранилъ свою руку кинжаломъ, и держа ее надъ актомъ, сказалъ: это право, которое было такъ пагубно для Государства и такъ оскорбительно для Королевскаго достоинства, должно быть смыто Королевскою кровію. Zurita, tom. II p. 229. Указъ на уничтоженіе Юнты находится въ Fueros et Observancias, lib. IX, p. 178. Съ этого времени Верховный Судья сталъ законнымъ хранителемъ общественной свободы, и власть его никогда не производила такихъ сильныхъ потрясеній, какъ мятежная Юнта. Между тѣмъ государственное учрежденіе Арагоніи все еще дышало свободою. Однимъ изъ ея источниковъ было раннее допущеніе городскихъ представителей въ Кортесное собраніе. Изъ словъ Зуриты правдоподобнымъ кажется, что эти представители были законными членами Кортеса отъ самаго его учрежденія. Онъ упоминаетъ о Кортесномъ собраніи въ 1133 году, на которомъ присутствовали *procuradores de las ciudades y villas*. Tom. I, p. 51. Это собственное выраженіе, подъ которымъ означалось присутствіе ихъ въ собраніи, когда оно стало вести журналы своихъ засѣданій. Вѣроятно, что такой обстоятельный Историкъ, какъ Зурита, не употребилъ бы этихъ словъ, если бы не нашелъ ихъ въ подлинныхъ бумагахъ. Въ верховныхъ собраніяхъ у другихъ Европейскихъ народовъ градскіе представители заняли мѣсто слишкомъ сто лѣтъ позднѣе, нежели въ Арагоніи. Многіе случаи обнаруживаютъ духъ свободы, господствовавшій въ Арагонскомъ правленіи. Кортесъ не только препятствовалъ увеличенію Королевскихъ доходовъ и власти, но пользовался преимуществами, которыя пока-

жутся необыкновенными даже въ странѣ, привыкшей къ свободѣ. Въ 1286 году онъ требовалъ, чтобы ему было позволено избирать членовъ Королевскаго Совѣта и придворныхъ чиновниковъ и, кажется, на нѣкоторое время получилъ это право. Zurita, tom. 1 p. 303, 307. Онъ набиралъ войска по своей волѣ и самъ назначалъ имъ начальниковъ. Это, кажется, видно изъ одного мѣста въ Зуритѣ. Когда въ 1503 году, Кортесное собраніе набрало войско для войны въ Италіи, то особенною грамотою уполномочило Короля избрать надъ нимъ предводителей. Zurita, tom. V, p. 274. Это ясно показываетъ, что Король самъ по себѣ не имѣлъ на то права. Fueros et Observancias del Reyno de Aragon содержатъ два объявленія правъ и преимуществъ народа Арагонскаго: одно — 1283 года, изданное при Петрѣ I, а другое 1325 года — при Іаковѣ II. Они такъ длинны, что я не могу здѣсь включить ихъ, но очевидно показываютъ, что тогда въ Италіи не только у дворянъ, но даже у народа личныя и политическія права были обширнѣе, нежели въ другихъ Европейскихъ Государствахъ. Lib. I, p. 7, 9. Клятва, которою Короли обязывались соблюдать эти народныя права и льготы, была весьма торжественна. Ibid. p. 14, 15. Арагонскій Кортесъ не только обнаруживалъ подозрительность, свойственную вольнымъ Чинамъ при охраненіи существенныхъ статей государственнаго учрежденія, но даже обращалъ строжайшее вниманіе на соблюденіе самыхъ мелочныхъ правилъ и обрядовъ, вошедшихъ въ обыкновеніе. По принятымъ законамъ и обычаямъ въ Арагоніи, ни одинъ иностранецъ не смѣлъ войти въ залу Кортеснаго собранія. Фердинандъ въ 1481 г. назначилъ супругу свою, Изабеллу, Правительницею Королевства на время своего отсутствія. Законъ требовалъ, чтобы Регентъ произнесъ клятву вѣрности въ Кортесномъ собраніи, но какъ Изабелла была иноземка, то оно почло прежде за нужное дать часовому письменное повелѣніе впустить ее

въ залу. „Такъ внимателенъ былъ Кортесъ, говоритъ Зурита, къ соблюденію своихъ законовъ и обрядовъ, по видимому, самыхъ пустыхъ.“ Tom. IV, p. 313.

Арагонцы столько же заботились обезпечить личныя права частныхъ людей, сколько поддержать свободу своего государственнаго учрежденія. Два случая въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія. По уставу 1335 года было запрещено подвергать пыткѣ природнаго Арагонца. Если показанія свидѣтелей его не уличали, то онъ немедленно освобождался отъ суда. Zurita, tom. II. p. 66. Зурита повѣствуетъ объ этомъ постановленіи съ самодовольствіемъ, свойственнымъ Историку, когда онъ видитъ человѣколюбіе своихъ соотечественниковъ. Онъ сравниваетъ Арагонскіе законы съ Римскими, потому что тѣ и другіе избавляли гражданъ и свободныхъ людей отъ этого позора и жестокости, подвергая имъ только рабовъ. Зурита имѣлъ право хвалить свои отечественные законы. Пытка была въ то время допущена законами всѣхъ Государствъ Европейскихъ. Она существовала даже въ Англіи, изъ которой кроткій духъ законодательства давно уже изгналъ её. Observ. on the Stat. chiefl. the more anc. etc. p. 66.

Другой случай показываетъ, что духъ, господствовавшій въ законодательствѣ, владычествовалъ и въ народѣ. Въ 1485 году ревность къ вѣрѣ побудила Фердинанда и Изабеллу ввести въ Арагоніи Инквизицію. Хотя Арагонцы были такъ же суевѣрно привязаны къ Римско-Католическому исповѣданію, какъ другіе Испанцы, и не меньше ихъ желали истребить сѣмена заблужденія и ересей, посѣянныя Жидами и Маврами; однако они подняли оружіе противъ Инквизиторовъ, умертвили старшаго изъ нихъ, и долго противились учрежденію Инквизиціи. Они называли ея судопроизводство несовмѣстнымъ съ свободою, потому что обвиненному не давали очныхъ

ставокъ съ свидѣтелями, не объявляли ему доноса, на него сдѣланнаго, подвергали его пыткѣ и брали его имѣніе въ казну. Zurita Anales, tom. IV. p. 341.

Образъ правленія въ Королевствѣ Валенціи и въ Княжествѣ Каталонскомъ равнымъ образомъ весьма благопріятствовалъ свободѣ. У жителей Валенціи Юнта существовала на такомъ же основаніи, какъ у Арагонцевъ; но они не имѣли сановника, подобнаго Верховному Судьѣ. Каталонцы были привержены къ правамъ своимъ не менѣе двухъ первыхъ народовъ и мужественно ихъ защищали.

Замѣчаніе XXXII. Отдѣленіе III. Стран. 146.

Я напрасно искалъ въ Кастильскихъ Историкахъ такихъ свѣдѣній, которыя дали бы мнѣ средства начертать съ точностію ходъ законодательства и правленія въ Кастиліи. Не только изъ ея Историковъ, но изъ древнихъ ея законовъ, особливо *Fuero Juzgo*, обнаруживается, что Государи въ ней первоначально были избирательные. Ley, 2, 5, 8. Ихъ избирали Епископы, дворянство и народъ. Ibid. Означенное Уложеніе показываетъ также, что власть Кастильскихъ Государей была весьма ограничена. Виллальдіего въ толкованіяхъ своихъ на *Fuero Juzgo*, приводитъ много тому доказательствъ. Докт. Геддесъ, весьма свѣдущій въ Испанской Словесности, сожалѣетъ, что не нашелъ ни одного писателя, который далъ бы ясное понятіе о Кортесѣ, т. е. верховномъ народномъ собраніи, или бы описалъ образъ его засѣданій, или бы опредѣлилъ число присутствовавшихъ въ немъ членовъ. Однако онъ приводитъ изъ Гиля Гонзалеса д'Авила, издавшаго Исторію Генриха II, посланную въ городъ Абула повѣстку объ избраніи представителей на Кортесное собраніе, которое Генрихъ сзывалъ въ 1390 году. Отсюда мы узнаемъ, что требовались въ Кортесъ Прелаты, Герцоги, Мар-

кизы, Командоры трехъ воинскихъ Орденовъ, Кондесы и Рикосгомбры. Всѣ они составляли сословія духовное и дворянское, или два законодательные члена. Городовъ, которые посылали членовъ на это собраніе, было 48. Число представителей (города имѣли право избирать ихъ болѣе, или менѣе, смотря по своей относительной важности) доходило до 125. Geddes's Miscellaneous Tracts, vol. I, 331. Зурита, упоминая о Кортесномъ собраніи, которое Фердинандъ собралъ 1505 года въ Торо, чтобы упрочить себѣ власть надъ Кастиліею по смерти Изабеллы, съ обыкновенною своею точностію означаетъ поименно присутствовавшихъ членовъ и города, ихъ приславшіе. Изъ этой росписи видно, что только 18 городовъ отправляли представителей. Anales de Aragon, tom. VI. p. 3. Почему же было такое неравное число ихъ на обоихъ собраніяхъ, не знаю.

Замѣчаніе XXXIII. Отдѣленіе III. Стран. 149.

Большая часть земли въ Испаніи принадлежала дворянству. Л. Мариней Сикулъ, написавшій при Карлѣ V свое разсужденіе *de Rebus Hispaniae*, прилагаетъ къ нему списокъ Испанскихъ дворянъ съ ежегоднымъ доходомъ отъ ихъ владѣній. По его счету, который онъ почитаетъ такъ вѣрнымъ, какъ только онъ могъ быть по свойству предмета, весь годовой доходъ съ ихъ земель простирался до 1,482,000 дукатовъ. Если мы вспомнимъ великое различіе въ цѣнности денегъ XV столѣтія съ нынѣшними и возмемъ въ разсужденіе, что списокъ Маринея заключаетъ въ себѣ только однихъ *Titulados*, т. е. дворянъ, имѣвшихъ какое-нибудь почетное титло, то богатство ихъ покажется огромнымъ. L. Marinaeus ap. Schotti Scriptores Hispan. vol. I. p. 323. Кастильское гражданство въ спорахъ своихъ съ Королями, послѣ описанныхъ, жалуется, что обширность дворянскихъ владѣній весьма гибель-

на для Королевства. Въ одномъ изъ своихъ объявленій оно утверждаетъ, что отъ Вальядолида до Сантъ Яго въ Галиціи, на пространствѣ ста миль, Королямъ принадлежало не болѣе трехъ деревень. Всё прочее было собственностію дворянства и не подлежало никакимъ общественнымъ повинностямъ. Sandov. Vita del Emperor Carl. V. vol. I. p. 422. Изъ свидѣтельства писателей, приводимыхъ Бовадиллою, видно, что Кастильскіе Короли пожаловали всѣ эти обширныя владѣнія рикосгомбрамъ (*ricoshombres*), гидалгамъ (*hidalgos*) и кавалерамъ (*cavalleros*), въ награду за помощь, которую они получили отъ нихъ при изгнаніи Мавровъ. Такимъ же образомъ дворяне пріобрѣли значительную власть и въ городахъ; встарину многіе изъ послѣднихъ зависѣли отъ дворянства. Politica para Corregidores. Amb. 1750. fol. vol. I. 440. 442.

Замѣчаніе XXXIV. Отдѣленіе III. Стран. 151.

Я не могъ открыть ничего достовѣрнаго, какъ уже сказалъ въ замѣчаніи XVIII, относительно происхожденія общинныхъ, или вольныхъ городовъ въ Испаніи. Вѣроятно, что какъ скоро они освободились отъ Мавровъ, то жители, въ нихъ поселившіеся, будучи людьми знатными и сильными, получили всѣ права муниципальнаго правленія и судопроизводства. Есть много примѣровъ великолѣпія, богатства и могущества городовъ Испанскихъ. Іеронимъ Павелъ, въ 1491 году описывая Барцелону, сравниваетъ её по обширности и пространству съ Неаполемъ, а по красотѣ зданій, разнообразію мануфактуръ и обширной торговлѣ — съ Флоренціею. Hieron. Paul. ap. Schottum. Script. Hisp. II, 844. Мариней представляетъ Толедо большимъ и многолюднымъ городомъ. Многіе изъ жителей его были особы высокаго званія и чина. Торговлю производилъ онъ обширную, особенно процвѣтали въ немъ шелковыя и шерстяныя фабрики, на которыхъ работало до десяти тысячь человѣкъ. Marin. ubi supra, p. 308. Не знаю города,

говоритъ онъ, который бы можно предпочесть Вальядолиду по красотѣ и великолѣпію. Ibid. p. 312. О многолюдствѣ его можно судить по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1516 году жители его вооружились для сопротивленія мѣрамъ, которыя принялъ противъ нихъ Кардиналъ Ксименесъ, и собрали въ самомъ городѣ и въ уѣздахъ его тридцатитысячное войско. Sandov. Vita del Emper. Carl. V. tom. 1 p. 81. Товары, приготовляемые въ Испанскихъ городахъ, шли не только на домашнее употребленіе, но даже вывозились за границу, и эта торговля служила важнымъ источникомъ обогащенія для жителей. Подобно Родосскимъ законамъ въ древности, морскіе законы Барцелоны составляютъ основаніе купеческаго судопроизводства новѣйшихъ временъ. Всѣ торговые города Италіи приняли ихъ, и руководствовались ими въ дѣлахъ торговыхъ. Sandi Storia Civile Veneziana, vol. II, 865. Изъ нѣкоторыхъ указовъ Французскихъ Королей видно, что Арагонскіе и Кастильскіе купцы состояли на однихъ правахъ съ Итальянскими. Ordonnances des Rois, etc. tom. II p. 135; III, 166, 504, 635. Граждане столь богатые стали почтеннымъ сословіемъ въ обществѣ и получили значительное участіе въ законодательствѣ. Градскіе головы въ Барцелонѣ достигли самой высокой чести, которую только могъ получить Испанскій подданный, чести — не снимать шляпу въ присутствіи своего Государя и пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ вельможи (гранды). Origin de la dignidad de Grandee de Castilla por Don Alonzo Carillo. Madr. 1657, p. 18.

Замѣчаніе XXXV. Отдѣленіе III. Стран. 153.

Военный Орденъ Св. Іакова, самый почетный и богатый изъ трехъ Испанскихъ Орденовъ, былъ установленъ около 1170 года и утвержденъ буллою Александра III въ 1176 году. Въ то время Испанія, значительная часть которой принадлежала Маврамъ, была подвер-

жена опустошеніямъ не только непріятелей, но и разбойниковъ. И такъ не удивительно, что учрежденіе, имѣвшее цѣлію сопротивленіе врагамъ Христіанской Вѣры и обузданіе нарушителей общественнаго спокойствія, было пріятно народу и заслужило всеобщее одобреніе. Богатство и сила Ордена возрасли до такой степени, что одинъ Историкъ называетъ Великаго Магистра самою могущественною и знаменитою особою въ Испаніи послѣ Короля. Ael. Anton. Nebrissensis, ap. Schott. Script. Hisp. 1, 812. Другой замѣчаетъ, что Орденъ обладалъ въ Кастиліи всѣмъ, что Короли преимущественно желали бы пріобрѣсть. Zurita Anales, V, 22. Рыцари клялись безпрекословно повиноваться Великому Магистру, быть бѣдными и хранить супружескую вѣрность. Орденъ могъ выставить тысячу воиновъ. Ael. Ant. Nebris. p. 831. Въ сопровожденіи оруженосцевъ, они составляли страшный отрядъ конницы. Ордену принадлежало 84 Командорства, 200 Пріорствъ и другихъ владѣній. Dissertations sur la Chevalerie par. Hon. de St. Marie, p. 262. Легко видѣть, какъ опасенъ былъ для Государя могущественный Великій Магистръ Ордена Св. Іакова. Два другіе Ордена, хотя уступавшіе послѣднему въ силѣ и богатствѣ, были однако весьма значительны. Когда завоеваніе Гренады избавило рыцарей Св. Іакова отъ враговъ, противъ которыхъ оружіе ихъ было первоначально направлено, то набожность нашла имъ новое дѣло для защиты. Къ обыкновенной своей присягѣ они прибавили слѣдующее: клянемся вѣрить, утверждать и защищать, что Дѣва Марія, Матерь Божія, наша Владычица, зачала во чревѣ непричастно грѣху первородному.“ Это присовокупленіе сдѣлано около половины XVII столѣтія. Honoré de St. Marie Dissertations, etc. p. 263.

Замѣчаніе XXXVI. Отдѣленіе III. Стран. 155.

Я часто имѣлъ случай говорить о неустройствѣ и безпорядкахъ, происходившихъ въ средніе вѣки отъ сла-

бости правленія и недостатка надлежащей подчиненности между различными званіями людей. Я выше замѣтилъ, что это особенно препятствовало сношеніямъ между народами и даже между различными мѣстами одного и того же Королевства. Оставленное Испанскими Историками описаніе частыхъ грабежей, убійствъ и насилій всякаго рода во всѣхъ областяхъ отечества ихъ изумляетъ читателя и представляетъ ему эту страну въ самомъ безпорядочномъ и бурномъ состояніи. Zurita Anales de Aragon. 1, 175. Ael. Ant. Nebrissensis Rer. a Ferdin. gestar. Hist. ap. Schottum, II, 849. Хотя ужасы безпорядковъ сдѣлали учрежденіе *Св. Германдады* необходимымъ, однако сначала весьма старательно избѣгали всякаго случая оскорбить, или встревожить дворянство. Власть судей Германдады простиралась только на преступленія, нарушавшія общественное спокойствіе. Всѣ же прочія уголовныя дѣла вѣдали судьи обыкновенные. Commentaria in Regias Hisp. Constitut. per Alph. de Azevedo, pars V, p. 220, etc. fol. Duaci, 1612. Не взирая на эти ограниченія, Бароны чувствовали, сколько Германдада отниметъ у нихъ власти. Въ Кастиліи воспротивились было ея учрежденію, но Фердинандъ успѣлъ получить согласіе Конетабля ввести ее въ той части Королевства, гдѣ находились его владѣнія, а наконецъ онъ ввелъ ее и въ другихъ частяхъ, потому что это было пріятно народу. Ael. Ant. Nebrissen. 851. Въ Арагоніи дворянство вооружилось противъ Германдады гораздо сильнѣе, и какъ мужественно Фердинандъ ни поддерживалъ её, но принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы укротить мятежъ. Zurita Anales de Aragon. IV, 356. Власть и доходы Германдады въ Кастиліи были, кажется, весьма велики. Фердинандъ, приготовляясь къ войнѣ съ Гранадскими Маврами, требовалъ и получилъ отъ Германдады шестнадцать тысячь вьючныхъ скотовъ съ осмью тысячами погонщиковъ. Ael. Ant. Nebris. 881. Германдаду нашли такъ полезною для сохраненія мира, пресѣченія и оп-

крытія преступленій, что она еще и теперь существуетъ въ Испаніи, хотя уже не нужна болѣе ни для обузданія аристократической, ни для распространенія самодержавной власти.

Замѣчаніе XXXVII. Отдѣленіе III. Стран. 157.

Въ Антикваріяхъ нѣтъ ничего обыкновеннѣе привычки судить о законахъ и нравахъ минувшихъ вѣковъ по образу мыслей и обычаямъ, господствующимъ въ ихъ время. Это неисчерпаемый источникъ заблужденія. Французскіе законовѣдцы XVII и XVIII столѣтій, видя, что Государи ихъ имѣютъ неограниченную власть, кажется, вмѣняютъ себѣ въ непремѣнный долгъ утверждать, что она принадлежала коронѣ во всё время существованія ихъ отечества. Французское правленіе, говоритъ весьма важно Реаль, теперь такое же чисто монархическое, какимъ оно было издревле. Короли наши первоначально имѣли такую же неограниченную власть, какъ и въ настоящее время. Science du Gouvernement, tom. II. p. 31. Между тѣмъ не возможно представить себѣ двухъ состояній гражданскаго общества, болѣе несходныхъ между собою, какъ состояніе Франціи при Клодовикѣ и при Людовикѣ XV. Законы различныхъ племенъ, поселившихся въ Галліи и смежныхъ съ нею странахъ, исторія Григорія Турскаго и многія раннія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что у всѣхъ варваровъ образъ правленія былъ весьма грубъ и простъ, и что они едва начинали пріобрѣтать основныя понятія о порядкѣ, необходимомъ въ большихъ гражданскихъ обществахъ. Король, т. е. главный вождь, начальствовалъ надъ воинами, или сподвижниками, которые слѣдовали за нимъ по охотѣ, а не принужденію. Въ замѣчаніи VI я привелъ несомнѣнныя тому доказательства. Происшествіе, упоминаемое Григоріемъ Турскимъ (lib. IV. c. 14.), представляетъ разительный примѣръ зависимости первыхъ Королей Французскихъ отъ народа. Когда въ 553 году

Клотарій I выступилъ съ войскомъ противъ Саксонцевъ, то они, устрашенные его приближеніемъ, просили мира и предлагали богатую дань оскорбленному Монарху. Клотарій принялъ было ихъ покорность, но воины настаивали, чтобы онъ далъ сраженіе. Король употребилъ всё свое краснорѣчіе, для ихъ убѣжденія удовлетвориться предложенною данью. Саксонцы, желая смягчить Франковъ, увеличили ее. Король возобновилъ свои просьбы, но раздраженные воины бросились въ его палатку, и принудили его тотчасъ вести ихъ противъ непріятеля.

Если первые Французскіе Государи имѣли такую малую власть, даже предводительствуя войскомъ, то права ихъ въ мирное время были, безъ сомнѣнія, еще ограниченнѣе. Они восходили на престолъ не по праву наслѣдства, но по избранію подданныхъ. Въ избѣжаніе излишнихъ ссылокъ, я укажу моимъ читателямъ на Hottomani Franco-gallia (c. VI. p. 47. edit. 1573), гдѣ они найдутъ полнѣйшія тому доказательства изъ Григорія Турскаго, Амоина и другихъ самыхъ достовѣрныхъ Историковъ Королей Меровингскихъ. Всѣ дѣла, касавшіяся до блага общаго, подлежали общему разсужденію и рѣшались народомъ по голосамъ въ ежегодныхъ собраніяхъ, которыя назывались *Мартовскими Полями и Майскими Полями.* Они получили имя *Полей,* потому что, согласно съ обычаемъ всѣхъ варварскихъ народовъ, бывали на открытомъ воздухѣ и на ровномъ мѣстѣ, удобномъ для помѣщенія множества людей, имѣвшихъ право тутъ присутствовать. Jo. Jac. Sorberus de Comitiis veterum Germanorum, vol. I. § 19. etc. Они назывались *Мартовскими и Майскими* отъ мѣсяцевъ, въ которые происходили. Кажется, что всякой свободный человѣкъ имѣлъ право быть на этихъ собраніяхъ. Sorber. ibid. § 133. etc. Въ древнихъ лѣтописяхъ Франковъ присутствовавшіе на собраніи 788 года описаны слѣдующимъ образомъ: In placito Ingelheimensi conveniunt pontifices, majores, minores, sacerdotes, reguli, duces, comites, praefecti, ci-

ves, oppidani. Apud Sorber. § 304. Тамъ, говоритъ одинъ древній Историкъ, обдумывали и рѣшали всякое дѣло, касавшееся до блага общественнаго, до всего, что могло принести пользу Франкамъ. Fredegarius ap. Du Cange Glossar. voc. *Campus Martii.* Клотарій II описываетъ занятія и признаетъ власть этихъ собраній. Они сзываются, говоритъ онъ, для того, чтобы по общему мнѣнію судить и рѣшать всё, относящееся къ общему благу, и я буду соображаться со всѣми ихъ постановленіями. Amoinus de Gest. Franc. lib. IV. c. I. ap. Bouquet Recueil. III, 116. — Указы этихъ собраній издавались не отъ одного Королевскаго имени. „Мы разсуждали, начинаетъ Шильдебертъ въ указѣ 532 года, въ Мартовскомъ Собраніи вмѣстѣ съ дворянствомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, и нынѣ сообщаемъ во всенародное извѣстіе рѣшеніе наше.“ Childeb. Decret. ap. Bouquet Recueil. des Histor. tom. IV. p. 3. Мы согласились съ вассаллами нашими. Ibid. § 2. На собраніи, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ, постановлено. Ibid. § 4. Салическіе законы, почтеннѣйшій памятникъ Французскаго законодательства, изданы такимъ же образомъ. Dictaverunt Salicam legem proceres ipsius gentis, qui tunc temporis apud eam erant Rectores. Sunt autem electi de pluribus viri quatuor — qui per tres Malos convenientes, omnes causarum origines solicite discurrendo, tractantes de singulis judicium decreverunt hoc modo. Praef. Leg. Salic. ap. Bouquet. Ibid. p. 122. Hoc decretum est apud regem et principes ejus, et apud cunctum populum christianum, qui infra regnum Merwingorum consistunt. Ibid. p. 124. Даже въ грамотахъ Короли первой династіи не забывали означать, что жалуютъ ихъ съ согласія своихъ вассаловъ. Ego Childebertus Rex una cum consenu et voluntate Francorum, etc. A. D. 558. Bouquet. Ibid. 622. Clotarius III una cum patribus nostris episcopis, optimatibus, caeterisque palatii nostri ministris, A. D. 664. Ibid. 648. De consensum fidelium nostrorum. Mably Observat. tom. I. p. 239. Изъ словъ Историковъ равнымъ образомъ видно, что власть Королей въ народныхъ собраніяхъ была весьма мала, и что

всё зависѣло отъ самаго собранія. Ipse Rex, говоритъ сочинитель Франкскихъ Лѣтописей, повѣствуя о Мартовскомъ Полѣ, sedebat in sella regia, circumstante exercitu, praecipiebatque is, die illo, quicquid a Francis decretum erat. Bouquet Recueil, tom. II. p. 647.

Не нужно доказывать, что Общія Собранія имѣли верховную судебную власть въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ и дѣламъ; это очевидно. Достаточно о томъ свидѣтельствуетъ судъ надъ Брунегильдою въ 613 году, описанный Фредегаріемъ, Chron. cap. 42. Bouquet. Ibid. 430. Извѣстная жестокость и неправосудіе приговора показываютъ обширность власти, которую имѣло Собраніе. Кровожадный Клотарій II почелъ утвержденіе его достаточнымъ для оправданія своего безчеловѣчія въ отношеніи къ матери и бабкѣ многихъ Королей Французскихъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о денежныхъ пособіяхъ Королямъ. Вольныя, необразованныя племена, нравы и гражданскія постановленія которыхъ просты, имѣя мало нуждъ, не знаютъ податей и не любятъ нести постоянныхъ повинностей. Это въ особенности должно замѣтить о Германцахъ и о всѣхъ народахъ, которые вышли изъ Германіи. Тацитъ отличаетъ два племя не Германскаго произхожденія, потому что они платили подати (De morib. German. c. 43), и говоря еще объ одномъ племени въ духѣ Германцевъ, онъ выражается такъ: оно не унижено податнымъ налогомъ." Ibid. c. 29. Когда Германцы поселились въ Галліи, то, вѣроятно, до тѣхъ поръ не оставляли гордости своихъ предковъ, или добровольно не подвергались бремени, которое служило у нихъ знакомъ рабства, пока еще помнили о прежней своей славѣ. Свидѣтельство самыхъ раннихъ лѣтописцевъ и историковъ оправдываетъ это заключеніе. Монтескьё въ XII и послѣдующихъ главахъ тринадцатой книги Духа Законовъ и Мабли въ Observat. sur l'Hist. de France (tom. I. p. 247) изслѣдовали это съ великимъ вниманіемъ и ясно доказали, что

земельная собственность свободнаго человѣка у Франковъ не подлежала никакимъ постояннымъ налогамъ, что свободные люди только обязаны были служить въ войскѣ на собственный свой счетъ и принимать въ свои домы Короля, когда онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ владѣнія, или чиновниковъ его, посылаемыхъ по казенной надобности, и давать имъ повозки и лошадей. Государи жили почти одними доходами отъ земель непосредственно имъ принадлежавшихъ, судными пошлинами, случайными пенями и конфискуемымъ имѣніемъ виновныхъ въ извѣстныхъ преступленіяхъ. Не мое дѣло исчислять эти доходы. Читатель найдетъ ихъ въ Observat. Мабли, vol. I. p. 267.

Когда свободные люди дѣлали чрезвычайное пособіе Государю, то это случалось совершенно по доброй волѣ. На ежегодныхъ Мартовскихъ, или Майскихъ Собраніяхъ Королю дарили деньги, коней, оружіе и другія значительныя вещи. Это былъ древній обычай, заимствованный отъ Германцевъ. Mos est civitatibus, ultro ac viritim conferri principibus vel armentorum, vel frugum, quod pro honore acceptum, etiam necessitatibus subvenit. Tacit. de Mor. Germ. c. 15. Приношенія, судя объ нихъ по общему сказанію древнихъ Историковъ, были значительны и составляли не малую часть Королевскихъ доходовъ. Дю Канжъ приводитъ много тому доказательствъ. Dissert. IV, sur Joinville, 153. Иногда побѣжденный народъ обязывался платить ежегодную дань, и её требовали подобно долгу, если онъ не присылалъ ея въ срокъ. Annales Metenses ap. Du Cange, ibid. p. 155. Вѣроятно, что первый шагъ къ налогамъ сдѣланъ былъ оцѣнкою даровъ, первоначально произвольныхъ, и побужденіемъ народа къ платежу суммы, въ которую они были оцѣнены. Между тѣмъ память ихъ происхожденія все еще сохранялась, и денежныя пособія Государямъ назывались *дарами* во всѣхъ Королевствахъ Европы.

Короли втораго царственнаго Дома во Франціи восходили на престолъ по избранію народа. Pepinus Rex pius, говоритъ одинъ современный писатель, per authoritatem Papae, et unctionem sancti chrismatis et electionem omnium Francorum in regni solio sublimatus est. Clausula de Pepini consecratione ap. Bouquet Recueil des Histor. tom. V, p. 9. Въ то же время съ главныхъ государственныхъ сановниковъ, которые отняли корону у Меровинговъ и передали ее Пипину, взята была клятва, что они будутъ поддерживать на престолѣ его потомковъ, ut nunquam de alterius lumbis regem in aevo praesumant eligere. Ibid. p. 10. Долгое время народъ вѣрно хранилъ эту клятву. Потомство Пипина заняло престолъ, но Государи были обязаны совѣтоваться съ общимъ народнымъ собраніемъ о раздѣлѣ своихъ владѣній между дѣтьми своими. Такимъ образомъ самъ Пипинъ, въ 768 году, повелѣлъ обоимъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, государствовать вмѣстѣ, но сдѣлалъ это una cum consensu Francorum et procerum suorum seu et episcoporum, которымъ онъ предложилъ дѣло въ общемъ собраніи. Conventus apud sanctum Dionysium. Capitular. vol. 1, p. 187. Это повелѣніе Французы подтвердили въ слѣдующемъ собраніи, созванномъ по смерти Пипина. Егингартъ повѣствуетъ, что они не только выбрали тутъ Карла и Карломана Королями, но и обозначили предѣлы ихъ владѣній. Vita Car. Magni ap. Bouquet Recueil, tom. V, p. 90. Подобнымъ же образомъ верховное собраніе рѣшало споры, возникавшіе между членами Королевскаго Дома. Карлъ Великій признаетъ и подтверждаетъ это важное право собранія въ грамотѣ о раздѣлѣ своихъ владѣній, повелѣвая, чтобы въ случаѣ спора между соискателями престола, тотъ изъ нихъ занялъ его, кого изберетъ народъ. Capitul. vol. I, 442.

При Карловингахъ народное собраніе, именовавшееся *Conventus*, *Malli*, *Placita*, бывало непремѣнно однажды въ годъ, а часто и по два раза. Одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ Французской Исторіи есть разсужденіе Гинк-

мара, Архіепископа Реймскаго, *de Ordine Palatii.* Онъ умеръ въ 882 году, спустя только 68 лѣтъ по смерти Карла Великаго, и излагаетъ въ краткомъ сочиненіи своемъ то, что сообщилъ ему Адельгардъ, министръ и наперсникъ Карла Великаго. Отъ него мы узнаемъ, что этотъ Государь ежегодно сзывалъ народное собраніе, in quo placito generalitas universorum majorum tam clericorum, quam laicorum, conveniebat. Hincm. oper. edit. Sismondi, vol. II, c. 29, 211. На собраніяхъ прежде всего разбирали дѣла, касавшіяся до общаго блага и безопасности, а потомъ уже переходили къ дѣламъ частнымъ, или менѣе важнымъ. Ibid. c. 33, p. 213. Ближайшіе преемники Карла подражали его примѣру и не совершали ни одного важнаго дѣла, не отнесясь къ своему Верховному Совѣту.

При Карловингахъ Французское правленіе было въ большой мѣрѣ демократическое. Не одни дворяне, почетное духовенство и первые государственные сановники были членами народнаго совѣта; народъ, или все сословіе свободныхъ людей имѣло право присутствовать въ немъ, или посылать за себя представителей. Гинкмаръ, описывая какимъ образомъ происходили общія собранія, говоритъ, что если погода была благопріятная, то они бывали на открытомъ воздухѣ, въ противномъ случаѣ — въ особенныхъ зданіяхъ; почетное духовенство было отдѣлено отъ мірянъ, и comites vel hujusmodi principes sibimet honorificabiliter a caetera multitudine segregarentur. Ibid. c. 35, p. 114. Агобардъ, Архіепископъ Ліонскій, слѣдующимъ образомъ описываетъ народный совѣтъ, который былъ въ 833 г. и на которомъ онъ присутствовалъ. Qui ubique conventus extitit ex reverendissimis episcopis et magnificentissimis viris illustribus, collegio quoque abbatum et comitum, promiscuaeque aetatis et dignitatis populo. *Caetera multitudo* Гинкмара все то же, что *populus* Агобарда, и оба эти выраженія означаютъ низшій классъ свободныхъ людей, тотъ самый который послѣ былъ извѣстенъ во Франціи

подъ именемъ средняго состоянія, а въ Англіи подъ именемъ гражданъ (*commons*). Народъ, подобно другимъ членамъ собранія, имѣлъ часть законодательной власти. По указу 803 года ему предлагался каждый новый законъ на утвержденіе. Capitul. vol. I, 394. Есть два капитулярія, дающіе намъ полное понятіе объ участіи народа въ правленіи. Онъ имѣлъ право просить Короля о прекращеніи злоупотребленій. Сохранилась одна изъ такихъ просьбъ, въ которой народъ изъявляетъ желаніе, чтобы духовныя особы не носили оружія и лично не ходили противъ непріятеля. Она была подана Карлу Великому въ 803 году и написана такимъ слогомъ, который могли употребить только люди, чувствующіе свою свободу и права обширныя. Она заключается убѣжденіемъ, чтобы Карлъ удовлетворилъ своихъ подданныхъ, если дорожитъ ихъ вѣрностію. Великій Государь, ни сколько не оскорбясь этимъ смѣлымъ требованіемъ, принялъ его милостиво и согласился его исполнить. Но, зная что онъ самъ по себѣ не имѣетъ законодательной власти, обѣщалъ предложить это дѣло на разсмотрѣніе будущаго народнаго собранія, гдѣ рѣшалось все, касающееся до цѣлаго общества. Capitul. tom. I, p. 405 — 409. Обрядъ, которымъ различныя предложенія одобрялись и получали силу законовъ въ общемъ собраніи, былъ слѣдующій. Всякое предложеніе читали вслухъ, и потомъ спрашивали у народа, согласенъ онъ принять его, или нѣтъ? Согласіе свое онъ изъявлялъ, прокричавъ три раза: мы довольны; и тогда предложенное утверждалось подписью Короля, духовенства и знатнѣйшихъ мірянъ. Capitul. tom. I, p. 627. Изъ указа Карла Плѣшиваго 851 года вѣроятнымъ кажется, что Государь не могъ отвергнуть утвержденнаго подданными на общемъ собраніи. Tit. IX, § 6. Capitul. vol. II, p. 47. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ о законодательной власти народнаго собранія во Франціи при Карловингахъ, и о правѣ его располагать миромъ и войною, довольно прочесть Капитуляріи и сочиненіе: Les Origines ou l'Ancien Gouvernement

de France, tom. III, p. 87. etc. Сказанное мною о допущенiи народа, или представителей его въ верховное собранiе замѣчательно не только въ отношенiи къ ходу Французскаго правленiя, но и къ объясненiю вопроса, предложеннаго въ Англiи о времени, когда ея граждане (the commons) получили участiе въ законодательствѣ.

Замѣчанiе XXXVIII. Отдѣленiе III. Стран. 159.

Важная перемѣна въ государственномъ учрежденiи Францiи, когда законодательная власть перешла отъ верховнаго Совѣта въ руки Короля, изложена Французскими Антикварiями не такъ обстоятельно, какъ они объясняютъ другiя событiя изъ ихъ отечественной Исторiи. По этому я весьма тщательно старался означить постепенное приближенiе этого достопамятнаго переворота. Здѣсь я прибавлю нѣкоторыя подробности, чтобы онъ былъ понятнѣе. Законы Салическiе, законы Бургундскiе и другiя уложенiя, изданныя различными племенами, которыя поселились въ Галлiи, составляли общiе законы, простиравшiеся на всѣ лица, на всѣ области и округи, гдѣ признавали ихъ силу. Но они, кажется, устарѣли и причина, по которой вышли изъ употребленiя, очевидна. При изданiи ихъ почти вся земельная собственность была аллодiальная. Но когда распространился Феодализмъ и подалъ поводъ къ безчисленнымъ вопросамъ, свойственнымъ новому роду подчиненности, съ нимъ соединенной, то древнiя уложенiя уже не годились для ихъ разрѣшенiя, потому что не могли содержать въ себѣ законовъ, приличныхъ для дѣлъ, которыя не существовали въ старыя времена. Эта значительная перемѣна въ существѣ земельной собственности, побудила издать новыя постановленiя, заключающiяся въ *Капитулярiяхъ*. Многiя изъ нихъ, издаваемыя въ народныхъ собранiяхъ, простирались на всю Францiю. Слабость боль-

шей части Карловинговъ и безпорядки, произведенные во Франціи набѣгами Норманновъ, поощряли Бароновъ къ присвоенію независимой власти, дотолѣ неизвѣстной въ Государствѣ. Я выше показалъ свойство и обширность ея. Политическое соединеніе членовъ Королевства рушилось, и древнее учрежденіе государственное было низпровергнуто; остались только феодальныя отношенія между Королями и ихъ вассалами. Дѣйствіе самодержавной власти ограничилось предѣлами коронныхъ владѣній, которыя при послѣднихъ Карловингахъ были ничтожны. При первыхъ Короляхъ третьяго царственнаго Дома они заключались почти только въ наслѣдственныхъ земляхъ Гуга Капета, но даже и съ этимъ приращеніемъ были весьма тѣсны. Velly Hist. de France, tom. III, p. 32. Многія изъ самыхъ значительныхъ областей Франціи не признавали сперва Гуга Капета законнымъ Государемъ. Осталось нѣсколько грамотъ первыхъ лѣтъ его правленія; время ихъ написанія означалось замѣчательными словами: Deo regnante, rege expectante, или regnante Domino nostro Jesu Christo, Francis autem contra jus regnum usurpante Ugone rege. Bouquet Recueil, tom. X, p. 554. Монархъ, права котораго такъ явно оспоривались, не могъ ни утвердить своей власти, ни ограничить Баронской.

Всѣ эти обстоятельства облегчали Баронамъ средства къ присвоенію верховной власти въ своихъ владѣніяхъ. Капитуляріи пришли въ такое же забвеніе, какъ древніе законы; повсюду приняли руководствомъ мѣстные обычаи въ гражданскихъ дѣлахъ и при судопроизводствѣ. Удивительное невѣжество, распространившееся по Франціи въ IX и X столѣтіяхъ, благопріятствовало введенію Обычайнаго Права. Не многіе, кромѣ духовенства, умѣли читать; и какъ по этому нельзя было обращаться къ помощи писанныхъ законовъ для руководства въ дѣлахъ и для отправленія правосудія, то Обычайное Право и воцарилось повсемѣстно.

Въ продолженіе этого времени общее народное собраніе, кажется, не было сзываемо и ни разу не пользовалось законодательною властію. Всѣ дѣла производились и рѣшались по мѣстнымъ обычаямъ. Разительный тому примѣръ встрѣчается въ Французскомъ Правовѣдѣніи. Послѣдній изъ капитулярій, собранныхъ Балюзомъ, издалъ Карлъ Простой въ 921 году. Сто тридцать лѣтъ прошло съ этого времени до обнародованія перваго указа Королей изъ Дома Капетова, а первый указъ, который, кажется, простираетъ свою обязательную силу на цѣлое Королевство, принадлежитъ Филиппу Августу и относится къ 1190 году. Ordon. tom. 1, p. 1, 18. Въ этотъ двѣсти-шести-десяти-девятилѣтній періодъ всѣ дѣла производились по мѣстнымъ обычаямъ, и Французское положительное право не получило никакого приращенія. Указы, предшествовавшіе царствованію Филиппа Августа, содержатъ въ себѣ такія постановленія, вліяніе которыхъ не переходило за предѣлы Королевскихъ удѣловъ.

Встрѣчается много примѣровъ осторожности, съ какою Французскіе Короли сначала отваживались употреблять законодательную власть. Аб. Мабли приводитъ указъ Филиппа Августа (1206 года) о Жидахъ, принадлежавшихъ въ тотъ вѣкъ господамъ, во владѣніяхъ которыхъ они жили. Но это не столько изъявленіе высочайшей воли, сколько договоръ Короля съ Шампанскою Графинею и Графомъ Дампьеромъ, гдѣ постановленія, кажется, утверждены не его властію, а ихъ согласіемъ. Observat. sur l'Hist. de France. II, p. 355. Подобнымъ же образомъ указъ Людовика VIII о Жидахъ, изданный въ 1223 году, есть договоръ между Королемъ и дворянами, какъ имъ поступать съ этимъ несчастнымъ племенемъ людей. Ordon. tom. 1 p. 47. Les Establissemens de St. Louis, хотя и очень могли служить общими законами для цѣлаго Королевства, однако же были изданы, просто какъ полный сводъ Обычайнаго Права для употребленія въ Королевскихъ удѣлахъ. Мудрость, справедливость и поря-

докъ, сіяющіе въ этомъ сводѣ, доставили ему благосклонный пріемъ во всемъ Королевствѣ. Почтеніе къ добродѣтелямъ и благимъ намѣреніямъ его издателя не мало способствовали примиренію народа съ его законодательною властію. Вскорѣ послѣ Людовика Святаго, мысль о верховной законодательной власти Короля стала обыкновенна. Если, говоритъ Бомануаръ, Король издаетъ какое - либо учрежденіе собственно для своихъ удѣловъ, то Бароны могутъ держаться древнихъ обычаевъ; но если учрежденіе всеобщее, то ему должно распространиться по всему Королевству, и мы обязаны вѣрить, что оно сдѣлано по зрѣломъ разсужденіи и для блага общаго. Cout. de Beauvoisis, c. 48 p. 265. Хотя Короли третьяго царственнаго Дома во Франціи и не сзывали общаго народнаго собранія во весь продолжительный періодъ отъ Гуга Капета до Филиппа Прекраснаго, но, кажется, совѣщались съ Епископами и Баронами, которые случались при Дворѣ, о вновь издаваемыхъ законахъ. Примѣры тому есть въ Ordon. tom. 1, p. 3 и 5. Этотъ обычай, кажется, продолжался до Людовика Святаго, когда законодательная власть Королей прочно утвердилась. Ordon. 1246 года, tom. 1, p. 58. Внимательность къ Баронамъ облегчила Королямъ пріобрѣтеніе такой полной законодательной власти, что послѣ они могли пользоваться ею, не соблюдая уже этого обряда.

Собраніе такъ называемыхъ Чиновъ Государственныхъ происходило первый разъ въ 1302 году, и съ этого времени бывало по особеннымъ случаямъ до 1614 года, а потомъ уже болѣе не сзывалось. Оно было весьма отлично отъ прежнихъ народныхъ собраній при Меровингахъ и Карловингахъ. Французскіе Антикваріи ни въ чемъ такъ не согласны между собою, какъ въ утвержденіи, что Государственные Чины не подавали голоса при составленіи законовъ, и не имѣли никакой собственной законодательной власти. Цѣлая Французская Исторія подтверждаетъ это. Засѣданіе Чиновъ происходило слѣдую-

щимъ образомъ. Король, обращаясь къ цѣлому собранію объявлялъ причины, по которымъ созвалъ его. Представители каждаго изъ трехъ сословій, т. е. дворянскаго, духовнаго и средняго, отходили въ сторону и приготовляли письменные отвѣты (*cahier*) на предложенія, имъ сдѣланныя, съ приличными представленіями Королю. Король разсматривалъ въ Совѣтѣ своемъ эти отвѣты и представленія, которыя обыкновенно давали поводъ къ указамъ. Указы же не относились вообще ко всѣмъ тремъ сословіямъ. Иногда Короли издавали ихъ для каждаго въ особенности. Иногда упоминаютъ въ нихъ о собраніи трехъ Чиновъ, иногда же только того Чина, до котораго указъ касается; а не рѣдко въ указахъ и вовсе не упоминается о собраніи Чиновъ, которые подали мысль къ ихъ изданію. Préface au tom. III des Ordon. p. 20. Такимъ образомъ Государственные Чины пользовались только преимуществомъ совѣтовать и дѣлать представленія, законодательная же власть сосредоточивалась въ одномъ Королѣ.

Замѣчаніе XXXIX. Отдѣленіе III. Стран. 162.

Если смотрѣть на Парижскій Парламентъ, просто какъ на верховное судилище, то все, относящееся къ его учрежденію и власти, ясно и понятно. Это — древнее судилище дворца Королевскаго, вновь образованное, постоянное и облеченное правами обширными и опредѣленными. Мы будемъ говорить теперь не объ судебной его власти, но объ его притязаніяхъ на законодательство, на участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ управленіи Королевствомъ. Такъ какъ Чины Парижскаго Парламента первоначально избирались Королемъ, получали отъ него жалованье и смѣнялись иногда по его произволу (Chroniq. Scandaleuse de Louis XI, dans les Mém. de Comines, tom. II p. 51. Edit. de M. Lenglet de Fresnoy), то нельзя почитать ихъ за представителей народа, и они не могли требовать участія въ законодательной власти отъ имени послѣдняго. Мы должны

искать другой причины этого высокаго преимущества. — 1) Парламентъ сперва составляли знатнѣйшія особы въ Королевствѣ. Членами его были Перы Франціи, высшее духовенство и дворяне знаменитаго происхожденія, къ которымъ присоединяли нѣсколько клерковъ и совѣтниковъ, искусныхъ въ Законовѣдѣніи. Pasquier Recherches, p. 44, etc. Encycloped. tom. XII, Art. *Parlement*, p. 3, 5. Это судилище и образовало собственно собраніе Чиновъ Государственныхъ; оно было составлено изъ тѣхъ Бароновъ и приближенныхъ особъ (*fideles*), съ которыми Короли привыкли совѣтоваться во всякомъ дѣлѣ, касавшемся до судебной, или законодательной власти. И такъ, естественно было, что они въ междувременье собраній Чиновъ Государственныхъ совѣщались съ Парламентомъ, предлагали ему о всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и ожидали его одобренія и содѣйствія до обнародованія какого-либо указа. 2) При Карловингахъ Государственный Канцлеръ приготовлялъ по надлежащей формѣ каждый новый законъ, объявлялъ его народу и, по утвержденіи, долженъ былъ хранить его въ Государственномъ Архивѣ, чтобы давать съ него вѣрныя списки всѣмъ, кто потребуетъ. Hincm. de Ord. Palat. c. 16. Capitul. Carl. Calv. tit. 14, § 11, tit. 33. Канцлеръ предсѣдалъ въ Парижскомъ Парламентѣ при первомъ его учрежденіи. Encyclopédie, tom. III, art. *Chancelier*, p. 88. И такъ, очень естественно, что Короли оставили ему прежнюю должность приготовлять, объявлять и хранить указы. Къ древнему списку съ Капитулярій Карла Великаго присоединены слѣдующія слова: Anno tertio clementissimi domini nostri Caroli Augusti, sub ipso anno, haec facta Capitula sunt, et consignata Stephano Comiti, ut haec manifesta faceret Parisiis mallo publico, et illa legere faceret coram Scabineis, quod ita fecit, et omnes in uno consenserunt, quod ipsi voluissent observare usque in posterum, etiam omnes Scabinei, Episcopi, Abbates, Comites, manu propria subter signaverunt. Bouquet Recueil tom. V, p. 663. *Mallus* значитъ не только общее народное собраніе, но и судилище, под-

чиненное Графу, или Королевскому Намѣстнику. *Скабины* (*Scabini*) были въ немъ судьи, или засѣдатели. Вотъ, кажется, весьма ранній примѣръ, что законы не только объявлялись въ судилищахъ, но даже были скрѣпляемы подписью судей. Ежели такой обычай существовалъ, то онъ естественнымъ образомъ ввелъ обрядъ утвержденія указовъ въ Парламентѣ. Но я дѣлаю это заключеніе съ тою недовѣрчивостію къ самому себѣ, которую чувствовалъ во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ касательно законовъ и учрежденій Государствъ иностранныхъ. 3) Верховное судилище во Франціи получило имя Парламента, которымъ называлось общее народное собраніе при послѣднихъ Карловингахъ; а сходство названій имѣетъ удивительное вліяніе на образъ мыслей и на дѣйствія людей. Удержавъ прежнія названія чиновниковъ, которые существовали въ Римѣ при республиканскомъ правленіи, Августъ и его преемники отвлекли вниманіе народа отъ новыхъ правъ своихъ, облегчили для себя ихъ присвоеніе. Нареченіе однимъ именемъ двухъ судилищъ, весьма различныхъ между собою, не мало способствовало смѣшенію ихъ власти и должностей.

Всѣ эти обстоятельства побудили Королей Французскихъ избрать Парижскій Парламентъ орудіемъ законодательной своей власти. Французы, привыкнувъ, чтобы всѣ новые законы разсматривались и утверждались до своего обнародованія, не довольно чувствовали разницу: будетъ ли это дѣлаться въ народномъ собраніи, или въ судилищѣ, зависящемъ отъ Короля, и потому безпрекословно повиновались указамъ своихъ Государей.

Когда вошло въ обыкновеніе, чтобы Королевскіе указы *вносились въ протоколъ и скрѣплялись* въ Парижскомъ Парламентѣ, то онъ сталъ доказывать необходимость этого обряда для ихъ законной силы, и въ Правѣ Французскомъ было принято за основное положеніе, что безъ того ни одинъ законъ недѣйствителенъ. Roche-flavin des Parlemens de France, in 4. Gen. 1621,

p. 921. Парламентъ иногда съ великою твердостію отказывался утверждать и обнародывать Королевскіе указы. Рошъ-флавенъ говоритъ, что между 1562 и 1589 годами онъ не утвердилъ ихъ болѣе ста. Ibid. 925. Лимней привелъ много примѣровъ, съ какимъ мужествомъ Парламентъ отвергалъ вредные законы и вступался за собственныя права свои. Limnaei Notitiae Regni Franciae lib. I, c. 9, p. 224.

Но для поддержанія и защиты своего права, Парламентъ не имѣлъ достаточной силы. Когда Государь рѣшительно хотѣлъ привести въ исполненіе свой указъ, а Парламентъ отказывался утвердить и объявить его, то это упорство ни къ чему не служило. Король самъ являлся въ Парламентъ, занималъ свое мѣсто и повелѣвалъ указъ прочесть, скрѣпить, внести въ протоколъ и объявить въ своемъ присутствіи, основываясь на положеніи Французскаго Права, что въ присутствіи Короля прекращается власть и Парламента и всякаго другаго судилища. Adveniente Principe, cessat magistratus. Roche-flavin. Ibid. p. 928, 929. Encyclopédie, tom. IX. Art. *Lit. de Justice*, p. 581. Рошъ-флавенъ упоминаетъ въ примѣръ о нѣкоторыхъ Короляхъ, которые дѣйствительно пользовались этою властію. Паскье и Лимней приводятъ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. Rech. p. 61. Notitiae, p. 245. Такимъ образомъ право, основанное на законахъ, уничтожило всѣ усилія Парламента ограничить законодательную власть Королей.

Я не описывалъ устройства и власти ни одного Французскаго Парламента, кромѣ Парижскаго. Всѣ они образованы по его примѣру и все, сказанное мною объ немъ, простирается на нихъ во всей силѣ.

Замѣчаніе XL. Отдѣленіе III. Стран. 167.

Унизительное положеніе, въ которомъ Великій Императоръ испрашивалъ себѣ помилованія, такъ удиви-

тельно, что собственныя слова о томъ Григорія стоятъ здѣсь мѣста, и разительнымъ образомъ представляютъ высокомѣріе этого Первосвященника. Per triduum, ante portam castri, deposito omni regio cultu, miserabiliter, utpote discalceatus, et laneis indutus, persistens, non prius cum multo fletu apostolicae miserationis auxilium et consolationem implorari destitit, quam omnes, qui ibi aderant, et ad quos rumor ille pervenit, ad tantam pietatem et compassionis misericordiam movit, ut pro eo multis precibus et lacrymis intercedentes, omnes quidem insolitam nostrae mentis duritiem mirarentur; nonnulli vero in nobis non apostolicae sedis gravitatem, sed quasi tyrannicae feritatis crudelitatem esse clamarunt. Epist. Gregor. ap. Memorie della Contessa Matilda da Fran. Mar. Fiorentini. Lucca, 1756, vol. I, p. 174.

Замѣчание XLI. Отдѣление III. Стран. 175.

Описавъ подробно ходъ, перемѣны, всѣ особенности государственнаго учрежденія Германіи, я расположу по статьямъ, что̀ сверхъ того достойно вниманія.

1. Относительно могущества, власти и доходовъ Императорскихъ, можно составить весьма вѣрное понятіе, прочтя права Императоровъ, представленныя Пфеффелемъ въ два различные періода. Первый относится къ послѣднимъ Государямъ Саксонскаго Дома, или къ 1024 году. Тогда Императоры раздавали всѣ важныя духовныя мѣста въ Германіи и пользовались доходами отъ нихъ, пока они были не заняты; наслѣдовали имѣніе духовныхъ особъ, которые умирали, не оставивъ завѣщанія; располагали Папскимъ престоломъ; сзывали соборы для рѣшенія дѣлъ церковныхъ; давали Королевскій титулъ своимъ вассаламъ; жаловали праздныя лены; получали доходы съ Императорскихъ удѣловъ, отъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, налоги, пошлины, подати съ Жидовъ и конфискованныя имѣнія; управляли Италіею въ качествѣ настоящихъ ея Государей; учреждали вольные

города и заводили въ нихъ ярмарки; собирали Имперскіе Сеймы и назначали время ихъ продолженія; чеканили деньги и награждали этимъ правомъ Чины Имперскіе; пользовались верхнею и нижнею расправою въ различныхъ владѣніяхъ. Abrégé, p. 160. Второй періодъ начинается пресѣченіемъ Императорскаго Люксембургскаго и Баварскаго Дома, или съ 1437 года. Пфеффель говоритъ, что Императоры могли тогда награждать всѣми достоинствами и титлами, кромѣ преимущества быть Имперскимъ членомъ; назначать однажды въ свое правленіе дигнитарія въ каждый капитулъ; дѣлать исключенія относительно къ времени совершеннолѣтія; строить города и позволять чеканить деньги, сзывать Сеймы, и предсѣдательствовать на нихъ. Abrégé, etc. p. 507. Легко доказать достовѣрность словъ Пфеффеля и подтвердить ихъ свидѣтельствомъ самыхъ почтенныхъ писателей. Въ одномъ періодѣ Императоры являются могущественными Государями, имѣющими права обширныя, въ другомъ же — главами конфедераціи съ властію, весьма ограниченною.

Доходы Императоровъ уменьшились еще болѣе, нежели власть ихъ. Первые Императоры, особливо изъ Саксонскаго Дома, кромѣ обширныхъ наслѣдственныхъ земель, обладали большими удѣлами въ Италіи и Германіи, которые доставались имъ въ слѣдствіе ихъ достоинства; Италія принадлежала Императорамъ, какъ собственное ихъ Королевство, и доставляла имъ значительные доходы. Но въ этой же странѣ началось и уменьшеніе ихъ доходовъ. Италійскіе города, обогатившись и стремясь къ независимости, покупали себѣ свободу у различныхъ Императоровъ, какъ я упомянулъ въ Замѣчаніи XV. Эти Императоры и суммы, имъ заплаченныя, показаны Касп. Клокіемъ de Aerario Norimb. 1671. p. 85. etc. Карлъ IV и сынъ его Вѣнцеславъ лишились послѣднихъ удѣловъ въ Италіи. Германскіе удѣлы лежали большею частію на берегахъ Рейна и были управляемы Палатными Графами.

Не легко обозначить границы и опредѣлить значительность этихъ древнихъ удѣловъ, которые такъ долго принадлежали къ владѣніямъ различныхъ Государей. Нѣкоторое объясненіе по этому предмету можно найти въ словарѣ Спейделія подъ заглавіемъ: Speculum Juridico-Philologico-Politico-Historicum Observationum, etc. Norimb. 1673. vol. I, p. 679, 1045; а полнѣйшія свѣдѣнія находятся у Клокія de Aerario, p. 84. Кромѣ того Императорамъ принадлежали значительные участки посреди Герцожскихъ и Баронскихъ владѣній; часто посѣщая эти удѣлы, Императоры получали въ каждомъ достаточные доходы для временнаго въ немъ содержанія своего Двора. Annalistae, ap. Struv. tom. I, p. 611. Большая часть этихъ разсѣянныхъ земель была захвачена дворянами въ продолжительное междуцарствіе и во время войнъ, произведенныхъ раздорами Императоровъ съ Римскимъ Дворомъ. Въ то же время вмѣстѣ съ потерею недвижимой, или земельной собственности, Императоры лишились почти всѣхъ случайныхъ доходовъ, потому что ихъ присвоили себѣ Князья и Бароны. Pfeffel Abrégé, p. 374. Расточительность и неразумная гордость Карла IV истощила послѣдніе Императорскіе доходы. Въ 1376 г., желая склонить Электоровъ къ избранію сына своего, Вѣнцеслава, Королемъ Римскимъ, онъ обѣщалъ каждому изъ нихъ по сту тысячь кронъ. Но будучи не въ состояніи уплатить такой огромной суммы, онъ уступилъ тремъ Электорамъ изъ духовенства и Палатному Графу земли, еще принадлежавшія къ Имперскимъ удѣламъ на берегахъ Рейна со всѣми въ нихъ налогами и пошлинами. Триѳемій и сочинитель Магдебуржской Лѣтописи исчисляютъ земли и доходы, такимъ образомъ уступленныя, и называютъ это послѣднимъ гибельнымъ ударомъ для Императорской власти. Struv. Corp. vol. I, p. 437. Съ той поры остатки прежнихъ доходовъ Императорскихъ были такъ незначительны, что, по мнѣнію Спейделія, ихъ не только не доставало на содержаніе Двора, но даже на содержаніе почтъ, учрежденныхъ

въ Имперіи. Speidelii Speculum, vol. I, p. 680. Они продолжали все болѣе и болѣе уменьшаться. Въ 1546 г. Гранвелла, Министръ Карла V, утверждалъ въ присутствіи нѣкоторыхъ Князей Германскихъ, что Государь его вовсе не получаетъ денегъ отъ Имперіи. Sleid. History of the Reformation, Lond. 1689, p. 372. Теперь она также не приноситъ никакихъ доходовъ. Traité du Droit Publique de l'Empire par M. le Coq. de Villeray, p. 55. Со временъ Карла IV, котораго Максимиліанъ называлъ чумою Имперіи, Императоры совершенно зависѣли отъ своихъ родовыхъ владѣній въ могуществѣ и средствахъ къ содержанію.

2. Древній образъ избранія Императоровъ и различныя перемѣны, которымъ онъ подвергался, требуютъ нѣкотораго объясненія. Императоры, подобно большей части Европейскихъ Государей, были сперва избирательные. Между Антикваріями и правовѣдцами Германскими долго господствовало мнѣніе, что право избирать Императоровъ, по указу Оттона III, утвержденному Григоріемъ V около 996 года, принадлежало Архіепископамъ Майнцкому, Кельнскому и Трирскому, Королю Богемскому, Герцогу Саксонскому, Маркизу Бранденбургскому и Рейнскому Палатному Графу. Но вся Исторія противорѣчитъ этому мнѣнію. Кажется, что въ Германіи съ самыхъ раннихъ временъ особа, которой надлежало царствовать надъ всѣми, избиралась съ общаго согласія. Такимъ образомъ иные лѣтописцы говорятъ, что Конрадъ I былъ избранъ цѣлымъ народомъ Франковъ; другіе— всѣми Князьями и главными сановниками; а нѣкоторые — всѣми подданными. Смотр. слова ихъ. Struv. Corp. 211. Conringius de German. Imper. Repub. Acroamata Sex. Ebroduni, 1654, p. 103. Въ 1024 году, позднѣе мнимаго указа Оттона III, Конрадъ II былъ возведенъ на престолъ первыми сановниками Государства съ согласія народа. Struv. Corp. 284. При избраніи Лотарія II, въ 1125 г., присутствовало 60,000 человѣкъ всякаго состоянія. Главные сановники нарекли его

Императоромъ при всеобщемъ одобреніи народа. Struv. Ibid. p. 357. Первый писатель, упоминающій о семи Электорахъ, есть Мартинъ Полонъ, жившій въ правленіе Фридриха II, которое кончилось въ 1250 году. Во всѣхъ прежнихъ избраніяхъ, мною приведенныхъ, самые могущественные Князья получали право отъ своихъ соотечественниковъ возвести въ Императоры кого пожелаютъ, а народъ утверждалъ выборъ ихъ, или не одобрялъ его. Германскіе законовѣдцы называли сперва преимущество подавать голосъ при избраніи въ Императоры: *Jus Praetaxationis*. Pfeffel Abrégé, p. 316. Это было началомъ исключительнаго права, пріобрѣтеннаго Электорами. Владѣнія у нихъ были обширнѣе, нежели у прочихъ Имперскихъ Князей; всѣ первѣйшія государственныя должности находились въ ихъ рукахъ по наслѣдству; какъ скоро они получили право *praetaxationis* при избраніи Императоровъ, то духовные и Бароны низшей степени перестали ѣздить на Сеймы, открываемые съ этою цѣлію, потому что не могли имѣть собственнаго мнѣнія, а должны были соглашаться во всемъ съ Электорами, и, какъ люди, совершенно лишніе въ ихъ присутствіи, не хотѣли напрасно терять денегъ на содержаніе своихъ вассаловъ, которыхъ брали съ собою для безопасности въ дорогѣ. Родственники и союзники семи Электоровъ, участвуя въ ихъ славѣ и вліяніи, поддерживали права ихъ. Pfeffel Abrégé, p. 376. Семь Электоровъ почитались представителями всѣхъ чиновъ, которые составляли высшее Германское дворянство. Между ими находились три Архіепископа, бывшіе Канцлерами трехъ большихъ округовъ, на которые въ древности раздѣлялась Имперія, одинъ Король, одинъ Герцогъ, одинъ Маркизъ и одинъ Графъ. Всѣ сказанныя обстоятельства способствовали легкому введенію избирательнаго права Электоровъ въ государственное учрежденіе Германіи. Все, что есть замѣчательнаго по этой части, хорошо объяснилъ Онуфрій Панвиній, Авгу-

стинскій монахъ изъ Вероны, жившій въ царствованіе Карла V. Пристрастно говоря о Папскихъ правахъ въ Имперіи, онъ принадлежитъ однако къ числу первыхъ писателей, которые разбирали сомнительныя историческія мѣста съ критическою точностію и съ должнымъ вниманіемъ къ доказательствамъ, находящимся въ архивныхъ бумагахъ, и къ свидѣтельству современныхъ Историковъ. Гольдастъ включилъ его сочиненіе въ свою Politica Imperialia, p. 2.

Пріобрѣтя исключительное право избирать Императоровъ, Электоры присвоили себѣ власть и смѣнять ихъ. Она была не мнимая, они пользовались ею неоднократно. Въ 1298 году часть Электоровъ низвела съ престола Адольфа Нассавскаго, избравъ на мѣсто его Альберта Австрійскаго. Впрочемъ, это происшествіе случилось по заговору, а не для блага общаго. Struv. Corp. vol. I, 540. Въ первый годъ пятнадцатаго вѣка Электоры лишили Вѣнцеслава Императорскаго достоинства и возложили корону на главу Руперта, Палатнаго Электора; актъ низверженія до сихъ поръ существуетъ. Goldasti Constit. vol. I, p. 379. Оно произведено именемъ и властію Электоровъ и подтверждено нѣкоторыми Прелатами и Баронами Имперіи, которые при этомъ присутствовали. Такое могущество Электоровъ показываетъ, какъ низко упала власть Императорская.

Прочія преимущества Электоровъ и права Электоральнаго Собранія изложены сочинителями Публичнаго Германскаго Права.

3. Если бы я писалъ частную Исторію Германіи, то въ отношеніи къ Сеймамъ, или Общимъ Имперскимъ Собраніямъ мнѣ надлежало бы подробно показать, какимъ образомъ они были сзываемы, кто имѣлъ право въ нихъ присутствовать, какъ они раздѣлялись, о чемъ въ нихъ разсуждали, какъ производились споры и подавались голоса

и какую силу имѣли сеймскіе указы. Но въ общей Исторіи довольно замѣтить, что первоначально Имперскіе Сеймы были совершенно такіе же, какъ Мартовскія и Майскія собранія во Франціи. Они происходили по крайней мѣрѣ однажды въ годъ. Каждый свободный человѣкъ имѣлъ право въ нихъ присутствовать. Это были собранія, гдѣ Государь разсуждалъ съ своими подданными объ общей ихъ пользѣ. Arumaeus de Comitiis Rom. German. Imperii, 4to, Jenae, 1660, cap. 7. No 20, etc. Но когда Князья, высшее духовенство и Бароны пріобрѣли помѣстную и независимую власть, то Сеймъ сталъ собраніемъ отдѣльныхъ чиновъ государственныхъ, составлявшихъ конфедерацію, главою которой былъ Императоръ. Пока правленіе Имперіи сохраняло первообразный свой видъ, то присутствіе на Сеймѣ вмѣнялось членамъ его въ долгъ непремѣнный, подобно другимъ обязанностямъ феодальныхъ подданныхъ въ отношеніи къ ихъ Государю. Кто изъ членовъ не являлся на Сеймъ, не только терялъ право подавать голосъ, но и долженъ былъ заплатить тяжкую пеню. Arumaeus de Comit. c. 5. No 40 Какъ скоро сеймскіе члены стали независимыми Государственными Чинами, то право голоса начало относиться къ владѣнію и достоинству, а не къ лицу. Если члены не могли, или не хотѣли сами присутствовать, то посылали депутатовъ, какъ Государи отправляютъ посланниковъ, уполномочивая ихъ всѣми своими правами. Ibid. No 42, 46, 49. Въ послѣдствіи времени тѣ члены, которые имѣли болѣе одного изъ достоинствъ, дававшихъ право присутствовать на Сеймѣ, получили соразмѣрное число голосовъ. Pfeffel Abrégé, 622. Имперскіе города, пріобрѣтя независимость, приняты были въ члены Сейма на томъ основаніи, что онъ есть собраніе Чиновъ независимыхъ. Власть его объемлетъ всё, что относится до общаго блага Германіи, и что важно для нея, какъ для конфедераціи. Онъ не входитъ во внутреннее управле-

ніе различныхъ земель, ее составляющихъ, если того не требуетъ общественная безопасность.

4. Относительно Имперской Камеры нужно замѣтить, что она была учреждена для прекращенія бѣдствій, которымъ Германія подвергалась отъ междоусобныхъ войнъ, и служила въ ней главнымъ источникомъ порядка и спокойствія. Въ Германіи междоусобія, кажется, были чаще и вреднѣе, нежели въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Тому есть ясныя причины. Германское дворянство, по своей чрезвычайной многочисленности, имѣло тысячи поводовъ къ раздорамъ. Помѣстныя права, имъ присвоенныя, были полнѣе, нежели у дворянъ въ другихъ Государствахъ. Оно пріобрѣло дѣйствительную независимость и требовало себѣ всѣхъ ея преимуществъ. Продолжительное междуцарствіе пріучило его къ неограниченной вольности, изгладило изъ его памяти подчиненность, необходимую для поддержанія общественнаго спокойствія. Въ то время, какъ могущество и доходы другихъ Европейскихъ Государей увеличивались и придавали новую силу ихъ правленію, власть и доходы Императоровъ становились все менѣе. Имперскіе Сеймы, которые одни только были въ правѣ разбирать дѣла могущественныхъ Бароновъ и имѣли силу принуждать ихъ къ повиновенію своимъ рѣшеніямъ; сбирались весьма рѣдко. Conring. Acroamata, p. 234. На Сеймахъ присутствовало часто по нѣскольку тысячь членовъ. Chronic. Constant. ap. Struv. Corp. 1, p. 546. Это были шумныя собранія, гдѣ споры о правахъ не могли зрѣло обсуживаться. Засѣданія продолжались только два, или три дни (Pfeffel Abrégé, p. 244); недоставало времени выслушать и разобрать дѣла, хотя нѣсколько запутаннаго. Такимъ образомъ Германія была какъ бы оставлена безъ судилища, способнаго прекратить междоусобныя войны.

Всѣ средства, употребленныя въ прочихъ Европейскихъ Государствахъ для уничтоженія этого обычая, опи-

санныя мною въ Замѣчаніи XXI, были испытаны въ Германіи съ малымъ успѣхомъ. Союзы между дворянами и городами и раздѣленіе Германіи на округи вышли также безполезны. Какъ уже къ послѣднему пособію, Германцы прибѣгли къ посредникамъ, которыхъ называли *Austregae*. Бароны и Государственные Чины въ различныхъ частяхъ Германіи условились отдавать на ихъ сужденіе всѣ свои споры и покоряться ихъ рѣшеніямъ. Объ этихъ посредникахъ упоминается въ Людовиковомъ Reliquae Manuscr. omnis aevi, vol. p. II, 212. Они избирались иногда по обоюдному согласію враждующихъ, иногда назначали ихъ посторонніе люди, а иногда выборъ дѣлался по жребію. Datt de Pace Publica Imperii, lib. 1, c. 27. No 60 и т. д. Speidelii Speculum etc. voc. *Austreg*. p. 95. По введеніи этого обычая, общественныя судебныя мѣста стали большею частію безполезны и были почти совершенно оставлены.

Желая возстановить силу правленія, Максимиліанъ учредилъ Имперскую Камеру въ сказанное мною время. Это судилище первоначально составляли: предсѣдатель изъ знатнѣйшихъ дворянъ и шестнадцать судей. Предсѣдателя назначалъ Императоръ, а судей частію онъ же, частію Государственные Чины, отъ которыхъ они получали и свое жалованье. Имперская Камера была сперва учреждена въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ царствованіе Карла V ее перевели въ Шпейеръ, гдѣ она и существовала болѣе полутора вѣка. Теперь находится она въ Вецларѣ, завѣдываетъ всѣ гражданскія дѣла Имперскихъ Чиновъ и рѣшаетъ ихъ окончательно. Кромѣ того принадлежитъ ей право судить преступленія, нарушающія общественное спокойствіе. Pfeffel Abrégé, 560.

Авлическій Совѣтъ занимается всѣми дѣлами, которыя касаются до Феодальнаго Права и до Италійскихъ земель, зависящихъ отъ Имперіи. Онъ былъ образованъ по примѣру древняго Дворцоваго Приказа, учрежденнаго Германскими Императорами, и зависѣлъ не отъ Государственныхъ Чиновъ, но отъ Императора, который имѣлъ

право назначать въ немъ судей по своей волѣ. Желая вознаградить уменьшеніе своей власти отъ правъ, дарованныхъ Имперской Камерѣ, Максимиліанъ, въ 1512 году, склонилъ Сеймъ къ учрежденію Авлическаго Совѣта. Съ тѣхъ поръ Вѣнской Дворъ болѣе всего старался распространить и поддержать власть его, ограничивая и ослабляя преимущества Имперской Камеры. Ея медленное судопроизводство доставляло въ тому предлоги Императорамъ. *Lites Spirae*, какъ выражаетъ игрою словъ одинъ Германскій законовѣдецъ, *spirant, sed nunquam expirant*. Этотъ недостатокъ неизбѣженъ въ судѣ, члены котораго избираются Государственными Чинами, завидующими другъ другу. Напротивъ того члены Авлическаго Совѣта, завися отъ одного главы, дѣятельнѣе и рѣшительнѣе. Puffendorf de Statu Imper. Germ. cap. 5, § 20. Pfeffel Abrégé, p. 581.

Замѣчаніе XLII. Отдѣленіе III. Стран. 179.

Мое описаніе Турецкаго правленія согласно съ извѣстіями самыхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, которые посѣщали Турецкую Имперію, кромѣ Графа Марсильи, издавшаго разсужденіе объ ея военномъ состояніи (глав. 6), и сочинителя напечатанныхъ въ Лондонѣ (1768 года, vol. 1, p. 81) наблюденій относительно вѣры Турковъ, ихъ законовъ, правленія и нравовъ. Долго живя въ Турціи, они оба имѣли случай замѣтить порядокъ и законность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ правленія, и потому, кажется, не хотятъ, чтобы его называли деспотическимъ. Но если образъ правленія въ какой нибудь странѣ и носитъ это имя, то не должно предполагать, чтобы дѣйствія верховной власти заключались въ непрестанномъ насиліи, несправедливости и жестокости. Правленіе всякаго рода, когда только не кровожадный тиранъ владѣетъ скипетромъ, бываетъ сообразно началамъ справедливости и, если не дѣятельно заботится о благѣ общемъ, то конечно не

имѣетъ цѣлію и погибели народа. Гдѣ же Государь полновластно начальствуетъ сильнымъ войскомъ и располагаетъ большими доходами, гдѣ народъ лишенъ всѣхъ правъ и не имѣетъ ни непосредственнаго ни отдаленнаго участія въ законодательствѣ, гдѣ нѣтъ родоваго дворянства, которое, сберегая собственныя права и отличія, составляетъ посредствующее сословіе между Государемъ и народомъ; тамъ правленіе—деспотическое; иначе нельзя назвать его. Войско и Вѣра много ограничиваютъ Султановъ, впрочемъ не такъ, чтобы измѣнить сущность и имя правленія. Деспотическій Государь, поддерживая свое могущество вооруженною силою, передаетъ ей верховную власть. Преторіанцы въ Римѣ располагали престоломъ, даже умерщвляли своихъ Государей, какъ Янычары въ Константинополѣ; а не взирая на то, всѣ политическіе писатели почитали Римскихъ Императоровъ деспотами.

Замѣчание XLIII. Отдѣление III. Стран. 179.

Всѣ, писавшіе что нибудь о Турецкомъ правленіи, говорятъ объ учрежденіи, военномъ устройствѣ и преимуществахъ Янычаръ. Князь Кантемиръ слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ, какое средство было употреблено для внушенія имъ храбрости. Амуратъ I, образовавъ полки изъ плѣнныхъ юношей, послалъ ихъ къ Гаи Бекташу, для того, чтобы онъ принесъ молитву объ успѣхѣ ихъ оружія, далъ имъ знамя и имя. Турецкій святой, славный даромъ чудотворенія и пророчества, положивъ рукавъ своего платья на одного изъ ихъ предводителей, сказалъ: нарекаю васъ *Енгичери*; да будетъ видъ вашъ всегда гордъ, мечь остръ, рука побѣдоносна; да трепещутъ васъ непрестанно враги ваши, и да сіяетъ всегда лице ваше торжествомъ при возвращеніи съ поля брани. History of the Ottoman Empire, p. 38. Число Янычаръ при первомъ ихъ учрежденіи было незначи-

тельно. При Солиманѣ, въ 1521 г., оно простиралось до 12 тысячь, а съ этого времени все болѣе и болѣе возрастало. Marsigli Etat, etc. ch. 16, p. 68. Хотя Солиманъ обладалъ такими способностями и властію, что могъ держать это страшное войско въ повиновеніи, однако нѣкоторые прозорливые наблюдатели еще въ томъ вѣкѣ предвидѣли въ Янычарахъ наклонность къ ограниченію Султанской власти. Николай Долфинейскій, сопровождавшій Арамона, посланника отъ Генриха II, Короля Французскаго, къ Солиману, издалъ описаніе своихъ путешествій, въ которомъ прославляя ратное устройство Янычаръ, въ то же время предрекаетъ, что они нѣкогда сдѣлаются опасными для своихъ Государей, будутъ въ Константинополѣ тѣмъ же, чѣмъ Преторіанцы были въ Римѣ. Collection of Voyages from the Earl of Oxford's library, vol. 1, p. 559.

Замѣчаніе XLIV. Отдѣленіе III. Стран. 181.

Солиманъ Блистательный, которому Турецкіе Историки дали проименованіе *Canuni*, или законодателя, первый привелъ въ надлежащій порядокъ финансы и военныя учрежденія Турецкой Имперіи. Онъ раздѣлилъ военную силу на *Капикулей*, или воинство Порты, которое составляло рать постоянную, и на *Серратакулей*, или ополченія пограничныя, которыя содержали владѣтели Тимаріотствъ и Зіамствъ. Это были участки земли, жалуемые въ пожизненное владѣніе почти такимъ же образомъ, какъ лены, съ условіемъ военной службы. Солиманъ, въ своемъ Уложеніи, означилъ съ великою точностію пространство этихъ земель въ каждой области своей Имперіи, опредѣлилъ какое число воиновъ выставлять каждому Тимаріоту и Зіаму и какое давать воинамъ жалованье на службѣ. Извлеченіе, которое Графъ Марсильи и Павелъ Рико сдѣлали изъ этого Уложенія, показываетъ, что обыкновеннаго Ту-

рецкаго войска было болѣе полуторасша тысячь; а съ Капикулями оно составляло вооруженную силу, далеко превосходившую числомъ рати всякаго Христіанскаго Государства въ XVI столѣтіи. Marsigli Etat Militaire, etc. p. 136. Rycaut Etat de l'Empire Turc, liv. III, ch. 2. Такъ какъ Солиманъ въ дѣятельное свое правленіе воевалъ безпрестанно, и полки его всегда находились въ походахъ, то *Серратакули* почти сравнялись съ Янычарами въ устройствѣ и храбрости.

И такъ не удивительно, что писатели шестнадцатаго столѣтія отдаютъ Туркамъ превосходство надъ Христіанами въ военномъ дѣлѣ. Гвичардини говоритъ, что Итальянцы переняли у Турковъ искусство укрѣплять города. Hist. lib. XV, p. 266. Бусбекій, посланникъ Фердинандовъ при Солиманѣ, имѣвшій случай замѣтить состояніе Христіанскихъ и Турецкихъ войскъ, издалъ сочиненіе, какъ лучше вести войну противъ Турковъ, гдѣ весьма подробно излагаетъ великое преимущество Невѣрныхъ въ ратномъ порядкѣ и военныхъ учрежденіяхъ всякаго рода. Busbequii Opera, edit. Elzevir, p. 393, etc. Можно бы привести свидѣтельство и другихъ писателей, если бы дѣло было сомнительно.

Прежде нежели я заключу Доказательства и Объясненія, мнѣ должно сказать причину двухъ пропусковъ въ нихъ; объ одномъ необходимо упомянуть собственно для меня самаго, объ другомъ — въ предупрежденіе недоумѣній.

Описывая правленіе, нравы, просвѣщеніе и торговлю въ средніе вѣки, равнымъ образомъ излагая государственныя учрежденія различныхъ земель Европейскихъ въ началѣ XVI столѣтія, я ни разу не сослался на Вольтера, который въ своемъ *Essay sur l'Histoire générale* обозрѣваетъ тотъ же самый періодъ и разсуждаетъ о тѣхъ же предметахъ. Я уважаю творенія этого необыкновеннаго человѣка, этого смѣлаго, всеобъемлющаго ге-

нія, испытавшаго себя почти во всѣхъ родахъ Словесности. Во многихъ Вольтеръ превосходенъ. Во всѣхъ, гдѣ онъ не касается Религіи, поучителенъ и пріятенъ. Но онъ рѣдко подражаетъ примѣру новѣйшихъ Историковъ— означать писателей, которыми руководствовался, и потому я не могъ утверждаться на немъ, говоря о дѣлахъ сомнительныхъ и малоизвѣстныхъ. Однакожъ онъ часто свѣтилъ мнѣ въ моихъ розысканіяхъ и не только указывалъ, что было важно для изслѣдованія, но даже научалъ, какія выводить изъ того приличныя заключенія. Если бы онъ въ то же время ссылался на книги, откуда заимствовалъ свои свѣдѣнія, то большая часть моего труда была бы не нужна, и многіе изъ читателей, для которыхъ Вольтеръ теперь не что иное, какъ писатель занимательный и остроумный, нашли бы въ немъ Историка ученаго и начитаннаго.

Кромѣ этого пропуска, я не входилъ въ подробности о древнихъ законахъ и обычаяхъ Королевствъ Британскихъ. Это казалось мнѣ излишнимъ, потому что большая часть моихъ читателей знаетъ все главное въ отношеніи къ постепенному совершенствованію правленія и нравовъ въ нашемъ отечествѣ. Факты же и замѣчанія, необходимые для полноты этой части моего сочиненія, помѣстилъ я въ ней, гдѣ было должно. По сходству правленія во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, прилѣжное изслѣдованіе законовъ и обычаевъ на твердой землѣ было бы всего полезнѣе, чтобы объяснить ходъ правленія въ Англіи. Но антикваріи и законовѣдцы наши, исполненные удивленія къ благотворному государственному учрежденію, которое теперь существуетъ въ ней, обратили почти все свое вниманіе на его формы и правила, мало занимаясь тѣмъ, что было и какъ мыслили во времена отдаленныя. Я же, читая законы, грамоты и раннія лѣтописи Королевствъ твердой земли, часто имѣлъ причины думать, что опытъ пока-

зать Исторію законодательства и политическаго устройства въ Англіи сравнительно съ ихъ Исторіею въ другихъ Государствахъ, будетъ весьма полезенъ, прольетъ яркій свѣтъ на предметы, теперь еще темные, и рѣшитъ много недоумѣній и споровъ.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

ПЕРВОМУ ТОМУ.

А.

B.

Г.

Ж.

И.

К.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Конецъ перваго тома.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Напечатано:			Должно читать:
Стран.	Строк.		
1	8	которые называли	которые они называли
25	7	Владѣнія далекія	Владѣнія, далекія
48	28	единокровныхъ	родныхъ
71	17	передметамъ	предметамъ
73	28	какаго	какого
78	13	торголю	торговлю
78	36	эначительно	значительно
86	17	ни какихъ	никакихъ
97	7	1443	1445
98	18	быстрою,	быстрою
115	29	пірбрѣли	пріобрѣли
121	26	рязглашаемыя	разглашаемыя
127	31	назызаетъ	называетъ
133	1	подзависимую	подчиненную
134	27	неизгадимое	неизгладимое
142	21	подзависимыхъ	подчиненныхъ
143	28	позволепія	позволенія
165	16	миръ	міръ
165	24	Это	Этого
171	23	Гррманскаго	Германскаго
173	10	и владѣтелей	, — семь владѣтелей
177	5	Македонсаго	Македонскаго
187	1	ризительную	разительную
188	35	Когдя	Когда
190	8	пнсатель	писатель
192	36	во всѣхъ	не только въ тѣхъ
196	13	правахъ	правахъ

Напечатано:			Должно читать:
Стран.	Строк.		
201	12	осталять	оставлять
207	27	зебя	себя
208	23	частные люди, сами посебѣ, безъ	частные люди, безъ
211	28	введеденіи	введеніи
215	4	землями безъ условія, или	землями, или
233	21	порядкамъ	порядкомъ
216	30	*Consuales*	*Censuales*
255	16	измѣнника	измѣнники
261	18	и теперь, а	и теперь, и
281	23	1172 года	(1172 года)
283	13	Протло	Прошло
288	7	а въ Исторіи	въ Исторіи
296	23	tebescendo	tabescendo
309	17	въ Италіи	въ Испаніи
314	25	шляпу	шляпы
319	34	consensum	consensu
333	1	стоятъ	стоютъ
351	12	Комбрейскаго	Камбрейскаго
352	9	258	259
363	19	свего	своего
364	13	Евпропу	Европу.

